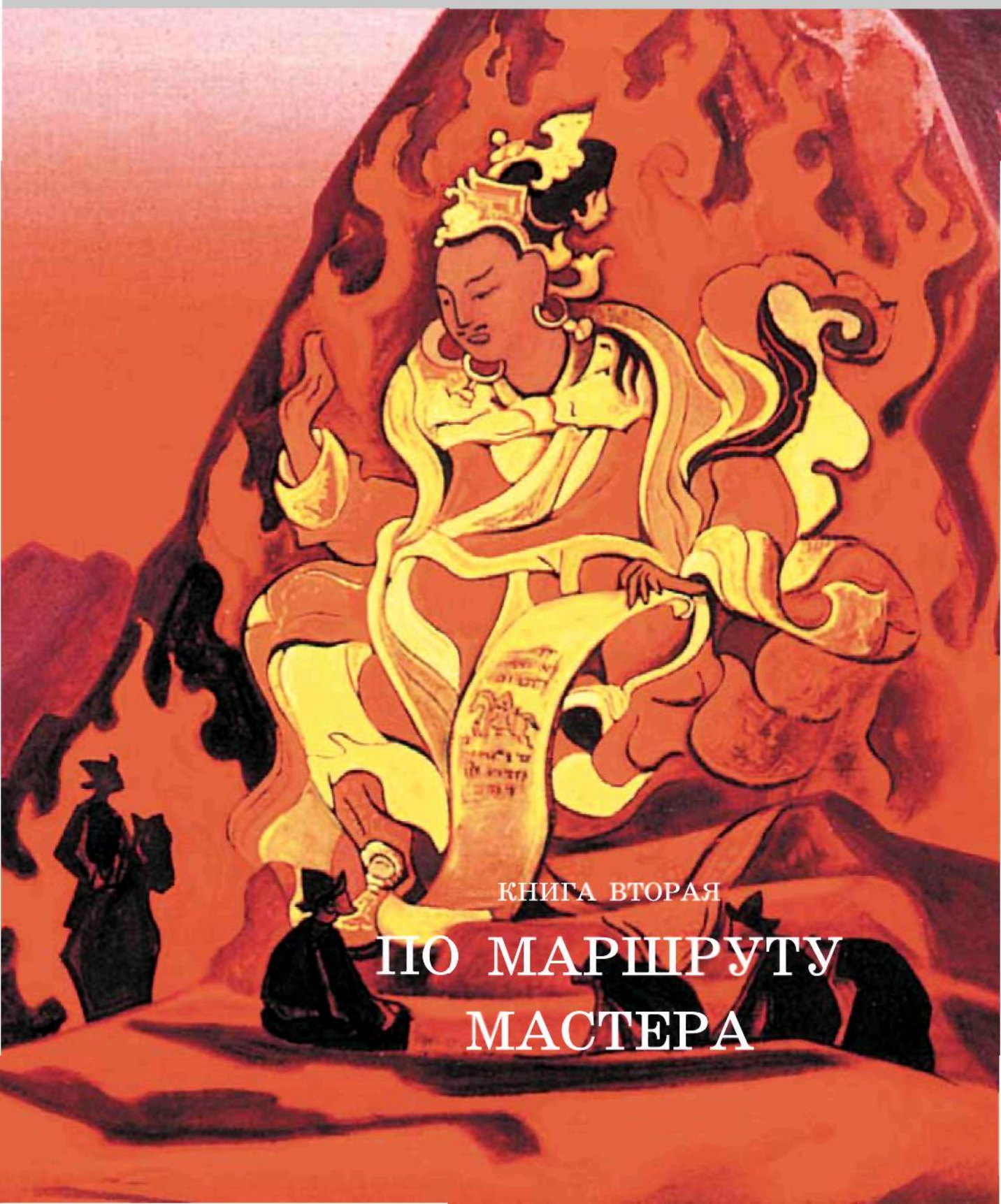

Л.В.ШАПОШНИКОВА
ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

КНИГА ВТОРАЯ

ПО МАРШРУТУ
МАСТЕРА

ББК 26.89
Ш 24

Л.В. Шапошникова

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Книга вторая. ПО МАРШРУТУ МАСТЕРА. II

Москва, Международный Центр Рерихов, 2000, 544 с, илл.

Вниманию читателя предлагается вторая книга Л.В.Шапошниковой из трилогии «Великое путешествие» — «По маршруту Мастера» (первая книга, «Мастер», увидела свет в 1998 году и сразу же завоевала сердца читателей). Людмила Васильевна Шапошникова — известный ученый-индолог и исследователь творческого наследия Н.К.Рериха — прошла по маршруту его Центрально-Азиатской экспедиции в 1970-е годы. Удивительные по красоте пейзажи Алтая и Гималаев, история, обычаи и культура народов, населяющих эти места, встречи с разными людьми, беседы о Рерихах — таково содержание этой живо и увлекательно написанной книги.

Для широкого круга читателей.

На обложке: *Н.К.Рерих. Приказ Ригден-Джапо*

ISBN 5-86988-066-1

© Л.В.Шапошникова, текст, цветные фотографии, составление, 2000
© Международный Центр Рерихов, 2000

Маршрут Центрально-Азиатской экспедиции

IV. ЗЕМЛЯ РИШИ

Где проходили орды великих монголов? Где скрылось исчезнувшее колено израилево? Где «Трон Соломона»? Где пути Христа-странника? Где зарево шаманского бон — религии демонов? Где Шалимар — сады Джахангира? Где пути Памира, Лхасы, Хотана? Где таинственная пещера Амарнатха? Где тропа великого Александра к забытой Таксиле? Где стены Акбара? Где учил Ашвагхоша? Где созидал Авантисвамин? Где твердыни Чандрагупты Маурии? Где мудрые камни царя Ашоки? Все прошло по Кашмиру. Здесь старые пути Азии. И каждый караван мелькает, как звенья сочетаний великого тела Востока.

И песчаные пустыни на пути к Пешавару. И синие вершины Сонамарга. И белые склоны Соджи-ла. И в полете орлов — тот же неутомимый дух. И в резвых конях — то же непреклонное движение. И мир роз и шалей кашмирских не похож на забытый и скрытый мир кашмирских клинков.

Н.К.Рерих. Алтай — Гималаи

Маршрут автора по Кашмиру

1. САД УТРЕННЕГО ВЕТРА

Ажурна, непрочна красота Кашмира. Трудно представить себя в мощной Азии.

Н.К. Перих

Каждый день я открываю дверь и выхожу прямо в Кашмир, в сказочный Сад утреннего ветра — Насимбаг. Сад действительно сказочный, без всякого преувеличения. Он весь золотисто-красный. Резные листья чинар горят всеми оттенками пламени. Под ветром они не шумят, а позванивают тонко и нежно. И кажется, что эти листья не настоящие, а искусно вырезаны

из неведомого материала и специально укреплены на ветках могучих старинных стволов. Время от времени они срываются с ветвей, долго кружатся в синем воздухе и плавно опускаются на землю. Вся земля в Саду усеяна ими. В них утопает нога, они шуршат и, кажется, поют о чем-то. О чем? Наверное, об этой земле, об утреннем ветре и древнем озере по имени Дал, на берегу которого несколько веков тому назад посадили этот сад. Озеро большое и бирюзовое. Из-за синих гор, стоящих на его противоположном берегу, каждый день дует утренний ветер и поднимается солнце. И тогда на мгновение стволы чинар становятся розовыми и красными, как и их резные листья. И над озером плывет розовый туман.

Но синий цвет вступает в борьбу с розовым, побеждает, и все снова вокруг становится синим. По туманной поверхности озера скользят низко сидящие в воде лодки и похожие на гондолы шикары. Те, кто правят шикарами, как и гондольеры, любят песни. Песни эти, печальные и протяжные, временами похожие на плач, уносятся к горным вершинам и растворяются в их синеве. Шикары — узкие, ярко раскрашенные, под балдахинами на сиденьях лежат мягкие подушки. Они подходят к берегу, к дощатым причалам, у которых всегда толпится народ. Лодочники зазывают желающих и расхваливают достоинства своих шикар. Народ у причалов в основном состоит из мужчин, женщин почти не видно. На мужчинах темные кашмирские перены — длинные балахоны с широкими рукавами. Когда холодно, рукавами не пользуются, и они становятся похожи на поникшие крылья какой-то диковинной птицы. Да и сами кашмирцы напоминают мне птиц. Любопытные, веселые и беззаботные, как птицы, они наполняют прибрежные базарчики, куда на лодках подвозят фрукты, овощи и всякую иную снедь. С утра до вечера люди толкуются на берегах озера, на автобусной остановке, у

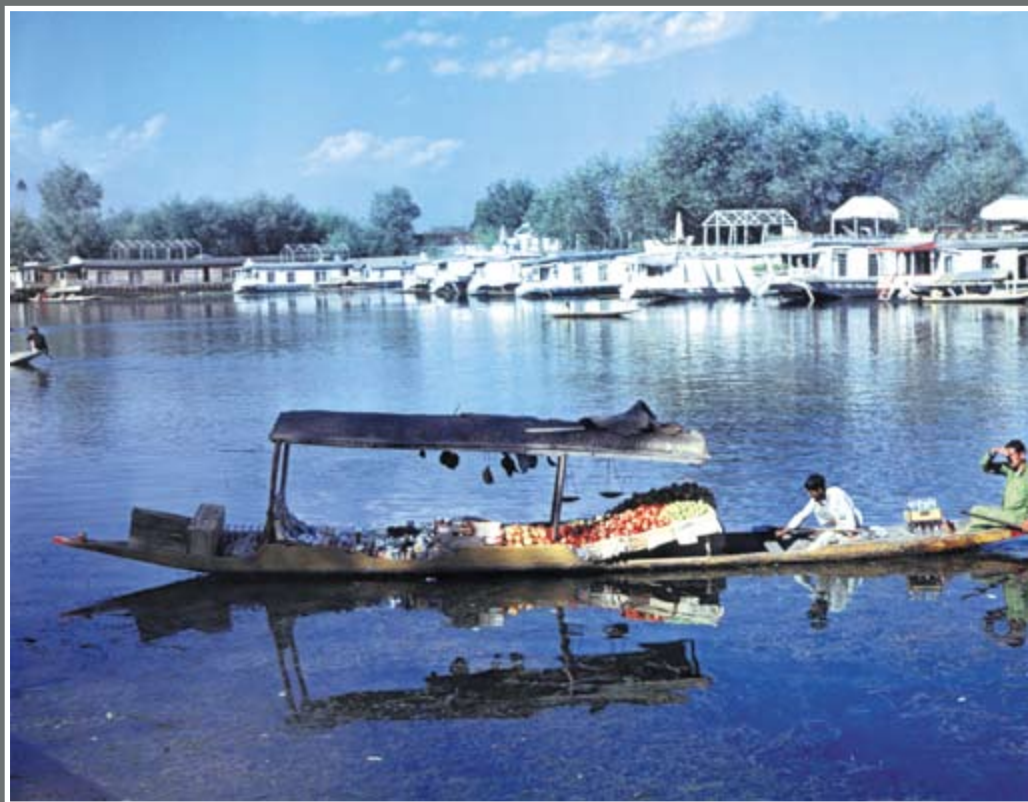
Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

маленьких лавчонок, подремывают под кустами прибрежных роз.

Мне не ясно, где и когда они работают. Но это, в конце концов, и не важно. Здесь, между Садам утреннего ветра и древним озером, идет своя, непохожая на нашу жизнь. В ней что-то от прошлого. От того прошлого, когда здесь проходила старинная караванная дорога из Центральной Азии в Индию. На этом пути всегда шли оживленная торговля и обмен. Сюда стекались ремесленники, кашмирские купцы, бродячие торговцы, певцы, и музыканты, и просто люди, свободные от всяких дел. Временами мне кажется, что те, которые беззаботно греются в последних теплых лучах осеннего солнца, просто ждут каравана. Но все караваны давно уже прошли. Однако люди в темных перенас с рукавами-крыльями продолжают ждать и надеяться. Приходит новый день, а с ним и новая надежда. Призрачная и иллюзорная, как облака и туманы, плывущие над озером и горами.

Я всматриваюсь в лица людей. Большинство из них красивы. Красивы утонченной, рафинированной красотой.

В Индии красивых людей много, но кашмирцы в этом отношении превзошли всех. Их красота настолько изысканна и совершенна, что временами у меня возникает ощущение, что природа все свое вдохно-

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

вание и творческие возможности отдала людям этой долины. Точеные лица, матовый оттенок кожи, большие, удлинённой формы глаза, иногда синие, чистого оттенка. В Кашмире были красивы не только люди. Была красива сама долина, ее горы и озера. Были красивы облака, туманы, восходы и закаты. Вся Кашмирская долина была наполнена красотой. И так много ее было, что долина временами казалась неправдоподобной и какой-то неустойчивой. В ней было что-то от древнего волшебства, и иногда чудилось, что магическое мерцающее зеркало, отражающее эту сказочную красоту, не выдержит и неожиданно погаснет...

Совсем рядом с Садам утреннего ветра находился город, таинственный и шумный, непохожий на другие города Индии. Он был древним сердцем долины. Город назывался Сринагар и был столицей штата Джамму и Кашмир. Впервые я увидела Сринагар в сентябре 1975 года, когда сразу после дождливого сезона мы буквально прорвались на своем «рафике» сквозь камнепады и оползни Пир-Панджала в Кашмирскую долину. Мы продолжали снимать фильм о Николае Рерихе. Город стоял, залитый солнцем, среди озер и гор и был чем-то похож на Венецию. Его старинные дома отражались в воде многочисленных

каналов, по которым скользили гондолы-шикары. Острые крыши, нависающие балконы и лоджии несли странный и необъяснимый аромат средневековой Европы.

На окраинах стояли дома, крытые соломой, и журавли колодцев пересекали синее небо Кашмира. Рядом с Венецией существовала русская деревня. А луковка на четырехскатной крыше мечети совсем сбила меня с толку. И тогда мне стало понятно то удивление, с которым Рерих писал в своем экспедиционном дневнике: «На сеновале лежат сани — московские розвальни. На дворе скрипит журавль над колодцем. Соломенная крыша проросла зеленым мхом. Скрючились придорожные ивы.<...> Где же это? В Шуге или Коломне? Это в Сринагаре, в “городе солнца”»¹.

Мы поселились в отеле «Недоу», в том самом, где жили Рерихи во время Центрально-Азиатской экспедиции. Двухэтажный и тщательно побеленный, он стоял в глубине зеленого партера за металлической изгородью. Полы и деревянные лестницы были натерты воском, высокие потолки номеров отсвечивали темным деревом, на мраморных полках каминов стояли свечи в тяжелых бронзовых подсвечниках. Слуги, в белых с красной каймой тюрбанах, двигались бесшумно и ловко, готовые прийти по первому зову. Отель был дорогой, рассчитанный на богатых постояльцев. Но в сентябре их в Сринагаре осталось очень мало. Туристический сезон кончился, и отель был наполовину пуст. В просторном коридоре первого этажа я нашла массивную дверь с медной табличкой: «Управляющий». Высокий джентльмен, в строгом английском костюме, поднялся мне навстречу.

— Рерихи? Нет, не слышал. Они, видимо, были здесь, когда был жив старый Недоу. Теперь от тех времен никого не осталось. За пятьдесят лет произошли огромные перемены. Люди быстро забывают прошлое. А кто эти Рерихи? Русские? Не может быть! Тогда русских в Индию не пускали, и особенно в Кашмир. В 1925 году? Просто фантастика! Вы в этом уверены? Ничего не перепутали? Документально подтверждено? В нашем отеле? Вот так и жили? Невероятная история! Можно проверить? Да, конечно, по старым регистрационным книгам.

И джентльмен нажал кнопку звонка. Появился сухонький седо-власый клерк.

— Регистрационную книгу за двадцать пятый год. Да побыстрее. — Управляющий проявлял явное нетерпение. — Нет? Как нет? Уничтожили? Я сам распорядился? Когда? Три года назад? Да, да, я кое-что припоминаю. У нас тогда накопилось много хлама. Но кто же знал? — Управляющий растерянно посмотрел на меня.

— Люди быстро забывают прошлое, — повторила я за ним. — Более того, они всегда торопятся уничтожить о нем память.

— Но кто же знал? Кто же знал, что такой человек останавливался в нашем отеле? Вы напишите об этом. И не забудьте упомянуть наш отель.

Первый снег

Я пообещала.

Вечерами, когда кончалась съемка, я бродила по длинным и просторным коридорам отеля. Там пахло воском, старым деревом и временем. Вдоль коридоров тянулись массивные двери с начищенными медными ручками. Я пыталась угадать, за какой из этих дверей жили пятьдесят лет тому назад Рерихи и по какой лестнице они спускались вниз, туда, где находился обеденный зал с широкими окнами.

Иногда я уходила в старинный Сринагар, туда, где легкие шикары скользили по узким каналам, а балконы ветшающих домов под остроконечными крышами были увешаны разноцветными кашмирскими коврами. В домах были скрипучие лестницы, окна выходили на соседние крыши, и вечерний туман каналов оседал каплями на кирпичках стен. Вдоль домов были протянуты веревки, и на них висели ковры, сделанные из белого тонкого войлока. На войлоке цвели яркие сказочные цветы и порхали фантастические, нездешние птицы. На кашмирских шалях тоже были невиданные цветы. Их клали на ткань по каким-то своим давним законам, и из отдельных цветов, стеблей и листьев создавался строгий узор, в котором царил традиционная геометрия старинных орнаментов. Вышивальщиками были в основном мужчины.

На базарах горели яркие краски росписей на шкатулках, вазах, коробочках для благовоний, сделанных из папье-маше. Их расписывали цветными лаками, золотом и серебром. Рисунок был мелкий, затейливый, и порой казалось, что человеческая рука не в состоянии создать такое.

В сараях, около старинных домов, сушилось и выдерживалось ореховое дерево. Потом оно превращалось под резцом в изысканные блюда, подносы, чаши, вазы, ложки. Узор на них казался прозрачным, трепещущим, наполненным своей особой жизнью. Стучали молоточками ювелиры, создавая массивные и тяжелые на ощупь украшения. Но в них, несмотря на тяжесть, жила легкость, а подчас и необъяснимая воздушность. Браслеты, ожерелья, серьги, подвески украшались агатами, сердоликами, бирюзой, кораллами. Теплый отсвет камней ложился на затейливые линии металлических узоров, и возникала гармония, тонкая и изысканная, в которой пела сама древность.

Сринагарский базар гордился этими украшениями, выставлял их на видных местах, зазывал на них, потрясал ими. Они тонко и певуче звенели в грубых руках торговцев и загадочно мерцали приглушенными тонами камней. С утра до вечера шумел этот базар, где торговали на всех углах и перекрестках. С утра до вечера в старинных обветшавших домах со скрипучими лестницами склонялись над работой кашмирские художники и ремесленники. И цвели невиданные цветы, и порхали сказочные птицы. И временами казалось, что на этих старинных улицах звенят колокольчики дальних караванов, а не рычат грузовики и грохочут автобусы.

С приближением зимы Сад утреннего ветра постепенно терял яр-

кий праздничный наряд. Сюда с гор дули холодные ветры, и нарядные листья облетали, не в силах сопротивляться их напору. Вместе с ветрами на город и долину напоззали туманы, призрачно-серые, сырые и тяжелые. Они закупоривали долину, похожую на древний кратер, отрезали ее от неба и солнца и оседали каплями на крышах домов, деревьях, лодках и шикарах. Они душили город и людей. И характер последних менялся. Из общительных, веселых и подвижных они становились угрюмыми, агрессивными и вздорными. Кровь замедляла бег в их жилах, люди тяжелели и начинали впадать в странное оцепенение. Туманы превращали прекрасный город Сринагар в какой-то призрак, где все было сдвинуто, все смотрелось по-другому, нежели в начале солнечной осени. Озера и каналы — и те, казалось, были наполнены этими холодными, застывшими туманами. И на них, то появляясь, то исчезая, покачивались шикары. В начале декабря выпал первый снег. Он шел всю ночь и падал на промерзшую землю большими серыми хлопьями. Серый снег, похожий на пыльную вату, лежал на деревьях Сада утреннего ветра, придавленного туманом. Черные намокшие ветви обнаженно и уныло плыли сквозь него. Снег падал на розы, и они на глазах увядали, теряли лепестки и гибли.

А туманы становились все плотнее и тяжелее. Из них дули пронзительно-холодные ветры и сыпал снег. Они глушили все звуки, и долина погружалась в мертвящую тишину странной кашмирской зимы. Сад утреннего ветра тоже умирал, и обледеневшие стволы его деревьев стали только тенью того сказочного и яркого сада, который я увидела в конце ноября, вернувшись из Ладакха. Вечерами сквозь туман и мертвые деревья глухо и тоскливо пробивался голос муэдзина, призывавшего на молитву с минарета соседней мечети. Жизнь в Кашмирской долине замирала на глазах. Закрылся Кашмирский университет. Стало тихо и пустынно в его общежитиях. И даже повар университетской гостиницы, кормивший нескольких оставшихся в ней постояльцев, в один прекрасный день покинул свой пост и растворился где-то в тумане. Правительство штата сдвинулось с места и отправилось в Джамму, лежащую за хребтом Пир-Панджал. Там было тепло и царила вечная весна.

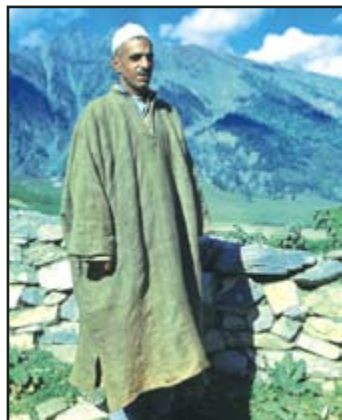
В Джамму в те дни были устремлены все помыслы осажденных холодом и туманами жителей Кашмирской долины. Там было спасение от невыносимой зимней жизни. Единственная дорога через перевал Банихол, узкая щель в хребте Пир-Панджал, была забита до отказа. Сначала по ней промчалось правительство. Затем чиновники правительственных учреждений. Вслед за ними потянулись научные учреждения, в том числе и Археологический департамент. В этом отступлении было нечто драматическое. Я оказалась свидетелем последних часов пребывания археологов в покидаемом городе Сринагаре. Они сидели на мешках с бумагами и отчетами об экспедициях. Рядом стояли железные сундуки с археологическими реликвиями. Археологи

стучали зубами от холода и ждали обещанных машин. Они были очень похожи на беженцев, идущих с арьергардом отступающей армии.

Армия же была весьма многочисленна. За правительственными и научными учреждениями последовали состоятельные граждане, затем все, кто мог купить билет на автобус. Отступление прикрывали отчаявшиеся пешеходы. Через Пир-Панджал из Кашмирской долины в Джамму тянулся днем и ночью поток груженных доверху легковых автомобилей, забитых разнообразными вещами грузовиков, перегруженных автобусов. Все, кто мог, покинули город и долину. И долина осталась без правительства, науки, образования и крупного бизнеса. Она была отдана во власть снегов и туманов, прочно обосновавшихся в ее горах, на реках, в деревнях и городах. Несмотря на «переселение народов», в долине еще оставались люди и оставалось ее прошлое. Прошлое нельзя было вывезти на машине в Джамму. Оно было нетранспортбельным. И я отправилась искать его среди туманов и снегов.

2. ОТКУДА ПОШЛА ЭТА ЗЕМЛЯ

Действительно, откуда? Легенды утверждают, что из воды. Говорят, что в очень далеком прошлом на месте Кашмирской долины было огромное озеро, похожее на море. Гималайские хребты, которые окружают теперь долину, тоже были под водой, а их пики, покрытые сейчас снегом, стояли как прибрежные скалы. Каким количеством веков исчисляется это далекое прошлое? Легенды на этот счет не дают точных сведений. Но, скорее всего, речь идет о миллионах лет.

Геологи подтверждают это предположение. Потоп, во время которого спасся Ману, прародитель современного человечества, случился именно тогда. Один из ранних источников, «Ниламатпурана», начинает историю Кашмира с описания этого потопы: «О владыка земли, весь этот мир превратился в море. Уцелели только горы Химават, Хемакута, Нишадха, Нила, Света, Срингават, Меру, Малиават, Гандхамадана, Махендра, Малая, Сахья, Суктимат, Риксават, Виндхья и Париятра. Вся остальная Джамбудвина была полностью сметена с лица земли»². И по этому

безбрежному океану плыл уцелевший прародитель человечества Ману на корабле, влекомом огромной рыбой. На самом же деле корабль был богиней Сати, а рыба — богом Вишну. Корабль взял курс на хребет Пир-Панджал. Над водой еле виднелись его пики. Но высочайший из них, Наубандхана, был достаточно большим, чтобы привязать к нему

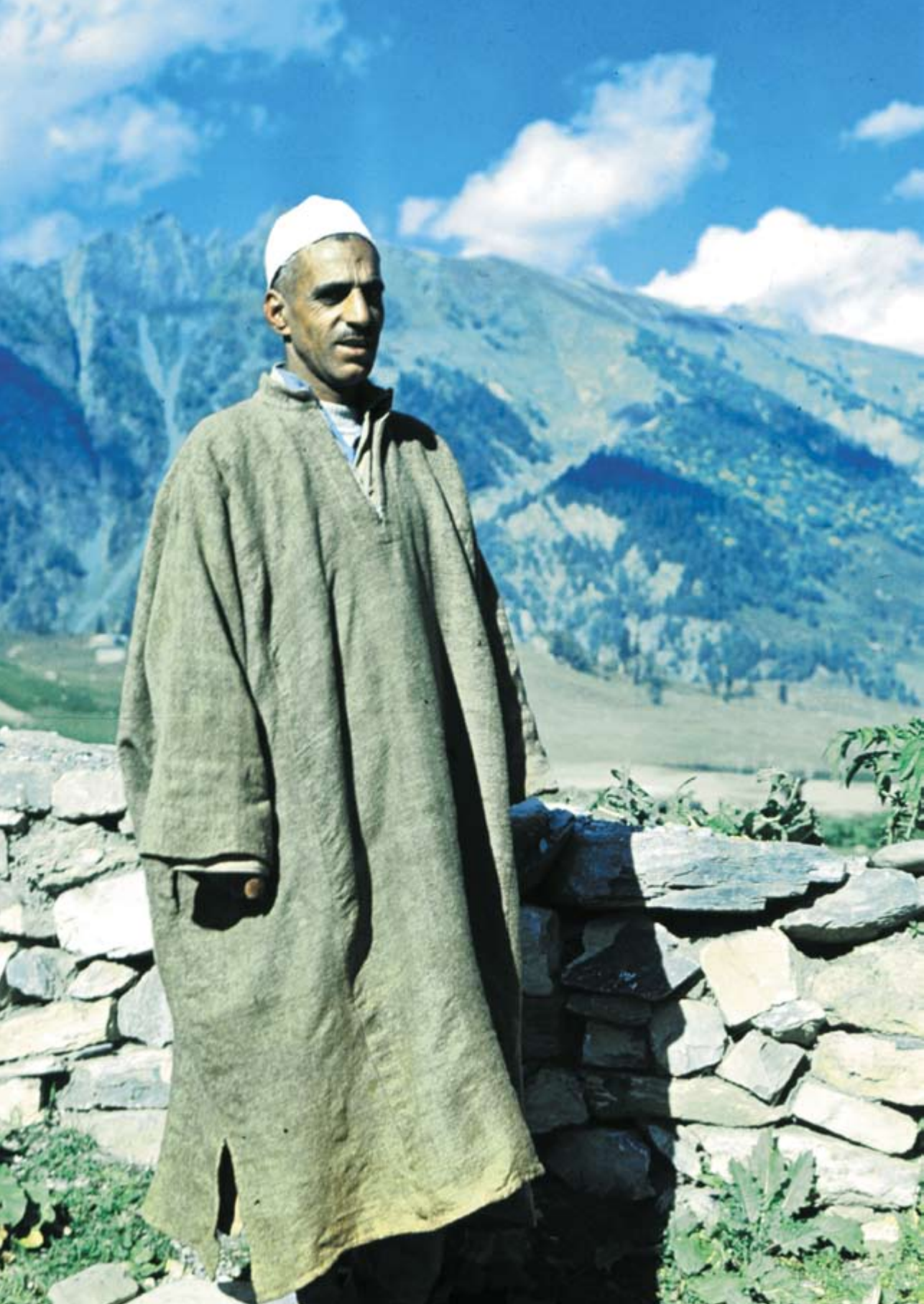
корабль, что Ману и сделал. Тогда богиня Сати из корабля превратилась в землю, и на этой земле возникло огромное озеро чистой воды. На нем росли лотосы сказочных расцветок и оттенков. Озеро это, которое называлось Сатисара, просуществовало, видимо, не один миллион лет. Мифы повествуют о каком-то катаклизме, в результате которого озеро исчезло, а на его месте образовалась прекрасная долина.

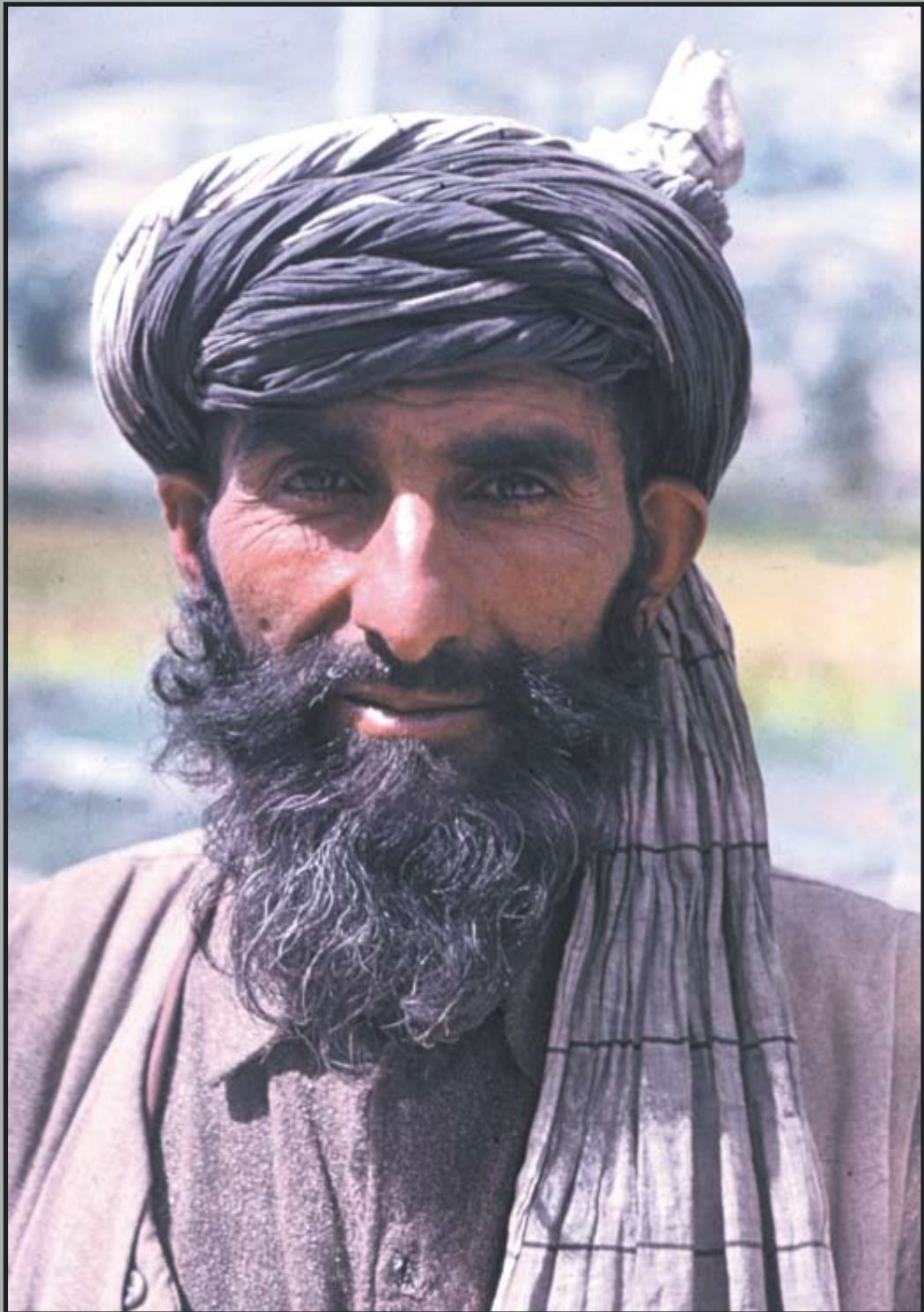
В XI веке в Индию прибыл из далекого Хорезма крупнейший ученый своего времени аль-Бируни. Он побывал в Гималаях, Пенджабе, Кашмире. Широко образованный, разносторонний и наблюдательный, он сделал в своем труде «Индия» примечательную запись:

«Земля индийцев — это одна из тех равнин, которую охватывают с юга упомянутое Индийское море, а с другой стороны — те высокие горы, откуда стекают на равнину ее воды. Однако, если ты поразмыслишь при наблюдении своими глазами земли индийцев и ее сглаженных камней, находимых на любой глубине, до которой докапываются: камней больших размеров близ гор и бурного течения рек, меньших по размеру по мере удаления от гор и ослабления течения рек и в виде песка возле уже спокойного течения и при приближении к устьям и морю, то ты едва ли представишь себе что-либо другое, как то, что земля их в древности была морем, которое было занесено отложениями потоков»³.

Индийские геологи подтвердили и миф, и выводы Бируни. Они обратили внимание на специфические образования, которые кашмирцы называют «карева». Это плоские террасы, примыкающие к горам. Высота некоторых из них доходит до 3,5 тысяч метров. Особенно много их у хребта Пир-Панджал, вдоль которого они тянутся на многие десятки километров. В отложениях карева были найдены остатки озерных водорослей. «Можно считать, — писал известный ученый Вадия, — эти образования (карева) остатками озера или целой серии озер, заполнявших всю эту долину-бассейн из конца в конец»⁴. Геологи считают, что долина образовалась в результате сильнейшего землетрясения четыре миллиона лет назад. Кашмир ставил загадку за загадкой. Четыре миллиона лет назад еще не существовало «человека разумного». Кто же тогда сохранил память о катаклизме и передал ее в виде мифа?

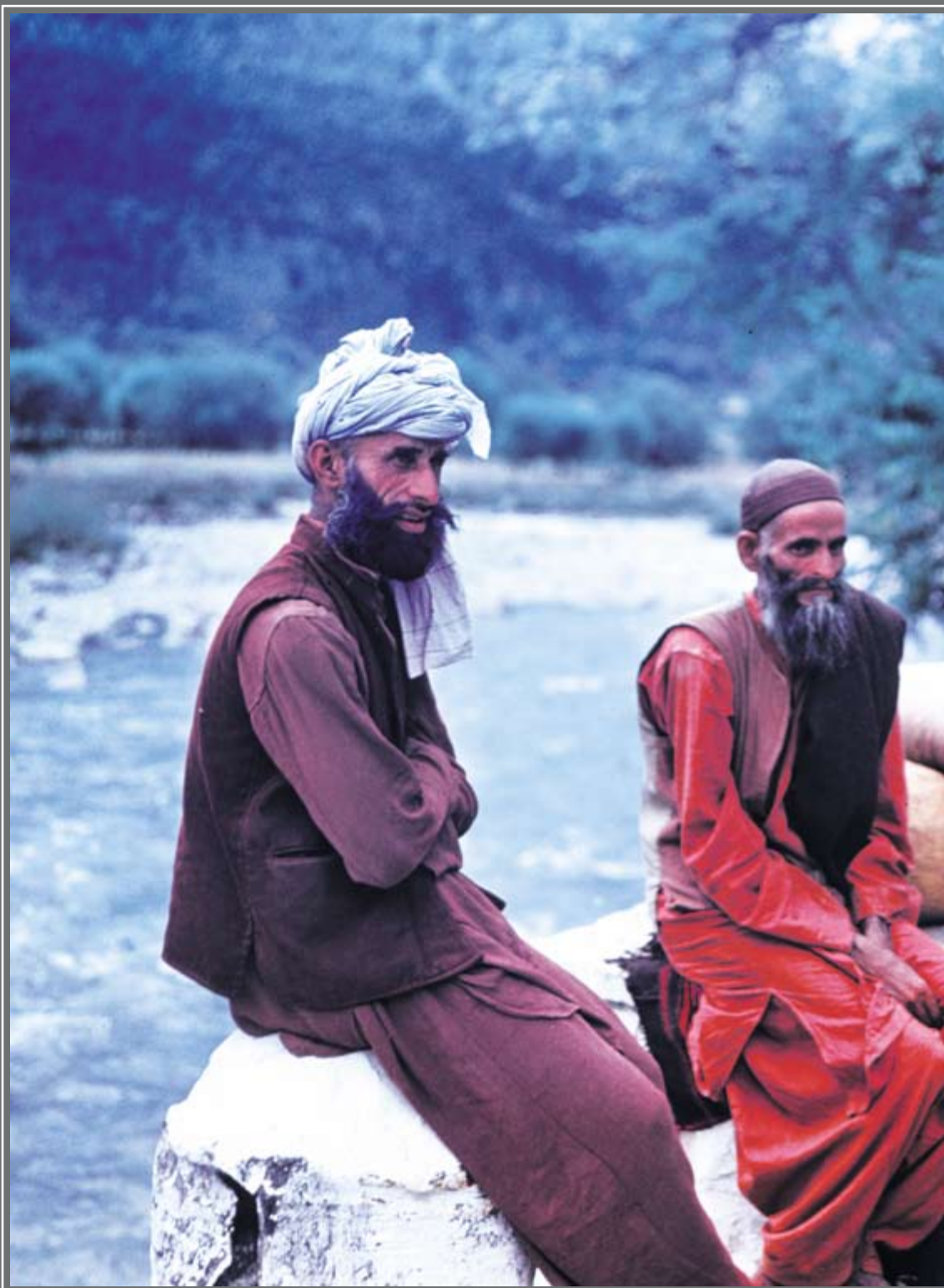
В Кашмире существовало и таинственное пространство, где историческое время соприкасалось с мифическим, как соприкасается иногда миф с реальностью. В этом пространстве миф приобретал характер реальности, а реальность отчасти становилась мифической. Это пространство находилось в древних пещерах, о которых сложена не одна легенда. Говорили, что там жили те первые риши, которых Кашьяпа привез в Кашмир на корабле Ману. От них пошли кланы кашмирских брахманов, знатоков Вед и хранителей древних знаний. Со временем пещеры превратились в места паломничества. Самая известная из них, расположенная неподалеку от перевала Соджи-Ла, на склоне Великого Гималайского хребта, называлась Амарнатх. Каждый год, когда сходят снега, туда устремляются десятки тысяч людей, чтобы увидеть ее

Кашмирец в перене (слева)

Прохожий на горной дороге

Водоносы на отдыхе

главное чудо — ледяной столб-лингу, который тает, становится меньше, когда луна идет на убыль, и вновь восстанавливается к полнолунию. Говорят, что эту пещеру еще в мифическое время нашел риши Брагисшу, который узнал, что ее время от времени посещает сам бог Шива. С согласия последнего и при содействии короля нагов Такшаки туда стали проводить ежегодные паломничества.

Так впервые я услышала в Кашмире о нагах. Они, один за другим, возникали из тумана мифического времени, и их появление требовало специального поиска. На пути к Амарнатху лежали горные озера: Сеш-наг и Хар-наг. Кашмирцы утверждали, что эти озера были жилищами царей нагов, охранявших подступы к священной пещере.

Пещеры были разбросаны по всей долине, и длинные их ходы шли куда-то в глубь гор. На одну из таких я наткнулась недалеко от Мартанда. Она называлась Бомзу и находилась недалеко от деревушки, расположенной на каменистом склоне горы. Около пещеры я увидела древнее святилище. Квадратная его платформа вросла в землю, а на ней лежал покрытый мхом валун. Рядом стояли две стелы. Изображения на них выветрились, линии стерлись, лица расплылись. С одной из них смотрела женщина в короне, с продолговатыми глазами. Длинная юбка в мелкую складку спускалась до щиколоток, рядом с ней был различим мужчина. Я смогла разглядеть только бородку, похожую на эспаньолку, и крупные кольца серег в стертых временем ушах. Чуть выше за святилищем начиналась крутая каменистая тропинка, которая вела вверх, туда, где темнел узкий вход, напомилавший дверной проем, кем-то высеченный в горе. Я поднялась наверх и вошла в этот проем. За ним открылся коридор, который уходил куда-то в глубину и тонул в непроглядной темноте. Я зажгла спичку. Слабый огонек осветил неровные стены, отполированные прикосновением множества рук. Зажигая спички одну за другой, я на ощупь стала продвигаться вперед. Неожиданно меня остановил увесистый удар в лоб. Я налетела на снижавшийся свод пещеры. Наверное, я прошла метров сто и, когда оглянулась, увидела туманное расплывчатое пятно, слабо светившееся там, где был вход в этот подземный коридор. Последняя спичка погасла, со всех сторон наступила непроглядная тьма, дышавшая сыростью и древними камнями.

Я остановилась в нерешительности. Спички кончились, на лбу вспухла шишка. Внезапно расплывчатое пятно исчезло, и появилась светящаяся точка. Точка приближалась, росла и постепенно превращалась в факел. Я прижалась к ледяной стене, ожидая, что последует дальше. Факел плыл через темноту, и его пламя освещало неровности свода и странную, как мне показалось, призрачную руку. В какое-то мгновение пламя таинственного факела вспыхнуло ярче, и я увидела тонкое изможденное лицо, черную всклокоченную бороду и темные провалы глаз. Страшное, похожее на привидение существо с факелом неотвратимо приближалось. Оно остановилось в нескольких шагах от

Женщина из Кашмира

Портрет девочки

меня и сочным басом сказало:

— Салям алейкум!

— Алейкум вассалом, — каким-то не своим голосом ответила я, сляясь припомнить, здороваются ли привидения и духи при встрече с людьми.

— Ты что здесь делаешь? — поинтересовалось «привидение». — Я увидел снизу, из деревни, как ты вошла сюда. А потом смотрю, все нет и нет. Вот и поспешил сюда, мало ли что может случиться. Дальше не ходи. У этой пещеры нет конца. Никто не знает, куда этот ход ведет. Несколько лет тому назад я и два моих товарища хотели дойти до конца. Мы взяли с собой керосиновую лампу и пятьдесят литров керосина. Мы шли два дня и сожгли сорок восемь литров, но конца так и не увидели. Два литра нам осталось на обратный путь. Мы шли в полной темноте. Берегли керосин.

Мы вышли с Ахмадом, так звали «привидение», из этой странной пещеры и уселись на камнях у начала тропы.

— Эта пещера очень древняя. Говорят, она была священной когда-то. Вон видишь, — он показал вниз на святилище, — там стоит каменная богиня и великий риши. Они очень давно здесь стоят.

— А какие-нибудь легенды об этой пещере ты знаешь? — спросила я Ахмада.

— Нет, — вздохнул он. — Я мусульманин и знаю только Коран. Каменные боги не мои боги. У нас один Бог — великий Аллах. Легенды знают брамины. Но в нашей деревне браминов нет. Я только слышал от своего деда, что из этой пещеры давным-давно вышел один риши — великий мудрец. Потом он снова ушел туда, и больше никто его не видел.

— А как звали риши?

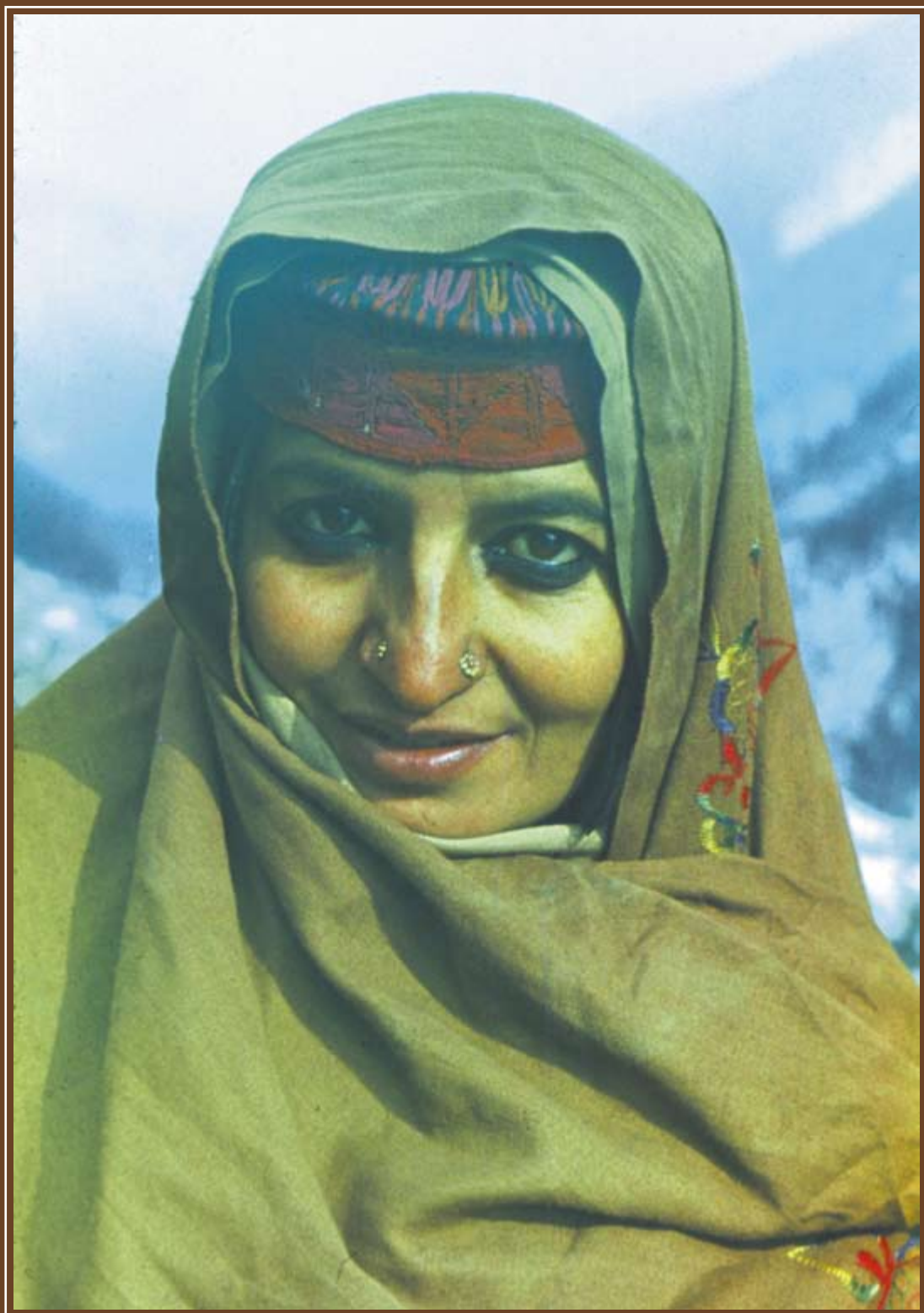
— Я не знаю.

— Сколько веков прошло с тех пор, как приходил риши?

— О, — засмеялся Ахмад, — может быть, много, а может быть, мало. Людская память короткая. Разве люди помнят, что в водоеме около Мартанда жил царь нагов. Мой дед знал истории о нагах и рассказывал их мне. Но я был маленький и плохо слушал. Теперь я ничего не помню.

И снова мифическое неведомое время возникло здесь, у крутого склона каменной горы. Оно притаилось в темном бесконечном коридоре пещеры Бомзу, в памяти Ахмада и в ближнем водоеме около Мартанда. Из его туманных глубин возникали риши и таинственные цари нагов, и опять я не могла соотнести бесконечный ряд веков с тем ясным и понятным временем, которое мы называли историческим.

Историческое время Кашмира я постигала с доброй помощью университетского археолога Фазли. Сначала мы отправились в самое древнее время. Оно находилось всего в двадцати пяти километрах от Сринагара и называлось Бурзахом. Был ясный день, и снега пиков Пир-Панджала

Женщина с гор

искрились в лучах солнца. С противоположной стороны плоскогорья тянулась туманная гладь озера Дал. Самое древнее место было и самым красивым. И этой своей красотой оно напоминало старинные городища Руси. И хотя с таких городищ открывались лесная даль и голубизна реки, а не снежные пики, у меня не проходило ощущение, что Россию с этим дальним кашмирским городищем связывало нечто общее и единое. Что это было, смог выразить Рерих в своем экспедиционном дневнике: «От дальнего севера до юга одно и то же строение жизни. Удивительно!»⁵ Одно и то же строение жизни. Один и тот же подход к этой жизни, к ее красоте и смыслу. Одно и то же восприятие окружающего мира. И древний Бурзахом около гималайского хребта Пир-Панджал, и русское городище в излучине Оки несли на себе те же приметы, то же устремление к прекрасному, короче говоря, то же «строение жизни».

В Бурзахоме начинался неолит Кашмирской долины. Глубокие археологические раскопы пересекали городище во всех направлениях. Я спустилась в один из них и увидела перед собой земляную стену с вкраплениями гальки и осколками. Здесь, сквозь эту стену, текло историческое время. Оно текло снизу вверх и несло на себе материальные приметы. Я ковырнула стену, и на ладонь лег осколок горшка. Горшок сделали вручную не менее восьми тысяч лет назад. На сероватой поверхности осколка остался узор, как будто к его сырой поверхности приложили грубую ткань. Раскопы уходили куда-то в глубь Времени, а над ними, на поверхности, стояли знаменитые бурзахомские менгиры, свидетели загадочной мегалитической культуры. Огромные и массивные, они издали были похожи на великанов, пришедших со снежных гор. Одни из них стояли, другие же упали, не выдержав изнурительной и многовековой борьбы со временем.

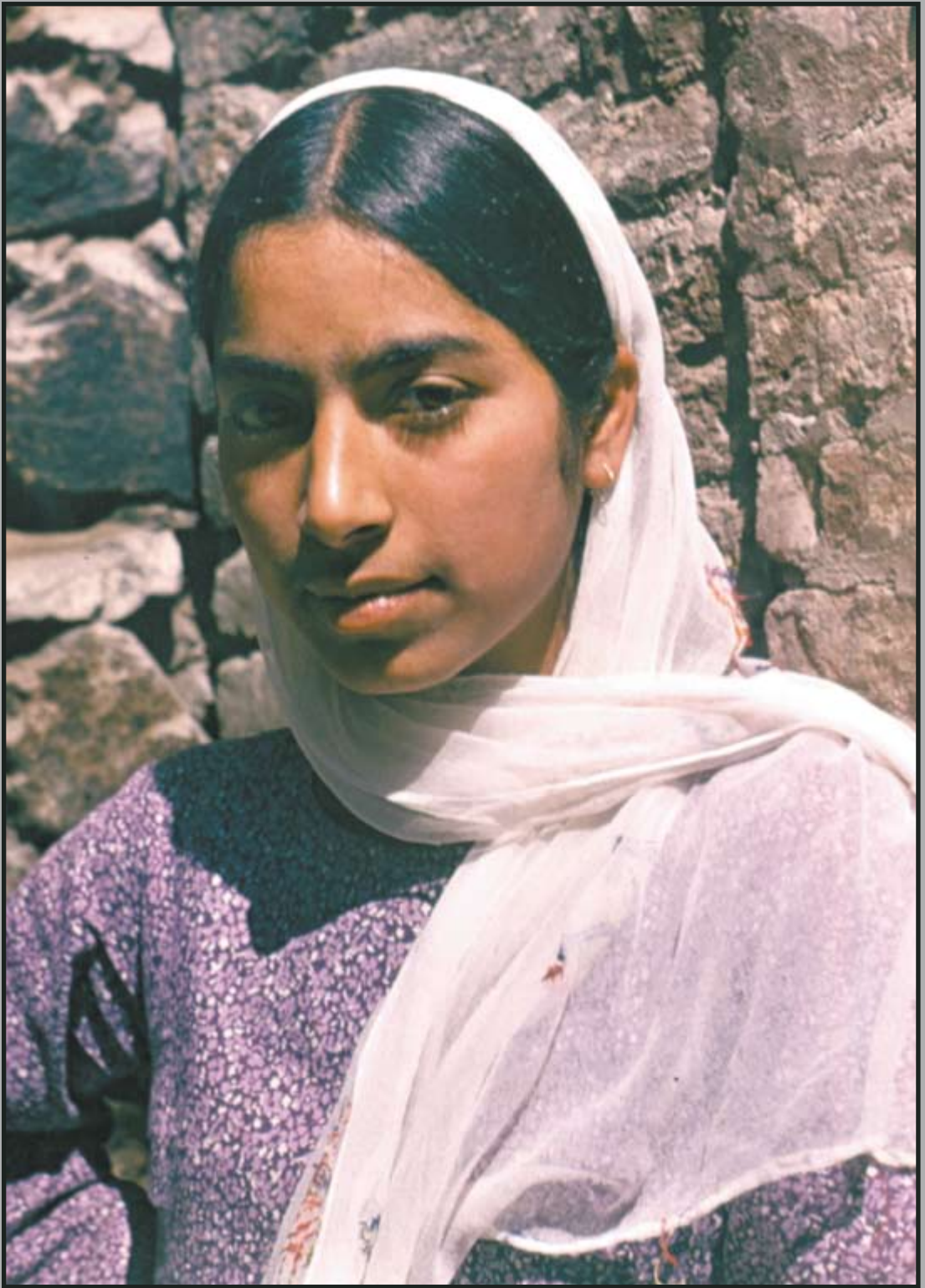
Каменные бока менгиров обросли разноцветным мхом, а основания глубоко ушли в землю. По ним когда-то прошлась рука человека, но прошлась небрежно и поспешно, оставив после себя следы грубой, неточной обработки. По мнению кашмирских археологов, менгиры когда-то образовывали полукруг, обращенный на восток, туда, где за хребтом Пир-Панджал поднимался Великий Гималайский хребет. Было ли здесь древнее святилище, или каменные великаны указывали кому-то путь — сказать трудно. Они стоят на городище — таинственные, загадочные и молчаливые. Пришельцы из далекого прошлого и безмолвные стражи предгорий, связанные чем-то с синими горами, которые поднимаются над ними и отражаются в зеркальной глади вод озера Дал.

Большая часть индийских мегалитов была найдена в Южной Индии. Там они относились к железному веку. Менгиры же Бурзахомы являлись спутниками неолита. Под ними были обнаружены не только керамика и полированные каменные топоры, но и древние погребения, которые свидетельствовали о том, что в древности здесь, как и в Южной Индии, практиковался способ вторичного захоронения. Кости в погребениях

Гималайский погонщик

Девушка из Кашмира

были покрыты красной охрой. Кто же были древние жители Бурзахома? К какому народу они принадлежали? На каком языке говорили? Вопросы, вопросы. Но нет ответов. Молчат каменные наконечники стрел и глубокие ямы жилищ. Молчат полированные топоры и осколки грубой керамики. Молчат каменные глыбы менгиров.

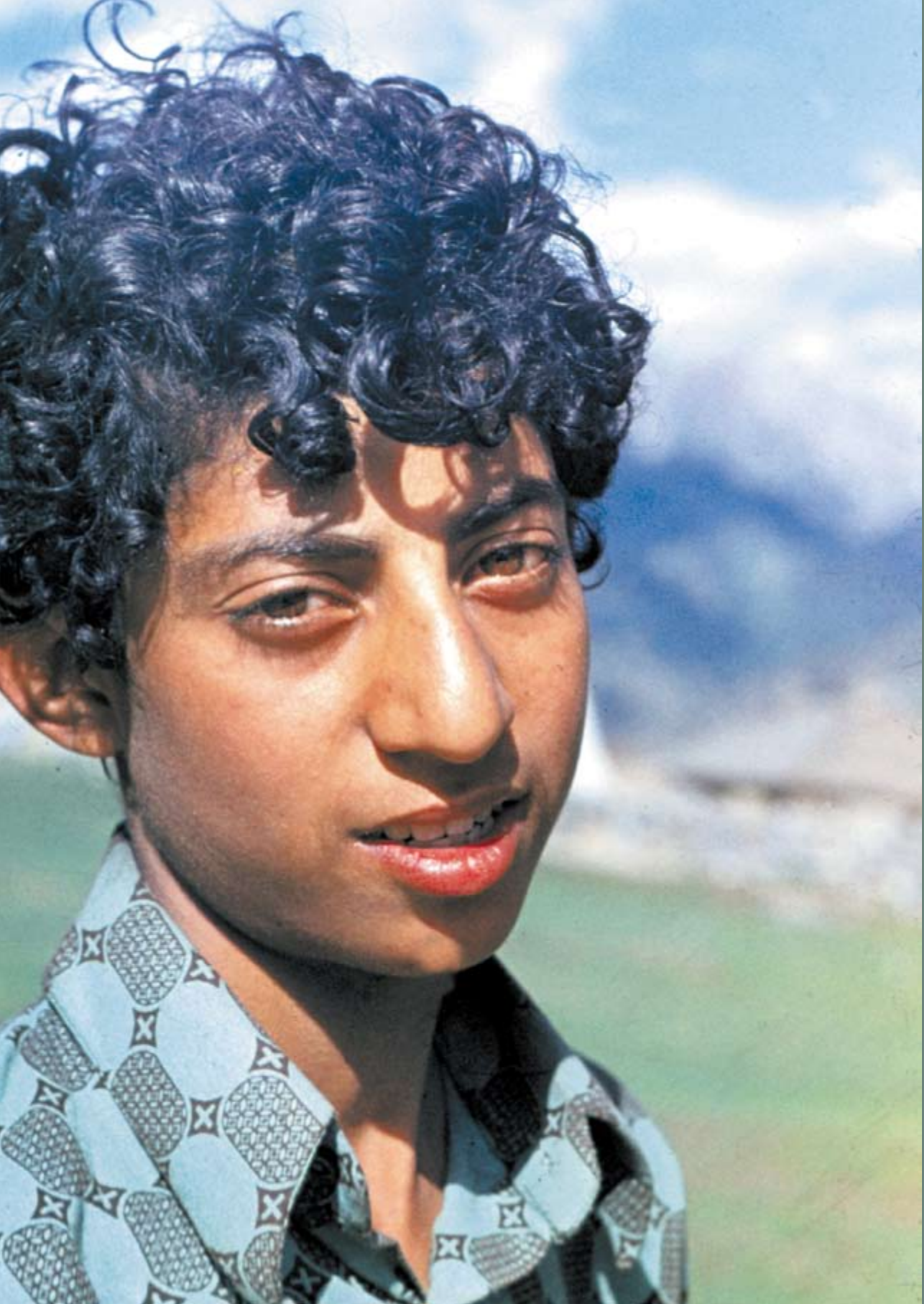
Здесь же, в Бурзахоме, я увидела знаменитые полированные топоры, которые нашел один из окрестных жителей. Я взяла топор и ощутила холодную полированную поверхность черного камня. Не преувеличивая, скажу, что я держала в руках произведение искусства. Топор был так тщательно отполирован, что отражал солнечный луч, а его форма была совершенной. Второй был чуть шире и короче. Каменное лезвие было заточено так, как затачивают металлические.

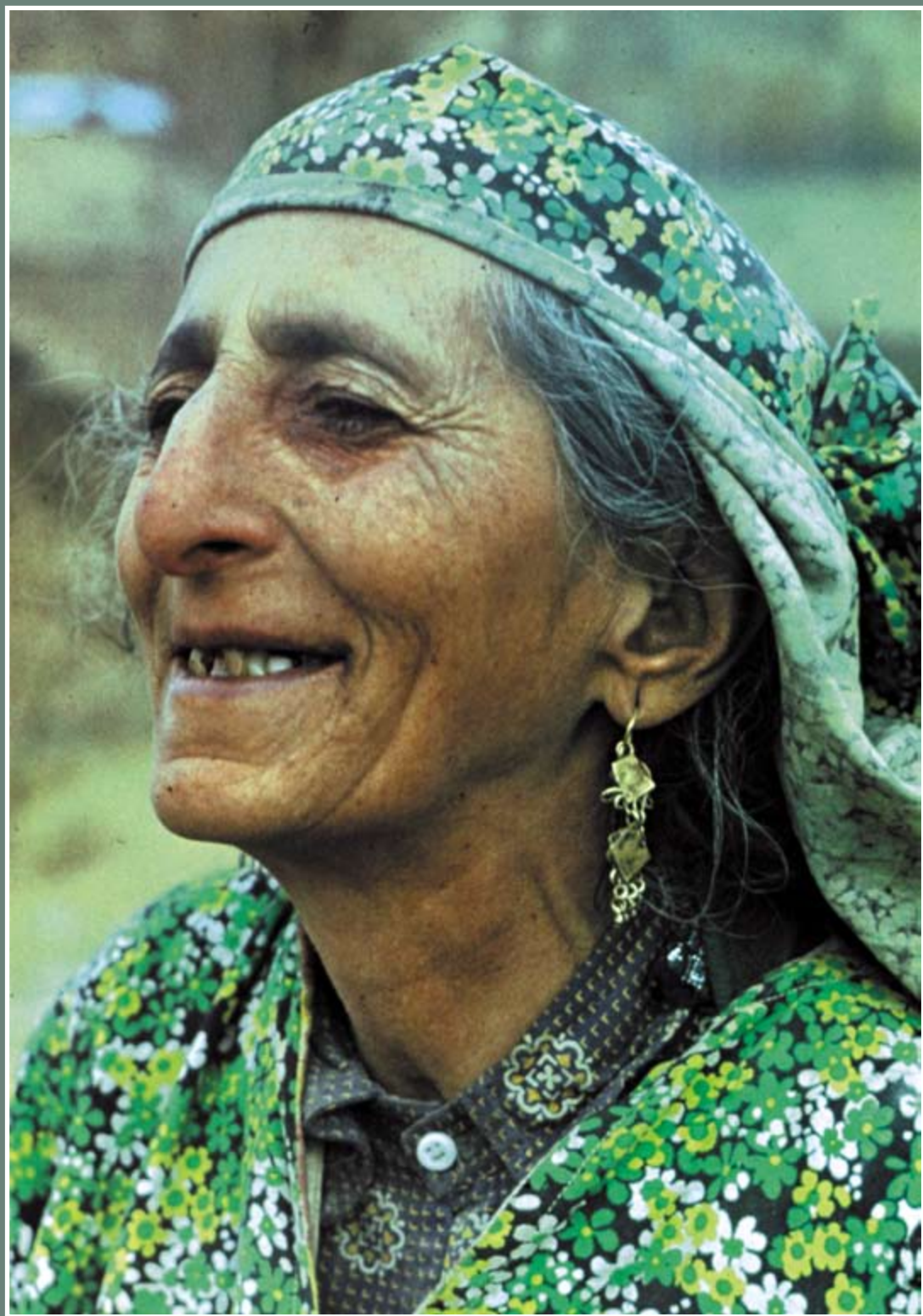
Когда-то искусство каменного века считалось примитивным, а эстетические представления его человека — неразвитыми и детскими. Но по мере того как мы сами выросли, по-новому открывалась нам и красота этой эпохи.

Рерих был одним из первых, а может быть и самым первым, кто нетрадиционно и глубоко подошел к культуре каменного века. Он оценил удивительное ее своеобразие и попытался проникнуть в неповторимый духовный мир древнего человека. Художник обратил внимание на высокую развитость его эстетических представлений, на тонкость восприятия окружающей природы, на всестороннее творческое его взаимодействие с природой. В каменном веке Николай Константинович увидел истоки нашей культуры. «Где границы жизни без металлов?»⁶ — спрашивал он. В 1908 году им был опубликован большой очерк «Радость искусству». «О каменном веке, — писал он, — когда-нибудь мы узнаем еще многое. Мы поймем и оценим справедливо это время. И узанный каменный век скажет нам многое. Скажет то, что только иногда еще помнит индийская и шаманская мудрость!»⁷ Именно здесь, в Бурзахоме, происходило «узнавание» каменного века, прочно связанного с «индийской и шаманской мудростью». В свое время Н.К.Рерих писал:

«Каменные топоры, кремневые наконечники стрел и копий, круглые булавы с отверстиями, скребки, ножи и крючки для ловли рыбы, подвески из зубов, гончарные бусы, янтарные ожерелья — на всем лежит невероятное усилие воли и сознательное отношение к искусству... При всей кажущейся дикости, древний человек с не меньшей пытливостью, нежели мыслящий человек нашего времени, стоит перед лицом природы и божества, употребляя все усилия своего гения на уяснение вековечного смысла жизни»⁸.

Я еще раз удивилась поразительному умению Николая Константиновича сразу проникать в суть явления. Бурзахом, стоявший у синих гор, на берегу прекрасного озера, стал на моих глазах превращаться из комплекса молчаливых памятников, реликвий и дат в нечто живое. Он становился реальным человеческим обиталищем, в нем ощущалось дыхание Времени и Человека и открывался свой высокий и сложный

Юноша-кашмирец (слева)

Бабушка Халима

Остановка в пути

смысл. Смысл прошедшей жизни, ставшей истоком всего, что я видела и наблюдала в Кашмирской долине. И те вопросы, которые я задавала себе, стоя на мягком травяном ковре древнего городища, которые волновали меня еще час тому назад, как-то потускнели, увяли и потеряли свое значение перед чем-то более важным и насущным, что увидел во всем этом великий художник и ученый. Но уйти полностью в историческое время в Кашмирской долине мне не удалось. Такая уж эта была долина. Мифическое время упорно появлялось на моем пути.

Самая ранняя историческая хроника Кашмира, дошедшая до наших дней, называлась «Раджатарангини» — «Река царей». Она была написана ученым-пандитом Калханой в XII веке на санскрите. Многие из сообщенного Калханой подтвердили другие источники и позднейшие исследования. Но многое осталось и неясным. Калхана писал свою хронику, используя древние источники, которые до наших дней не дошли. Одни были безвозвратно утеряны, другие погибли во времена бедствий и вторжений. Если судить о «Реке царей» строго, с позиций исторического времени, то нужно признать, что проверке поддается только период, начинающийся с VII века нашей эры, когда в Кашмире воцарилась могущественная династия царей Каркота. То, что было до этого, несло на себе печать мифического времени. Летосчисление, которым пользовался ученый-пандит, не совпадало с нашим. Оно называлось Саптариши, или «Семь мудрецов»⁹, и начиналось в 3076—3075 годах до нашей эры.

В этот период произошел ряд внеисторических событий, таких как Великая война между Пандавами и Кауравами, отраженная со всеми подробностями в эпосе «Махабхарата». От Пандавов будто бы и пошла династия древних царей Кашмира, тридцать пять из которых были потеряны где-то на перекрестке мифического и исторического времени. С этими «потерянными царями» были связаны таинственные легенды, повествующие о затонувших городах. «Река царей» как бы пересохла и прервалась на этих исчезнувших правителях. А потом снова наполнилась водой, забурлила и потекла уже к историческому времени. Поэтому официальная история Кашмира начинается с III века до нашей эры, когда в Индии уже правил император Ашока.

Пестрый людской поток заполняет улицы кашмирских городов и его дороги. Дороги эти древние, как и кровь, которая течет в жилах тех, кто сегодня идет по ним. Люди здесь не похожи на живущих в остальной Индии. На них лежит печать какой-то особенности, сохраненной и пронесенной через века. Как удалось им это сделать — еще одна загадка Кашмирской долины. Время ставит загадки, но оно их и разгадывает.

«Физические и этнические особенности, которые так резко отличают кашмирцев от окружающих рас, всегда поражали наблюдательных путешественников в Долине»¹⁰. Это слова крупного археолога Аурелла Стейна, исследовавшего и Индию, и Центральную Азию. Путешествен-

ников этих было немало. Но только некоторые из них оставили свои записки о виденном — китайцы Фа-сянь и Сюань-цзян, хорезмиец Бируни. Они тоже отметили особые черты кашмирцев и записали их легенды. Их воображение тоже тревожила эта таинственная страна, лежащая в кольце снежных гор, на дне древнего озера Сатисара...

3. И СНОВА НАГИ

Кали или Гуань-инь — кто знает, сколько им веков? За ними скрывается жена и змий. Древность этого символа уже неисчислима.

Н.К.Перих

Я смотрю на карту Кашмира, и названия, которые я читаю, вызывают во мне смутное беспокойство: Анантнаг, Веринаг, Наранаг, Сешнаг, Харнаг, Ниламнаг, Такшаканаг, Васукинаг. Наг, наг, наг...

— Скажите, что такое наг? — спросила я Фазли. — Почему так много названий с этим словом?

— Наг — это просто источник, небольшой водоем, здесь нет ничего особенного. И археологической ценности эти наги не представляют.

— Но, очевидно, историческую и этнографическую имеют?

— Я не вникал в эту сторону дела. Мало ли мифов и сказок ходит в народе. Если все их изучать, то и жизни не хватит.

— А если проехаться по этим нагам и посмотреть, чем они в действительности являются?

Фазли поскущел и стал уговаривать меня бросить эту бесполезную затею.

— Я же вам сказал, — горячился он. — Там ничего нет интересного.

Но мы все же поехали.

И первый же наг принес неожиданности не только мне, но и Фазли. Наги были не просто источниками и водоемами, но и древними святыщами. Первый в моей жизни наг, представлявший собою пруд, был расположен на окраине небольшого городка Патан. Тихая гладь его воды была затянута зеленой ряской, и от этого вода в пруду казалась зеленой. В центре возвышался искусно сделанный миниатюрный храм, не более полутора метров высоты. Почти такой же храм, но нормальных размеров я видела в Пандретане. Он был посвящен богу Шиве. То же четырехскатное покрытие, те же колонны у входа, на которых держались входные арки, заканчивающиеся остроугольными навершиями. Тот храм был тоже окружен водой, и массивное его основание глубоко

Патан. Святилище Сик-нага

На древнем караванном пути

ушло в илистое дно, которое просматривалось на небольшой глубине. Все это производило странное, почти фантастическое впечатление. Казалось, храм был последним из того, что осталось от древнего и таинственного города, поглощенного водой и разверзшейся землей и спавшего уже многие века в этой илистой глубине. Город этот был так же прекрасен, как и его последний тонущий храм, сложенный из гранитных блоков, искусно подогнанных друг к другу. Здесь, у подножия безлесой горы, оживала старинная легенда о затонувшем городе, или древний миф о гневе богов.

А в наге Патана стоял такой же храм, но во много раз уменьшенный, как бы напоминание о том, что здесь происходило много веков назад. Из зеленой ряски пруда поднимался человек со змеиным капюшоном над головой, похожим на корону неведомого короля. Человек был высечен на каменной стеле и назывался Сик-наг. Он и взаправду являлся королем окрестных нагов. Так гласило местное предание.

— Король нагов, — сказал мне Низамуддин, живший неподалеку от пруда, — обитает в своем подводном дворце и редко поднимается на поверхность.

— А кто-нибудь его видел, когда он поднимался? — поинтересовалась я.

— Да, однажды, много лет назад, его видела женщина из нашей деревни.

— Где же теперь эта женщина?

— О, женщина давно умерла. Но мы помним ее рассказ. Однажды Фатима, так ее звали, припозднилась, возвращаясь из соседней деревни. Вот, смотри, — Низамуддин поднял сухую морщинистую ладонь и показал куда-то вниз. — Там стоит наша деревня, совсем недалеко от Пандретана, и дорога в нее идет мимо жилища нага. Когда Фатима дошла до этого места, в небе стояла полная луна. И было светло, как днем. Она уже миновала пруд, как что-то заставило ее обернуться. И тогда она увидела, что на берегу, вон там, где стоят камни с Сик-нагом, кто-то появился. Сначала от страха она не могла разглядеть, кто именно. Но потом поняла, что это Сик-наг, король нагов. На нем были блистающие одежды, украшенные драгоценными камнями, а над головой поднимался змеиный капюшон. Он был очень красив. Фатима никогда не видела таких красивых. Она хотела закричать, но голос ее пропал, а ноги прилипли к земле. Сик-наг увидел Фатиму и поманил ее пальцем, на котором был сияющий перстень невиданной красоты. Тут Фатима пришла в себя и бросилась бежать прочь. Она бежала без остановки до самого дома и так запыхалась, что долгое время не могла вымолвить ни слова. А потом обо всем рассказала. Вот такая история, — закончил Низамуддин.

Небольшой городок Анантнаг был расположен вокруг священного водоема, по имени которого и назывался. Водоем был убежищем нага и тоже являлся по существу древним святилищем. Рядом с ним стояли

Анантнаг. Святилище нага

три индуистских храма. И хотя храмы были поздние, построенные, может быть, совсем недавно, тем не менее они свидетельствовали о давней, но вместе с тем и определенной связи канонизированных индуистских богов с древним культом таинственных нагов. В восточном углу водоема находилась платформа со стелой. Изображение на ней сохранилось хорошо, и я без труда различила удлинённый разрез глаз, правильной формы нос с горбинкой, полноватые губы. Стела отражалась в зеркальной поверхности нага, и казалось, что из глубины его на меня глядит неведомый пришелец из прошлого.

Вода в наге была прозрачной и чистой. На его дне виднелась целая гора керамической посуды. Видимо, ее приносили в жертву нагу.

— Идем, я кое-что тебе покажу. — Я повернулась к говорившему. Передо мной стоял жрец. У него была густая борода и волосы до плеч.

— Я давно за тобой наблюдаю. Интересуешься нагами? — как-то очень по-дружески спросил он. Я кивнула.

Мы обогнули водоем, и там, за храмом, я увидела небольшой пруд, так же тщательно выложенный камнем, как и основной.

— Это тоже наг, — сказал жрец. — Но здесь уже нет наших храмов, а только святилище. Смотри, — и он указал на стелу, потемневшую от времени и сырости. — Это король нагов.

На короле нагов была странная, похожая на высокую шапку корона, и я снова увидела удлинённый разрез глаз, тонкий нос и полноватые губы.

— Когда-то для нагов строили храмы, но теперь остались только эти святилища. — Жрец провел рукой по стеле, очищая ее от темного налета.

После Анантнага удача, казалось, покинула меня. Мы двигались на юг по зимним размытым дорогам на попутных машинах, на расхлябанных, медленно ползущих местных автобусах, а то и просто пешком. Мы шли от нага к нагу, но ни святилищ, ни их остатков там не было. Люди уже давно забыли о королях нагов и не помнили красивых легенд о странных полулюдях, полузмеях.

Через несколько дней мы добрались до Веринага, где находились истоки главной реки Кашмира — Джелама, которая в древности называлась Витаста, по имени теперь уже забытой богини. Туманы и размытые дороги остались где-то внизу, а здесь ярко-синее небо прорезали снежные вершины гор, и кедровые леса спускались со склонов хребта сюда, к самому священному водоему-нагу, откуда вытекала река. Водоем назывался Ниламнаг, или Синий наг. Он действительно был синий — наполненный той густой прозрачной синевой, которая встречается только в горных озерах. Невысокая стена со сводчатыми нишами окружала его. Стену сделали при могольском императоре Джехангире.

Придворный историк императора Акбара Абул-Фазл в своей хро-

нике «Айн-и-акбари» писал, что Ниламнаг выложен камнем и что к востоку от него стоит Каменный храм¹¹. Но никаких сведений об этом храме не дал. Зато сообщил о другом, не менее интересном: «В древние времена книга, которую называют Ниламат, всплыла из его глубин, в ней содержится детальное описание Кашмира, и его история, и подробности о храмах. Говорят, что цветущий город с прекрасными зданиями находится в глубинах его вод и что во времена Боду Шаха один брамин спустился в него и вернулся через три дня, принес некоторые редкости и рассказал о своем визите»¹².

Мифы и предания домусульманского Кашмира повествовали о том, что в Ниламнаге обитает главный наг Кашмира — Синий наг. А задолго до него в озере находился индуистский бог Вишну в форме той рыбы, которая спасла прародителя людей Ману во время бедственного потопа. Сведения, которыми я располагала, сходились в этом месте в какой-то своей, не лишенной логики стройности. Здесь жил таинственный Синий наг, главный наг Кашмира. Отсюда всплыла мудрая книга «Ниламатпурана». В глубинах спрятан загадочный «цветущий город с прекрасными зданиями». И наконец, рыба Вишну — рыба потопа — плавала тут же. Мифическое время, казалось, поднималось из синих глубин, сворачивалось кольцами и устремлялось к поверхности сверкающими солнечными пузырьками. Я сидела на каменном парапете, смотрела в бездну Ниламнага, и она казалась мне такой же бесконечной, как и загадочная глубина тех мифов, что пришли из бездонного прошлого и принесли с собой отголоски какой-то реальной, но давно уже исчезнувшей жизни. Источники нага били бесчисленные века, сотни тысячелетий, а может быть, и миллионы лет, и не иссякали, как не иссякали мифы и легенды, которые как бы несла эта вода с собой.

У самой поверхности синего озера плавала форель. Потом с горы спустилось целое крестьянское семейство — отец, мать и трое детей. Мужчина, повернувшись к востоку, совершил дневной намаз, а женщина, развернув узелок с едой, усадила детей на каменные ступени. Но перед тем как приступить к скромной трапезе, все они бросили часть еды в водоем, и рыбы жадно и торопливо набросились на кусочки, опускающиеся ко дну. Мусульманское семейство принесло жертву Ниламнагу.

В горную долину Лолаб, откуда шли пути на таинственный Гильгит и к высочайшей вершине Великого Гималайского хребта — Нанга Парбат, я попала в самый разгар зимы. Снег, снег, снег. Густой, безостановочный. Маленький старый автобус угрожающе скрипит на поворотах и медленно ползет по замерзшей грунтовой дороге. Сквозь щели дует морозный ветер со снегом, и на грязном, затаптанном полу салона возникают снежные бурунчики.

Из белой пелены временами появлялись одинокие дома под соломенными крышами и, медленно проплывая, как призраки, тонули в снежной мгле. Через каждые двести—триста метров автобус останавливался, и в него вваливались заснеженные люди, закутанные в толстые

Веринаг. Ниламнаг — исток реки Джелам

грубошерстные одеяла. У них были обветренные лица и сильные руки, привыкшие к тяжелой работе. Они стряхивали с себя тут же в автобусе снег и шумно рассаживались. А снег все валил и валил. Он стал таким густым, что пропали из виду даже придорожные деревья. Час шел за часом, а автобус все полз сквозь снежное белое марево, скрипел и гудел, предупреждая невидимых путников. Казалось, что пространство потеряло видимые ориентиры, что время давно уже остановилось и всю оставшуюся жизнь я так и буду ехать через этот снежный заколдованный мир. Иногда откуда-то снизу возникал шум реки, но там, где она должна была быть, плыл туман, смешанный со снегом, и казалось, что шумит не река, а нечто призрачное и неуловимое, стараясь сбить нас с пути.

Потом мотор стал натужно реветь, автобус замедлил ход, и я почувствовала, что мы взбираемся вверх — то ли на перевал, то ли на пик, то ли на саму Нанга Парбат. Колеса пробуксовывали в снежной дорожной каше, задыхающийся мотор с трудом вытягивал их из этой каши, и они снова катились куда-то, то вверх, то снова вниз. Потом в мире что-то произошло, снег утратил белизну, синий сумеречный свет заструился в его хлопьях, и я поняла, что наступил вечер. Мои ноги, обутые в легкие туристские ботинки, совсем заоченели, я их перестала ощущать и уже не представляла себе, как я смогу на них стать, если мы когда-нибудь все-таки доедем до большой деревни Сагам, которая стояла в центре глухой горной долины с манящим именем Лолаб. Я пыталась задремать, но у меня это не получилось из-за пронизывающего холода.

Потом наступило какое-то забытье, очевидно, просто от усталости, потому что это был третий день путешествия через снег и горы. И, как сквозь вату, прозвучал чей-то голос, и кто-то настойчиво сказал: «Сагам». Я открыла глаза. Автобус стоял на месте, и крестьяне в грубошерстных одеялах толпились у выхода. Я с трудом поднялась на окоченевших ногах и шагнула куда-то в темноту и снег. В Сагаме пристанища не оказалось, и пришлось еще пять километров идти до деревни, которая называлась Чандигам — «Лунная деревня». Снег продолжал падать, ноги тонули в нем по колено. Мы шли через лес, но кедры и ели только угадывались в темноте, слабо подсвеченной снегом. Наконец из-за деревьев вынырнул огонек, и мы подошли к небольшому деревянному дому, который оказался деревенской гостиницей. В гостинице было холодно, сквозь щели окон и стен дул морозный ветер. Сторож, разбуженный нами, быстро затопил бухари, воздух стал нагреваться, и благодатное тепло охватило мое тело.

Утром, когда я проснулась, снегопад уже прекратился и сквозь грязные окна домика пробивались неяркие лучи зимнего солнца. Я вышла на крыльцо и остановилась пораженная. В сугробах стояли огромные ели, опущенные снегом. Чуть ниже, на склоне, обозначилась деревенька. Бревенчатые избы, покрытые соломой, плетни, сделанные

из жердей. Над крышами поднимались струи синего дыма. Где-то призывно замычала корова. Пахло парным молоком, намокшим сеном и навозом. С ветки на ветку деловито скакали воробьи. Когда останавливается Время в Пространстве, происходят неожиданные события. Старый расхлябанный автобус вместо долины Лолаб, видимо, привез меня в Подмосковье. Значит, я так и не попала в долину Лолаб. Заспанный сторож, завернутый в одеяло, вышел на крыльцо.

— Нравится? — спросил он и махнул рукой в сторону леса, темневшего рядом.

— Очень, — ответила я.

— Здесь красиво, когда нет снегопада.

— А наги у вас есть? — спросила я напрямую. Мой вопрос сторожа не смутил.

— Есть, — просто ответил он. — Даже несколько. Вон в том лесу, где живет Бабаджи, есть один. И в Сагаме есть несколько.

Я поняла, что нахожусь все-таки в долине Лолаб.

Бабаджи действительно жил в соседнем лесу. Он был отшельником. Его глинобитная хижина стояла под высоким кедром, а рядом с хижинкой был наг — родник, аккуратно вымощенный камнем. Сначала я увидела этот родник и остановилась около него. Над крышей глинобитной хижины вился дымок, значит, хозяин был дома. Совсем рядом заскрипел снег под чьими-то ногами, я обернулась и увидела перед собой риши. Древнего риши, пришедшего из темного, заснеженного кедрового леса. Его голову украшал пук густых волос, грудь закрывала седая борода, огромные, как будто подсвеченные изнутри глаза смотрели на меня доброжелательно и заинтересованно.

— Я — Бабаджи, — сказал риши и открыто улыбнулся. — Будьте моим гостем.

В центре глинобитной хижины с низким потолком горел очаг, выложенный камнями. На очаге кипел чайник. Бабаджи налил горячего чаю в медный стакан и протянул его мне. Рядом положил темную ячменную лепешку. Когда мои глаза привыкли к сумраку, царившему в хижине, я заметила в углу странную фигуру в грубом монашеском одеянии, низко склонившуюся над шитьем. Это была женщина, но молодая или старая, я не могла определить. Она оторвалась от шитья и бросила взгляд в мою сторону. Я увидела тонкие черты бледного лица и светлые страдальческие глаза. Странная монахиня была явно не из здешних мест.

— Откуда вы? — не удержалась я.

— Из Парижа, — просто ответила она и вновь опустила голову. Я подавилась горячим чаем.

— Я не выдерживаю Парижа и всего того, что с ним связано, — объяснила она. — Здесь я набираюсь сил и жизненной мудрости. Бабаджи — мое спасение. На земле у человека должно быть убежище, хотя бы ненадолго. Иначе жить будет невозможно. — Она подняла светлые

На высокогорной дороге

неулыбчивые глаза, и я вновь увидела в их глубине какое-то затаенное страдание. Больше она не говорила.

Бабаджи жил в этом кедровом лесу уже тридцать лет и был хорошо известен всей долине Лолаб. Тут же стоял небольшой деревянный храм Шивы, в котором Бабаджи исполнял обязанности жреца. Он был также и жрецом древнего нага. И в этом на первый взгляд странном сочетании тайлась какая-то загадка таинственных взаимоотношений древних нагов с индуистским богом Шивой. В источнике жил наг по имени Нараяна, который был королем всех местных нагов. Этот король заведовал не только дождями и наводнениями, но и распоряжался снегом или, вернее, снегопадами. Нагу Нараяне приносили жертвы, чтобы умиловить его.

— А храмы у нагов есть? — осторожно спросила я Бабаджи.

— Конечно, есть, — не колеблясь ответил отшельник. — Есть в Сагаме. Сходите туда.

Бабаджи еще не знал, что этим утром произошло в Сагаме.

Я тоже этого не знала. И поэтому, поспешно распрощавшись, отправилась в Сагам по той же дороге, на которой мы утопали в снегу ночью. Но, прибыв на место, я увидела вместо храма груды развалин. В священном водоеме плавали остатки крыши, сломанные балки и доски. Пожилой мужчина с длинными черноморскими усами объяснил, что снегопад прошлой ночью разрушил храм Нила-нага. Не выдержала крыша.

Через нагромождение разрушенных стен я спустилась к нагу. Как ни странно, упавшие балки и перекрытия не нарушили того, что находилось внутри храма. Там все осталось по-прежнему. Около обломков, прислоненные к каменной кладке водоема, стояли древние стелы. Я снова увидела продолговатый разрез глаз, тонкие носы. На женщинах и мужчинах были короткие юбки с поперечными полосками, причудливые шапки, напоминавшие колпаки, украшали их головы. Мужчины держали мечи и щиты. Трехзубчатые короны неведомых королей или богинь проступали на намокших камнях. Фигуры были вырезаны четко, просто и выразительно. В них отсутствовала вычурность и мягкость поздних кашмирских стел. Здесь работали иные руки. Я уже давно стояла по щиколотку в ледяной воде, но не ощущала почему-то холода. В самом углу каменной кладки я нашла осколок стелы с прекрасным женским лицом, тонким и вдохновенным, с нарочито удлинненными глазами. Долго не могла оторваться от него.

— Салам алейкум, — раздалось откуда-то сверху. Я подняла голову и увидела ожившую женщину со стелы. Удлиненные глаза, тонкий нос, красиво очерченные губы. Женщина улыбалась и протягивала мне в металлическом стаканчике горячий чай.

— Пей, пей, — приговаривала она. — Мне сказали, что ты уже полдня сидишь в этой воде и снеге. Тебе надо согреться.

Я взяла стакан и ощутила приятное тепло в окоченевших руках. Лицо у женщины было слегка смугловатым, и я подумала, что такой же

Долина Лолаб. Деревня Сагам. Наг

цвет кожи был и у той, которая смотрела на меня из камня. Невидимая ниточка, беспрерывная и живая, связывала этих двоих. Ту, которая пришла из древности, и эту, которая жила рядом со священным нагом в заснеженной деревне Сагам.

Главная святыня храма — водоем чистой родниковой воды — хранила мифы и легенды о великом потопе и затонувших городах. Там, на дне темного нага, как считали жители Сагама, до сих пор жили те, чьи города были погребены под большой водой. Это были наги в сверкающих коронах и одеждах, шитых драгоценными камнями.

К вечеру снова пошел снег. Он засыпал руины рухнувшего храма, и они превратились в белый холм, в глубине которого продолжала свою особую жизнь древность, явившаяся к нам водоемом родниковой воды и загадочными старинными стелами. Леса на склонах гор тоже покрылись снегом. Огромные ели и кедры напоминали безмолвных стражей в причудливых шлемах и белых древних одеждах.

И снова шла заснеженная, промерзшая дорога, и снова скрипели расхлябанные автобусы, выныривали из снега манящие огоньки придорожных харчевен, и были ненадежны ночлеги. Теперь мы ехали к озеру Вулар, к самому большому озеру Кашмирской долины. Здесь весной 1925 года участники Центрально-Азиатской экспедиции провели несколько дней. Николай Константинович записал в своем дневнике:

«Самое большое озеро — Вулар. Самое красивое. Самое грозное. Две ночи опасно било лодку о глинистую отмель. Еще остались бы, еще поработали бы, но “ковчег” может треснуть. На этом озере все привлекательно. Весь сияющий снегами Пир-Панджал на западе. Густые горы — на север и восток. Даль Сринагара — на юг. Перед закатом строится изумительная Вальхалла над Пир-Панджалом, а утром — кристально синие горы востока. На отмелях — стада, и каждый конь виден на далекой отмели — так воздух небывало прозрачен»¹³.

И еще Николай Константинович упомянул об островке на озере. Там лежали руины разрушенного храма. Не совсем обычного храма. «Детали разрушенного храма на островке могут быть перенесены в любой романский собор. Много ходили готы и всюду посеяли свой стиль»¹⁴.

Но Вулар весны 1925 года совсем не был похож на зимний Вулар 1979-го. И хотя все было на прежнем месте: и само озеро, и горы, и даже стада — Вулар выглядел совсем по-иному. Лето 1979 года выдалось в Кашмирской долине сухим и жарким. Озеро стало высыхать. Вода уходила от его плоских берегов, оставляя за собой заболоченные пространства. И за этими болотами, над простором свинцово-серой воды, плыли туманы. Они поднимались вверх и скрывали горы, которые наступали на берег Вулара. Временами туманы редели, и сквозь их прозрачную оболочку проступали лилово-черные скалистые громады хребта Пир-Панджал. Туманы двигались вдоль хребта, и казалось, что пики и каменистые склоны плывут вместе с этим туманом куда-то в неизвестность и безвременье. Когда небо расчищалось, возникала

еще одна скалистая гряда гор, надвигавшаяся на озеро с севера. За ней поднималась еще одна, а выше нее лиловели пики со снежными вершинами. Туда от Бандипура — прибрежного поселка — уходила серая лента дороги. Она взбиралась на первую гряду и исчезала за ней, растворившись в лиловых скалах и белых снегах. Дорога шла на Гильгит, который лежал где-то за этими горами. Тогда, той весной, Николай Константинович назвал Гильгит «значительным углом». Он предполагал, что в этом месте будут сделаны ценные исторические находки. Рерих не был в Гильгите, но многое знал о нем. Его картина «Дорога на Гильгит» как бы подтверждала это знание, которое хранили синие хребты.

«На северо-востоке озера Вулар горы сходятся. В этом проходе какая-то зовущая убедительность. <...> Здесь подымается в горы дорога на Гилгит. Вы проходите до первого подъема и следите за извилинами восходящего пути. На вершине перевала — первый ночлег. Потом путь сперва идет по самому гребню, где еще белеет снег полоскою, а затем окунается в новое преддверие. Гилгит и Читрал берегутся особо. Если трудно идти на Ладакх, то Гилгит и Читрал всегда под особым запретом. Лиловые и пурпурные скалы. Синева снежных вершин. Каждый всадник в чалме привлекает внимание: не с севера ли? Каждая вереница груженных лошадок тянет глаз за собою. Значительный угол!»¹⁵

Казалось, что Рерих кого-то ждал из-за этих синих хребтов. Человека или вести. Весть пришла много позже. В 1931 году в двух старинных ступах, стоявших на дороге в Гильгит, были найдены манускрипты. Их потом и назвали «Гильгитские манускрипты». Это были ранние и ценнейшие источники по буддийской философии Махаяны. Веха на Гильгитской дороге оправдала себя. Но только ли это имел в виду Николай Константинович, когда писал о Гильгите?

На остров, где лежали руины старинного храма, я не попала. Уровень воды в озере понизился, и подходы к нему были заболочены. Никто из рыбаков не хотел рисковать. Они качали головами и отказывались плыть на остров. Но я не теряла надежды и продолжала в поисках смельчака месить грязь на деревенских улицах. Я, конечно, не представляла себе в полной мере те опасности, с которыми могла встретиться утлая лодчонка на пути к желанному острову. Понять это мне помогла женщина по имени Насима. Она появилась из-за глинобитной хижины — босая, в длинном свободном платье и платке, надвинутом на самые брови. Туфли она держала в руках и, размахивая ими, что-то кричала. Завидев меня, она подскочила ко мне и замахнулась этими туфлями. Я успела увернуться. Но Насима вновь ринулась во вторую атаку.

— Ты что, с ума сошла? — не выдержала я.

— Я? — закричала Насима, но туфли опустила. — Я с ума сошла? Я? Добрые люди, послушайте, что она говорит!

Добрые люди немедленно собрались послушать.

— Оказывается, я сошла с ума, а не ты! — кричала она на одной

какой-то пронзительной ноте. — Я собралась на Сона Ланку, чтобы там погибнуть в бездонном болоте! Я, а не ты! Это я толкусь в деревне уже второй час и ищу дурака, который умрет вместе со мной! Я, а не ты! Так кто же сошел с ума? Ты что, не понимаешь, что ищешь своей гибели? Не делай этого! Плюнь на этот остров и его не нужные никому развалины. Это я тебе говорю, Насима, потерявшая мужа и сына в этом предательском озере! Не пуццу! — И она снова ринулась на меня с туфлями наперевес.

Я невольно отступила, но круг добрых людей был плотен, и пути к отступлению не было. Я поняла, что сейчас начнется потасовка. Но Насима неожиданно замолчала, бросила туфли, обессиленно опустилась на мокрый камень, лежащий посреди грязной дороги, и заплакала тихо и безутешно. И столько было в этом плаче безысходного отчаяния и горя, как будто она оплакивала сразу всех не вернувшихся с озера. Добрые люди сразу стали расходиться, а я стояла над плачущей Насимой, понимая, что права она, а не я, и ощущала какую-то вину перед ней, ее погибшим мужем и не вернувшимся сыном. Я не знала, что ей сказать в утешение. Она кончила плакать так же неожиданно, как и начала. Шмыгнула крупным носом и уже спокойно и печально посмотрела на меня. Она поняла, что я сдалась.

— Идем ко мне пить чай, — тихо и мирно сказала она. Подняла туфли и зашагала, прямая и независимая, мать рыбака и жена рыбака с озера Вулар. И вот там-то, в убогой хижине, где, кроме нескольких горшков и старых одеял, почти ничего не было, Насима и рассказала мне удивительную и странную историю, которая приключилась с ее мужем лет двадцать пять тому назад. Тогда она еще не подозревала, что предательские воды Вулара поглотят ее Фахруддина и не вернут ей даже его тела.

...Фахруддин вышел на своей лодке ранним утром. Лов был удачным, и можно было уже возвращаться домой. Но что-то помешало ему сразу это сделать. Сложив сети, он задумчиво смотрел в воду. В тот летний день озеро было на удивление спокойным и напоминало огромное зеркало, над которым в вышине стояло солнце. Был полдень, и солнечные лучи отвесно падали в воду. И ему казалось, что он видит плоскую равнину озерного дна. Фахруддин не помнил, сколько времени он так смотрел в воду, как вдруг заметил, что на этой плоской равнине стало твориться что-то неладное. Сначала он увидел какие-то движущиеся тени, потом различил зубчатую стену. За стеной, кольцом окружавшей город, стояли каменные дома, а среди них огромный и прекрасный дворец. И чем больше он разглядывал подводный город, не в силах оторваться от него, тем большее беспокойство овладевало им. Он понял, что его взору предстал запретный город Великого нага Махападмы, живущего с незапамятных времен в этом озере. Рыбак чувствовал таинственные чары волшебного города, они кружили ему голову, лишали сил. И как бы затягивали его в глубину, туда, где тем-

нели стены и возносились причудливые башни.

И тогда огромным усилием воли он призвал спасительное имя Аллаха. Подводный город затуманился, за клубилась глубинная темнота, башни и дворец ушли куда-то в бездну. Фахруддин стер холодный пот, выступивший на лбу, и схватился за весла. Но они никак не могли побороть воду, такой она стала тяжелой и вязкой. Великий наг заколдовал ее. И снова Фахруддин призвал спасительное имя Аллаха и бесконечно его повторял, пока плыл к берегу. У самого берега силы окончательно покинули рыбака, и встречавшая его Насима с трудом довела мужа до дома. Когда Фахруддин пришел в себя, он рассказал жене о том, что видел.

— Вот какая история, — сказала Насима. — В тот злосчастный день Фахруддин увидел подводный город Великого нага. И наг, господин нашего озера, не простил Фахруддину этого. Только десять лет после этого прожил мой муж. И однажды больше не вернулся на берег. Ты человек образованный, как ты думаешь, может быть, наг когда-нибудь вернет моего мужа? Старики не раз рассказывали о таких случаях. Человек уходил к нагам, а потом возвращался живой и невредимый. Да еще с подарками. Как ты думаешь?

Как я думала? Я объяснила Насиме, что в моем образовании есть существенный пробел. Я ничего толком не знаю о нагах, а уж о Великом наге Махападме слышу впервые.

— Ну и образование, — насмешливо протянула Насима. — Даже неграмотные знают о нагах. Что же это за образование? Ну-ка скажи! — повысила она голос.

Я с опаской покосилась на туфли Насимы, стоявшие у порога, и предпочла уйти от ответа. Но про себя решила, что образование надо пополнить. Великий наг Вулар стоил того.

Позже я узнала, что в санскритских хрониках Кашмира озеро Вулар называлось Махападмасара, или Падманасара, — Озеро Великого Падмы, или озеро нага Падмы.

...Все началось с того, что наг Махападма потерпел поражение в борьбе с таинственной птицей Гарудой и попросил у главного нага Кашмира Нила-нага убежища. Тот принял нага Махападму, но вскоре выяснилось, что все места в Кашмире уже были заняты другими нагами. Тогда Нила-наг решил провести ревизию среди подопечных нагов, выгнать недостойных, а на освободившееся место поселить пришельца. Самым недостойным среди нагов оказался король Сагангула. Его поведение было столь вызывающим, что Нила-наг не колеблясь изгнал его из своих владений. Жилище наказанного находилось как раз там, где сейчас лежит озеро Вулар. Мифическое время течет совсем по-другому, нежели историческое. Пока все это происходило, царь Висвагасва, обычный человеческий царь, успел выстроить в этом месте прекрасный город Чандрапура. В этом городе были богатые дворцы, крепкие дома и сторожевые башни. Но однажды здесь появился риши — великий муд-

Горы нагов

рец Дурвасас. Он долго бродил по улицам прекрасного города, стучался во многие двери, но никто не захотел пустить мудреца в дом, никто не подал ему даже кружки воды. И тогда разгневанный Дурвасас проклял прекрасный город. «Пусть он превратится в озеро!» — воскликнул он и покинул Чандрапуру. Нила-наг, король всех королев нагов, конечно, сразу узнал о случившемся, призвал нага Махападму и велел ему занять место будущего озера.

— Неужели никого нельзя спасти от надвигающейся катастрофы? — спросил Махападма.

— Наверно, можно, — ответил король королев нагов. — Только ты сам теперь, раз уж я отдал тебе это место, должен во всем разобраться.

Махападма до последнего момента не верил, что жители целого города могут отказать путнику в пристанище. Он пошел в город и убедился, что это так. Единственным, кто впустил его в свое жилище, оказался сам царь Висвагасва.

— Уходи отсюда, — сказал он царю, — вместе с караваном лошадей, слонов и колесниц, со своими согражданами и возьми с собой все свое богатство и имущество. Скоро твой город превратится в большое озеро.

Царь так и сделал. Он ушел на запад и там воздвиг новый город Висвагасвапур. С тех пор на месте проклятого города плещется огромное и прекрасное озеро Вулар, а в нем обитает наг Махападма.

Я была бы склонна принять эту легенду за поэтический вымысел, навеянный мифом о потопах, и даже не обращать внимания на рассказ о Фахруддине, если бы не одно обстоятельство. Просматривая труды крупного археолога Аурелла Стейна, я натолкнулась на одно его высказывание, связанное с легендой об озере Вулар. «Воспоминание об этой легенде, — писал он в своих комментариях к хронике «Река царей», — до сих пор живет в народной традиции, и руины погибшего города, говорят, иногда можно видеть в воде»¹⁶.

И старинные хроники Кашмира, и его устная традиция были наполнены преданиями и легендами о таинственных нагах. Одни повествовали о необычной повседневной жизни нагов и их любовных похождениях, другие — об их мудрости и знаниях, третьи — о погибших и потопленных городах. Нагам принадлежали подводные и подземные сокровища, которые они ревниво охраняли. Они владели целыми древними городами, которые вследствие катаклизмов затонули в морях или озерах или просто провалились под землю. В этих городах и других подобных местах у королев нагов были собственные дворцы. На их украшение шли золото, серебро и драгоценные камни. В залах звучала музыка и прекрасные танцовщицы демонстрировали свое искусство. Дворцы были окружены садами, где росли невиданные деревья и цветы. Короли носили золотые короны и одежды, расшитые драгоценными камнями. Их ожерелья, браслеты и кольца сверкали

редкими и чудесными образцами алмазов, изумрудов, рубинов, аметистов, жемчугов.

Наги были не только королями, но и мудрецами, наставниками, магами, волшебниками и, наконец, культурными героями. Главный наг Кашмира — Нила создал книгу, которая всплыла из синей воды Ниламнага. В книге содержались мудрые советы, как жить, кому поклоняться, как вести себя в тех или иных случаях. Нила привил людям Кашмира прочные культурные традиции. Наг Такшака принес из неизвестных краев семена ценного шафрана. Недалеко от Пандретана, в деревне Джайявана, которая называется теперь Зеван, он показал жителям, как его сеять и выращивать, и шафран стал одним из богатств Кашмира. Кроме этого наги управляли погодой, обладали богатыми познаниями в медицине, а также были ясновидящими и ясновоспринимающими.

Культ нага, четкие следы которого проглядываются в современной культуре Кашмира, отличался удивительной живучестью. Он выдержал испытание различными религиями: индуизмом, буддизмом, исламом. В этом культе существовала какая-то необъяснимая сила, неведомая привлекательность, можно сказать, очарование. Даже агрессивный ислам не смог вытравить из души народа тысячелетнее уважение к священным источникам нагов, к их священным пещерам и убежищам.

Абул Фазл, придворный историк великого императора Акбара, с удивлением отмечал: «В Кашмире было сорок пять мест, посвященных Шиве, шестьдесят четыре — Вишну, три — Брахме и двадцать два — Дурге, но было семьсот мест в долине, где были высечены изображения змей, которым молились жители»¹⁷. Культ уходил корнями в глубокую древность, и ему сопутствовал какой-то обязательный ассортимент верований и ритуалов, например поклонение солнцу, священным деревьям и, наконец, богиням-матерям.

Последние играли особую роль. Если озера и источники Кашмирской долины названы в честь нагов, то реки, вытекающие из них, носят имена древних богинь: Витаста, Трикоти, Харсапатха, Чандравати, Висока. Сам Кашмир назван по имени богини гор Касмиры. В святилищах нагов молились и богиням. Это неразрывное сочетание сразу заметил Николай Константинович Рерих. Заметил, возможно, самую важную черту культа. Жена и змий. «Древность этого символа уже неисчислима»¹⁸, — писал он.

Знаменитый китайский путешественник Сюань-цзян в VII веке посетил много мест, связанных с нагами. Это были озера, пруды и прочие водоемы. Сюань-цзян был одним из первых, кто пытался в таинственном культе нагов увидеть элементы исторической реальности. Рерих высоко ценил достоверность старинных китайских хроник. «Вообще нужно отдать справедливость, — писал он, — старым китайцам за точность их описаний, в чем мы убеждались не раз»¹⁹.

Одна из ранних и блестящих династий царей Кашмира, правив-

шая в VII—IX веках, называлась по имени короля нага Каркота. Ее основатель, царь Дурлабха, как утверждает историческая хроника, родился от самого нага. Один из выдающихся царей этой династии, Лалитадитья, оставил яркий след в истории Кашмира. Он правил в VIII веке и был покровителем искусств и литературы. При нем строили те удивительные храмы из огромных каменных блоков, которые позже были разрушены мусульманскими правителями и лежат сейчас в руинах.

С нагами и их культом была связана и древнейшая цивилизация Индии, открытая в долине Инда в 20-е годы нашего века. На стеатитовых печатях Мохенджо-Даро сохранились изображения змей и фигур людей со змеиными капюшонами над головами. Еще раньше, в 1905 году, английский археолог Маршалл раскопал в Раджагире древнее святилище нагов. Это было каменное круглое здание, на внешней стороне которого стояло десять статуй, хорошо сохранившихся. Пять из них изображали нагов и одна — нагиню. У всех шести были удлинённые глаза, тонкие носы с горбинкой, полноватые губы. Кем они были, из каких глубин прошлого всплыло их мифологическое наследие? Индийский ученый Вед Кумари в своем предисловии к «Ниламатпуране» тоже не смогла ответить на этот вопрос. «Трудность в отношении идентификации нагов, — писала она, — состоит в том, что до сих пор они скрыты завесой легенд и мифов и возникают из глубин времени то как змеи, то как люди»²⁰.

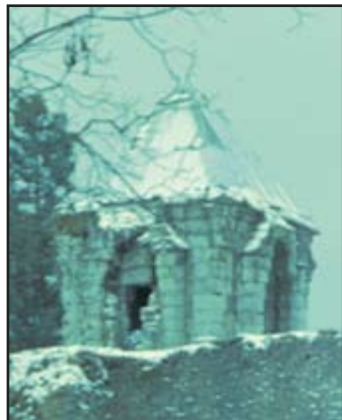
Скрытые этой сложной завесой, наги не поддавались ни археологической, ни этнографической расшифровке.

В эту кашмирскую трудную зиму слово «наги» было слишком часто у меня на слуху. Оно выплывало из туманов, скрывавших горы и озера, возникало из снегопадов, звучало на замерзших дорогах. Наги, наги, наги. Боги, духи, хранители стран света, короли, люди, змеи. Культурные герои, маги, волшебники, воины, мудрецы, хранители знаний и сокровищ, реально существовавшие царские династии. Слово было похоже на заклинание, на какой-то древний символ, на загадочный рисунок на скале. И я вновь и вновь возвращалась к этой таинственной вехе, оставленной Рерихом. Вглядывалась в его картины, с которых вставали мифические наги, вчитывалась в скупые, сказанные им слова...

4. ДОЛИНА СИНЕГО НАГА

Книга «Ниламатпурана», согласно мифу, всплыла из синих и таинственных вод Ниламнага. Несмотря на это, ее реальность не подвергается сомнению. Язык книги, по утверждению ученых, санскрит, а время написания — VI—VII века. Она повествует о событиях как мифического, так и исторического времени, а автором ее, как считает

традиция, является сам Нила-наг, или Синий наг, культурный герой Кашмирской долины. Книга содержит его наставления жителям

долины и предписания, как нужно жить и вести себя в мире. Говорят, что люди в далеком прошлом неуклонно следовали этим мудрым наставлениям, поэтому их жизнь была яркой, интересной, наполненной веселыми праздниками и полезным трудом. Эта жизнь была совсем непохожа на ту, которую сейчас ведут их потомки, подчиняясь правилам, пришедшим вместе с мусульманскими завоевателями.

Нила-наг, как и другие наги, был потомком риши Кашьяпы и женщины по имени Кодру. Когда бог Вишну осушил древнее озеро Сатисара, он сделал Нила-нага храни-

телем долины и ее королем. У короля был подземный дворец, который находился в кашмирских Гималаях. Синий наг появлялся перед теми, кто этого заслуживал, в сверкающей короне, в одеждах, шитых драгоценными камнями. Над его головой неизменно поднимался змеинный капюшон. Он был мудр, обладал тайными знаниями, в совершенстве владел искусством магии и мог проявить могущество, которое было под силу только истинным сиддхи.

Осушенная долина, по свидетельству «Ниламатпураны», была заселена не сразу. Первыми ее жителями были наги. Вслед за ними появились загадочные пишача. Потом пришли люди, потомки Ману, спасенного во время Великого потопа. Отношения между всеми ними складывались непросто. Конечно, наги как первые поселенцы имели кое-какие преимущества. Их необычные способности, знания и богатства заставляли их уважать и даже поклоняться им. Пишача же вели себя своеобразно, и люди долгое время не могли с ними ужиться. Нагам они также доставляли немало беспокойства. Говорят, что пишача были злыми колдунами, одевались в шкуры и не стригли волос. Они не умели строить дома и предпочитали ютиться в пещерах и других естественных убежищах. На поле боя пишача пили кровь побежденных врагов и устраивали дикие оргии. Некоторые вообще не считали их людьми и называли злыми духами. Этому можно было бы поверить, если бы они не оставили свой вполне реальный язык — пишача, или дардский, который английский лингвист Грирсон отнес к индоарийской языковой ветви.

У пишача был грозный вождь Никумба. Все воинственные дела, все походы совершались под его руководством. В отличие от людей, которые долго не выносили кашмирской зимы и жили в долине только шесть месяцев в году, пишача спокойно оставались там зимой. Но когда наступала весна, Никумба собирал свое воинство и они, захватив

женщин и детей, отправлялись на войну в «Океан песка» — так они называли великую Центрально-Азиатскую пустыню. Поскольку дело происходило в мифическое время, то и география тогда была мифической. Где находился этот «Океан песка», выяснить пока не удалось. Там пишача воевали против каких-то духов, населявших эту пустыню. Война продолжалась целых четыре юги. К зиме пишача регулярно возвращались в Кашмир, на короткое время заставляли там потомков Ману и успевали доставить последним кучу неприятностей. В связи с этим Синего нага, главного короля Кашмирской долины, беспокоили два обстоятельства — уход людей на зимнее время из долины и скверное поведение воинственных, ничего не признающих пишача.

Случилось так, что любопытный и не лишенный храбрости брамин Чандрадева решил остаться на зиму в Кашмирской долине. Но замученный холодами и затравленный пишача, он метался из конца в конец долины, пытаясь найти тихое пристанище. Во время скитаний он и попал в прекрасный подземный дворец Синего нага и только там перевел дыхание. Великий наг отогрел его и накормил, а потом дал ему свои первые наставления.

— Люди, потомки Ману, — сказал Синий наг, — могут жить в долине круглый год. Только они должны соблюдать определенные ритуалы. И тогда пишача не будут их беспокоить.

— Какие ритуалы? — поинтересовался брамин. И мудрый Синий наг назвал первый из них.

— Когда армия Никумбы, — сказал он, — будет отправляться в «Океан песка», потомки Ману не должны швырять в них камнями и орать непристойные песни. Они должны устроить этой армии достойные проводы, чтобы пишача почувствовали, что они тоже люди, а не какие-то злые духи. Когда же пишача к зиме начнут возвращать-

ся в долину, они должны знать, что их там ждут друзья, а не враги. Пусть потомки Ману помолятся за Никумбу, а ночью зажгут светильники около своих домов, чтобы армия Никумбы не заблудилась, если она войдет в долину ночью.

Потомки Ману вняли наставлениям мудрого Великого нага, и, когда армия Никумбы вошла ночью в Кашмирскую долину, она глазам своим не поверила. Повсюду в долине приветливо светились огоньки, а от прежней затаенной враждебности не осталось и следа. В каждом доме славили великого полководца Никумбу и его воинство. Армия пишача была растрогана, а Никумба произнес речь. Смысл этой речи заключался в том, что если кто-либо из его воинов посмеет хоть раз поднять руку на этих добрых людей или пристанет к их женщинам, то этот воин будет иметь дело непосредственно с ним, грозным и могучим Никумбой. И с тех пор пишача и потомки Ману все зимы мирно жили бок о бок. Когда же пишача отправлялись в «Океан песка», то им устраивали такие торжественные проводы, что даже старые, выдавшие виды воины и те не могли удержаться от слез. Так продолжалось много веков подряд, и уже было трудно понять, где пишача, где потомки Ману, так все смешалось.

Великий мудрый наг, покровитель долины, дал людям много других наставлений, научил их искусству и ремеслам, рассказал, как устроены Земля и Вселенная, показал, как надо писать и беречь книги, как поклоняться другим богам, появившимся в долине после

Синего нага. Он уважал и почитал великого учителя Будду и предписал своим подданным также почитать и его. Основы жизни людей Кашмирской долины, заложенные Синим нагом, продержались очень долго и незаметно перешли в то историческое время, когда была написана реальная, историческая «Ниламатпурана».

В VI—VII веках долину населяли красивые, утонченные и образованные люди, у которых кроме Синего нага были и свои человеческие короли и правители. Основные занятия жителей долины, земледелие и торговля, как бы соперничали друг с другом. Когда условия благоприятствовали выгодной торговле, жители долины бросались торговать. Когда торговля на древнем караванном пути замирала, снова брались за земледелие. Таков уж был характер народа: торговали с большей охотой, пахали землю — с меньшей. Что-то от тех времен осталось и сейчас.

В долине Синего нага поклонялись нагам и матерям-богиням. Поэтому женщины в жизни долины занимали особое место. Они пользовались полной свободой и не знали, что такое женская половина дома и темная парда. Они имели непререкаемое право голоса в любых делах, участвовали во всех религиозных церемониях и праздниках. Во время праздника цветов их украшали цветами и гирляндами и поклонялись как богиням. Им молились по специальным праздникам, делали ритуальные подношения, зажигали в их честь священные огни. В праздник Чатуртхитритаия прославляли верных жен. Устраивались даже специальные спортивные состязания для женщин. Среди них были поэты и художники, правители и придворные советники. Они были куртизанками и храмовыми танцовщицами-девадаси. Куртизанки занимали высокое положение и соперничали с королевами и знатными дамами. Они появлялись при королевских дворах, утонченные и образованные, искусные в пении и танцах, затмевавшие своей красотой и манерами тех, кто привык к почету и роскоши. Придворные открыто боролись за внимание этих женщин и похвалялись своими победами над ними. Иногда престиж знатного придворного оценивался благосклонным взглядом, брошенным на него той, красота и искусство которой ценились в те времена столь высоко.

Искусству и красоте поклонялись. Так предписал Великий наг. По особым дням молились божеству архитектуры Васту, молились узорам на одежде, молились актерам, дававшим представления, молились инструментам, с помощью которых художники и ремесленники создавали свои произведения. Танцы, пение и музыка были неотъемлемой частью повседневной и ритуальной жизни. Музыканты, танцоры и актеры занимали высокое социальное положение. Талант и одаренность уважались больше, чем знатность и богатство. К книгам и знаниям, в них содержавшимся, относились с огромным почтением и тоже молились им в храмах. Слава о кашмирских пандитах-ученых распространилась далеко за пределы долины.

Праздники в долине были веселыми, красочными и содержатель-

ными — с музыкой, танцами, песнями, цветами, яркими огнями, с обязательными благовониями, пирами, на которых пили вино, и, наконец, с различными молитвами. Содержание молитв зависело от характера праздника. Были праздники цветов, первого снега, первой виноградной лозы, первого зерна, собранного осенью, первой борозды, проведенной весной. И конечно, были праздники в честь нагов, когда молились им и сверкающим снежным вершинам Гималаев. Устраивались праздники в честь богини земли, богини дома, богини виноградной лозы, богинь рек. Были также праздники, когда поклонялись солнцу, луне, планете Венере, созвездиям... Синий наг, предписавший эти ритуалы, напоминал людям об их таинственной связи с космосом, о том, что они, как солнце, луна, планеты и созвездия, являются частицами Великой Беспредельности.

Он также не давал забыть им о том, что произошло в глубочайшей древности в Гималаях и Кашмирской долине. Праздновался, например, первый день творения или, вернее, «Новый день творения» — Навасамватсара. Одно только перечисление объектов поклонения может дать вполне ясную картину того «Нового дня творения», который выплывал из глубин мифического времени и становился реальностью на удивительном празднике. Поклонялись индуистской троице богов: Брахме, Вишну и Шиве. Кроме них этого удостаивались: планеты, созвездия; божества, управляющие Временем; все четырнадцать Ману — прошлые, будущие и настоящие; все риши — Великие мудрецы; богини-матери; семь континентов; семь миров, в том числе и нижние; девять земель Бхараты (Индии), пять стихий, человеческий ум и душа, всемогущий Пуруша, горы, реки и почти все божества, которые содержатся в священных книгах начиная от Вед и кончая Пуранами. Торжественно отмечалась дата извлечения земли Кашмира из вод Великого потопа. Отмечали начало новой Крита-юги, дни рождения семи Ману и появление самой большой реки Кашмира — Джелама. В ней омывались, ей молились, приносили цветы. И голубая река еще много дней после праздника несла на своих водах гирлянды цветов и изысканные кушанья, предложенные ей благодарными людьми.

Праздники порождали в людях долины Синего нага чувство причастности ко всему совершающемуся на земле, в космосе и у богов. Даже бог Вишну, своим выдохом создающий каждый раз новую Вселенную, а вдохом погружающий ее в длинную ночь Пралайи, а затем отдыхающий на космическом змее Сеше, имел непосредственное отношение к людям долины. В Кашмире существовало твердое убеждение, что если не устроить праздника в честь засыпающего Вишну, то бог не уснет. Бог засыпал, но иногда ворочался на своем ложе, и тогда шел подземный гул и сотрясались окрестные горы.

Когда его будили, то пять дней все танцевали, пели и играли на музыкальных инструментах. К концу пятого дня Вишну не выдерживал этого шума, просыпался, и люди успокаивались. Они знали, что

Вишну снова взялся за работу. Кроме праздников были длительные паломничества к местам, связанным с нагами, богами и богинями. В те далекие времена, несмотря на обилие праздников, люди исправно пахали землю, растили ячмень, пшеницу и рис, строили храмы из каменных блоков, украшали их изысканной скульптурой, ткали одежду и расшивали ее яркими узорами, создавали из серебра, золота и драгоценных камней тонкие и изящные украшения, строили дома и дворцы, писали книги и сочиняли стихи. Короче говоря, делали все, что делали другие народы, и не хуже остальных, а иногда и лучше.

Праздники несли в себе мифологическое время и память о свершенном в его глубинах. История же Кашмира была иной, хотя и соприкасалась с мифологическим прошлым, как бы вытекала из него. Она была наполнена уособицами, враждой, предательством и убийствами. В ней были войны, справедливые и несправедливые, грабежи и насилия. И поэтому книги «Ниламатпурана» («Наставления Синего нага») и «Раджатарангини» («Река царей») так не похожи друг на друга. Но как бы то ни было, их миры существовали рядом в пространстве этой удивительной долины.

«И мир роз и шалей кашмирских не похож на забытый и скрытый мир кашмирских клинков»²¹, — писал Рерих в экспедиционном дневнике. В современном Кашмире Николай Константинович сумел увидеть эти два мира — мир кашмирской культуры и мир кашмирской политики.

Потом, века спустя, унылый плач муэдзина на минаретах мечетей заглушил веселье древних праздников долины Синего нага. Похожие на мешки покрывала скрыли красоту женщин. Их прекрасные лица стали замкнутыми, в удлинённых глазах затаился испуг. Женская половина дома стала их миром и уделом. Они разучились петь и танцевать и превратились из богинь и королев в людей второго сорта. В тех, кто ничего не может и не умеет. Древняя культура, в которой жили чудесные мифы и легенды, царили красочные праздники, музыка и танцы, которая помнила о Великих мудрецах, Синем наге и ученых-пандитах, обладавших тайными знаниями, гибла под сапогами мусульманских завоевателей.

Характер народа, прежде веселый и легкий, менялся. Исчезала былая утонченность, глаза теряли зоркость, уши — слух. Но культуру как таковую уничтожить нельзя. Ибо она находится в самих людях. И пока эти люди живы, жива и она. Темными зимними вечерами кашмирцы рассказывали своим детям чудесные истории о нагах, мудрецах и погибших боггах. Те, вырастая, передавали истории своим детям. И так из поколения в поколение. Возвращаясь из мечети, люди приносили жертвы у источников, где затаились древние и могущественные наги. На шали, вазы и ковры, которые разрисовывали по-прежнему искусные руки кашмирских ремесленников, ложились узоры-воспоминания. Они нарушали традиционный мусульманский орнамент. В них по-прежнему царили сказочные

птицы и цвели невиданные цветы. Мудрые наги изображались на блюдах, украшенных вязью арабских письмен. Великий Синий наг продолжал жить в синей чаше истока древней Витасты.

Когда последние завоеватели, англичане, ушли из Индии, культура Синего нага получила второе рождение и стала жить в музеях, в археологических раскопках, в переводах древних источников, в научных исследованиях, в полуразрушенных храмах и святилищах, охраняемых государством независимой Индии...

5. ЛЕС ШЕСТИ АРХАТОВ

Из буддийских памятников почти ничто не сохранилось в Кашмире, хотя здесь жили такие столпы старого буддизма, как Нагарджуна, Асвагоша, Ракхшита...

Н.К.Перих

Древний Харван лежал за садами Шалимара, между грядой Пир-Панджал и озером Дал. Когда-то он назывался по-другому, Шадархадвана — «Лес шести архатов».

История и легенды не сохранили имен этих архатов и их деяний. Они так и остались безымянными. Но само слово «архат» указывало на связь этого места с буддизмом, который распространился в Кашмирской долине в первые века нашей эры и просуществовал, по многим свидетельствам, до XII века. Архаты были мудры, владели тайными знаниями и обладали необычными способностями. Они шли по земле своими, одним им ведомыми путями, и эти пути проходили в стороне от человеческой сутолоки, страстей и конфликтов. Редко появляясь в шумных городах,

они предпочитали уединение в лесах и горах погоне за призрачными и ненадежными ценностями мира иллюзий — майи. Они возвышались над этим миром, спокойные, бесстрастные и мудрые. Их изображали на фресках буддийских храмов рядом с бодхисаттвами, ибо каждый из них находился на пути к этому высокому состоянию. Кашмирская долина притягивала архатов горами и лесами, близостью к Великим Гималаям, относительной изолированностью от остального мира. Как и древние риши, буддийские архаты, таинственные и всезнающие, прокладывали свои пути по этой долине. Шесть из них когда-то жили в лесу на горном склоне, где и возник в далеком прошлом большой буддийский монастырь.

Такие монастыри появились в долине, когда она входила в состав

могущественной империи Кушанов. Империя эта возникла в таинственных глубинах Центральной Азии и в первые века нашей эры распространилась на Северную Индию. Ее императоры, любившие конную езду и ходившие в неведомых Индии сапогах, носили странные, не индийские имена: Канишка, Васишка, Хувишка. О монастыре в Лесу шести архатов писал всезнающий Сюань-цзян, о нем упоминал создатель хроники «Реки царей» Калхана. Потом люди и время разрушили монастырь, а земля погребла его под собой.

Возможно, он так бы навсегда и ушел в небытие, если бы не селевой поток, вынесший на поверхность розовые керамические плитки. На них были невиданные изображения, тонкие и искусные. Весть о таинственных плитках разнеслась по окрестным деревням и достигла ушей археологов. Из старинных источников они узнали о древнем буддийском монастыре и вспомнили, что Аурелл Стейн писал в своем археологическом отчете 1888 года об осколках кирпичей, найденных им в Харване. Розовые керамические плитки были тщательно обследованы, описаны и помещены в музей в Сринагаре. Археологи предположили, что такими плитками был вымощен пол в древнем буддийском монастыре, а возможно, облицованы и стены. Плитки были необычные. Ничего подобного раньше в Кашмире не находили.

Я держу в руках такую плитку. Она легкая, прочная, красивого розового оттенка. Когда я щелкаю по ней, она отзывается тонким звоном хорошо обожженной керамики. В Сринагарском музее, как и в остальных, трогать экспонаты руками нельзя. Но мне разрешили. На плитках изображены люди, жившие много веков назад. У них свободные одежды, причудливые прически, тяжелые серьги, изящные ожерелья и тонкие браслеты. Они как бы продолжают жить своей древней жизнью: стоят на балконах, скачут на лошадях, кружатся в стремительном танце, стреляют из лука, бьют тонкими пальцами по натянутой коже барабанов. На розовых плитках цветут лотосы и сказочные цветы, восходят солнце и луна, куда-то бегут олени с ветвистыми рогами, вытянув сильные и легкие тела. Фантастические животные, подняв змеиные шеи, сплетаются в затейливых орнаментах.

У людей на плитках тонкие носы, удлиненные глаза. Ну конечно, это те, которые внимали наставлениям Синего нага. Это их праздничные наряды, их танцы и музыка. Это их длинноволосые аскеты, водоносы, землепашцы.

С того дня Лес шести архатов завладел полностью моим воображением. И наконец в один из ясных дней мы с Фазли отправились туда. Сам Харван оказался большой и чистой деревней с широкими улицами и красными кирпичными домами, крытыми соломой. Деревня стояла у подножия горного склона, а внизу виднелась голубая гладь озера Дал. За горным склоном поднимался синий хребет со снежными вершинами. Склон был почти безлесым, и его пересекали во всех направлениях поля. Лес шести архатов более не существовал. За века, прошедшие

с той поры, его вырубили, а склон покрыли террасами полей и стали возделывать. Там, среди этих полей, и лежали руины древнего буддийского монастыря, чьи полы были вымощены удивительной розовой плиткой. Где искать эти руины, не знали ни Фазли, ни я. Группа крестьян в темных перенах, стоявшая перед деревянной харчевней, долго не могла понять, что нам надо. Наши объяснения не помогали делу, а лишь его запутывали. Крестьяне внимательно слушали, приветливо кивали, но почему-то посылали нас к берегу Дала, где, как известно, никаких древних развалин не было. Мы уже потеряли надежду, когда из харчевни выскочил юркий сухонький человек. Он взмахнул рукавами черного перена, как крыльями, растолкал стоявших вокруг людей, ударил себя кулаком в грудь и громко заявил:

— Я — чоукидар. С ними, — он ткнул согнутым пальцем в сторону крестьян, — говорить нечего. Надо говорить со мной. Я — чоукидар.

— Ну и что ж, что чоукидар, — не оценила я заявления юркого человека, — чоукидаров много. Сторож и есть сторож. А дальше что?

— Как что? — оторопел человек. — Вы уже полчаса толкуете с ними о развалинах. А эти развалины сторожу я. Только мне доверили такую работу. Большие люди приезжали из Сринагара и все поручили мне.

— Так что же ты до сих пор молчал? — рассердился Фазли.

— Я не молчал, — обиделся чоукидар. — Я разговаривал с хозяином харчевни, моим другом. Это вы молчали. Я все ждал, когда вы войдете и спросите меня.

Мы немедленно последовали за ним. Тропинка петляла меж полей, скальных уступов и огромных валунов. Она то поднималась вверх, то снова спускалась вниз. «Большой чоукидар» шел легко и привычно, и мы явно отставали от него. Наконец мы поднялись на большую каменную площадку, откуда хорошо были видны оставленные внизу террасные поля и красные дома деревни.

— Вот, — сказал с гордостью «большой чоукидар», — все это поручено мне. Это очень древние развалины. Древнее уже нет.

Он был в чем-то прав. Монастырь, по сведениям индийских историков, был построен в IV—V веках. Но сам Лес шести архатов был известен последователям Будды много раньше.

Возможно, эти шесть архатов были из тех пятисот, которые, как гласит предание, пришли в Кашмир еще при царе Ашоке в III веке до нашей эры и жили в Кашмирской долине, проповедуя буддизм. От нижней площадки вверх вела каменная лестница. Мы поднялись по ней и оказались на второй площадке. Оттуда тропа вела к третьей. Монастырский комплекс был расположен на склоне тремя уступами. На второй площадке, на полу разрушенного монастырского здания, сохранились еще розовые плитки. Они лежали плотно пригнанные друг к другу, и на них цвели розовые лотосы. Отсюда хорошо просматривалось пирамидальное основание ступы, когда-то стоявшей на первой площадке. Камни, камни, камни. Одиночные кедры, похожие на погребальные

свечи. Обрушенные или размытые лестницы, идущие в никуда. Вот и все, что осталось от некогда знаменитого места под названием «Лес шести архатов».

Теперь здесь царила тишина, которую не нарушало даже пение птиц. Тишина забвения и разрушения. И только косые лучи заходящего солнца, безжалостно высвечивая эти камни и остатки руин, клали на них красноватые блики заката. И эти солнечные лучи, и прозрачный горный воздух, и розовые снега синего хребта были единственным, чего не коснулись ни разрушение, ни забвение. Они остались по-прежнему неизменными с тех пор, как здесь стоял кедровый Лес шести архатов, окружавший буддийский древний монастырь. Они были такими же и тогда, когда много веков тому назад здесь жил прославленный Нагарджуна — великий философ, получивший знания от Великого короля нагов и преобразовавший учение Будды.

Именно в таких же красных отблесках заката Великий наг поднял свой капюшон из глубин священного озера, на берегу которого сидел Нагарджуна. Так на картине Рериха изображен таинственный момент передачи знаний. В картине реальность переплеталась с мифом так же, как и в жизни самого буддийского философа. Спорны, но реальны даты его жизни — то ли первый век, то ли третий. Известно, что он был брамином, принявшим буддизм и получившим образование в Наланде, знаменитом центре буддийской учености. Слава Нагарджуны шагнула далеко за пределы Индии. Его хорошо знали и в Тибете, и в Китае. На этом, собственно, и кончается реальная часть его биографии. Далее она переходит в мифическую стадию, где легенды и сказания о нем, как о великом маге, играют основную роль.

Легенды повествуют о необычных способностях Нагарджуны. Он мог вылечить человека одним взглядом, владел тайной составления эликсира жизни, обладал способностью находить спрятанные сокровища и клады, умел восстанавливать разбитые и поломанные вещи, да так, что никто и предположить не мог, что вещь была испорчена. Поврежденные драгоценные камни в его руках становились вновь полноценными. Он мог делать золото. Однажды буддийская община, где он жил, оказалась из-за неурожая на грани голода. Нагарджуна сделал золотые зерна и обменял их на настоящие. Он был ясновидящим, обладал даром пророчества и мог становиться невидимым.

Наиболее загадочным моментом его легендарной биографии была связь с нагами. Свое имя — Нагарджуна, или «победитель Нага», — он получил благодаря общению с последними. Встреча с Великим нагом была, по-видимому, кульминацией таких взаимоотношений. Знакомство Нагарджуны с нагами, как утверждают легенды, состоялось еще в Наланде. Наги появлялись в монастыре в облике юношей, ровесников Нагарджуны. Они же, согласно традиции, и передавали ему тайные знания, а затем пригласили к себе. Он провел у нагов в тайном месте три месяца. Когда пришло время прощаться, наги по своему обычаю

поднесли Нагарджуне богатые подарки и различные драгоценности. Но самой драгоценной оказалась книга «Нагасахасрика», где содержались ценные наставления.

Есть скупые свидетельства о том, что в стране нагов, которую посетил Нагарджуна, жили не только мудрые наги, но и архаты. И беседы с ними завершили философское образование Нагарджуны. Из страны нагов, по этой версии, он отправился на север и оттуда попал совсем в другую часть света. Там жили высокие существа, среди которых Нагарджуна провел двенадцать лет. Дорогу в эту страну указали ему наги.

И наконец, в легенде говорится, что Нагарджуна жил какое-то время в буддийской общине, на горе. Там, в горном убежище, и увидел его Великий наг. Нагарджуна понравился ему своей ученостью и пытливый умом, и Великий наг пригласил его в свой дворец. Но трудность состояла в том, что дворец находился на морском дне. Однако Великий наг помог Нагарджуне. Каким образом — легенды об этом умалчивают. Во дворце Великий наг показал ему семь хранилищ с ценностями. В них находились и древние книги, о которых живущие на земле люди не знали. Великий наг достал с полки несколько книг учения Будды и дал их Нагарджуне. Тот изучал книги девяносто дней подряд, постигая их глубокий смысл. А Великий наг, ежедневно ведя беседы с ним, обсуждал с Нагарджуной прочитанное. Когда срок его пребывания во дворце Великого нага истек, тот подарил ему несколько книг. Эти книги Нагарджуна и принес с собой в Индию. Кроме этого Великий наг сказал, что у него, Великого нага, книг много больше того, что видел Нагарджуна. Но что это за книги и как они выглядят, Великий наг ему не сообщил.

Хотя все версии посещения Нагарджуной страны нагов и его контактов с этими таинственными существами расходятся между собой, но общим для всех них остается одно: Нагарджуна получил от нагов знания и книги. Одна из них, «Нагасахасрика», является реальной, а не мифической.

Конец ученого монаха был странным и неожиданным. Сын царя, с которым он был дружен, в гневе отрубил ему голову. Эта версия конца Нагарджуны основана на легенде. Точных данных о его смерти, как и о рождении, у нас нет.

Но тем не менее он существовал, учился и учил, посещал таинственные горные убежища, писал философские труды и прожил какое-то время на горном склоне в Лесу шести архатов, между синим хребтом Пир-Панджал и голубым озером Дал, там, где сейчас лежат лишь руины древнего буддийского монастыря и среди валунов высятся редкие одинокие кедры. Человек и миф, человек и легенда — его сухая, прямая фигура изображена на рериховской картине «Нагарджуна — победитель Змея».

Сюань-цзян, китайский путешественник, вошел в Кашмирскую долину с запада, преодолев перевал через хребет Пир-Панджал. Это было в VII веке. Пожалуй, никто из современников так подробно и

хорошо не описал кашмирский буддизм, как это сделал Сюань-цзян. Первую ночь в Кашмире путешественник провел в буддийском монастыре, около Хувишкапура. С тех пор прошло много лет, и от этого монастыря почти ничего не осталось. Как не осталось и от остальных ста, упомянутых в записках китайского путешественника. Даже древний город Хувишкапура, основанный в начале нашей эры кушанским императором Хувишкой, ушел под землю, а на его холмах теперь расположилась большая деревня Ушкар. Где-то там, в древних руинах, затерялись и следы пытливого Сюань-цзяна. Но время от времени земля отдает свои сокровища.

В Ушкаре она отдала нечто необычное — терракотовые портреты людей того времени. Так же как и розовые плитки Харвана, они были выставлены в витринах Сринагарского музея. Созданные незаурядным художником, портреты были конкретны, реалистичны и точны. На них лежала печать блистательной Гандхары. Вот древний аскет. Лоб, покрытый морщинами, страдальчески изогнутые брови, густая борода, сжатые губы. Терракотовые глаза смотрят осмысленно и пристально. Они как бы хотят о чем-то поведать. О чем же? О мудрости древней аскезы и ее тяжести? О тайных пещерах в горах? О жизни, полной лишений? О высотах духа, достигнутых этими лишениями? Мне трудно оторваться от этого лица с говорящими глазами.

Еще один портрет: бритая голова удлинённой формы, тонкие черты юношеского лица, высокий лоб, большие задумчивые глаза. Или вот этот: такой же бритоголовый, как и первый (признак монашества), с такими же тонкими чертами и удлинённой головой. Но его глаза наполнены затаенной жизнью. Он утончен, интеллигентен и уверен в себе. А это монастырский служка с покорно опущенными глазами. Он, может быть, открывал тяжелые двери, принимая китайца Сюань-цзяна. Проведя ночь в монастыре, путешественник вышел на улицы древнего города. Возможно, он встретил и эту женщину с гордо поднятой головой, с улыбающимися удлинёнными глазами и нежным овалом лица.

Я уйду из музея, когда старый сторож с ревматическими ногами гасит лампы в главном зале. Сумерки спускаются на темную воду Джелама. И оттуда доносятся сначала песня, а потом равномерные всплески весла шикары.

В Барамулу, так теперь называется древний Варахмул, я попала к концу зимнего дня. На улицах города уже горели фонари, а над горами, вплотную подходившими к городу, светлела желтая закатная полоска. По узкой улочке с тесно стоящими домами я спустилась к Джеламу, но того, что я ожидала, не увидела. Барамула, которую рисовал Рерих в 1924 году, теперь оказалась совсем другой. На картине была изображена широкая река у подножия горного хребта. По реке сновали крытые шикары, а вдали виднелся мост. Берега были пустынными и плоскими. Мост я увидела сразу. Он служил мне ориентиром. Я брела вдоль берега, стараясь не запутаться в хитром переплетении

прибрежных улочек. Они то уводили меня от реки, то вновь заставляли возвращаться к ней. Тем временем вода реки начала розоветь, постепенно наливаясь красным светом. И когда я подняла голову, то увидела над горами полыхающее зарево заката. От этого зарева горы обрели фантастический красноватый оттенок, а зеленоватые уличные фонари казались неестественно яркими на этом красном трепещущем полотнище заката. Все продолжалось какие-то минуты, потом зарево погасло и только над горами, у самых пиков, осталось какое-то красноватое свечение, как будто там, за ними, кто-то разжег гигантский костер. Когда костер погас, сразу стало темно, и лишь тусклый свет фонарей размытыми пятнами лежал на промокшей земле.

Утром я пешком отправилась в Ушкар. На пожелтевшей траве, вдоль промерзшей дороги, сверкал иней. По облетевшим придорожным тополям и яблоням окрестных садов порхали синие и желтые птицы. Ярко-красные зимние яблоки валялись на озябшей земле. Я вышла к окраине большой деревни и сразу увидела то, что искала. У подножия большого холма, аккуратно подогнанные друг к другу, лежали прямоугольные гранитные блоки. Камень был тщательно обработан. Верхние блоки были скруглены по краям и чуть выступали над остальными. Они образовывали конструкции, которые под углом тянулись вдоль храма. Древний монастырь только что начали раскапывать. Строгие блоки основания напоминали о греческих храмах с колоннами и портиками. Остальные здания скрывал холм, у подножия которого и были начаты археологические раскопки. Я поднялась на холм. Его сглаженная вершина поросла сухой травой и была усеяна обломками кирпичей. Отсюда я увидела второй холм, выросший над руинами буддийского монастыря. Древний город Хувишкапура лежал когда-то у подножия этих холмов. «Портретная галерея» была найдена у гранитного фундамента ступы, раскопанного археологами.

Вокруг стояла такая же тишина, как и в Лесу шести архатов. И только изредка сюда долетали голоса ребятишек, игравших в конце деревенской улицы. Они носились вперегонки, совсем не подозревая, что под ней лежал древний город Хувишкапура. Тот город, где стоял когда-то большой буддийский монастырь, приютивший на ночь знаменитого Сюань-цзяна. Вечером над Барамулой снова полыхал оранжево-красный пожар заката, а над снежными пиками поднялось облако, похожее на ступу. Из-за нее выплыла женщина с высокой пышной прической. Но ступа и женщина вскоре стали расплываться, как будто сгорали в этом закатном огне...

6. «ПРЕВРАТИЛИСЬ В РАЗВЕЯННЫЙ ПРАХ И РАЗНЕСШУЮСЯ МОЛВУ»

Патан. На развалинах храма Шивы

После «мелкого рисунка» современного Кашмира отдыхаете на развалинах Мартанда и Авантипура. И здесь девятый и десятый века дали расцвет. Здесь фанатика азиатской колыбели романеска торжественно слилась с радостным культом Вишну. Чувствуете, что и здесь, на фоне сапфировых предгорий Гималаев, стояли

величественные сооружения. Вскрыты они лишь частично. Пологие наносные бугры скрывают целые дворцы и города. Картина мощи Азии еще не явлена. Только искры ее можно отметить на случайных листках. Любящие руки соберут чашу прекрасного сознания.

Н.К.Перих

Бог Солнца Сурья в сверкающей золотой короне скакал на коне сквозь холодный дождь, смешанный с мокрым снегом. Его ноги, обутые в высокие сапоги, сжимали раздувавшиеся бока лошади. Длинные до плеч волосы развевались на резком ветру.

Но наступил момент, когда копыта лошади, опущенные на мгновение на землю, уже не смогли оторваться от нее. Двенадцать веков продолжается каменный плен, в который заключил бога и его лошадь неизвестный, но знавший свое дело художник. Двенадцать веков мчится каменный бог на каменном коне в нише храма Солнца в Мартанде. Сам храм за это время превратился в руины, которые разбросаны по высокому плато у самого горного хребта. Его крыша обрушилась, стены развалились. Но все еще стояла широкая каменная лестница, с которой были видны остатки стен, сложенных из гранитных блоков, высокие арочные входы, колонны с капителями, перекрытия, украшенные каменным кружевом древнего орнамента. И казалось, что в храме, разрушенном рукой фанатика, продолжала теплиться и пульсировать какая-то особая древняя жизнь. Во дворе, среди осколков камней, стояли большие горшки-хумы, как будто их только что вынули из храмовых кладовых, чтобы наполнить полновесным зерном или молодым вином. Я стукнула по одному из них, и он отозвался гулким и чистым звоном.

Древняя, не убитая до конца жизнь ощущалась в изогнутом стане богини Ганги, присутствовала в статной фигуре Великого бога Махадевы, текла по изогнутым в улыбке губам танцовщиц, струилась по царственным лицам неведомых принцев и принцесс. Лица богов и людей, стертые и уцелевшие, разбитые и сохранившиеся, смотрели со стен храмов, с камней, разбросанных по мощеному двору, возникали из сухой травы и синих васильков. Удивительная культура, напитавшая эти руины, даже в развалинах сохранила свой строгий и мощный контур, тонкость и изысканность своего искусства и неувядаемость улыбок людей, поклонявшихся Солнцу.

В конце дня дождь со снегом прекратился и совсем неожидан-

Патан. Руины храма Шивы

Авантипур. Развалины храма Вишну

Мартанд. Руины храма Солнца

Авантипур. Развалины храма Вишну

Авантипур. Руины храма Шивы

но и торжественно с запада полились красноватые лучи солнца. А потом и само солнце, пробившись сквозь облака и тучи, возникло в проеме высоких западных ворот и повисло между двумя колоннами, ослепительное и сияющее. Оно залило двор, осветило ряды стройных колонн и засверкало на крупных дождевых каплях, осевших на стенах, арках и барельефах храма. Капли вспыхнули радужным светом, заиграли всеми цветами радуги и стали похожи на гирлянды драгоценных камней, неожиданно, как по волшебству возникших на сером граните храма. Солнце било косыми лучами в его стены, резкие темные тени легли там, где были провалы и разбитые камни. И на какое-то мгновение мне показалось, что храм никто не разрушал, что он стоит целый и невредимый, поднимаясь из небытия на высоком плато у синего хребта со снежными вершинами.

У основания широкой лестницы я обнаружила небольшой, вымощенный камнем бассейн. Бассейн давно пересох. Конечно, это был наг, вернее, остатки древнего святилища, на котором вырос потом этот грандиозный храм Солнца. Храмы редко строили на пустом месте. Им всегда предшествовали святилища, через которые они подхватывали золотую нить культурной преемственности, идущую из мифологических времен. Храм Солнца воздвигли в VIII веке при блистательном царе Лалитадितье из династии нага Каркота.

Внизу, у основания плато, в деревне Маттан, находился еще один наг, но его каменная ванна была заполнена водой, а края тщательно выстланы плиткой. На каменной стене нага было вырезано Солнце с улыбающимся лицом, ибо, как повествует легенда, здесь родился бог Солнца.

Те, о ком писала «Ниламатпурана», тоже были солнцепоклонниками. В некоторых легендах и мифах нагов считали потомками Солнца и прародителями загадочной солнечной расы. И поэтому в самой «Ниламатпуране» Синего нага сравнивают с солнечным богом. Загадочная солнечная раса породила солнечные династии. Династия нага Каркота была именно такой. Солнечные династии царей-кшатриев существовали и в соседнем Раджастхане. Его правители называли себя «сурьяванши». Великий герой Индии Рама из эпоса «Рамаяна» был царем солнечной династии.

Развалины храма Солнца не единственные в Кашмирской долине. Таких руин очень много. В них живет память об уникальной культуре. Культуре искусных архитекторов, которым был доступен смысл гармонии гор и зданий, одаренных художников, создававших на стенах храмов каменную летопись прошлого и настоящего, ученых-пандитов, хранителей древних знаний. Солнечные династии, солнечные боги, таинственные наги и могущественные богини были неотъемлемой частью этой культуры. Они правили телами и душами тех, кто строил храмы, высекал статуи, писал стихи, сочинял изысканную музыку. Древняя культура долины Синего нага процветала до XII века. Люди долины

Авантипур. Барельеф храма Вишну

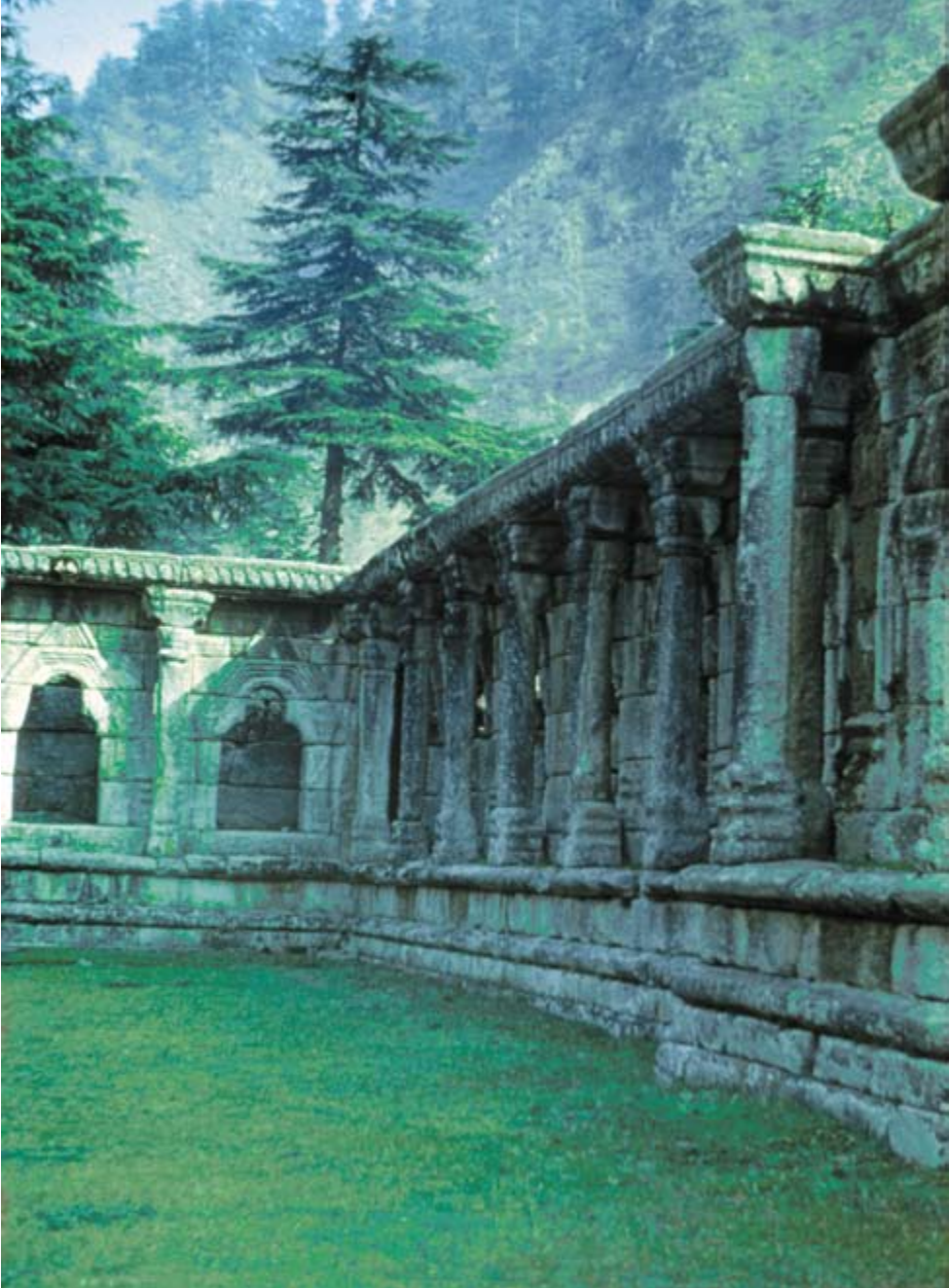

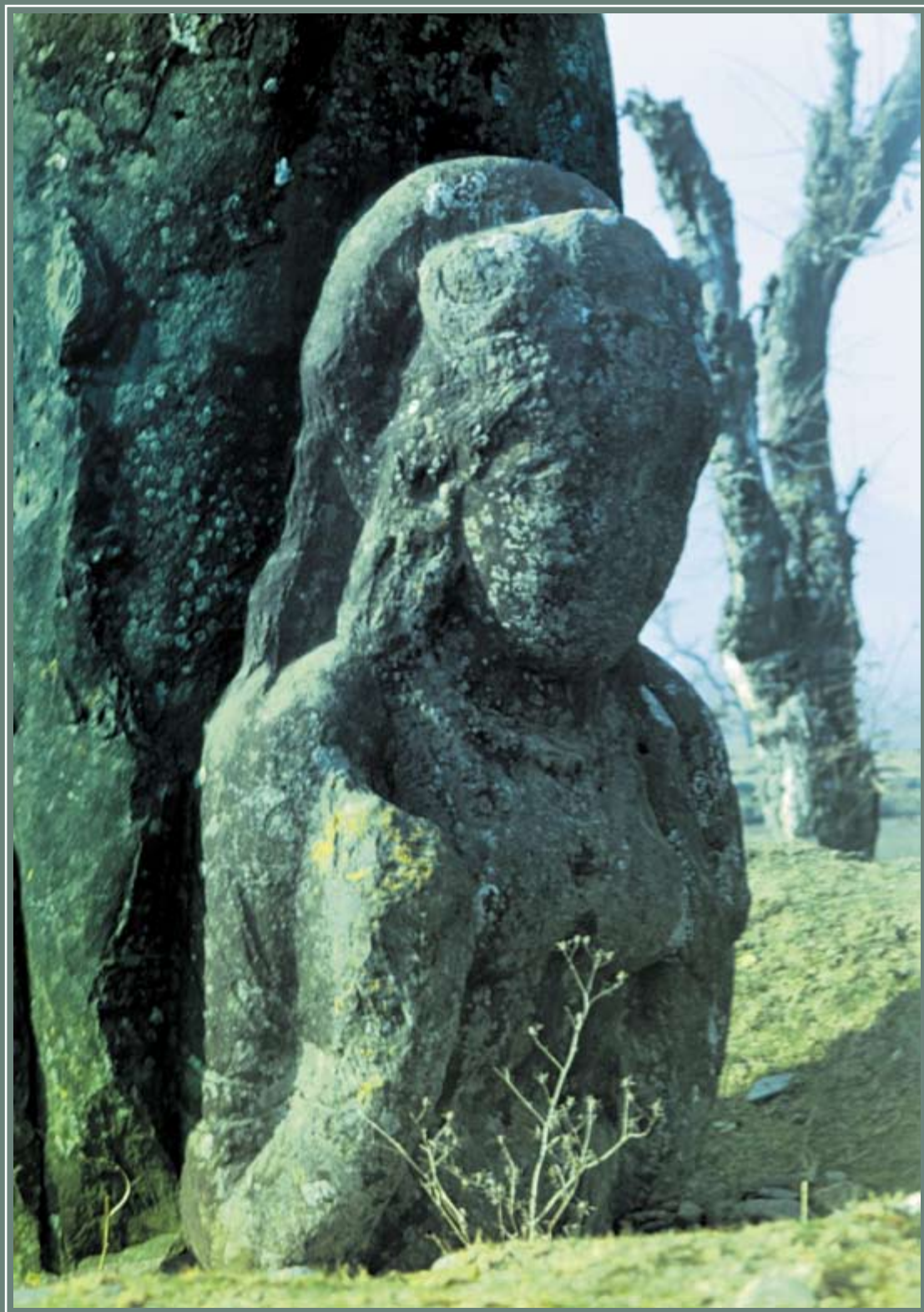
просто не могли себе представить, что когда-нибудь сможет появиться человек, для которого разрушение созданного ими станет смыслом жизни, и он превратит прекрасные гранитные храмы «в развеянный прах и разнесшуюся молву».

Таким человеком оказался мусульманский шах Сикандар, правивший в Кашмире в конце XIV—начале XV века. Фанатичный и тупой, он начал правление с того, что стал преследовать индусов. Он запретил погребальную кремацию, ношение кастовых знаков, храмовую службу. Он стремился сделать Кашмир мусульманским и насаждал свою веру огнем и мечом. Те, кто не хотели принимать чужую веру, уходили за перевалы хребта Пир-Панджал. Сикандар приказал перекрыть перевалы и послал к беглецам гонцов со своим указом: те, кто не примут новой веры, погибнут. Большинство заплатили за жизнь цену, назначенную шахом. Обезглавленные тела несогласившихся, в том числе женщин, стариков и детей, остались лежать у перевалов, там, где поднимались снежные пики, кольцом окружавшие долину Синего нага. История не сохранила их имен. Те, кто принял новую веру, не хотели о них помнить.

Но Сикандар не довольствовался только этим. Ночами над Кашмиром стояло зарево пожаров. Горели храмы, святилища, библиотеки, древние книги. Рушились кровли, сложенные из гранитных блоков. Солдаты шаха разбивали прекрасные статуи. Их осколки плотно покрывали мощные храмовые двory. Окованные тяжелые бревна методически рушили колонны и стены. Сокровищницы храмов, с древними реликвиями и рукописями, были разграблены. Золотые и серебряные статуи богов перелиты в слитки. Над долиной Синего нага опустилась ночь, освещаемая сполохами пламени. Ночь гибели культуры. Она длилась долго. Великий наг покинул свой народ. Молчали и могущественные богини. Клубы дыма скрыли лик бога Сурьи. Пьяные оргии дорвавшихся до добычи и разрушений солдат кощунственно нарушали тишину священных мест. В святилищах устраивали отхожие места. Культуре был нанесен сокрушающий удар. После него она не оправилась и осталась лежать в руинах, на пепелище и в крови. Землетрясение, потрясшее Кашмир в XV веке, в какой-то мере довершило дело, начатое людьми. Однако ущерб от него был много меньше, чем тот, что был нанесен варварской рукой фанатиков. Об этом факте сообщают потом археологи. Сначала они считали, что прекрасные храмы Кашмира были разрушены до основания именно этим землетрясением. Правда открылась позже, страшная и безжалостная. Правда о ночи Кашмира, спустившейся на его землю по высочайшему повелению безумного Сикандара, Разрушителя и Фанатика.

С тех пор прошло много лет. В развалинах лежит храм Солнца, руины покрывают землю Авантипура, темнеют гранитные остовы Патана и Фатегарха. Через руины Авантипура и Мартанда прошел путь Центрально-Азиатской экспедиции Рериха. Мистер Шали, сри-

Деревня Шир. Древнее святилище Шивы

нагарский археолог, узнав, что русский художник побывал там много лет тому назад, крайне сокрушался, что ему этот факт был неизвестен. Потом успокоился и стал рассказывать о великом Авантивармане, при котором и был построен в IX веке знаменитый храмовый комплекс.

— Вы знаете, — сказал Шали, — Авантиварман был удивительным царем. При нем очень много строили. Храм Вишну в Авантиपुरе был его любимым детищем. Этот храм — целое мировоззрение, которого придерживался этот царь.

— Что же это за мировоззрение? — поинтересовалась я.

— Самые прекрасные вещи, — ответил Шали. — Мир, красота, радость. Ведь этим пронизана вся наша древняя культура. Если вы попадете в Авантиपुर, то сразу это поймете. Запомните: мир, красота, радость.

— Запомню, — сказала я. — Это не так трудно. Рерихи тоже об этом говорили.

— Ну да? — удивился Шали. — А я думал, что только кашмирская культура дает такое мировоззрение. Но как бы то ни было, помните: Авантиपुर — это мир, красота, радость.

Города Авантипура, некогда заложенного Авантиварманом, давно уже не существовало. А была лишь деревня или поселок Авантиपुर, прижавшийся к берегу многоводного и мутного Джелама. За деревней поднимались лесистые горы, по которым ходили туманы. И поэтому горы то исчезали, скрытые пеленой этих туманов, то вновь возникали. И от этого в облике гор была какая-то странная неустойчивость. Они больше походили на призраки и миражи, чем на реальные горы, твердо стоящие на земле. У самого подножия этих призрачных гор, занавешенная сеткой холодного дождя, виднелась старинная крепость с массивными темными стенами.

— Авантисвамин, — сказал Фазли и направился прямо к крепости, которая при ближайшем рассмотрении оказалась храмом, посвященным богу Вишну.

Огромная площадь внутри храмовых стен была покрыта руинами. И лишь вдоль них кое-где возвышались остатки торжественной колоннады. Широкая каменная лестница, которая когда-то вела в главное святилище, уходила куда-то вверх, к этим призрачным туманным горам, и становилась миражом, возникшим из далекого прошлого. С соседних гор к руинам храма плыли черные тяжелые тучи. Они гасили дневной свет, делали его сумеречным и неустойчивым. И в этом странном свете темнели гранитные блоки, похожие на надгробия. От этого двор порушенного храма напоминал большое и неухоженное кладбище. Храма красоты и радости больше не существовало. В ту страшную ночь красоту Кашмира порушили, а радость убили. От всего этого остались лишь камни. Молчаливые и печальные... Но вот сквозь сумеречный дождливый свет что-то мелькнуло. Как будто сквозь завесу дождя пробилась чья-то улыбка. Скользящая, едва уловимая. Я подошла к

рухнувшей колонне. Улыбка жила там в изогнутых губах прекрасной женщины. Она слегка нагнула голову, увенчанную короной. Маленькие изящные уши оттягивали тяжелые серьги. Женщина изогнула тонкий стан, и казалось, сейчас двинется в пластичном медленном танце. В ней было что-то магическое. И это древнее волшебство подарило мне изысканные барельефы, которые я раньше не заметила.

Они были повсюду: у разрушенных колонн, на темных гранитных блоках-надгробиях, в траве, у рухнувших святилищ. Я переходила от одного к другому, боясь что-то упустить или забыть. Сквозь изуродованный и разбитый камень проступало то, что мы зовем красотой и радостью. Бог любви Камадева держал в руках стрелу, украшенную цветами. Веселый музыкант поднес к губам флейту. Пировал с друзьями неведомый принц. Короля и королеву окружали грациозные танцовщицы. На барельефах шла праздничная, утонченная жизнь. Там царили искусство, красота и наслаждение. Сверкали короны и диадемы, звенели золотые браслеты, тяжелые, но изысканные ожерелья светились драгоценными камнями, раскачивались высокие прически. Тяжелые узлы волос схватывали тонкие обручи. Полуобнаженные свободные тела были грациозны и прекрасны. Здесь опять, как и в Мартанде, жила реальная память о культуре Синего нага. Несмотря ни на что, нескончаемый праздник, бесконечная радость и утонченная красота звучали в темных древних камнях. В этом дворе археологи извлекли из земли тонко сделанные украшения, искусно разрисованную керамику и свернувшиеся кусочки березовой коры с древними письменами. Я продвигалась медленно среди руин и на каждом шагу видела опять что-то новое и удивительное. На колоннах возникали медальоны, в которых переплелись животные, химеры и орнамент с явными элементами «звериного стиля». Такие же узоры украшали с X века европейские соборы романского стиля. Но на храме в Авантипуре они появились раньше. Пройдя по Кашмиру, Рерих нашел там следы «азиатской колыбели романеска». Эта колыбель выпестовала общий стиль орнаментов и для храма Вишну в Авантипуре, и для европейских христианских соборов. Пути культуры были извилисты и изобиловали неожиданными перекрестьями.

«Из одного колодца, — писал Рерих в экспедиционном дневнике, — почерпнуты романская химера, звериный орнамент Алтая и зверьки Китайского Туркестана и Китая. Сибирские пути народов далеко вынесли одинаковый смысл украшений»²². «Колодец» находился где-то в глубине Азии. Через Сибирь неведомые древние народы пронесли капли его чистой воды и напитали им искусство Европы. От Авантипура тянулись две загадочные нити. Одна шла на Восток, другая — на Запад, и пересекались они во Времени и Пространстве в каких-то неведомых нам глубинах...

Храм Шивы, Авантисвара, стоял совсем недалеко от Авантисвами-на. Он был так же разбит и разрушен, как и храм Вишну. Среди руин я нашла несколько барельефов и изображение короля Авантивармана и

его королевы. Лица королевской четы были повреждены. Носы и рты разбиты. И только продолговатые глаза под тяжелыми каменными веками смотрели печально и отрешенно на то, что осталось от знаменитого храма Шивы. Бог, которому был посвящен храм, был древним, его корни глубоко уходили в раннюю культуру долины Инда. Он считался покровителем таинственной тантры и мастером йоги.

У деревни Шир я наткнулась на древнее святилище Шивы. Оно было много старше прекрасных гранитных храмов царя Авантивармана. Это был менгир-линга, в котором высекли четыре статуи. Святилище тоже пытались разрушить. Но сдвинуть многотонную глыбу камня не удалось. Зато рука варвара уничтожила статуи. Из четырех сохранилась лишь одна. Это была женская фигура. Локоны каменных волос падали на покатые плечи, тяжелое ожерелье лежало на груди. Черты лица стерлись и выветрились. И лишь продолжали жить резко очерченные глаза. Торс статуи был покрыт пятнами цветного мха. И казалось, что некогда прекрасное тело поражено страшной проказой. Когда-то эта женщина была богиней, которой поклонялись здесь, на холме, стоявшем у синих гор. Поклонялись созидательному началу — богу Шиве и ей. Вокруг менгира росли кряжистые деревья, часть из которых уже была вырублена. Но оставшиеся еще образовывали правильный круг. Круг, которым отмечали когда-то святилища.

Говорят, загадочные пишача, пришедшие из мифического времени, тоже поклонялись этому же древнему богу. Может быть, они и соорудили это святилище, подобное многим, потерянным в бесконечном времени. Возможно, из этих святилищ и выросли позже прекрасные гранитные храмы, посвященные Шиве. Но какие бы ниточки преемственности, соединяющие эти грандиозные храмы с предшествующей культурой, мы ни пытались найти, все-таки тайна продолжает оставаться тайной. Создавалось впечатление, что храмы возникали как бы внезапно, сразу. У них не было явных предшественников, по крайней мере, среди тех древних памятников, которые оказались на поверхности Кашмирской земли. Храмы возникали неожиданно, как будто по чьему-то вдохновению и неодолимому замыслу. И однажды возникнув, они не менялись, не перестраивались, но порождали лишь подобных себе. И только невежественная рука шаха Сикандара прервала в XV веке эту нить странного самовоспроизводства.

«Древние храмы Кашмира, — писал индийский археолог Дебала Митра, — образуют гомогенную группу, без особых эволюционных изменений законсервировавших в себе форму и традицию, которая уже развилась к восьмому веку или даже раньше»²³.

Когда я осматривала руины этих уникальных храмов, мне казалось, что в силу каких-то неизвестных мне обстоятельств, прорвав толщу веков, откуда-то из глубины Времени однажды забил неведомый источник и вынес на поверхность драгоценные кристаллы этих удивительных храмов — воспоминаний о чем-то более значительном,

чем то, через что прошла долина Синего нага.

Воспоминания не способны к эволюции. Однажды сформировавшись, они не изменяются, проходят через века храмами, легендами, мифами и несут нам весть из далекого Времени. «Картина мощи Азии еще не явлена. Только искры ее можно отметить на случайных листках»²⁴. Эти слова Рериха относились к Кашмиру. Не являются ли гранитные его храмы, «законсервировавшие форму и традицию», этими искрами? Эти слова, пока не подкрепленные научными доказательствами, похожи на пророчество. Но пророчества иногда сбываются...

7. ПЕРЕВАЛ БАНИХОЛ

В Тангмарге на меня напала банда. Но не банда провокаторов, как на Центрально-Азиатскую экспедицию, а банда погонщиков лошадей. Была зима, и погонщики остались без работы. Они не били меня железными палками, как те, которые поранили людей экспедиционного каравана. Они просто взяли меня в плотный круг и громко кричали все сразу, и я не могла понять, чего они хотят. Низкорослые кашмирские лошадки стояли в стороне, сбившись в кучу, и мяли копытами снежную кашу. Время от времени какая-нибудь из них поднимала голову и издавала призывное ржание. Но погонщики не обращали на них внимания. Они были заняты мной, единственным человеком, который в это зимнее межсезонье мог принести кому-то из них заработок.

Гульмарг, куда я направлялась, был расположен на гребне хребта Пир-Панджал. Туда вела единственная дорога, вся заваленная снегом.

По ней нельзя было пройти даже пешком. Оставались только узкие каменистые лесные тропы, доступные лишь верховым. Страсти среди погонщиков накалялись, и все кончилось настоящей свалкой. Наиболее сильные и нахальные оттеснили тех, кто был послабее. И только один из всей этой компании кричащих и дерущихся стоял в стороне, смотря печально и задумчиво на своих товарищей. На нем был рваный перен из домотканой материи, на ногах — какие-то невообразимые резиновые боты. Он стучал одной ногой о другую, а

его нос уже посинел от мороза. Это был горец, которому достоинство не позволяло участвовать во всем этом безобразии. Рядом с ним стояла худая, заморенная лошаденка, такая же гордая и независимая, как и ее хозяин. Оба мне подходили. И я направилась к ним. Остальная банда, почуяв неладное, тесно сомкнула свои боевые порядки. Я попросила посторониться, но это не произвело на них никакого впечатления. Они

не сдвинулись с места.

— Р-р-разойдись! — неожиданно для себя по-русски крикнула я.

Круг покорно разомкнулся, а на разгоряченных лицах погонщиков застыло ошеломление. Я подошла к горцу. Он шмыгнул носом и поклонился. Оторопевшая банда переминалась с ноги на ногу, но не двигалась с места.

Горца звали Гулям Мохиуддин. Мы договорились. Он оказался хорошим товарищем в трудном переходе, а его лошаденка была вынослива и сноровиста. Помахивая головой, она упрямо шла вверх по заснеженной и скользкой тропе, петлявшей среди огромных сосен и кедров. Промозглые ветры и туманы остались где-то внизу. А здесь ярко светило солнце и снег на открытых местах по-весеннему подтаивал. В какой-то момент расступились деревья, и я увидела рядом с тропой снежную громаду гребня Пир-Панджал, а над ним вознесенный в голубое безоблачное небо Пик Заходящего солнца. Его снега сверкали и переливались в солнечных лучах, из белых становились голубыми, и на этой снежной голубизне то возникали, то исчезали синие и лиловые искры. И казалось, что это вспыхивали не снежные призрачные искры, а горели синими и лиловыми лучиками сапфиры и аметисты, усеявшие снежную стену пика. Запах снега и хвои насыщал прозрачный горный воздух, пронизанный солнцем, и он густым ощутимым потоком тек через этот лес, через снежный гребень и омывал белые сверкающие скалы.

Гульмарг, небольшой поселок с несколькими десятками деревянных домиков, неожиданно возник среди снега и кедров. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись горы, окружавшие поселок сплошной стеной. Он лежал передо мной, совсем не похожий на тот, летний, в котором провели несколько дней участники Центрально-Азиатской экспедиции. Николай Константинович здесь много рисовал. Он ходил по окрестным горам, впитывая в себя их тишину и красоту, наслаждаясь прозрачным, пахнущим хвоей горным воздухом. У всех троих Рерихов здесь была небольшая передышка перед трудностями и испытаниями дальнейшего пути. Передышка, о которой они потом часто вспоминали.

У небольшой харчевни прямо на снегу стояли столики, и мы с Гулямом подкрепились горячими лепешками и кофе. Хозяин харчевни, толстый и медлительный, почему-то неодобрительно поглядывал на Гуляма. Потом он подсел ко мне и тихо спросил:

— Зачем вы наняли Гуляма? Он совсем слабый, а лошадь его слова доброго не стоит. Там внизу есть прекрасные погонщики. Ловкие и сильные. Они забрасывают человека в седло единым взмахом.

— Я сама сажусь на лошадь, — возразила я. — Меня не надо забрасывать. А ваши прекрасные погонщики — продувные бестии.

— О мадам! — засмеялся трактирщик. — Как вы догадались об этом?

— По физиономиям, — ответила я.

Хозяин харчевни почесал в затылке и осведомился, пойду ли я смотреть знаменитую Нанга-Парбат.

— Пойду, — сказала я.

— Но имейте в виду, Нанга-Парбат не каждому показывается. Если бы у вас был другой погонщик, возможно, вы бы и увидели эту священную гору. А с ним — вряд ли, — и он небрежно кивнул в сторону Гуляма.

Гулям услышал последние слова трактирщика.

— Неправда, — тихо и спокойно сказал он. — Нанга-Парбат от погонщика не зависит. Она является людям, у которых чистые и честные сердца. А ты всегда был в сговоре с теми мошенниками, что внизу. Мои пятеро детей тоже хотят есть.

Трактирщик смачно плюнул в снег и, ворча что-то себе под нос, удалился.

По заснеженной тропе мы поднялись на вершину ближней горы. Отсюда открылся вид на Кашмирскую долину. Над долиной и туманами, плывшими внизу, стояла сверкающая гряда Великого Гималайского хребта.

— Смотрите, смотрите! — заволновался Гулям.

Я глянула в ту сторону, куда он показывал, и увидела, как из синего солнечного тумана, клубившегося где-то за снежными пиками, возникает двуглавая громада Нанга-Парбат. Она поднялась над изломанной линией пиков и заняла полнеба. Великая Нанга-Парбат высотой восемь тысяч сто двадцать шесть метров над уровнем моря. Она была реальна и в то же время как бы и нет. Сломав привычную линию горизонта, легендарная гора следовала каким-то своим, иным законам трехмерного пространства. Она нарушала привычные представления об этом пространстве и создавала свою гармонию линий, устанавливала свои пропорции. Казалось, что все тонуло и мельчало перед этим торжеством двуглавого гиганта. Синий солнечный туман снова за клубился, поплыл, и в нем стали растворяться лилово-синие гребни склонов гигантской горы. Потом они совсем исчезли, и сверкающая двуглавая вершина стала походить на нездешний корабль, плывущий высоко в небе над пиками Великого Гималайского хребта. Затем ее очертания стали расплываться, и там, где только что высилось нечто грандиозное, наполненное буйной игрой красок и форм, возникла странная пустота голубого неба...

Я покидала туманный Сринагар в первый день Нового 1980 года. Снег начал идти на исходе новогодней ночи. К утру он набрал силу и повалил густо и неудержимо, покрывая толстым слоем намокшую землю, крыши, деревья. Вся долина, хребет Пир-Панджал и перевалы тонули в этом снежном водопаде. А снег все шел и шел. На городской автобусной станции бродили растерянные люди, похожие на белые неуклюжие привидения. Их вещи, превращенные в снежные сугробы, сиротливо белели, сложенные в центре станционного двора.

К полудню выяснилось, что рейсовые автобусы на Джамму не

пойдут. Перевал Банихол, через который туда шла единственная дорога, закрылся, и оттуда не поступало никаких известий. Закрылся и Сринагарский аэропорт. Казалось, не только Кашмирская долина, но и весь мир утонул в этом густом, бесконечном снегу, из которого нет ни выхода, ни бегства. Я вспомнила, что когда-то на свете существовали такси, и отправилась на стоянку. Там шла оживленная торговля. Кричали таксисты, кричали те, кто хотел уехать в Джамму. Когда крик прекращался, очередное такси забивалось пассажирами и исчезало в снегопаде. Машина, в которую мне наконец удалось попасть, была старая и расхлябанная. Стекла не поднимались доверху, и внутрь летел снег. Между дверцами и кузовом зияли щели, в которые беспрепятственно проникал ветер. Но выбирать не приходилось.

Шофер, молодой парень в черном перене, тронул машину с места, и она задребезжала, завывала и застучала. Густой снег ринулся на ветровое стекло, и лихорадочно работающие «дворники» стали увязать в нем. Колесо первый раз лопнуло на десятом километре от Сринагара. Шофер исчез в маленькой автомастерской, прижавшейся к дороге. Потом колеса стали выходить из строя каждые десять — пятнадцать километров. В зависимости от местоположения ближайшей мастерской шофер катил колесо по снежной дороге то вперед, то назад. На это уходило время. Снегопад все усиливался, и мы потеряли надежду прорваться в этот день через перевал. Двое мужчин, ехавших со мной, грозилась побить шофера. Они называли его мошенником, разгильдяем и наглецом. Но «наглец» улыбался белозубо и беззаботно и доверчиво посматривал на тяжелые кулаки пассажиров.

Куски льда и жидкая снежная каша летели из-под разболтанных колес. Машину заносило на каждом повороте, она опасно скользила, теряя управление, но каждый раз неизменно останавливалась у самой кромки очередного обрыва или пропасти. Лицо шофера во время таких маневров становилось отрешенно задумчивым, а глаза устремлялись куда-то вверх. Но там, наверху, ничего, кроме густого мятущегося снега, не было. Дорога становилась все круче. Машина выла и скрежетала. Густой туман лежал на горах и деревьях. И из этого тумана сыпал и сыпал снег, как будто там, в невидимых небесах, прорвался огромный бездонный мешок со снегом. Перед перевалом машина забуксовала, и мы ее толкали, утопая в сыром снегу и ледяной крошке. Затем в хвосте целой вереницы легковых и грузовых автомобилей мы стали взбираться на перевал. На обочине дороги стояли солдаты с лопатами в руках. Где-то урчал бульдозер. Армейская часть, присланная на борьбу со снегопадом, пропускала очередную партию машин из Кашмирской долины в Джамму. Наконец мы одолели подъем, и я решила, что самое трудное уже позади. Стало темнеть, и сквозь эту снежную темь призрачными блуждающими огнями то вспыхивал, то исчезал свет автомобильных фар. До Джамму оставалось сто двадцать восемь километров, когда на перевале, перед Баттотом, закрыли дорогу. Неумолимый шлагбаум опустился перед самым нашим носом. Заснеженный офицер в шерстяном

башлыке сделал повелительный жест, и машина, свернув к обочине, замерла в снегу.

— Ах ты, наглец! — сказал один из пассажиров.

— Ну ты и мошенник! — поддержал его другой. — Не будь этого офицера, мы бы тебе показали!

Шофер засмеялся и легко выпрыгнул на дорогу, разминая затекшие ноги. Мы оказались в снежном плену, и никто не знал, когда он кончится. Я посмотрела на часы, посветив спичкой. Они показывали семь часов вечера первого января 1980 года. А снег все продолжал идти. Он был везде — снизу, сверху, с боков. Угли в кангри моих спутников давно остыли, и пополнить их горячими было негде. Машина стала быстро промерзать, ее заносило снегом, в щели и открытые окна задувал морозный ветер. Мои ботинки, намокшие в сыром снегу, покрылись тонкой коркой льда. Ноги ооченели, и временами я переставала их ощущать. Легкая куртка больше не защищала меня ни от ветра, ни от мороза. Нас было трое на тесном сиденье малолитражки, и поэтому приходилось сидеть согнувшись, пошевелиться лишний раз было трудно. Мое тело, теряя тепло и чувствительность, становилось как бы невесомым и неощутимым. Время замерло в этом снежном пространстве, и я уже не пыталась смотреть на часы.

Потом я впала в какое-то странное забытье, черное и беспросветное, но и в этом состоянии продолжала ощущать пронизывающий холод и запах снега, и от этого само забытье было мучительным и тревожным. Сколько времени так продолжалось, не помню. Наверное, я очнулась от наступившей тишины. Не было слышно ни порывов ветра, ни шелеста падающего снега, ни голосов людей. Над миром стояла великая тишина. С трудом разогнув ооченевшие ноги, я сдвинула затекшее, непослушное тело с сиденья. Примерзшая дверца долго не поддавалась, потом неожиданно и резко открылась, и я ухнула почти по пояс в снег. Когда я пришла в себя, то увидела, что над миром этой странной тишины стоит огромная луна. Ночной полог неба был усеян колкими кристалликами звезд. Заснеженные склоны гор, изломанная линия пиков хребта, громады покрытых снегом елей и кедров — все это светилось и переливалось в голубом лунном свете. Над сверкающими деревьями низко висело созвездие Большой Медведицы. На какой-то момент мне померещилось, что я вижу не нашу Землю, а странный и фантастический пейзаж какой-то другой планеты, на которой вечно царит эта тишина, сверкает голубой снег и нездешнее синее солнце, холодное и морозное, висит неподвижно в остывшем небе.

Все это исчезло как мираж утром, когда наступил мутный зимний рассвет и снова повалил густой снег. В десять часов неизвестно откуда возникший офицер-сикх дал каравану команду двигаться. Наш шофер уже завел мотор, когда раздался характерный звук и машина стала оседать на правое заднее колесо. Шофер со стоном вывалился из машины и начал лихорадочно снимать спустившееся колесо. Потом вместе с ним

исчез где-то в снегу. Караван машин, урча и неровно скользя, двинулся вперед. Мимо нас проплывали его белые снежные тени, а мы все сидели и сидели. Офицер подбежал к нашей машине, резко рванул дверцу и сунул голову в шерстяном башлыке внутрь машины.

— Что случилось? — строго спросил он. — Почему вы не едете?

Мы объяснили почему. Офицер посмотрел на часы.

— Через полчаса мы закроем перевал. — И взял под козырек.

— Все, — сказал один из мужчин. — Когда он вернется, я убью его. Из-за него мы простояли пятнадцать часов и чуть не умерли от холода. Теперь простоим неделю.

Появился запыхавшийся и взмокший шофер и лихорадочно стал ставить колесо. На убийство времени не оставалось. Машина, дребезжа, рванулась с места, и, когда мы миновали шлагбаум, он со скрипом опустил за нами. Перевал снова закрылся.

Заснеженные лапы елей, похожие на диковинных животных, поплыли мимо нас. Дорога пошла вниз. Она снижалась и снижалась, и мы въехали в узкую горную долину, где уже не было снега, а шел проливной дождь. В долине мы еще раз «лопнули». Мужчина, грозивший убить шофера, бессильно откинулся на спинку сиденья и дрожащим голосом сказал:

— Я знаю, что сделаю. Я подам на этого мерзавца в суд. Пусть его посадят в тюрьму лет на десять.

Дождь кончился. Становилось теплее, мое окоченевшее тело и ноги стали медленно согреваться. Последний раз очередное колесо спустилось километрах в двадцати от города Джамму. Мои спутники молча выскочили из машины и остановили какой-то грузовик.

— Берите свои вещи, — кричали они мне. — Плюньте на этого мошенника! Едем с нами!

«Мошенник» стоял посреди шоссе с домкратом в перемазанных, загрубевших руках. Он растерянно и беспомощно улыбался.

— А как же я? — тихо и печально сказал он. — Разве можно бросать человека одного посреди дороги?

Я вспомнила, как тяжело и много он трудился, бегая то вперед, то назад со спущенным колесом, как преодолел снежную обледенелую горную дорогу, провел бессонную ночь и продолжал мужественно стремиться к цели на самой ненадежной в мире машине. И я осталась. Шофер улыбнулся радостно и благодарно, крикнул, что его зовут Ахмад, и покатил по шоссе колесо. На этот раз вперед. Я подошла к обочине дороги и увидела внизу скалистые горы, покрытые цветущими деревьями. Пели птицы, дул ласковый теплый ветерок. В Джамму была весна...

8. ВЕСНА В ДЖАММУ

Катуа. Деревня Парол. Храм Эрван. Изображения «сати»

Улицы старинного города Джамму были заполнены праздничной толпой. Праздник тек от храмов Рагунатха и Панчвактар, чьи розовые и золоченые купола остро и строго пронзали голубое небо. Грохот барабанов и пение флейт неслись над песчаными берегами реки Тави. Праздник был веселый, красочный и назывался «лори». По улицам носили бамбуковые сооружения, обклеенные тонкой цветной бумагой. Они напоминали красочные павлиньи хвосты. А когда на город спустилась ночь, центральная его часть вспыхнула огнями иллюминации. В окрестных кварталах зажглись светильники, а по берегам Тави запылали веселые костры. Так отмечали в Джамму окончание зимы.

Джамму не был похож на Кашмир, как не был похож на него и Ладакх. Здесь все было иным, незнакомым. Я попала совсем в другой мир — с другими людьми, с другими отношениями, с другой культурой. И мир этот был древен. Он не числился на карте Центрально-Азиатской экспедиции Рериха, но всеми нитями был связан с тем, что искал и над чем размышлял русский художник и ученый. И я стала по этому миру путешествовать.

...От небольшого городка Катуга дорога вела к Паролу, а от него уходила в глубь долины. Там, в конце грунтовой дороги, около деревни Эрван, стоял старинный храм, посвященный богу Шиве. Древнему богу этих горных трактов. Я ехала на двухколесной крестьянской повозке, груженной мешками с зерном. Низкорослая лошадка, натужно помахивая головой, неторопливо, но бойко семенила по наезженной дороге. Справа и слева тянулись поля, перемежающиеся с небольшими роцицами. С полей тянуло запахом весенней вспаханной земли, на деревьях, подступающих к дороге, разноголосно пели птицы. По небу плыли легкие белые облака и уходили туда, где над синими горами стояло весеннее солнце. Возница, в розовом тюрбане, седоусый и поджарый, тянул какую-то песню без слов. Наверное, песня была такая же древняя, как и сухая земля этой горной долины.

Прошлое возникало почти на каждом шагу. И чем дальше я ехала, тем больше его становилось. Навстречу повозке двигались люди. Они были стройны и прямы, в них ощущалось не растраченное в суете достоинство, их лица были похожи на те, которые я видела на старинных фресках и миниатюрах, — удлинённые глаза, изящные линии носов. На мужчинах были высокие, ярких цветов тюрбаны, женщины позванивали тяжелыми серебряными украшениями. Это были догры, или горные раджпуты, а возможно и те, о чьих предках давно забыли в равнинной Индии. Они с интересом посматривали на нас, вежливо здоровались и проплывали мимо. Деревья вдоль обочины дороги плыли

вместе с людьми, отставали от повозки и снова смыкались позади. И казалось, что дорога растворялась в зелени и солнечной дымке, чтобы никогда больше не возникнуть. Она вела только вперед, туда, где Время странным образом катилось назад.

— Тпру, — сказал возница, — приехали. — И легко соскочил с повозки.

Лошадка скосила синий глаз на придорожное дерево и фыркнула. Под деревом сидел веселый чернобородый астролог в высоком синем тюрбане. Увидев меня, он почему-то засмеялся и приглашающе кивнул головой. Я не знала, из какого века астролог, и остановилась в нерешительности.

— Иди сюда! — тембр голоса астролога был приятен и располагал к себе. — Иди сюда! — снова повторил он. — Звезды расскажут все о тебе. О твоём прошлом, настоящем и будущем. Я тот, кто умеет читать смысл их сочетаний и вникать в суть их движения. Мне понятен язык их таинственных невидимых лучей. Все мы неразрывно связаны со звездами. Пришли оттуда и уйдем туда. — Тонкий сухой палец астролога указывал вверх.

— Мне некогда, — сказала я. — Мне надо многое здесь увидеть.

— Как некогда? — удивился астролог. — Люди, как и звезды, плывут сквозь вечность. В вечности Время необъятно. Всему приходит свой срок. Торопливость нарушает сроки.

От придорожного дерева тропинка вела туда, где виднелись дома деревни Эрван, и я направилась к тропинке.

— Эй! — крикнул мне вдогонку астролог. — Заходи на обратном пути.

На фасаде квадратного здания, возникшего в конце узкой улочки, красовался барельеф раджпута с ружьем за плечом.

— Раджа, — сказал кто-то у меня за спиной.

Я обернулась. Передо мной стоял человек в белой тоге. Длинные волосы спадали на его плечи, а окладистая борода с проседью прикрывала грудь.

— Что? — не поняла я. — Кто раджа?

Человек кивнул на раджпута с ружьем.

— А я жрец. Жрец этого древнего храма Шивы, — и улыбнулся приветливо и чуть-чуть горделиво. — Все это, — он указал на квадратное здание, — построили много позже. Сам же храм очень древний. Он стоит здесь тысячи лет. Сколько тысяч, я не знаю. Но мой дед и прадед говорили, что многие тысячи лет. Идите, я вам все покажу.

На стенах древних святилищ у храма я увидела женские фигуры. У них были продолговатые глаза и тонкие носы. Их длинные платья, перехваченные поясом, спускались до полу и скрывали ступни ног. Тяжелые узлы волос, намеченные схематично и несколько небрежно, украшали их головы. На некоторых красовались трехзубчатые короны. Жрец объяснил мне, что эти стелы называются «сати». Так же именовался и старинный

Акхнур. Храм Камешварам — древнее святилище

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

обряд, когда вдова умершего сжигала себя на костре, где кремировалось тело ее мужа. Я подумала, что стелы — это памятные камни в честь тех, кто сжег себя в том далеком и странном прошлом.

— Нет, это не совсем так, — сказал седобородый жрец, когда мы уселись с ним под деревом во дворе храма. — И так и не так. Хотя самосожжение вдов, конечно, имеет к этому отношение.

— Как это? — удивилась я. — И так и не так?

Жрец рассмеялся тихо и гортанно.

— Сложность любого явления, — начал он, — заключена между противоположными понятиями. Как в человеке, так и в человеческой

культуре и истории объединены в единое целое противоречия и противоположности. Они меняются, переходят одно в другое. Поэтому, когда я говорю: «Это так и не так», я хочу показать изменчивость всего сущего. Только эта изменчивость дает возможность что-то понять.

В словах жреца была своеобразная мудрость, глубина и своя диалектика. Философское начало в нем явно одерживало верх над его древней профессией. Мы еще долго беседовали, и он мне рассказал, что сати — это не только обычай всходить на костер мужа, но и имя богини, возлюбленной Шивы, добровольно погибшей на костре в знак протеста против скверного обращения ее отца с Шивой.

— Стой глубокой древности, — закончил жрец, — вдов, сжигавших себя на погребальных кострах, стали звать тоже сати. Наши святилища были воздвигнуты тогда, когда здесь упал кусочек погибшей в огне богини. На старинных изображениях невозможно отделить богиню Сати от тех, кто назывался в ее честь. В течение тысячелетий поклонение богиням и женщинам было неотделимо одно от другого. Священный огонь жертвоприношения выплавил это единство.

— А Парвати? — спросила я.

— Шива потом женился на ней. Говорят, в ней воплотилась погибшая в огне Сати. Теперь Шиву не узнать, — улыбнулся жрец. — Только наши святилища хранят память об изначальном Шиве и о Сати, первой его жене. Мы не делаем его изображений. Мы только ставим лингу — символ его животворящей силы.

В храме на восьмигранной каменной платформе стояла линга. С высокого потолка свешивался медный колокол, у входа трепетало длинное пламя светильника. Жрец распрощался со мной и ушел, а я отправилась вновь к древним святилищам. Среди стел я обнаружила каменные изображения свернувшихся в спираль змей. И вновь возникли древние наги. За этими символами Шивы, богинь и нагов стояла бесконечная древность. Древность, о которой нам известно далеко не все. Неразгаданные символы ее культуры, которые донесло до нас Время, прочно врезались в каменные платформы святилищ старинного храма Ирван.

Солнце уже опускалось к горам, а на долину, деревню и старинный храм стали напозать густые тени. Приближался вечер, а мне еще надо было попасть из прошлого в настоящее. Ни одна из крестьянских повозок не ехала туда. Поэтому из прошлого я возвращалась пешком. Исчезнувшая было дорога вновь возникла, не оправдав моих утренних опасений.

Мягкая горная весна шагала по местам, где еще помнили о древних богах и героях. Густой, настоенный на хвое аромат поднимался над склонами, покрытыми лесами. Дороги, настоящие и прошлые, пересекаясь друг с другом, вели меня по этой весне. И каждый раз передо мной возникало что-то неожиданное, непредсказуемое. Звучали незнакомые мне названия: Акхнур, Катуга, Басоли, Билавар, Удайпур, Кримчи, Бабор. Недалеко от Акхнура, там, где течет плавно Ченаб и стоят снежные

Святилище у источника

Басоли. Река Рави

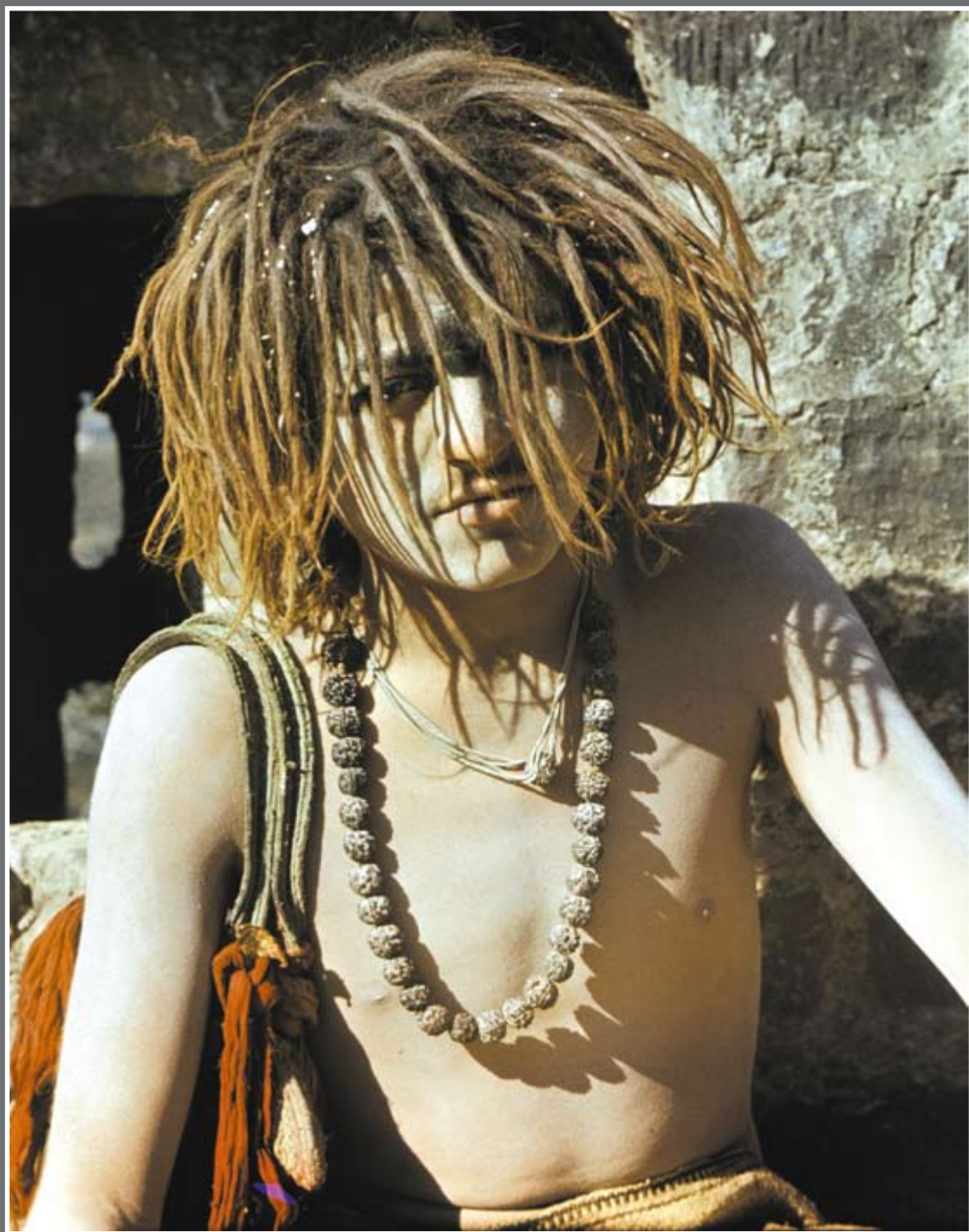
вершины гор, археологи сделали удивительную находку. Они раскопали терракотовые головки, вылепленные в далеком прошлом. Один из них написал, что их создатели «должны быть среди величайших и тончайших скульпторов, каких Индия когда-либо знала»²⁵.

На терракотовых портретах были изображены люди, жившие в начале нашей эры. У них были продолговатые глаза, тонкие правильные носы, красиво очерченные губы. Они напоминали мне тех, кого я видела на обочине дороги, ведущей к старинному храму Шивы. Отсвет греко-кушанского искусства лежал на тонких и строгих линиях терракотовых лиц, на изысканных прическах и утонченных формах головных уборов. Там, в Акхнуре, рядом с храмом, посвященным Шиве, стояли древние святилища, на стелах которых были изображены богини в длинных платьях и свернувшиеся спиралью наги. Выветренный лик Шивы проглядывал сквозь камень линги, стоявшей под деревом. Полузакрытые глаза, тонкий, упрямо сжатый рот. На белой стене храма были изображены лук и стрела.

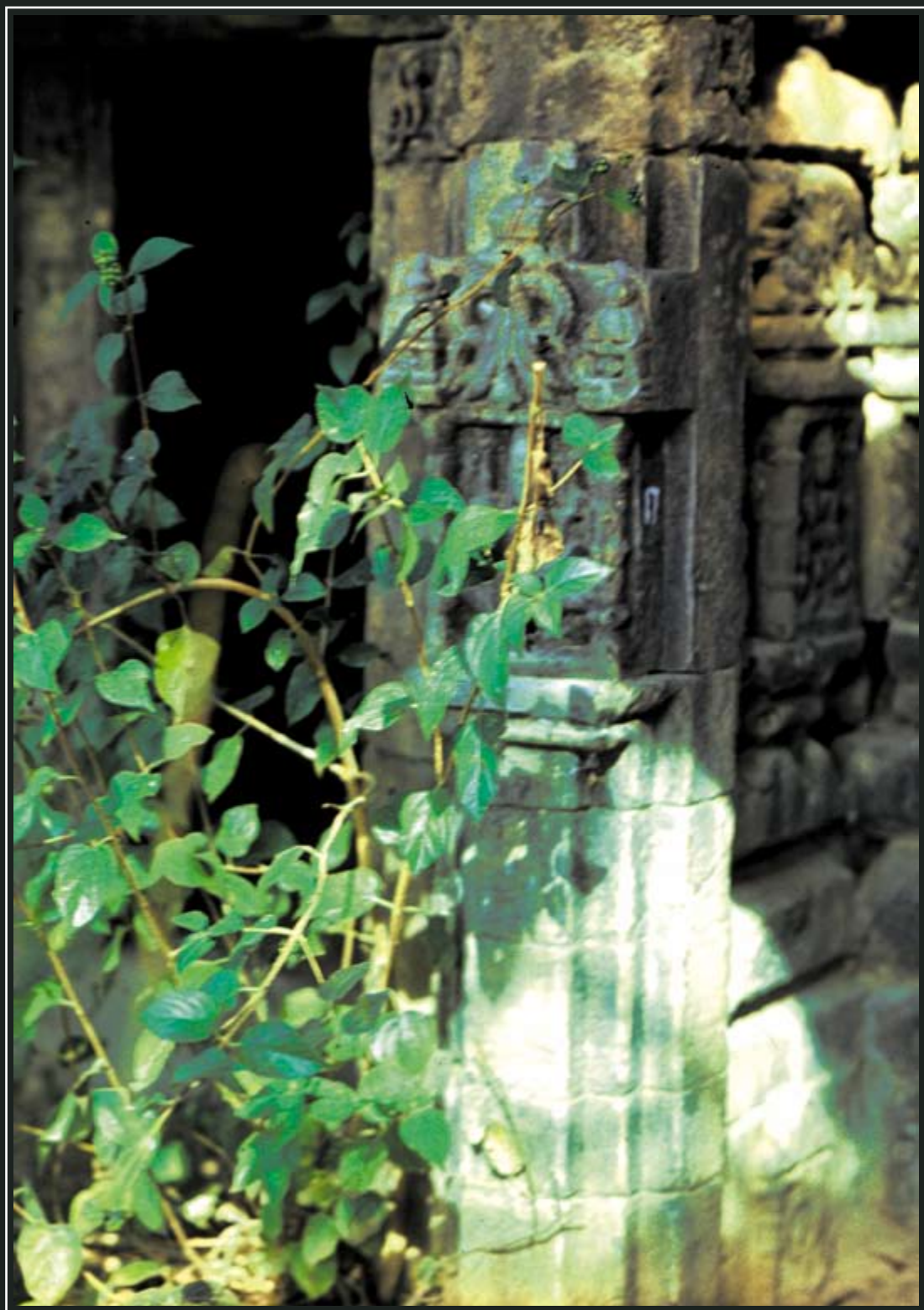
Длинноволосый жрец угощал меня душистым чаем на веранде своего домика, который стоял тут же, около святилищ. Вокруг было тихо и солнечно. Около веранды цвели синие цветы и перекликались птицы в кроне дерева, из-под которого смотрел потемневший каменный лик Шивы. Жрец был молод и улыбчив. Он утверждал, что храм и его святилища были известны еще тогда, когда Пандавы вышли на Великую войну против Кауравов, в которой приняли участие боги, герои и люди. Война случилась много тысяч лет назад, а храм тогда назывался «бабарван» — так записано в древнем эпосе «Махабхарата». Лук и стрела, изображенные на стене, тоже от тех времен. Я слушала жреца и постепенно проникалась Великой войной, которая в этих горах становилась реальностью, а не вымыслом и мифом. Здесь о ней почему-то все говорили и вспоминали, как будто она произошла только вчера или, на худой конец, год назад, а не в том необозримо далеком прошлом.

Старинный город Басоли возник передо мной в черноте горной ночи театральной декорацией. Автобус долго взбирался в кромешной темноте на вершину какой-то горы, а потом неожиданно оказался в центре освещенного караван-сарая, над которым висело близкое звездное небо. На небольшую, мощенную камнем площадь выходили арки харчевен постоянных дворов. Здесь же, прямо на площади, в медных тазах кипели в масле лепешки и варился рис. Десяток чернобородых людей, завернутых в домотканые одеяла, удачно добавлял эту странную, вынырнувшую из темноты картину.

Утром в золотистой дымке восходящего солнца я увидела Басоли, его каменные дома с плоскими крышами, узкие улочки, бегущие то вверх, то вниз, полуразрушенную сторожевую башню на противоположной стороне ущелья, откуда поднимался синий туман, и развалины старинной крепости, размытым силуэтом стоявшей на фоне синих гор. Среди достопримечательностей города был и отшельник, к которому меня

Басоли. Садху у храма Чаголо Деви

Бабор. Развалины храма

заманил Картар Сингх, потрясенный тем, что я приехала в Басоли из Советского Союза. И я отправилась с ним на гору, где стояла сторожевая башня и жил отшельник. В лесу, который покрывал крутые склоны узкого ущелья, было сумрачно и тихо, пахло прелыми листьями и сухой хвоей. Картар легко ступал по каменистой тропинке, я плелась за ним. И вдруг в нескольких шагах от меня возникло видение. В зарослях стоял длиннородый и длинноволосый человек. Он держал в руках серп и молча смотрел на нас. Мне показалось, что человек был древен, как этот лес и горы, в которые он так неотъемлемо вписывался.

— Отшельник, — сказал Картар.

— Очень приятно, — ответила я и назвала свою фамилию.

Но на отшельника она не произвела никакого впечатления. Зато название моей страны потрясло его, как и Картара. Он вышел на тропу и сказал, что ради такого гостя и такой страны он отложит все свои хозяйственные заботы. Мы поднялись на гору и оказались на площадке у подножия сторожевой башни. Там стояла еще одна башня, которую я не заметила, когда смотрела на гору из Басоли. Она была тщательно выбелена, ее круглая черепичная крыша покоилась на толстых стенах. Рядом с башней росло дерево, усеянное крупными красными цветами, а под ним сидел еще один отшельник, который пришел в гости к нашему. Гость-отшельник был молод и весь вымазан священным пеплом. На глаза свисали порыжевшие и давно не чесанные пряди свалывшихся волос. Я вежливо поздоровалась с ним, но он почему-то не ответил. Мне показалось это странным. Но наш отшельник объяснил, что гость наложил на себя обет молчания и молчит уже третий год. Но в гости тем не менее ходит и в отличие от говорящего гостя, который выговорится и уйдет, может долго сидеть и молчать. Может сидеть день, может — два, а может — неделю. В молчаливом состоянии ему это ничего не стоит. Выяснилось, что гость-отшельник сидит под деревом с красными цветами уже четвертый день.

Я подошла к краю площадки. Орлы, распластав широкие крылья, соскальзывали с безоблачного неба и парили над склонами и ущельями. Потоки чистого горного воздуха подхватывали их и вновь уносили куда-то вверх.

В белой башне находилось святилище богини Чанчоло. У нее было выкрашенное красной краской лицо, продолговатые серебряные глаза и золотое кольцо в левой ноздре. Трехзубчатая корона поблескивала в полумраке башни, и пурпуром горели ее шелковые одежды. Четыре каменных льва и оранжевый Хануман берегли покой Чанчоло.

Отшельник, живший на горе, хотя и являлся гордостью Басоли, не был единственным. Вторая знаменитость обитала внизу, там, где в прибрежных скалах были высечены древние храмы. Храмовые пещеры смотрели темными проемами низких входов со сглаженного гранитного склона над берегом широкой Рави. Я прошла по гранитной дорожке и заглянула в один из темных проемов. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела на

Остатки храма в Баборе

стене высеченную в полный рост фигуру одного из раджей Басоли, затем проявились гладкий пол, закопченный потолок и аккуратно сложенные в углу дрова. Из первой комнаты, вырубленной в граните, вход вел в другое помещение. Я в нерешительности остановилась на пороге, когда неожиданно в темном проеме возник человек. У него была всклокоченная борода, а длинные косицы свалывшихся волос в беспорядке падали на грубошерстное короткое рубище, перехваченное толстой веревкой. Жилистые, открытые до колен ноги были босы, а из-под густых бровей пронзительно смотрели маленькие с сумасшедшинкой глаза. Человек поразительно был похож на русского бродячего монаха. Я отступила назад. Но человек выскочил из темного проема, прошлепал босыми ногами по каменному полу и зычно крикнул:

— Ни с места!

Потом он выхватил циновку из-за кучи дров, швырнул ее на пол и повелительным жестом указал мне на нее. Это и был отшельник по имени Нанга Баба.

— Садись, садись! — закричал отшельник.

— Ты что орешь? — возмутилась я. Отшельник схватился за бока и, раскачиваясь, стал хохотать.

— Когда отсмеешься, позовешь меня, — сказала я и сделала снова шаг к выходу. Он сразу оборвал смех и, сделав лихой прыжок из своего угла, загородил мне выход.

— Садись! — напористо крикнул он, указывая на циновку.

— Не сяду, — почему-то заупрямилась я.

— Ну тогда катись.

Это было так неожиданно, что я тупо спросила:

— Куда?

— Куда? — снова захохотал отшельник. — Можешь вниз по Рави, — указал он на реку, текшую вниз. — Можешь вверх, — и ткнул пальцем в сторону снежных гор. — Можешь в штат Химачал-Прадеш.

— Покатилась, — смиренно сказала я. И стала спускаться по гранитной дорожке к каменистому берегу Рави. Отшельника такой ход событий явно не устраивал. Через минуту он выскочил из своего пещерного жилища и, громыхая медным ведром, на рысях устремился ко мне. Его всклокоченная борода развевалась от быстрого бега, рубище трепыхалось на ветру. Добежав до меня, он остановился как вкопанный и со всего размаха шлепнул ведром по воде, подняв фонтан брызг. Набрав воды, он сбросил рубище и остался в одной набедренной повязке. А потом, прижав локти к бокам, рысцей понесся по каменистому берегу Рави. Он бежал, как заправский спортсмен, без одышки, скидывая высоко жилистые крепкие ноги.

— Эй! — не вытерпела я, когда он в очередной раз пронесся мимо меня. — Ты так каждый день бегаешь?

— Я могу так весь день бегать! — на ходу крикнул он.

Поскольку я не могла бегать за отшельником весь день, я двинулась

У древнего храма

Руины храма в Баборе

осматривать пещеры. Все они несли на себе печать древних святилищ. К вечеру я вернулась на то место, где оставила веселого и бесшабашного Нангу Бабу, но нигде его не обнаружила. На берегу реки было пустынно, потемневшие гранитные стены с черными проемами входов высились над водой. Откуда-то тянуло дымом. Я пошла в том направлении. Отшельник одиноко сидел над очагом, сложенным на площадке, врезанной в склон горы. Свалявшиеся косицы его волос свешивались над огнем, а полы суконного рубища были заткнуты для удобства за веревочный пояс. Нанга Баба раскачивался над этим огнем и напевал что-то свое, неведомое мне. Увидев меня, он быстро вскочил на ноги, бережно неся что-то на вытянутых ладонях. Он приблизился ко мне, и я увидела в его руках лепешку.

— На, — сказал Нанга Баба, протягивая мне лепешку. — Поешь. Ты ведь целый день здесь бродила.

Я взяла горячую лепешку и поблагодарила. Отшельник на этот раз был тих, задумчив и даже печален. В небе одна за другой стали появляться вечерние звезды. Со стороны снежных гор потянуло холодным ветром. Нанга Баба вздохнул и стал взбираться вверх, туда, где плясали красные блики огня на темной гранитной стене скалы.

Из Басоли я отправилась в места, где стояли древние храмы. Удампурский храм, расположенный на вершине лесистой горы, неподалеку от старинной крепости, возник передо мной в золотистых лучах заходящего солнца. Он стоял посредине зеленой полянки и весь сверху донизу был покрыт кружевом каменной резьбы. Орнамент, похожий на славянскую вышивку крестом, перемежался с изображениями лучников, медитирующих нагов, воинственных королей и прекрасных королев, могущественных богов и грациозных богинь. Их фигуры не были статичными, они, казалось, жили и двигались. Я стала невольным свидетелем каких-то эпизодов из их вымышленной и реальной жизни. Жизни, которая протекала много веков назад в этих горах на виду снежных пиков, уходящих за необъятный горизонт. И боги, и короли, и воины занимались своими обычными делами: сражались, любили, правили и совершали чудеса. За каждой пядью резного камня стояли мифы, легенды, стояла долгая история культуры этой страны. Я вошла в храм. Низкие лучи солнца, проникавшие в дверной проем, освещали каменную, грубо сделанную лингу и фигуру богини, сидящую на льве позади нее. Святилище было древним, но сколь древен был сам храм, я не знала. Потом солнце исчезло за лесистой горой, возвышавшейся над старинной крепостью. Откуда-то снизу напозли сиреневые сумерки, и странный пурпурный отблеск лег на храм.

Даже археологи до сих пор точно не знают, как погибли великолепные храмы Бабора. Одни утверждают, что их разрушило страшное землетрясение, другие считают, что по храмам прошлась жестокая и варварская рука какого-то завоевателя. Построены же

Бабор. Храм Бхавати Девы — богини Ганга

храмы были давно, в VII—VIII веках. Развалины пяти из них были найдены и частично возвращены к жизни. Остальные еще дремлют под землей, покрытой зеленой веселой травой. Легенды повествуют о том, что когда-то здесь был целый город храмов. Как выглядел этот город, можно только вообразить. Но даже зрелище оставшихся пяти храмов, вернее, их руин, было захватывающим. С высоких платформ, сложенных из крупных каменных блоков, уходили в безоблачное небо стройные колонны. К уцелевшим массивным стенам вели широкие лестницы. Полустертые, выветренные барельефы богов темнели в нишах полуразрушенных оснований и в проемах между колоннами. Они неожиданно возникали из резких теней, которые клало на древние храмы солнце, а потом снова уходили в темноту, как бы растворяясь в ней. Вдоль входов и сохранившихся стен вилось кружево каменного орнамента. Оно то прерывалось, уходя в небытие и разрушение, то вновь возникало на пощаженных Временем камнях. И сами храмы и барельефы напоминали мне кашмирские храмы Авантипура и Мартанда. Те же колонны, похожие на греческие, те же массивные святилища, тот же мотив орнамента. В этой похожести не было ничего необычного и удивительного. Кашмирская долина была рядом, за снежным хребтом Пир-Панджал. Через его перевалы шли дороги сюда, в Джамму. Так же как и в Мартанде и Авантипуре, здешние храмы украшали «романские» медальоны. Они явно были старше своих европейских собратьев и бросали вызов нашему представлению о прошлом. Рерих не проходил здесь. Но его мысль об общем историческом «колодце» для стилей Востока и Запада жила здесь, среди погибших храмов горной гималайской долины.

Солнце прямо и резко освещало руины. Было пустынно и тихо. Грунтовая дорога, по которой я приехала, уходила куда-то к горам. За дорогой виднелись крыши нескольких деревенских домов. Неожиданно кто-то окликнул меня. Я обернулась и увидела паренька в темном кашмирском перене. Жители Джамму таких перенов не носили. Не успела я удивиться этому обстоятельству, как паренек, застенчивый и серьезный, объяснил, что он археолог из Сринагара и зовут его Тахир. Вместе с ним мы обошли все остальные храмы. Еще раз вернулись к храму Шивы, где Тахир показал не замеченные мной раскопы. Пересекли дорогу и за деревней, в лощине, остановились у храма, который Тахир называл Деви Бхагавати. Храм оказался в лучшем состоянии, чем все остальные. Каменные блоки его были тщательно очищены от мха и грязи. Барельефы, насколько это удалось Тахиру и его помощникам, были приведены в порядок. У входа, рядом с колонной, я увидела четырехрукую богиню в массивной драгоценной короне. У богини было тонкое нежное лицо и гибкий стан. Время и ветер разрушили нижнюю часть ее тела, сделали ее размытой и призрачной. Но в этой гибкости стана и размытости линий мне почудилась странная эластичность

змеиного тела.

— Богиня Ганга, — сказал Тахир. — Она из нагов. На барельефе в Махабалиपुरаме, который называется «Нисхождение Ганги», у нее ниже пояса тело змеи. Вы видели этот барельеф?

Барельеф, похожий на огромную скальную панель, я хорошо помнила. И видела на нем богиню-змею.

Теперь я смотрела на нее здесь, в отрогах Гималаев, и думала о том, что надо возвращаться снова к нагам. Странные боги, многоликие и многорукие, отвлекли меня и заставили на время забыть о них. Но здесь, в дремлющем под землей городе храмов, мне напомнила о них древняя богиня Ганга со змеиным телом, извивающимся ниже гибкой и тонкой талии.

9. ЗНАМЯ НАГА

Перед тем как снова вернуться к нагам, таинственным и загадочным, я должна рассказать о Шибаре. Он не был нагом и не имел к ним никакого отношения, но тем не менее сыграл в истории с ними немаловажную роль. Шибар был любознательным человеком, имел явную склонность ко всякого рода приключениям и предпочитал странствия солидным занятиям инженера в административном отделе университета в Джамму. Заветное слово «Бхадрава» я впервые услышала от него. Сначала это слово ничего мне не сказало. Его значение я поняла, когда увидела вновь снежные пики Великого Гималайского хребта и странные статуи из черного

мрамора. До того как попасть в Страну нагов, мы с Шибаром посетили места, где стояли древние святилища-водоемы, которые в Джамму назывались «баули». На отсыревших каменных стенах водоемов дремали, свернувшись в спираль, таинственные наги. Нагам были посвящены небольшие храмы-святилища в Нагбани и Катуга. Но сами наги на алтарях этих храмов не занимали самостоятельного места. Они состояли при великих богах индуистского пантеона. На Сеш-наге,

сморенный сном вечности, дремал Вишну. Кришна плясал на Калья-наге. Васуки-наг обвивал шею могущественного Шивы. В этих святилищах поминали нагов в молитвах, почитали их, но они уже не существовали отдельно от великих богов.

Джамму. Портрет горца

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

певших каменных стенах водоемов дремали, свернувшись в спираль, таинственные наги. Нагам были посвящены небольшие храмы-святилища в Нагбани и Катуга. Но сами наги на алтарях этих храмов не занимали самостоятельного места. Они состояли при великих богах индуистского пантеона. На Сеш-наге, сморенный сном вечности, дремал Вишну. Кришна плясал на Калья-наге. Васуки-наг обвивал шею могущественного Шивы. В этих святилищах поминали нагов в молитвах, почитали их, но они уже не существовали отдельно от великих богов. И только в одном храме, расположенном на берегу синего озера Мансар, наги, казалось, избежали этой божественной опеки.

Священное озеро Мансар открылось голубой гладью среди лесистых гор, как только наш автобус, натужно хрипя, одолел последний перевал. Здесь нас высадили, а автобус, приветственно посигналив, исчез среди скал, поросших сосной и кедром.

В тихих заводях озера виднелись переплетенные стебли отцветшего еще осенью лотоса, в чистой, прозрачной воде шныряли мальки, теплый ветер гнал время от времени рябь по голубой поверхности воды. Берега озера казались пустынными. И только звук лениво плещущейся воды нарушал тишину. Мы обогнули озеро и вышли к его восточному берегу. Здесь я увидела широкие ступени лестницы, сложенные из каменных блоков. Лестница спускалась к воде и исчезала где-то в глубине. В ней было что-то незавершенное, как будто дворец или храм, которому она когда-то принадлежала, исчез, смытый временем, а лестница осталась. Я уселась на последней ступени, у самой воды, и стала смотреть на озеро, на лесистые горы, на голубую солнечную дымку, дрожавшую над противоположным берегом.

— Мадам! — раздалось громко и неожиданно откуда-то сверху. Я подняла голову и увидела долговязую фигуру кшатрия Шибара, а рядом с ним седобородого старика, завернутого в домотканое светлое покрывало.

— Мадам! — повторил Шибар. — Я тут кое-кого отыскал. Кажется, он что-то знает.

Вытянув ноги с распухшими коленными суставами, старик уселся рядом со мной и какое-то время задумчиво смотрел на озеро. Казалось, он что-то в нем видел. Я не мешала ему. Наконец он оторвал взгляд от воды и повернулся ко мне.

— Меня зовут Вишнудатта, а тебя? — поинтересовался он.

Я сказала. Старик почему-то одобрительно покивал головой и снова впал в задумчивость.

— Эй, Вишнудатта! — окликнул его Шибар, примостившийся на верхней ступени. — А как насчет озера?

Старик встрепенулся.

— Конечно, насчет озера. Я ведь обещал ему. Тогда слушай.

Плескалась вода о ступени. Ручейком журчала речь старика. Мелькнули берега древнего озера. На них наплывало давно ушедшее вре-

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

мя. И из него, как из утреннего тумана, возникали те, кого давно уже нет. Могучий Арджуна с тяжелым луком упруго ступал по берегу, а навстречу ему из подводного дворца поднималась прекрасная нагиня Улупи, дочь Великого нага. В золотой короне Улупи сверкали драгоценные камни. Волны мягких волос потоком низвергались на обнаженные плечи. Лучший из Пандавов, воинственный и благородный, не смог устоять перед ее красотой и умом. Озеро Мансар стало приютом для Арджуны и Улупи и местом рождения их сына Иравата. До этого или после, а может быть, в это же самое время — Вишнудатта не мог точно сказать — могущественный Сеш-наг стал главным божеством озера Мансар. В ночи полнолуния он поднимался из воды, и под его тяжелой поступью прогибались камни старинной лестницы. Он оглядывал свои владения и проверял, нет ли нарушителей тишины священного озера. Не плавают ли кто в нем и не ловит ли рыбу. Нарушителей настигал гнев Сеш-нага. Перед утренней зарей он спускался по лестнице в озеро, туда, где стоял его дворец.

— Смотри, — говорит Вишнудатта, показывая в глубь озера. — Лестница уходит туда, в бездну, и соединяет берег священного озера с убежищем Сеш-нага.

Я смотрю в эту глубину, и мне кажется, что лестница становится бесконечной и там, в глубине, что-то движется и мерцает. Кто же поднимается по старинной лестнице из священного озера? Змий или человек? Тот самый человек со странно отрешенным лицом, в пурпурных одеждах и с драгоценным ожерельем на шее, который держит мутовку в одной руке и плуг — в другой. Бог и змий. Змий и человек.

По берегам озера стояли древние святилища. Под деревьями возвышались платформы с лингами, рядом с которыми лежали высеченные в камне змеи. Развевались красные и зеленые флаги со свастикой, закрученной влево. Этот знак, пришедший из добуддийского бон-по, вводил нагов в глубочайшую древность. В святилище Сеш-нага горели масляные светильники. Над погребениями жрецов стояли небольшие пирамиды. На них, как и на святилищах, был высечен загадочный символ нагов.

Если в Кашмире остались только воспоминания о нагах, то здесь продолжалась их жизнь. Жизнь древняя, загадочная и непонятная. Старинная лестница исчезала в глубинах священного озера. На древний валун с Сеш-нагом капало масло светильников. Седобородый Вишнудатта, напевая что-то себе под нос, клал душистые цветы на алтарь нага.

В Бхадрава мы приехали ночью. Шел снег, и сквозь обступившую нас тьму кое-где проглядывали редкие тусклые огоньки. Под ногами хлюпала грязь, смешанная со снегом. Шибар, ни слова не говоря, метнулся куда-то в снежную тьму и мгновенно растворился в ней. Я осталась одна. Не было слышно ни голосов, ни шагов. Только тьма, снег и мертвая тишина. Потом я увидела движущуюся светящуюся точку и

Бхадрава. Деревня Гхата. Портрет Сумитры

услышала оживленные голоса. Из темноты вынырнул Шибар, а за ним показалась небольшого роста худенькая женщина, державшая в руке фонарь. Женщина подошла ко мне, почему-то засмеялась и потянула меня за руку куда-то в темноту. Мы прошли шагов сто и остановились перед двухэтажным зданием, в котором красновато светилось единственное окно. Открылась дверь, и на меня пахло запахом сена и теплого хлеба. Запах явно был деревенский и как-то не вязался с городским домом. Мы поднялись по темной деревянной лестнице наверх и оказались в просторной освещенной комнате. В узком, непохожем на наши камине весело плясал огонь, а на широкой деревянной кровати сидел грузный человек с живым приветливым лицом и завязанным горлом.

— Я привела тебе добрых гостей, — сказала женщина. — У него ангина, — повернулась она ко мне.

— Я — Гупта, — сказал человек и протянул мне руку.

Утром я осмотрела дом Гупты. Он был по-деревенски просторным, с широкой скрипучей лестницей и дверью, выходившей прямо в хлев. В хлеву вздыхала, пережевывая жвачку, рыжая корова. Снизу из кухни тянуло запахом пекущихся лепешек. Я заглянула в угловую комнату и увидела домашний алтарь. На нем возвышалась фигура всадника. Горели масляные светильники. Перед всадником стоял сухонький старик в белом тюрбане. Горбоносое его лицо было странно приподнято, а выцветшие глаза смотрели поверх меня. Старик был слеп. Я поздоровалась.

— Да, я слепой, — подтвердил он, как будто сразу уловил мою мысль. — Но я вижу много больше, чем зрячие. Я вижу прошлое и могу предсказывать будущее. Великие наги одарили меня этой способностью. Мне сказали, что ты ищешь нагов. Ты прошла много дорог, и теперь они привели тебя в единственно правильное место. Здесь ты многое узнаешь, и я, слепой жрец Лал, помогу тебе. Если, конечно, ты захочешь, чтобы я тебе помог.

— Кто вы? — спросила я.

— Я старинный друг этой семьи. Отец Гупты был моим близким другом. Мой дед был другом прадеда Гупты. И вот я здесь. Что ты хочешь узнать о Великих нагах? Спрашивай.

Я оторопела. Старик узкой ладонью ткнул в черноликого всадника в красном тюрбане.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет, — ответила я.

— Это наг Мандалик. Добрый дух этого дома. Алтарь воздвигнут в его честь. Наги охраняют наши дома. Они же дают нам пропитание. От Великих нагов зависит наш урожай, наше благополучие. Васуки-наг является главным божеством Бхадрава. Мы поклоняемся в первую очередь ему. Потом остальным богам — Вишну и Шиве. Здесь, в этих древних горах, на которых лежит отблеск веч-

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

ности, нет богов выше нагов. Они были здесь, когда эти вершины поднимались из океана, когда рушились древние города, о которых люди не сохранили даже воспоминаний. У людей короткая память. Спроси, многие ли помнят, как погиб прежний Бхадрава? А ведь это произошло совсем недавно, сорок лет тому назад. Кто скажет тебе, где стоял прежний Бхадрава? Никто. Только слепой Лал помнит это место, расположенное на склонах священного Кайлаша. Сам Васуки-наг заложил его, и город стоял много веков. Но в тот черный год Великие наги отвернулись от нас. Жители перестали почитать их, как требовалось. И ночью с Кайлаша раздался страшный грохот. Земля дрогнула и поползла. Потоки воды, смешанной с грязью, обрушились на нас. Жители покинули дома и метались в поисках спасения. Они гибли и умирали на глазах своих родственников. К утру на месте города были лишь потоки бушующей воды и огромные трещины и провалы, избороздившие склоны. Но великодушные Великих нагов не знает предела. Они вновь снизошли к нам, и здесь, у склона священного Кайлаша, в этой горной долине, вновь возродился Бхадрава.

— А, вот вы где! — на пороге комнаты возникла миссис Гупта. — Хватит болтать и спорить. Идемте завтракать.

Несколько месяцев спустя мне в руки попала книга. Она называлась «Джамму. Святилища и паломничества». Ее автор писал: «В то время как в других частях Индии нагам поклоняются так же, как и другим богам и богиням, в Бхадрава и теперь наги считаются более высокими в сравнении с другими богами и богинями»²⁶.

Ни в самом Бхадрава, ни в его окрестностях я не обнаружила традиционных индуистских храмов. Если они и есть, то, видимо, их мало. Зато почти в каждой деревне встречались храмы, посвященные нагам и местным богиням. Они тянулись от самого Бхадрава, пересекали Великий Гималайский хребет и уходили за него к востоку, туда, где в Падаре находились древние сапфировые шахты. В течение многих веков там добывали синие и голубые сапфиры. Легенды украшали этими сапфирами короны королей нагов.

Первый храм нага, который я увидела у Великого Гималайского хребта, был храм Васуки-нага, верховного покровителя многострадального города Бхадрава. Мы отправились к храму со жрецом Лалом. Слепой Лал, безошибочно определяя дорогу, привел меня туда кратчайшим путем. Деревянное здание храма с четырехскатной крышей стояло на каменистом склоне на окраине Бхадрава. За храмом тянулся снежный хребет с двумя пиками: Кайлаш и Ашапаги. Мы поднялись по каменной лестнице на веранду, за резными колонками которой темнел проем входа. Жрец в желтом тюрбане, сидя на полу, нараспев читал молитвы, раскачиваясь перед зажженными светильниками. На алтаре, похожем на каменный саркофаг, стояли две двухметровые статуи, задрапированные белыми покрывалами. И только

*Деревня Гхата. Церемония у источника
в честь богини Парвати*

ступни, видневшиеся из-под покрывала, свидетельствовали о том, что статуи были сделаны из черного мрамора. Слева от них стояли три каменные стелы со свернувшимися в спираль змеями, несколько каменных линг и металлические трезубцы. Трезубцы были массивными, их металл отливал синевой крепкой закалки, а остро заточенные концы напоминали боевые копья. Лал, сложив руки в пранаме, поклонился ступням статуй, а потом жрецу в желтой чалме. Жрец прервал молитву, поднялся и подошел к нам. Узнав, откуда я, он оживился и стал почему-то благодарить Лала за то, что тот привел меня именно в его храм. Потом показал на трезубцы и сказал:

— Это оружие Великих нагов. Они сражались им с врагами и всегда побеждали.

— А сколько же лет этому оружию? — поинтересовалась я.

— О! Очень много. Тысячелетия, — ответил за жреца Лал.

— Но ведь сталь изобрели совсем недавно, — возразила я.

— Это у вас там, на Западе, изобрели ее недавно. А могущественные наги умели ее делать многие тысячи лет назад и научили этому нас, людей, живущих в Великих Гималаях. Когда тряслись горы и воды подступали к самым высоким пикам, могущественные наги сохранили это оружие, чтобы потом передать его нам, тем, которых тогда еще не было.

То, что говорил жрец, было так неожиданно, интересно, что я невольно открыла рот.

Храм Васки-нага, так произносил имя Васуки жрец, по его утверждению, стоял здесь двадцать тысяч лет. Статуи в белых покрывалах назывались одна Васки-наг, а другая Муктивахана. Так звали князя, друга Васки-нага, который, согласно легенде, отдал свое тело на растерзание и тем спас своего господина от беспощадной птицы Гаруды, преследовавшей нагов. Статуи были задрапированы по случаю ухода нагов в Поталу — подземный мир, в котором они пребывают до 13 апреля. В этот день Нового года эры Викрам они вновь появляются в Бхадрава и других местах, где их чтут как богов.

У статуй нагов, целиком сделанных из черного мрамора, был широкий разворот прямых плеч, мощные обнаженные торсы. Широкие пояса обхватывали талии, короткие штаны плотно облегли бедра. Над головами, украшенными трехзубчатыми коронами, вздымались девятиглавые змеиные капюшоны. И у Васуки-нага, и у князя Муктивахана было по четыре руки. Но вторая пара рук была обозначена только ладонями на предплечьях. Над ними символы бога Вишну — диски и раковина. Две другие руки, опущенные книзу, опирались на головы двух небольших фигурок, чуть превышавших уровень колен обоих нагов. Статуи из черного полированного мрамора производили впечатление чего-то необычного, не похожего на все то, что мне пришлось видеть раньше. Кто и когда их высек в этих мраморных монолитах, не знал даже слепой жрец Лал.

Храм был не единственным местом в Бхадрава, где хранили память о загадочных нагах и молились этим нагам. В центре города, в конце узкой улицы, находился колодец, перед которым прохожие обязательно останавливались и кланялись. В колодце, запорошенном снегом, у самой поверхности воды лежал камень, напоминающий своими очертаниями лошадь. Говорят, она принадлежала самому Васуки-нагу. Везде в домах стояли алтари нагов. Мы шли с Лалом от одного дома к другому, стучали в двери, нам открывали и впускали в дом. Нас поили чаем, угощали горячими лепешками и рассказывали о нагах, хранителях этих домов, о завещанном ими гостеприимстве, о предписанных ими обычаях. Вся история бывшего гималайского княжества Бхадрава была наполнена легендами и рассказами о них. От нагов вели свой род раджи Бхадрава. Начало их династий уходило глубоко в мифическое прошлое. Мифическое время переплеталось с историческим. И это смешение неуловимо меняло реальные события, неизменно увязывало их с Великими нагами. И поэтому жизнь легендарных нагов и бытие жителей деревень и поселков Бхадрава представляли собой одно неразрывное целое.

Раджа Наг Пал был реальной исторической личностью, современником великого могольского императора Акбара. Оба жили в XVI веке и встречались в его пространстве. Отцом Наг Пала был раджа Вишамбал Пал. Но жители Бхадрава утверждают, что отцом Наг Пала был Васуки-наг. Мать Наг Пала, рани Бхадрава, говорят они, овдовела через шесть месяцев после замужества. Легенда начиналась с той ночи, когда мать будущего, самого могущественного и самого блестящего раджи Наг Пала была оставлена в храме Васуки-нага. С той ночи она и понесла. Через положенное время она родила сына со змеиным капюшоном над головой. Это и был Наг Пал, сын великого Васуки-нага. Раджа Наг Пал был наделен достаточным политическим талантом, который позволил ему укрепить свое княжество в трудных условиях феодальной усобицы. Как сын могущественного Васуки-нага, Наг Пал обладал рядом чудесных способностей, символом которых был змеиный капюшон над головой. Но этот капюшон не всегда был виден, потому сам великий Акбар был введен в некоторое заблуждение, когда Наг Пал, приглашенный на императорский дурбар, появился при его дворе.

Дурбар заседал в огромном дворцовом зале, где стоял трон самого Акбара. Каждый входящий почтительно приветствовал великого императора, кланяясь ему до земли. Наг Пал вместе с остальными вошел в зал, но императору не поклонился. Акбар ничем не выдал своего недовольства, но велел Наг Палу появиться вновь при дворе на следующий день. Когда Наг Пал пришел, его не пустили в широко открытые двери тронного зала, а предложили пройти через низкий боковой вход. Император рассчитывал, что непокорный раджа волея-неволей должен будет нагнуть голову. Но Наг Пал, входя через низ-

Бхадрава. Короли нагов из храма Васуки-нага

кую дверь, выбросил сначала вперед ноги и избежал невольного поклона головой.

— Подойди сюда! — приказал ему Акбар. — И объясни, почему ты, наш вассал и подданный, не кланяешься мне, императору, как это делают другие.

Наг Пал бесстрашно подошел к трону.

— Я склоняю свою голову только перед Великими нагами. И если бы, о император, на твоем месте сидел бы сейчас могущественный Васуки-наг, я бы поклонился ему.

— Кто этот твой Васуки-наг? — спросил император. — Если, как ты утверждаешь, он великий и могущественный, то пусть покажет свое могущество. Даю тебе на это один день.

Наг Пал в растерянности и печали покинул императорский дворец. Он не был уверен, захочет ли Великий бог и царь всех нагов Васуки показать свою силу и могущество Акбару. Но когда раджа лег спать, Васуки-наг предстал перед ним во сне во всем своем блеске.

— Не беспокойся, — сказал Великий наг, — смело отправляйся во дворец.

Когда Наг Пал вновь предстал перед всемогущим императором, Васуки-наг, грозный и устрашающий, поднялся громадным змеем над тюрбаном раджи. Постоял так несколько мгновений, а затем растворился в воздухе. За то, что Наг Пал сказал правду, Акбар щедро вознаградил его. Он подарил ему много золотых и серебряных украшений, а также шелковую одежду, которую в империи Моголов могли носить только особо отличившиеся.

Описанное выше событие не нашло отражения в исторических хрониках могольских императоров. Однако это не смущает жителей Бхадрава. Они твердо уверены, что наги принимали, принимают и будут принимать участие во всех событиях и происшествиях, происходящих в Бхадрава. Об этом свидетельствуют хроники самого княжества. В них можно найти описание войны 1808 года между Бхадрава и Чамбой, которая началась с того, что раджа Бхадрава отказался платить вассальную дань радже Чамбы. Раджа Чамбы—Чарат Синг, узнав об этом, разгневался и послал через горные перевалы свою армию в Бхадрава. Пахар Чанд — раджа Бхадрава выслал ей навстречу свою. На знамени, которое развевалось над головным отрядом, был изображен Васуки-наг. Кроме этого командующий армией Бхадрава призвал на помощь самого Васуки-нага. Тот сошел с алтаря и, прихватив в собой боевые трезубцы, сел на белую лошадь и отправился вместе с раджей, у которого была тоже белая лошадь, на поле сражения. Когда оба всадника подъехали к тому месту, где сейчас находится колодец с каменной лошадью Васуки-нага, то увидели советника раджи. Тот, опечаленный, сидел у колодца и задумчиво смотрел в черную его воду. Дело в том, что советник отправился в храм, чтобы вознести молитву Васуки-нагу, но не обнаружил его там. Обстоятельства

Наги из старинной рукописи «Васукипурана»

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

усугублялись тем, чтобы без молитвы нагу советник не мог приступить к еде. Васуки-наг долго смеялся над затруднениями советника, а потом посерьезнел и сказал:

— Раз ты так беспокоишься о своем желудке, когда над родиной нависла опасность, то ясно, что ты за человек. Но я облегчу твои страдания. Иди и организуй женщин, чтобы они приготовили еду для войска. Мы будем сражаться, и все сильно проголодаемся. Пусть они сразу накормят воинов. Ты же будешь при них и при еде. Когда голодный видит еду, ему становится легче.

Когда маленькая армия раджи Пахара Чанда появилась на перевале Падри, воины большой армии Чамбы захохотали. Васуки-нагу надоел этот хохот, и он приказал солдатам смело броситься на армию противника. Битва была долгой и жестокой. Многие с той и с другой стороны пали смертью храбрых. Но маленькая армия Бхадрава, вдохновленная присутствием Васуки-нага, дралась отчаянно и к концу дня обратила в бегство большую армию Чамбы. Ее полководец, униженный поражением, громко выл и рвал на себе волосы. Армия Пахара Чанда с песнями вернулась в Бхадрава и съела все, что приготовили для нее женщины. А Васуки-наг вновь занял свое место на алтаре храма, где и пребывает по сей день.

Знамя же, под которым маленькая армия Бхадрава победила большую армию Чамбы, до сих пор хранится в старинной крепости, стоящей на скалистом склоне над городом.

Знамя, которое развернул передо мной сторож крепости, было сшито из оранжевого шелка, а в центре выткан Васуки-наг. Над его головой, как корона, поднимался змеиный капюшон с девятью головами, рядом стоял боевой трезубец.

— Смотри, — сказал сторож, — девять змеиных голов — девять племен, над которыми царствовал Великий наг Васуки. Наше племя — одно из них.

В Гхату, где стоял первый храм, посвященный Васуки-нагу, мы отправились втроем: Шибар — раджпут и сын солнечной расы, Лал — жрец и прорицатель, и я. Дорога шла из зимы снова в весну. Она спускалась из Бхадрава в широкую речную долину, где лежала Гхата, небольшая и уютная деревня. Вокруг зубчатой стеной синели горы, к ним от реки тянулись квадратики полей. День был ясный и тихий. На обнажившейся земле лежали остатки тающих сугробов. На пустынной дороге никого не было, и только река, перекатываясь с камня на камень, журчала о чем-то своем. Земля вокруг была прекрасна, а дорога — гладкой и наезженной. Но мы не шли по ней, а тащились. Наверное, со стороны мы представляли собой впечатляющее зрелище. Слепой Лал, подняв к небу незрячее лицо, постукивал суковатой палкой. Долговязый кшатрий Шибар хромал на обе ноги. Он натер ступни в неудобных городских ботинках на горных дорогах Бхадрава. Что касается меня, то я уже была на последнем пределе физиче-

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

ских и, полагаю, умственных сил. Кончался четвертый месяц моих странствий по Гималаям. Накопившаяся за это время усталость наливала свинцовой тяжестью ноги, и они не желали мне подчиняться. Мы медленно преодолевали километр за километром и молчали.

Наконец впереди показались плоские крыши Гхаты, а со стороны синих гор послышалась песня. Пели женские голоса, слаженно и красиво. Потом появились сами женщины. На них были красные и малиновые покрывала, шитые серебром и золотом, короткие, чуть ниже колен платья. В левой ноздре поблескивали жемчугом массивные кольца. Золотые резные бляхи на тонких цепочках спускались на лоб. На медных подносах, которые они несли, лежали весенние цветы, лепешки, стояли медные горшочки и горели светильники. Женщины проплыли мимо нас, как видение, неожиданно возникшее из горной синевы и золотых солнечных лучей. Одна из них, с гордо поднятой головой и смеющимися удлинненными глазами, отделилась от остальных и бесстрашно направилась к нам.

— Это Сумитра, — быстро определил Лал, услышав ее шаги. — Самая красивая женщина в деревне и самая умная.

Сумитра почтительно поклонилась Лалу, озорно сверкнула продолговатыми глазами на раджпута Шибара и, осведомившись о моем имени, немедленно увлекла меня за собой.

В деревне был женский праздник «Канчут», на котором отмечают годовщину свадьбы бога Шивы и богини Парвати. Праздничная процессия тянулась к храму Васуки-нага, который стоял тут же, у дороги. Горели всеми оттенками красного одежды, сверкали жемчугом и золотом старинные украшения. Непрерывно звонил медный колокол, висевший на потемневшей балке веранды. Женщины по очереди вручали жрецу подносы с угощением для нага. Жрец, темнлицый и строгий, молча брал поднос, читал над ним заклинания или молитвы и возвращал его владелице. Цветы же и лепешки клал на алтарь у ног таких же чернораморных статуй, которые я видела в храме Бхадрава.

От храма женщины направились к роднику, который бил тут же неподалеку. Там они колдовали с подносами и медными горшочками, читали одним им только ведомые молитвы и бросали в воду весенние цветы. Когда праздник кончился, Сумитра увела меня в свой дом, усадила перед горящим очагом, над которым было изображено солнце, и принесла крепкий душистый чай. Рядом с комнатой, где весело горел очаг, находился алтарь в честь нагов. Муж Сумитры, немногословный и крепкий, с тяжелыми натруженными руками крестьянина, сказал, что Гхата является родиной Васуки-нага и всем давно известно, что родился он именно здесь, а ни в каком другом месте. И поэтому Домашние алтари в честь нагов в деревне Гхата имеют больше веса, нежели подобные алтари в самом Бхадрава. А чела, или жрецы, при этих алтарях много сильнее чела Бхадрава. Они обладают способно-

стью напрямую общаться с Великим нагом. Когда последний вселяется в чела, жрец превращается в прорицателя. Ему открывается прошлое, и он видит будущее. Но для того, чтобы так случилось, надо долго читать заклинания, прыгать, танцевать, а если это не помогает, надо ткнуть себя трезубцем, священным оружием Великих нагов, и пораниться до крови. Древнее искусство чела передается из поколения в поколение. Некоторые из них владеют тайнами колдовства, занимаются астрологией, ходят по раскаленным углям, изгоняют злых духов из тех, кто ими одержим, лечивают болезни, могут даже вызвать дождь или засуху.

— А, вот вы все где! — громко раздалось от дверей, и в комнату вошел, постукивая палкой, слепой Лал.

Сумитра захлопотала, стараясь усадить Лала поудобнее и напоить его чаем. Но Лал не стал задерживаться, а мне велел немедленно следовать за ним. Я пыталась выяснить, куда и зачем. Но он коротко бросил на ходу: «Срочное дело» — и не снизошел до объяснений. Мы миновали храм Васуки-нага и остановились у аккуратного одноэтажного дома.

— Эй, Тхакур! — крикнул Лал в раскрытую дверь. — Мы пришли.

На пороге показался высокий человек в шерстяном плаще и белом тюрбане. Он некоторое время изучал нас обоих, как будто оценивал, чего стоит каждый из нас.

— Мы пришли, — повторил Лал.

— Хорошо, — ответил тот. — Я сейчас.

Через несколько минут он снова появился в дверях, неся на вытянутых ладонях какую-то книгу. Он бережно положил ее на скамейку, стоявшую перед домом, и отошел в сторону.

— Смотри, — торжественно произнес Лал.

Я взяла в руки книгу. Полированные дощечки заменяли ей переплет. И когда я ее раскрыла, то увидела пожелтевшие края старинной, похожей на пергамент бумаги и красные и черные строчки текста, написанного на санскрите. Это была старинная рукопись. От нее исходил тонкий аромат, какой исходит от засушенных цветов или шкатулки, где когда-то хранились сосуды с ароматными маслами.

— Васукипурана, — торжественно изрек Лал.

— Васукипурана, — подтвердил Тхакур и согласно кивнул головой.

Я держала в руках редчайшую рукопись, о которой знали только те, кто жил на этих склонах Великого Гималайского хребта. Вернее, я держала только ее часть. Небольшую оставшуюся часть, все остальное исчезло при загадочных обстоятельствах.

— Это двадцатая часть того, что было, — сказал Тхакур. — Мы храним Васукипурану в нашем роду, передавая ее из поколения в поколение. Но нагам было неудобно, чтобы она целиком дошла до наших дней.

Река Ченаб

Я листала пожелтевшие страницы и думала о том, сколько же веков прошло с тех пор, когда писались эти строки. Десять или двенадцать? А может быть, больше?

Тхакур как будто уловил мой немой вопрос.

— Рукописи две тысячи двадцать шесть лет, — сказал он тихо.

На одной из последних страниц я увидела миниатюру. Во весь рост стояли два нага, очень похожие на тех, которые в храме Васуки были высечены из черного мрамора. Это были Васуки-наг и его ближайший сподвижник князь Джимутвахана.

После Гхаты я прошла немало других горных дорог, и силы мои были на исходе. Они совсем истощились, когда я оказалась у шумной речки Ниру, вытекавшей из священного озера Кайлаш. На ее берегу стоял храм речной богини Гунт Ганга. Храм был древен, как эти горы, земля, река и пещера, над которой он был сооружен. Из пещеры вытекал родник, и его прозрачная вода неподвижно стлыла в каменной чаше чуть ниже пещеры. Говорили, что из пещеры ведет подземный ход прямо в Кашмир. Братья Пандавы, выйдя из Кашмира этим ходом, попали на берег Ниру. Здесь они стояли пораженные красотой открывшихся гор. В отличие от Пандавов я использовала наземный путь, но так же, как и они, была поражена красотой снежной горы Кайлаш.

Гора нависала над храмом, рекой и сугробом, в котором я сидела потому, что уже не могла идти. Я не помнила, где потеряла или оставила Шибара. Да это было и неважно. Белые снега слепили глаза, было пустынно, и только шум реки нарушал тишину. Мне казалось, что если я протяну руку, то достану до вершины священного Кайлаша. Но я не могла этого сделать, потому что рука не поднималась. Я откинулась на сугроб и погрузилась в мягкий сверкающий снег. «Боже мой! — подумала я. — Какая прекрасная смерть — в снегах Гималаев». Мысль о том, что меня может избавить от нее лишь появление самого нага, была, кажется, последней и почему-то утешающей. Я уже перестала ощущать свое смертельно усталое и натруженное тело, что-то во мне освобождалось и отлетало куда-то в неизвестную высь.

— Тебя как зовут? — раздалось вдруг откуда-то сверху.

«Приехали», — отрешенно подумала я и приоткрыла глаза.

Но окружающая действительность почему-то не изменилась. По-прежнему в ярко-синем небе сверкал треугольник Кайлаша, а надо мной стоял человек в теплом шерстяном кафтане и белом тюрбане. Удлиненные глаза на узком лице смотрели удивленно и встревоженно.

— А тебя? — спросила я.

— Меня? — удивился почему-то он. — Меня зовут Наг. Мистер Наг.

Я приподнялась. Изумление живительной силой прошло по моему телу.

— Как? — не поверила я.

— Мистер Наг, — подтвердил он.

Смерть в снегах Гималаев на этот раз отменялась. Передо мной стоял Наг, живой во плоти человек, и называл себя мистером. Не бог и не царь, а человек, которого я так долго и безуспешно искала. Выяснилось, что кроме него было еще восемь других Нагов.

В один из вечеров, приняв мое приглашение, все они пришли к гостеприимному мистеру Гупте. Горбоносые и длинноглазые, чем-то неуловимо похожие друг на друга, они сели у огня и заговорили. И вновь, воскрешенный их памятью и воображением, возник бог и царь Васуки, и солнечная птица Гаруда распростерла над ним свои беспощадные крылья.

Легенда о сражениях Васуки-нага с Гарудой была длинна, эмоционально насыщена, а иногда и запутана. Когда возникал такой узел, мистеры Наги возвращались назад, пытаюсь внести ясность, но, не преуспев в этом бесплодном занятии, шли в своем повествовании вперед, придерживаясь красной нити здравого смысла. В тот вечер и последующие вечера я узнала не только о Васуки-наге, но и о самих нагах Бхадрава, которые имели обычное людское обличье. С древнейших времен до нашего времени дошли немногочисленные семьи нагов. Они обитали в самом Бхадрава, в окрестных деревнях Гхата, Туба, Чинба и в округе Риаси, расположенном на склонах хребта Пир-Панджал. Именно там, по утверждению мистера Нага, сохранились и старинные одежды нагов. Мистер Наг видел их в деревне Гулабгарх. Там женщины до сих пор носят головные уборы в виде змеиных капюшонов и длинные свободные платья. Такие же платья мистер Наг видел и на мужчинах, только они были перехвачены тугими кушаками. Семьи нагов Риаси и Бхадрава принадлежали кланам Такшака-нага, Васуки-нага, Анант-нага. Сам мистер Наг был из клана Такшака-нага. Из поколения в поколение в этих семьях передается генеалогия клана, восходящая к одному из Великих нагов, которым поклоняются в храмах на склонах Великого Гималайского хребта.

Но меня больше всего интересовали мифические наги, за которыми стояла своя реальность, возможно связанная с нагами-людьми. Для последних эти наги были богами, могущественными царями и волшебниками, свободно управлявшими майей-иллюзией, способными менять свои формы и совершать различные чудеса. Они прекрасные лекари и мудрецы. Им были доступны тайны природы, которые они иногда передавали самым достойным из людей. Мифические наги оказались свидетелями великих катастроф. Их украшенные золотом и драгоценными камнями дворцы поблескивали сквозь воду горных озер и волшебным светом озаряли таинственные подземные ходы и священные, спрятанные глубоко в горах пещеры. Легенды и мифы доносили отголоски каких-то неизвестных истории войн, сотрясавших в древности Гималаи и заставивших Великих нагов покинуть свои места и бежать на склоны Великого Гималайского хребта. Устойчивость культа нагов поражала. В нем, по всей видимости, и заключалась та реальность, на глубоко-

ком дне которой покоилась загадка таинственных нагов-мифов.

Мы отправились в деревню Туба, где стоял храм Такшака-нага пасмурным ветреным утром. Крутая тропа неуклонно ползла в гору по ней нам предстояло пройти семь километров. Шибар продолжал хромать на обе ноги. На крутых подъемах он вздыхал, кряхтел и мечтательно смотрел вниз. Я предложила ему вернуться в Бхадрава, но Шибар возмущенно фыркнул, сказал что-то насчет мужчин, кшатриев и раджпутов и упрямо продолжал свой крестный путь. Километра через три открылась заснеженная громада Великого Гималайского хребта. Ветер разогнал свинцовые тучи, и синий купол неба засверкал над горными снегами. Солнечные лучи танцевали на мощных стволах кедров и разлапистых темно-зеленых елей, и от этого они становились легкими и почти прозрачными. Сквозь эту прозрачность лился голубой, насыщенный небом свет, горы и лес казались синими и как бы невесомыми.

От земли, обнажившейся под тающим снегом, поднимался весенний парок. В лесу резко пахло хвоей и солнцем. Кое-где среди камней скал пробивались желтые с острыми лепестками цветы, первые предвестники гималайской весны. За каждым поворотом тропы, упрямо карабкающейся кверху, возникали новые горные пики, менялись сочетания склонов и ущелий. Навстречу нам попались два горца, которые несли тяжелые вязанки дров. Они остановились, сбросили вязанки и вежливо поздоровались. Потом уселись на вязанки и молча долго смотрели нам вслед. Когда мы наконец поднялись на вершину горы и синий лес расступился, показались дома деревни Тубы. Выше нее поднималась только соседняя вершина, густо покрытая лесом. Утопая по колено в снегу, мы поднялись к этому лесу и увидели среди кедров и елей четырехскатную деревянную крышу храма Такшака-нага. Храм стоял на высоком фундаменте, сложенном из необработанных камней, на самом краю каменистой площадки. Отсюда лес спускался в ущелье, на дне которого лежали снежные сугробы. А над ущельем и храмом мощной синей стеной стоял Великий Гималайский хребет. Храм был заперт, но через некоторое время появился чела, который заметил нас из деревни.

Чела, высокий и чернобородый, выслушав меня, молча подошел к двери храма и, ловким движением распахнув ее, сделал приглашающий жест. Свет, проникший в открытую дверь, осветил гладкие дощатые стены, несколько трезубцев и одинокую фигуру Такшака-нага на алтаре. Статуя, сделанная из черного камня с сероватым отливом, была до плеч покрыта красной тканью. С темного лица смотрели грустно и удивленно продолговатые глаза. Из-под трехзубчатой короны на плечи падали длинные волосы. Над короной поднимался пятиглавый змеиный капюшон. В храме не было никаких атрибутов, свидетельствующих о связях Великого нага с индуистскими богами. Святилище горной деревни Туба было сво-

бодно от тех влияний, которые текли от нижних равнин в древний Бхадрава. Чела рассказал нам историю Такшака-нага, которого враги изгнали из его родного Кашмира. Великий наг долго скитался по горам Бхадрава, пока жители Тубы не решили выстроить для него убежище-храм. Вот тут-то и случилась история, которую в Тубе передают из поколения в поколение.

Когда начали класть фундамент храма, трижды приползал большой змей, и люди в страхе разбежались. Тогда чела обратился за разъяснениями к самому Такшака-нагу. И великий наг сказал: «Постройте мой храм на высоком месте, чтобы я мог видеть землю моего Кашмира». И тогда жители Тубы построили храм в священной деодаровой роще на той горе, где он сейчас стоит. Отсюда в ясную погоду, если стать лицом к северо-западу, виден снежный хребет Пир-Панджал, а за ним лежит долина Кашмира.

На площадке перед храмом весело трещал костер. Шибар сидел около огня и грелся. Снежные тучи снова ползли над горами, дул морозный ветер и поднимал над сугробами снежные султаны. Языки пламени то рвались кверху, то стлались по земле. Огонь вился в причудливом танце, как будто играл с ветром, дразнил его, то поддаваясь, то нападая. Я смотрела на огонь, и мне казалось, что пляшет на площадке в священной роще не пламя, а те, кто скоро придет сюда в ночь праздника Байсакхи, когда скорбный наг Такшака вернется из подземного царства, чтобы одарить землю плодородием, а людей — зерном и пищей.

Я уезжала из Бхадрава на рассвете. Над городком и Великим Гималайским хребтом еще стояло ясное звездное небо. Там, за снежными вершинами хребта, лежали древние сапфировые шахты нагов. Я не смогла туда добраться. Снег, покрывавший перевал, сделал его непроходимым. Дорога петляла среди гор и ущелий и все дальше и дальше уводила меня от Бхадрава. Становилось светлее, откуда-то сверху пробивались золотистые солнечные лучи. Заснеженные кедры и ели медленно выплывали из-за каждого поворота дороги и неслышно исчезали. Розовели снега Великого Гималайского хребта. По дну коричневого ущелья тек бирюзовый Ченаб, расцвеченный серебряными прожилками бурунов. Там, за розовыми вершинами, осталось старинное королевство Бхадрава, в котором жили наги и их потомки. Осталась крепость, где в пропыленном углу стояло оранжевое знамя нагов, остались храмы Великих нагов со статуями из черного мрамора на алтарях. Остались люди и боги, воины и землепашцы, сохранившие память о разрушительных катастрофах, о Великой войне, о подземных ходах и священных убежищах-пещерах. Чью же культуру хранили долины за розовыми снегами Великого Гималайского хребта? Дорога то взбиралась вверх, то спускалась вниз. Она пробивалась не только сквозь Пространство, но и через Время...

10. ДА ЗДРАВСТВУЕТ БОГИНЯ!

Если бы мне когда-нибудь сказали, что в один прекрасный день я сяду на лошадь, разукрашенную ленточками и звонкими колокольчиками, и с возгласом «Да здравствует богиня!» устремлюсь вверх, к снежной вершине, я не поверила бы. И даже обиделась бы. Но все случилось именно так. Сама же история началась с храма в Акхнуре, который был построен, как утверждал его жрец, еще во времена «Махабхараты». Мы сидели со жрецом на веранде его домика и пили чай. Прямо передо мной на горизонте возвышалась трехглавая вершина, покрытая снегом.

— Это что за гора? — спросила я.

— Трикута, — ответил жрец и отставил в сторону стакан с чаем. — Священная Трикута, обитель великой богини Вайшну Деви, Великой Матери Мира, созидающей, охраняющей и разрушающей. Без ее чудесной энергии шакти, которая пронизывает всю вселенную и весь космос, ничто в мире не может двигаться, не может действовать. Даже боги Брахма, Вишну и Шива мертвы и недвижимы без нее. Только Великая Мать Мира, всепроникающая богиня, вливая в них живительную золотую струю шакти, может заставить их действовать, созидать, охранять и разрушать. У нее нет ни конца, ни начала. Истинная сущность ее не имеет формы. Но время от времени она воплощается и обретает форму, чтобы сокрушить то зло, которым напитывается мир.

— Но как можно представить себе нечто бесформенное и в то же время существующее и всеобъемлющее? — спросила я.

— Можно, — улыбнулся жрец. — Представь себе тысячу лотосов, которые расцвели и заблагоухали все сразу, в единый миг. Представь себе тысячу солнц, которые вспыхнули на небе в единый миг. Разве запах и свет имеют форму? Но они существуют и проникают в каждый атом Вселенной. Так и Великая Мать пронизывает нас своим светом и наполняет благоуханием лотоса.

— Свет и запах действительно бесформенны, но даже слова «Мать Мира» уже предполагают какую-то форму.

— Послушай меня внимательно. Солнце и луна — ее глаза, звезды — ее одежды, зеленая земля — кайма на них. Она — это ярко-красный цвет прекрасного цветка ибикус, она — это цвет закатного неба и цвет крови. Она — это белые снега священного Химавата. Она везде. Она в смехе женщины, в ярости воина, она в языках пламени погребального костра. Теперь ты понимаешь, как она выглядит?

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

— Как Вселенная? — спросила я.

— Как Вселенная, — кивнул жрец. — Она в проявленном и непроявленном, во множестве форм, которые создаются ею в космосе. Она, как Амба — добрая мать, кормящая свое дитя, как Трипурасундари — чародейка несравненной красоты, как страшная Кали с гирляндой черепов на шее. Это все она. И боги, и люди живут и действуют по ее воле, пронизанные ее энергией. Весь мир для нее, как кукольный театр. Волшебными пальцами она дергает за невидимые нити наших желаний, страстей и чувств. И мы, как куклы, покорны этим всемогущим пальцам. Весь мир, вся Вселенная — это лишь игра Великой Матери. И нет во всем космосе ничего более великого, нежели она. Тем, кто ее почитает и молится ей, она дарует победу и исполнение желаний.

— А кому, например, она даровала победу? — поинтересовалась я.

— Великая Мать в образе Вайшну Деви благословила могучего Арджуну, и он победил Кауравов на поле Курукшетры. Слова, с которыми обратился Арджуна к Вайшну Деви, ты найдешь в «Махабхарате». Я не буду их повторять. Она даровала победу Раме над коварным и злым Раваном, царем Ланки. Там, где она появляется, торжествует справедливость и добро побеждает зло.

Я слушала жреца и опять вспоминала Николая Константиновича Рериха. «Великая Мать», «Мать Мира», «Царица небесная». Перед моим мысленным взором проплывали картины русского художника. Звучали строки из его очерков. Эта тема занимала одно из важнейших мест в его творчестве. В ней была своя мифологическая образность, своя символика.

— А как выглядит обиталище богини Вайшну Деви? — спросила я жреца.

— Это очень древняя и священная пещера. В ней богиня Вайшну Деви представлена в трех формах. Маха Лакшми — богиня красоты и богатства, Маха Сарасвати — богиня искусств и образования и Маха Кали — разрушительница зла. Во всей Индии нет другого такого святилища.

Действительно, я никогда не встречала богиню сразу в трех ипостасях. Богов встречала. Например Шиву. Шиву-созидателя, охранителя и разрушителя. Жрец рассказал мне легенду о том, как богиня бежала от преследований злого демона, покинув первоначальное место обитания в Ад-канвари, что находится на склоне горы, на полпути от Катры в священную пещеру. Вайшну Деви укрылась в этой пещере, а самого демона превратила в камень. С тех пор богиня не покидает своей пещеры.

— Пещера эта, — сказал жрец, — такая же священная, как пещера Амарнатха в Кашмире, и даже более священная. В Амарнатх идут тысячи паломников, а к Вайшну Деви — сотни тысяч.

Потом на какое-то время я забыла и о горе Трикуте, и о богине Вайшну Деви. Меня отвлекли другие дела и другие заботы. Напомнил мне о ней Шибар, потомок славного раджпутского рода. В один прекрасный день он произнес имя Вай-

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

шну Деви, и я поняла, что надо собираться в паломничество

В середине января мы отправились в Катру, небольшой городок, расположенный у подножия Трикуты. Наш автобус пришел на место почти ночью. Несмотря на поздний час, улицы были ярко освещены, работали лавки и базар, царило какое-то праздничное оживление. Толпы людей кочевали от отеля к отелю, от лавки к лавке. Слышались смех и восклицания крики продавцов и монотонное чтение мантр. Над городом на звездном небе вырисовывался массив трехглавой священной горы. Все гостиницы и постоянные дворы были забиты. Бунгало, где мы остановились, тоже было густо заселено паломниками. От Катры до пещеры богини Вайшну Деви было тринадцать километров горной дороги, которая висела над городом где-то вверху, обозначенная в темноте светящимся пунктиром фонарей.

Наутро Шибар привел низкорослую гималайскую лошадку, всю в ярких ленточках и бубенчиках. Именно эти ленточки и бубенчики привлекли внимание простодушного раджпута, поэтому он даже не заметил, что лошадь хромала на правую переднюю ногу.

— Мадам, — торжественно сказал Шибар, — я выбрал для вас самую красивую лошадь. Таких ленточек и бубенчиков не было ни на одной из них.

— О раджпут, — сказалая, осмотрев лошадь, — если бы ваши предки выбирали себе лошадей для походов и набегов только по этому принципу, то мы бы уже давно забыли само слово «раджпут».

Шибар смутился и пристально стал рассматривать лошаденку.

— Это прекрасная лошадь, — заикаясь, начал он. — Посмотрите, какие звонкие бубенчики.

Потом выяснилось, что мой друг раджпут не умеет ездить на лошади и предпочитает пеший ход.

— Пожалуйста, подождите меня у пещеры, — попросил он. — Хотя вам придется все равно ждать. Там всегда очередь, иногда на целых два дня. Правда, если повезет, можно сразу пройти в пещеру.

Я села на лошадь и двинулась по тропе паломников. Лошадка, несмотря на поврежденную ногу, оказалась шустрой, и я вскоре потеряла из виду Шибара. Звенели колокольчики, развевались ленточки, почти по-весеннему пригревало солнце. Над трехглавой вершиной Трикуты плыли легкие облака. Разноцветная лента празднично одетых паломников ползла куда-то вверх. Паломники кричали: «Джай Матаджи!», что означало «Да здравствует богиня!» или «Да здравствует Великая мать!». Попавшая в этот странный непостижимый мир паломничества, я ехала молча и лозунгов не выкрикивала. По сторонам дороги возникали удивительные вещи. На стене придорожного источника клубился змей, хитро заплетенный в неведомый иероглиф. За источником сидел синий Шива с трезубцем, и Васуки-наг обвивал его гипсовую шею.

Лошаденка бойко простучала копытами по деревянному мосту через Бангангу и, помахивая головой от напряжения, стала взбираться вверх по каменной тропе, туда, где в синем небе неприступно стояли три снежных пика. Снег плотными обледеневшими глыбами лежал на скалистых скло-

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

нах, в лощинах и ущельях, откуда тянуло зимним холодом. Время от времени у тропы возникали странные святилища. Над ними высились конические белые шикары, чем-то очень похожие на снежные пики. Чем выше поднималась тропа, тем более странным становился окружающий мир. Под звон медных бубенчиков и крики «Да здравствует богиня!» я ехала куда-то опять в прошлое, откуда появлялись длиннородые садху с раскрашенными, как древние маски, лицами, отшельники и святые. Они бормотали заклинания и молитвы. Они кричали «Джай Матаджи!» и жгли масляные свечки в сумраке своих древних пещер.

Один из них спросил, откуда я.

— Из СССР, — сказала я, останавливая лошадь.

Обитатель древней пещеры недоверчиво засмеялся.

— Такой страны нет.

— Как то есть нет? — оторопела я и даже слезла с лошади.

— Нет и нет, — злорадно приплясывал он на месте.

Я поинтересовалась, какие страны он знает.

— Анга, Магадха, Каси, Ваджи, Куру, — загибал он длинные темные пальцы, — Аванги, Гандхара.

Страны были древними, как мир самого отшельника.

— Моя страна в двадцатом веке, — сказала я.

— А! — с облегчением вздохнул отшельник. — Сейчас только пятнадцатый. И я, наверное, не доживу.

Я снова влезла на лошадь и тронула поводья. Когда я оглянулась, то увидела красноликого отшельника, стоявшего в задумчивости на тропе. Потом он вдруг сорвался с места и устремился вслед за мной.

— Эй! Эй! Подожди! — кричал он. — Как тебе удалось попасть из двадцатого века в пятнадцатый?

— На лошади! — крикнула я в ответ. — С медными бубенчиками и красивыми ленточками. В прошлое ездят только на таких лошадях. Запомни!

Отшельник согласно покивал патлатой головой и скрылся в пещере.

А я продолжала свой путь через пятнадцатый век. Собственно, время здесь не имело никакого значения. Век мог быть и пятнадцатый, и десятый, и любой век — даже до нашей эры. И все равно стояли бы здесь эти святилища, в пещерах сидели бы садху и отшельники, а Великая Мать в древней пещере за снежным пиком ждала бы своих жертвоприношений.

Теперь я ничему не удивлялась. И когда мне кричали «Да здравствует богиня!», я отвечала им тем же. Пятнадцатый век давал себя знать.

Навстречу мне шли и ехали паломники. Их лица были покрыты красной краской, а волосы перехвачены красной лентой.

— Эй, царь! Как поживаешь? — крикнули одному из них.

Но «царь» с отрешенным взглядом, как во сне, шествовал по тропе, не обращая внимания на возгласы и приветствия. «Джай Матаджи!» — автоматически время от времени повторял он. Люди останавливались и долго глядели вслед «царю».

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

Тропа вилась вокруг горы, и, когда она вышла к скалистому обрыву я увидела далеко внизу долину, над которой стояла голубая солнечная дымка и сквозь которую проглядывали игрушечные домики Катры и синяя лента Ченаба. Потом тропа ушла от обрыва в глубь скалистых нагромождений и стала карабкаться круто вверх, туда, где белели снежные пики Трикуты. Высокие кедры и сосны стояли у самой тропы и шагали вниз по склонам к обрывистым стенкам мрачных ущелий. На тропе лежал снег и местами блестел лед. Моя плохо подкованная лошаденка скользила по этому льду, недовольно фыркала и позванивала медными бубенчиками. Неожиданно тропа стала расширяться и через некоторое время превратилась в каменистую площадку перевала. Один из пиков Трикуты оказался совсем рядом и теперь вовсе не был похож на тот, высокий и неприступный, который я видела издалека. На площадке толпился народ. Несколько лавок бойко торговали горячим чаем, жареными лепешками и вареным рисом. Я слезла с лошади и подошла к храму, возвышавшемуся над перевалом. Седобородый старик с маленькой девочкой сидел на его ступеньках.

— Идите сюда! Идите сюда! — Старик сделал приглашающий жест.

Я подошла. Старик объяснил, что это место называется Ад-кунвари, а храм с белой шикарой посвящен богине Вайшну Деви. Когда-то богиня жила на этом перевале и именно отсюда бежала, преследуемая страшным похотливым демоном.

Рядом с храмом, в каменистой низкой стене, чернела щель, ведущая в пещеру. Богиня исполняла желания тех, кто пролезал в эту щель. Все пространство вокруг щели было отполировано телами тех, кто хотел, чтобы его желание исполнилось. Когда я подошла поближе, то увидела, что в щели застрял толстый человек с большим животом. Из-за этого живота он не мог ни влезть внутрь пещеры, ни вылезти из щели. Собравшиеся долго потешались над неудачником, а потом сжалились и общими усилиями вытащили его на свободу. Толстяк, отдуваясь и вытирая пот, выступивший на лбу от непомерных усилий, уселся на ближайший камень и с тоской уставился на неприступную щель.

— Эх-хо! — засмеялся старик. — Разве можно исполнить желание с таким пузом?

После перевала тропа обогнула пики и стала спускаться вниз. Лошадь, позвякивая бубенчиками, заскользила по льду и слезавшемуся снегу. Где-то чуть ниже возник поселок. Там стояли унылые корпуса гостиниц для паломников, синий дым валил из харчевен, поток людей тек за эти здания, где была видна каменная лестница. Я привязала лошадь к столбу и стала ждать Шибара. Он появился через час, и мы направились к пещере. У подножия лестницы пришлось разуться. Обледеневшие ступени обжигали ноги. Наверху оказалась вымощенная мрамором площадка. Она упиралась в скалу, внизу которой темнела узкая щель входа. Над щелью, на медной цепи, вделанной в камень, висели медные колокола. Шибар качнул колокол — раздался мелодичный звон.

Вход в пещеру богини Вайшну Деви

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

— Богиня к нам благоволит, — сказал Шибар. — Мы можем войти в пещеру, не ожидая длинной очереди. — Иловко нырнул в темневшую щель.

Я последовала за ним и оказалась в кромешной темноте. Где-то внизу слышался шум потока. Я соскользнула вниз, и ледяная черная вода обожгла ступни. Поток забурился у шиколоток, потом поднялся до колен, пытаясь сбить меня с ног. Мне пришлось опереться на мокрую каменную стену, шедшую вдоль потока. Через некоторое время я перестала ощущать ноги. Но подземный ход продолжал тянуться во тьму, и не было ему конца. Я уже стала терять надежду, когда впереди возникло расплывчатое, слабо светящееся пятно. Оно медленно приближалось, поток мелел, и наконец в рассеянном свете возникли вырубленные в скале ступени. Ощущая спиной неровность нависшего свода, я поднялась по этим ступеням и как-то сразу попадав мир, казалось, нездешний. На неровных каменных стенах и низком потолке священной пещеры мерцали натеки, образуя фантастические сплетения. Из этих сплетений в колеблющемся пламени светильников складывались какие-то темные лики. То ли лики забытых богов, то ли людей, ушедших в небытие тысячелетия тому назад.

Неясные тени скользили по своду пещеры, по узорам каменных натеков, по неровному полу. И древние лики незаметно и неуловимо стали превращаться в лица людей. На них были высокие тюрбаны, и они раскачивали ими в такт заклинаниям-мантрам, звучавшим откуда-то из глубины пещеры. Тюрбаны раскачивались, вновь становились тенями, и темные расплывчатые лица людей обретали призрачную невесомость и неопределенность. И было трудно понять — где люди, а где тени, где прошлое, а где настоящее, где бытие, а где небытие. Внизу шумел поток и черная ледяная вода преграждала путь в заповедное место, где в глубине древней скалы остановилось Время. Голос, читавший заклинания, был глух и неясен, как будто шел из другого, неведомого мира. В колеблющемся пламени светильников проявилась сначала фигура длиннородого и длинноволового жреца, затем возник каменный алтарь, покрытый красным шелком, на котором темнели три камня, похожие на метеориты, и наконец появилась богиня в зубчатой короне с темным бронзовым ликом.

Лик почему-то мне был знаком, где-то я его уже видела. Широкий нос, чуть утяжеленный подбородок, высокие брови. Жрец, продолжая читать заклинания, поднял на меня взгляд из-под густых седых бровей и молча указал на пол. Я опустилась рядом с людьми-тенями и ощутила спиной ледяной холод каменной стены. На лице бронзовой богини трепетали отсветы пламени светильника, и оно, казалось, загадочно улыбалось. Откуда-то из черноты входа, как мираж, возникла женская фигура. Сверкнуло золотое кольцо в ноздре, зазвенели браслеты на тонких руках. И этот звон браслетов, каким-то непостижимым образом соединившись с темной бронзой лика древней богини, неожиданно вызвал в моей памяти другую фигуру. Чуть наклоненный вперед гибкий стан, тонкие руки, унизанные до локтей браслетами, вьющиеся волосы пышной прически.

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

Я видела эту статуэтку в Делийском музее. Бронзовая танцовщица из древнего, ушедшего под землю Мохенджо-Даро. Того города, именем которого была названа древнейшая культура Индии. Лик богини из священной пещеры и лицо древней танцовщицы были удивительно похожи.

Что же связывало древние города, спящие под раскаленной землей долины Инда, с этой пещерой у снежных пиков? Может быть, все это было только совпадением? Но когда жрец, обращаясь ко мне, сказал, что святилище богини в пещере существует не менее, а может и более четырех тысяч лет, я ему поверила. Два схожих лика темной бронзы, богини и танцовщицы, соединили эту пещеру с реальным миром древности. Три темных камня, три ипостаси Великой Матери, вводили в еще более глубокое прошлое, когда только зарождался в этих горах, в их тайных пещерах и подземных ходах, культ Великой Матери Земли, дарующей плодородие полям, кормящим человека. Здесь, в этой пещере, находилось одно из древнейших святилищ, возможно, колыбель самого раннего культа человечества, который был воплощен в первых, еще грубых статуэтках каменного века, в первых неумелых рисунках на скалах, в первых попытках создать символ Великой Матери и понять невидимые нити, которые связывали ее с Природой и Космосом.

— Я кланяюсь Тебе, О Высочайшая. Тебе, чьи деяния подобны деяниям Брахмы, — звучал голос жреца. — Я почитаю Тебя, дарующую, Тебя, спасающую, Тебя, Которая и Веды, и Шрути, и высочайшая добродетель. Тебя, Которая есть знание Прошлого и Будущего. О Ты, Которая достойна высочайшего поклонения...

Голос то уходил в глубину древней пещеры, то вновь возвращался. Он плыл над пламенем светильников, заставлял их трепетать и вздрагивать. Он вибрировал и наполнял собой пещеру. И, как бы вторя этим вибрациям, раскачивались высокие тюрбаны над размытыми лицами сидящих и позванивали тонко и призывно браслеты на темных руках женщины. Великая всемогущая Мать, древняя, как жизнь и как сама планета, встала над безвременьем древней пещеры и скользила легкой и невесомой тенью по рисункам каменных натеков, по лицам, по темным камням, похожим на метеориты.

— О Ты, Великая и Всепроникающая, созидающая, охраняющая и разрушающая. Ты — жизнь, Ты — смерть, Ты — свет, Ты — тьма, Ты — звук, Ты — безмолвие...

Голос жреца завораживал, вводил куда-то в глубины неведомого Прошлого. Я погружалась в этот магический ритм, терялась в нем и становилась кем-то другим. Заклинания, казалось, вызывали из неведомых глубин Космоса всепоглощающее безвременье, в котором сливались в нечто единое и непостижимое и Прошлое, и Настоящее, и Будущее. В этой странной и необъяснимой временной нерасчлененности теперь царил только Великая Мать — первопричина всего сущего.

Я с трудом стряхнула с себя оцепенение, поднялась, и мы вышли через длинный новый тоннель, высокий и просторный, совсем недавно

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

прорубленный в скале. Шибар с воющим криком «Ва-ва-ва», поджимая промороженные босые ноги, устремился вниз по лестнице, где была оставлена наша обувь. Раджпутский боевой дух, уступая неотвратимому натиску Великой Матери, на какое-то время покинул Шибара, и он, не оглядываясь, побежал от снежных пиков вниз, в теплую и солнечную долину, где стоял городок Катра. Мои брюки, вымокшие в воде священного потока, покрылись сразу коркой льда, а ноги в мокрых носках заоченели. Весь обратный путь был наполнен солнцем, запахом хвои и радостными криками «Да здравствует богиня!». Внизу, над ущельями, парили орлы. На крутых поворотах музыканты били в длинные узкие барабаны и трубили в медные трубы. Они приветствовали тех, кто возвращался из заповедной пещеры, получив благословение богини и заручившись ее согласием на исполнение самых разных желаний. Моя лошаденка бойко трусила по тропе, звеня бубенчиками. Около очередного поворота стоял знакомый отшельник из XV века.

— Эй! — крикнул он. — Как называется твоя страна?

— СССР, — ответила я.

— Какое странное название, — засмеялся отшельник. — Но я запомню. Мало ли что может случиться. Иногда время движется быстрее, чем нам кажется.

Снежные пики Трикуты начали отдаляться и вновь становились высокими и неприступными. И там, где-то за ними, осталась похожая на сон древняя пещера Великой Матери. Потом солнце позолотило снега и скрылось в бездонном разливе сиреневых сумерек. Безоблачное небо полыхнуло алым полотнищем заката, на котором застыла трехглавая синефиолетовая вершина Священной Трикуты...

Богиня Вайшну Деви не была единственной в этих горах. Жрецы рассказывали о богинях легенды. Все они, подобно Вайшну Деви, когда-то бежали из родных мест сюда, к Великому Гималайскому хребту. Большинство из них когда-то обитало в Кашмире. Из Кашмира пришла и Мал Деви, чье святилище под белой шикарой я увидела в одной из деревень. Сама богиня с серебряным лицом, завернутая в красные одежды, возвышалась на алтаре. Но во всей фигуре Мал Деви была какая-то странная непропорциональность. Воспользовавшись отсутствием жреца, я осторожно приподняла шелковое покрывало. Под ним оказался потемневший от времени менгир, на котором и была укреплена серебряная голова. И тогда я представила себе первоначальное святилище. Каменная платформа, и на ней темный менгир. Много веков назад здесь не было ни белоснежной шикары, похожей на горный пик, ни изображения льва, на котором ездят все богини. Именно такой же менгир, покрытый шелковой алой тканью, я увидела на платформе святилища Чамунди Деви в горном поселке Басоли на берегу бурной реки Рави.

Многоликая Великая Мать царила над горами и узкими долинами старинного княжества Джамму. Она была в темных древних камнях и в

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

священных деревьях, в тайных пещерах и в снежных пиках. Венчанная царской короной, она смотрела с белых шикар храмов, похожих на эти снежные пики. Она возникала прекрасной женщиной на древних, покрытых патиной времени стелах. Загадочно улыбалась со стен старинных храмов и протягивала к тем, кто входил в храм, шесть, восемь или восемнадцать рук. Она была рекой Тави, и дочь бога Солнца богиня Сурья Пугри играла золотыми лучами в ее голубых волнах. Она звучала в странных молитвах-заклинаниях темноликих жрецов, в гортанных песнях праздников, в торжественном бое барабанов. Она была везде, могущественная древняя Великая Мать-богиня. Везде были следы ее ступней, врезанных в камень гор. Везде был ее символ-трезубец. Тот самый трехзубец, который поднимали на врага в жестоких войнах короли нагов и который охранял каменные линги великого бога гор Шивы. Трезубец связывал воедино Великую Мать, нагов и Шиву. Таинственный и пока не объясненный символ древних Гималайских гор, вынесенный капризной волной Времени из невообразимых глубин прошлого в наш XX век.

Н.К.Рерих. Гималаи

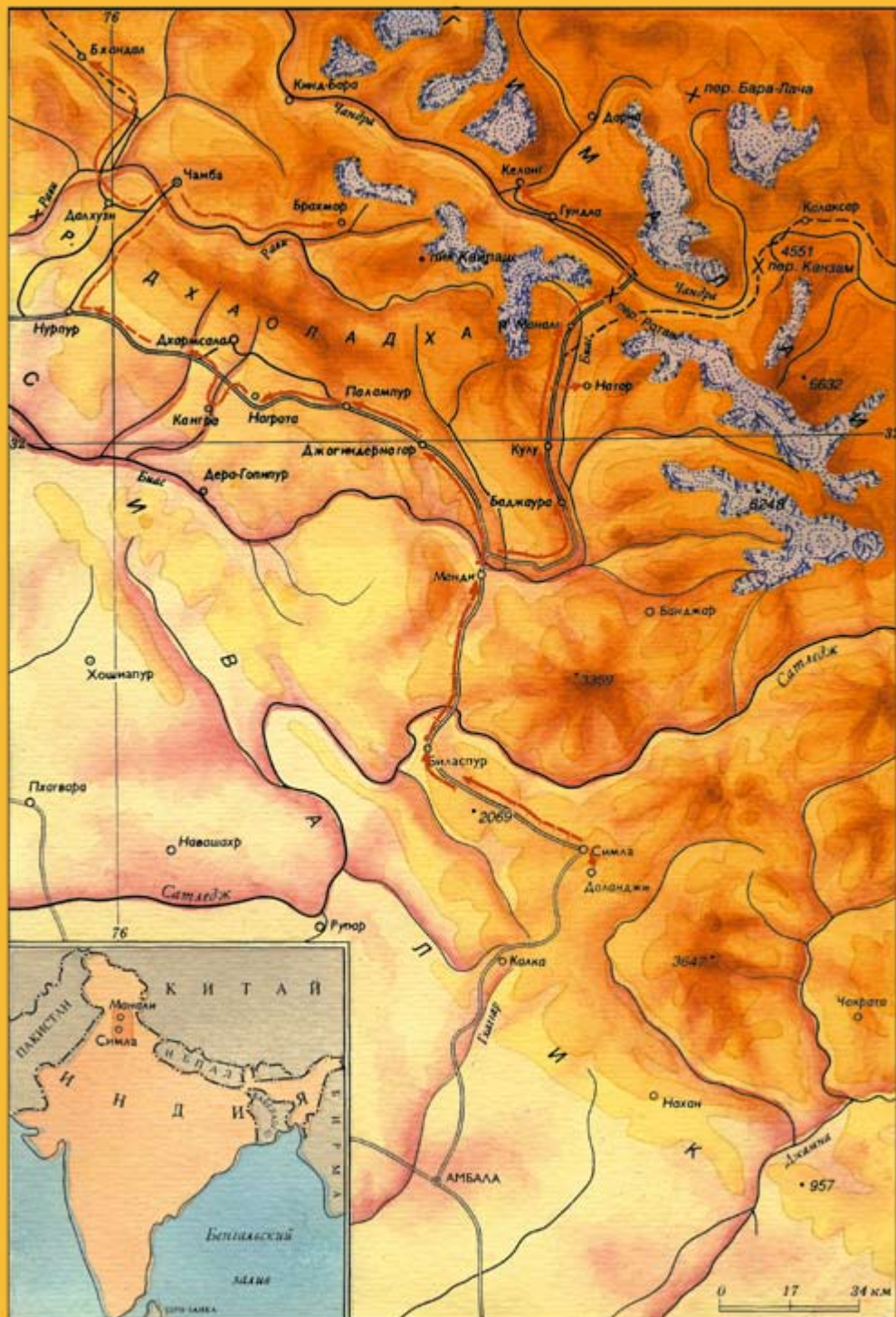

V. ЗЕМЛЯ БОГОВ

Если бы кто-нибудь задался целью исторически посмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад посмотреть всю притягательную силу этих высот, то действительно можно понять, почему Гималаи имеют прозвище «несравненных». Сколько незапамятных Знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно, сокровенно таинственными снеговыми великанами.

Н.К.Рерих. Урусвати

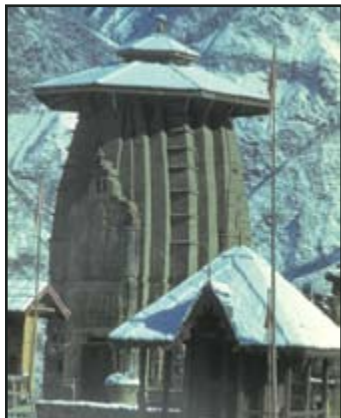
Маршрут автора по Западным Гималаям

Великий Гималайский хребет уходил от Джамму на юго-восток. Бирюзовый Ченаб тек параллельно ему, а затем, пробившись сквозь снега и ледники, кружил около хребта Дхаул-Дхар. За ним начиналась еще одна горная страна. Она состояла из узких долин, через которые текли реки Рави, Беас, Сатледж. Страна называлась Химачал Прадеш, а ее долины носили звучные древние имена: Чамба, Кулу, Лахул, Спити, Кангра. В прошлом, когда еще не было современного штата, долины были поделены между княжествами. А весь горный край именовался Дев Бхуми — Земля богов. Теперь мой путь из Земли риши-мудрецов шел в Землю богов. Это накладывало на меня особую ответственность. Я еще не знала, какой была эта загадочная Земля богов и как отнесутся ко мне ее боги. Но у меня не было выхода. В Земле богов, а именно в долине Кулу, прожил свои последние восемнадцать лет человек, по следам которого я шла через Гималаи. Он там путешествовал, делал наброски и создавал свои незабываемые прекрасные картины. В них он отобразил горы, снега и небо Страны богов так, как он понимал ее и чувствовал. И в каждой его картине ощущалось присутствие тайны, ведомой только ему.

Эти картины помогали понять Страну богов, проникнуть в ее древнюю культуру, ощутить величие ее гор, в которых возникала и формировалась эта культура. Николай Константинович Рерих долго жил в Кулу. Там остался его дом, его картины и то, что он собрал за свою жизнь, наполненную движением и творчеством. Там остались здания Института Гималайских исследований, где изучались материалы, привезенные из Центрально-Азиатской экспедиции. Там, на месте его кремации, стоял серый гранитный камень с надписью: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года, Викрам эры, соответствующего 15 декабря 1947 года. Ом Рам». Махариши Рерих умер в Стране богов. Он хорошо знал ее долины, не раз писал о них, исследовал их, отображал на своих полотнах. Они прочно вошли в его жизнь, захватили его и заставили отложить другие дела. Страна богов вошла в его сердце, покорила его душу и его чудодейственную кисть.

Первой долиной, которая оказалась на моем пути в Стране богов в ту весну 1980 года, была Чамба.

1. СКАЗОЧНОЕ КОРОЛЕВСТВО

Сказочное королевство, как и положено ему, лежало за горами и за синими лесами и называлось, как вы уже, наверно, догадались, Чамбой. С севера королевство прикрывали снега хребта Дхаул-Дхар, к югу оно понижалось и переходило в обширную, но невысокую долину Кангру. С запада и востока королевство Чамба омывали реки Рави и Ченаб, бурля в скалистых каньонах и спокойно разливаясь на равнинах. В этом двуречье, среди синих гор со снежными пиками, на цветущих альпийских лугах и скалистых склонах, жили загадочные пастухи гадди и ряд других народов, этни-

ческая принадлежность которых до последнего времени так и остается неопределенной. Там же, на горных трактах, на каменистых берегах бурных рек стояли древние святилища, храмы и крепости. В них гнездились воспоминания о прошлом. О том прошлом, когда Чамба действительно была королевством, а не просто округом Чамба штата Химачал Прадеш. И королевство это было необычным.

Рассказ об истории города Чамба, которому более тысячи лет, можно начать словами из сказки:

Жил-был король Сахила Варман, и была у короля дочь, прекрасная принцесса Чампавати. Она была так же красива, как и белый священный цветок чампа, по имени которого ее назвали. Однажды принцесса путешествовала со своей свитой по горам. В одеждах, шитых золотом, она ехала на коне, сбруя и уздечка которого были украшены серебром и драгоценными камнями. Рядом скакали славные рыцари, опоясанные тяжелыми мечами и вооруженные луками и стрелами. Рыцари по приказу короля охраняли принцессу. Следом шел караван мулов, груженный одеждой принцессы и разными вкусными кушаньями, которые принцесса очень любила. Караван позванивал колокольчиками, рыцари лихо гарцевали на узких горных тропах, а принцесса любовалась окрестностями. К вечеру путники достигли красивого плато, через которое текла голубая река Рави. Над плато высились снежные горы. Принцесса не могла оторвать восхищенного взора от открывшегося ей вида. Уже слуги развьючили мулов, раскинули на зеленой траве яркие шатры, зажгли костры, чтобы приготовить ужин, а принцесса все любовалась горами и долиной.

— Здесь будет город заложен, — сказала она неожиданно.

Рыцари притихли, а один, самый смелый из них, произнес:

— А как же король?

— Король согласится, — сказала принцесса. — Я его уговорю.

И действительно, принцесса уговорила папу-короля. Но тут сказка кончается и начинается суровая действительность. Дело в том, что у принцессы не было волшебной палочки, взмахнув которой она могла бы извлечь из горных недр желаемый город, а у короля не было бутылки, из которой можно было бы выпустить джинна-строителя. Город возводили обычные люди: каменщики, резчики, плотники, штукатуры и многие другие. Они доставляли камни по крутым тропам, обтесывали их и укладывали в тяжелые блоки. Тогда все делалось вручную: ни кранов, ни другой техники не было. Окрестные крестьяне, оторванные от своих повседневных работ, выполняли повинности на строительстве города. Их труд был тяжел и утомителен и отнюдь не походил на сказочный. Только принцесса Чампавати продолжала жить в своей сказке. Но и в ее сказку ворвалась трагедия.

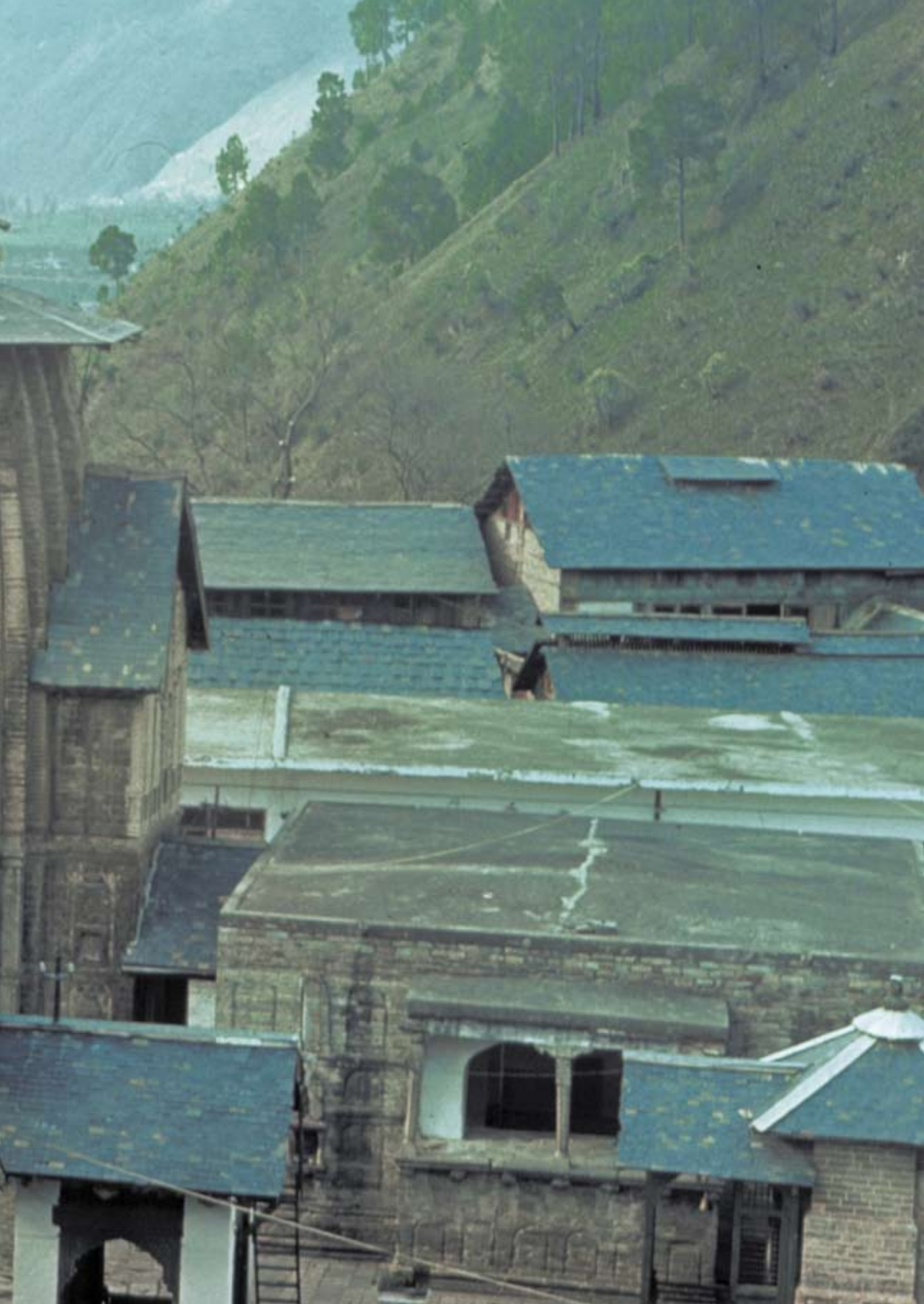
Случилось так, что канал, вырытый для того, чтобы снабдить город водой, почему-то этой водой не заполнялся. И тогда собрались жрецы. В сказочном королевстве существовал отнюдь не сказочный обычай — приносить в жертву человека при закладке дома, города или канала. И чем выше его положение, тем лучше. Жрецы не посмели поднять руку на короля. Они указали на принцессу. Ее закопали живьем рядом с неудачным каналом. Через несколько дней в канале появилась вода, и возведенный на плато город зажил нормальной жизнью. Над могилой, в которую ушла живая принцесса, воздвигли небольшой храм в ее честь. Храм сохранился до сих пор. Новую столицу в честь принцессы Чампа называли Чамбой. Так же стало называться и все королевство. Оно было воинственным и свободолюбивым, воевало с соседними королевствами и время от времени расширяло свои владения, включая в него два-три лишних горных перевала. Его неустрашимые воины, привыкшие к трудностям горных переходов, успешно отбивали вражеские атаки на границах. И поэтому королевство оставалось полностью независимым и самостоятельным вплоть до XVI века.

Только великий и мудрый император Акбар сумел мирно и хитро подчинить его своей власти. Правда, мусульманские чиновники, посланные Акбаром в Чамбу, чувствовали себя там неудобно и стремились как можно скорее оттуда выбраться. Королевство упрямо не поддавалось «омусульманиванию». Оно крепко держалось за свою древнюю культуру, сохраняло свои традиции и обычаи, слушалось своих жрецов и поклонялось своим богам. В XIX веке королевство стало данником правителя Пенджаба Ранджит Синга. После распада его государства Чамба отошла к владениям кашмирского махараджи Гулаб Синга. И наконец, когда Индия получила независимость, превратилась в один из округов штата Химачал Прадеш. Это политическая история сказочного королевства. Она как бы существовала сама по себе, не проникая в глубины народного сознания, не касалась его древней культуры, не разрушала его традиций и обычаев. Может быть, в силу этого обстоятельства окружной центр город Чамба по-прежнему напоминал

Чамба. Думукх

столицу сказочного королевства даже весной 1980 года, когда я там появилась.

Конечно, только в сказочном королевстве бывают гостиницы имени Богини Полной луны. Управлял гостиницей король или, по-индийски, раджа.

Мальчик-слуга, с серьезными не улыбочивыми глазами и легкой походкой горца, на следующий день войдя в мою комнату, сказал:

— Король передает вам привет. Он хочет знать, удобно ли вы устроились.

— Передай королю мой привет, — ответила я. — И скажи ему, что жить мне здесь удобно и приятно.

— Хорошо, — сказал мальчик. — Я передам все это королю.

Только в сказочном королевстве короли интересуются, как живется приезжим в их королевстве, в гостинице имени Богини Полной луны.

Гостиница размещалась в королевском дворце, похожем на крепость. Стены просторных высоких комнат были забраны деревянными панелями. Узкие окна смотрели в мощный внутренний дворик. От дворика шла путаница крытых и открытых переходов. Во дворце стояла старинная мебель, вощеные половицы поскрипывали под ногами, деревянные лестницы были отмыты и начищены до блеска. Когда гасло электричество, мальчик-слуга зажигал свечи в тяжелом бронзовом подсвечнике и ставил его на старинный резной стол.

— Король желает вам доброго вечера, — говорил он. — Если хотите, король может выдать еще один подсвечник и свечи к нему.

Потом мальчик уходил своей неслышной упругой походкой, а я оставалась наедине с королевским подсвечником и размышляла о последнем, таинственном короле сказочного королевства, который присылает приветы и свечи, но никогда сам не появляется.

Когда я смотрела на город с дороги, идущей по берегу бурной Рави, он мне казался прочным и неизменным. Я видела дома, которые громоздились друг на друга на каменистом склоне, неуклюжий главный королевский дворец, где теперь находился колледж, и крепостные стены с башнями. От города во все стороны разбегались горы, покрытые темными хвойными лесами, а над ними поднимались снежные пики хребта Дхаул-Дхар. Но стоило мне углубиться в город, как постоянство его исчезало и он поворачивался ко мне то одним лицом, то другим. Из магических глубин Времени возникало несколько городов сразу. Одни улицы уводили в глубокую древность, другие тяготели к площади со средневековыми башнями, третьи упирались в электростанцию с тяжелыми трансформаторами. В этом городе сдвигалось не только Время, но и Пространство. Мимо крепостных стен и башен легкой рысцой проезжали всадники. Закутанные в шерстяные плащи или пледы, они проскакивали узкие улочки и въезжали на площадь. Всадники были по-горски худощавы, горбоносы и узколицы. Их облик и резвые лошади вполне подходили к этим старинным башням и стенам, но несколько

Портрет горянки

противоречили тому городу, который находился за массивными воротами крепостной стены.

Это был город храмов, и там шла своя жизнь, непохожая на жизнь других городов. Звонили медные колокола, бесшумно двигались длинноволосые жрецы, пахло благовониями и старыми камнями. Семь храмов с шикарами, покрытыми кружевом каменной резьбы, выстроились в один ряд. Длинноглазые богини в красных платьях, расшитых золотой тесьмой, смотрели с алтарей, пламя светильников отражалось в полированном каменном лике Шивы. Солнечные диски венчали храмовые шикары, и сам Сурья правил семью лошадьми. Лошади раздували ноздри и нетерпеливо перебирали тонкими ногами, готовые сорваться с каменного барельефа и устремиться туда, где в золотистой дымке заката стояли синие горы.

От древних святилищ тянулись загадочные нити к перекрестку, на котором стоял Думукх-Двуликий. Он был покровителем древнего города и защищал его от блуждающих, неустроенных духов и страшных демонов гор. Индуистские боги в храмах с резными шикарами, изнеженные комфортом и постоянным поклонением, не могли выполнить той суровой работы, которая выпала на долю Думукха.

В путанице улиц древнего города обильно цвела слива, и казалось, что розовые закатные облачка опустились на стволы обнаженных деревьев, чтобы украсить город, где царили древние святилища и нес неустанный дозор суровый Двуликий. Здесь улицы были круче и уже, а народ приветливее и любопытнее. Люди жили в старинных домах, деревянных и каменных, и двери этих домов выходили прямо на улицу. Они не прятали свою жизнь во внутренних дворах и жили открыто и гостеприимно, не стесняясь своей бедности, гордясь своим тяжелым трудом дровосеков и земледельцев. У них была медленная походка людей, знающих себе цену и не позволяющих себе ни суеты, ни опрометчивых поступков. Узкие шерстяные штаны стягивали сильные икры их ног, привыкших к трудным горным переходам. Старинные кафтаны ладно сидели на широких плечах. Их женщины не опускали глаз перед пришельцем, были общительны и смелы. И в силе часто не уступали мужчинам. Живя у самых синих гор, эти люди понимали толк в красоте. Они вырезали на дверях, выходящих прямо на улицу, затейливые узоры, старинные орнаменты. От этого улицы рядом с древними святилищами выглядели нарядно и празднично. Резные стелы стояли у родников, источников и колодцев. Стелы рассказывали о жизни древних богов, о героях, королях и мудрецах. Как и в той, ушедшей в даль веков жизни, в городе Двуликого был свой отшельник-мудрец. Длинноволосый и задумчивый, он сидел около менгира с расплывшимися от времени древними фигурами. Проходившие люди почтительно здоровались с ним. Одних он приветствовал, других как бы не замечал. Я долго наблюдала за мудрецом и однажды прошла совсем близко от него.

Зима в Брахморе

— Стой! — повелительно сказал он. — Почему не здороваешься?

— Вы не каждому отвечаете, — объяснила я. — Мне бы это было неприятно.

— А! — рассмеялся мудрец. — Я думал, что ты просто очень невежлива. А ты, оказывается, очень неуверенный человек. Хочешь, я объясню, почему я с одними здороваюсь, а с другими — нет? Садись и слушай.

Я села на пододвинутую мне циновку. Под цветущей сливой, стоявшей за древним святилищем, мальчик в красной шапочке с пером играл на флейте. Мелодия серебряной струйкой щемящей грусти, казалось, лилась из розовых цветов самой сливы и уходила, замирая, туда, где у дальней скалы королева в длинном плаще печально взирала на опустевшее седло каменного коня.

— Вот видишь, — сказал отшельник, — ты отвлекаешься даже тогда, когда я говорю тебе «слушай». Тебя заворожил звук флейты Кришны, и ты уже забыла обо мне.

— Нет, что вы! — попыталась оправдаться я. — Я вас слушаю.

— Вот это и называется формальной вежливостью, в которой всегда есть ложь. Ты слушаешь флейту, а утверждаешь, что слушаешь меня. Так бывает и с теми, кто со мной здороваётся. Слово «здравствуй» на разных языках звучит по-разному. Но смысл его один и тот же. Вот на твоём языке, что означает это слово?

— Будь здоров или желаю тебе здоровья.

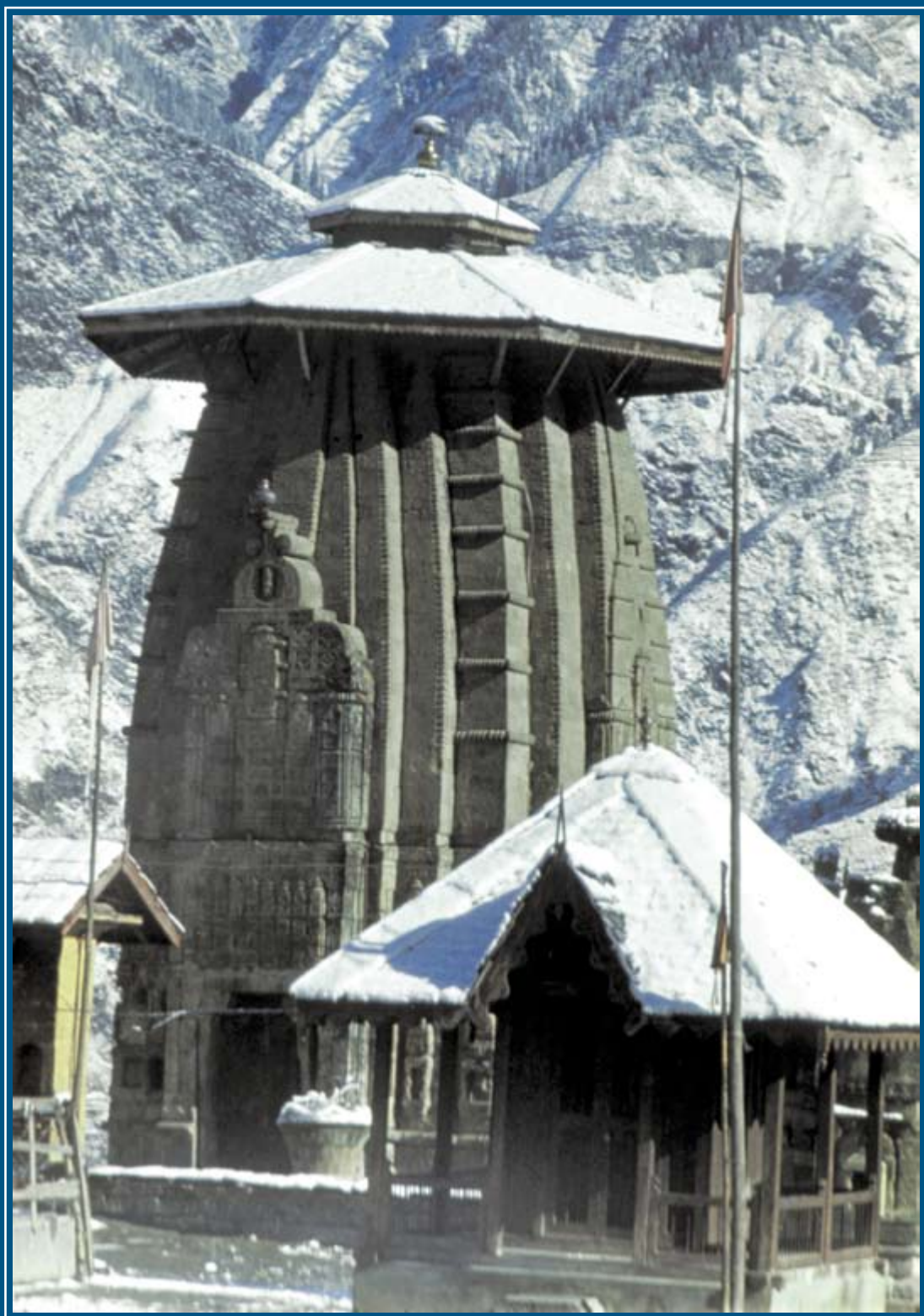
— Вот, вот! — оживился отшельник. — Это очень хороший смысл — будь здоров. Такие слова нельзя произносить, думая о чём-то другом. Если ты мне желаешь здоровья, то должна думать в это время обо мне. И действительно желать мне здоровья. Тогда твоё пожелание сбудется. А иначе важное слово превратится в пустой звук. Когда люди со мной здороваются и я слышу этот пустой звук, я на него не отвечаю. Если я слышу искреннее пожелание, я отвечаю взаимно.

— Но разве можно определить по одному слову, о чём в это время думает человек? — удивилась я.

— Мудрость на то и дается человеку, чтобы отделить правду от лжи и пустое слово от искреннего.

Мудрец сидел каждый день у менгира, а узкие улочки древнего города жили своей обычной жизнью. В тесных старинных харчевнях кипели в масле лепешки — матту и самоса, в полутёмных лавках угощали нехитрыми деревенскими сладостями. Позванивали медными колокольцами караваны осликов. Всадники в длинных шерстяных плащах проносились по мощёным камнями улицам. На уступах крыш древних святилищ цвели синие и желтые цветы.

Иногда на город обрушивались весенние дожди, и узкие улочки превращались в бурные потоки. Резкие порывы ветра гнали тяжёлые свинцовые тучи. Потом тучи уходили, небо расчищалось и становилось по-весеннему прозрачным и глубоким. Солнце освещало высокие гор-

Храм в Брахморе

ные хребты, которые сверкали новым снежным убором. Там, высоко в горах, еще продолжал идти снег.

Вторая столица Чамбы называлась Брахмор и была расположена на склонах хребта, над которым возносилась вершина священного Кайлаша. Брахмор был на четыре века старше города Чамбы. Но горы и снега были не единственными препятствиями по дороге в древнюю столицу.

У Карамукха строили мост через реку Рави, и поэтому оба берега реки были разъединены. По правому берегу Рави ходили одни машины, по левому — другие. Пути их пока не пересекались. И только грузовичок дорожной службы курсировал между Карамукхом и Брахмором. На этом участке горного тракта царили дорожники и по этому же праву владели древней столицей королевства. Без них нельзя было ступить ни шагу. Но в отличие от феодальных деспотов и бывших королей они были благожелательны и спешили на помощь тем, кто попадал в затруднительное положение. Поэтому я и смогла воспользоваться их грузовичком. Из всего долгого моего пути в Брахмор оставалось одолеть еще четырнадцать километров.

Грузовичок газанул, рванул резко с места и понесся по каменистой дороге. Через несколько минут дорога свернула в узкое темное ущелье, по дну которого шумно и буйно тек один из притоков Рави. Подмытые водой глиняные глыбы обрывистых склонов угрожающе нависали над дорогой. Огромные валуны, ненадежно вделанные в эту мокрую и скользкую глину, готовы были в любой момент рухнуть. Шофер искоса поглядывал на опасные склоны и каждый раз, проскакивая под нависшими камнями, невольно пригибал голову к баранке.

— Дурацкий сезон! — наконец не вытерпел он. — Хуже и придумать трудно. Того и гляди, захлебнешься в этой глине или камешком в несколько тонн весом получишь по башке.

В это время сзади что-то грохнуло, зашуршало, и по откосу в реку, как вулканическая лава, устремился глиняный поток с гремящими камнями. Он перегородил русло реки, и река возмущенно забурлила, всей силой своего течения набросилась на глину и камни, выплеснулась из берегов и стала выгрызать целые пласты глины и швырять камни вниз по течению.

— Вот это повезло! Вот это повезло! — хлопнул шофер по баранке. — Надо же такому случиться! Опоздай мы на две секунды, и никто бы живым не ушел. О, рам-рам и Великие наги! Благодарение богам-хранителям! В прошлом году мой товарищ не успел проскочить. От машины осталось только правое заднее колесо, а где тело водителя, так никто до сих пор и не знает. О, рам-рам! Слушай, а ты откуда? — неожиданно спросил шофер, уставившись на меня круглыми немигающими глазами.

Я ответила.

— О, рам-рам! Теперь я буду в этот сезон возить только русских. Так

и скажи всем своим. Мол, так и так, Картар Сингх, что ездит между Карамукхом и Брахмором, к услугам всех русских, и только русских. Пусть все приезжают. Я всех мигом доставлю в Брахмор. Скажешь?

Я пообещала.

— Надо же, такое везение! — продолжал радоваться Картар Сингх. Впереди неожиданно прозвучал пушечный выстрел.

— Рам-рам, — вздохнул Картар. — Час от часу не легче. Теперь пошла лавина. Если не проскочим, она перегорит дорогу, и не видать нам с тобой Брахмора несколько суток.

Но мы проскочили. Дорога карабкалась все выше и выше и наконец оказалась почти вровень с белыми пиками, над которыми висели черные снежные тучи. Воющим порывом налетел пронзительно-холодный ветер, ударил в радиатор грузовичка и, казалось, на мгновение остановил его. Но грузовичок, вздрагивая и подвывая, преодолел порыв ветра и снова пополз вверх, на этот раз к этим черным тучам, ползущим по изломанным пикам. Потом пики и скалистые склоны стали размываться и расплываться, как будто кто-то замазывал их большой и невидимой кистью, окунутой в серую призрачную краску. Последние очертания гор исчезли, и на землю спустилась тьма, простреливаемая залпами воющего ветра и колючего снега. Замешенная на снеге, эта тьма постепенно стала сереть, заполнила собой небо и размокшую землю и стерла границу между ними. Густые клубы снега бесновались в этом странном призрачном пространстве, и оно казалось непреодолимым, застывшим и затягивающим. Два размытых желтых пятна света фар судорожно плясали около самого радиатора грузовичка. И этот слабый свет оставался единственной реальностью в этом странном воющем мире без неба и земли.

— Рам-рам, — шептал Картар, вцепившись в баранку. — Рам-рам и боги-хранители.

Я потеряла счет времени, потому что время тоже остановилось. Под ногами хрустел снег, который намел ветер в кабину сквозь щели. Ноги стали стынуть, и руки потеряли чувствительность. Неожиданно грузовичок остановился, кто-то дернул дверцу снаружи, и я увидела в расплывающейся снежной мгле высокого сухощавого человека с орлиным носом и резкими чертами горца.

— Инженер Варма, — гортанно произнес он. — Добро пожаловать в Брахмор.

— Вас зовут, как короля, который основал этот славный город, — сказала я.

— А я и есть король, — засмеялся Варма. — Но намного могущественней того, старого. Я главный инженер дорожного проекта, и в этом древнем городе все люди — мои послушные подданные. Ибо их жизнь и благополучие зависят от дороги и моста, которые я строю. Я распорядился насчет апартаментов для вас. И смею вас уверить, они намного лучше тех, в которых жили наши старые короли.

Я вышла из кабины, но ничего не увидела в беловатой плотной мгле, наполненной густым снегом и пронзительным ветром.

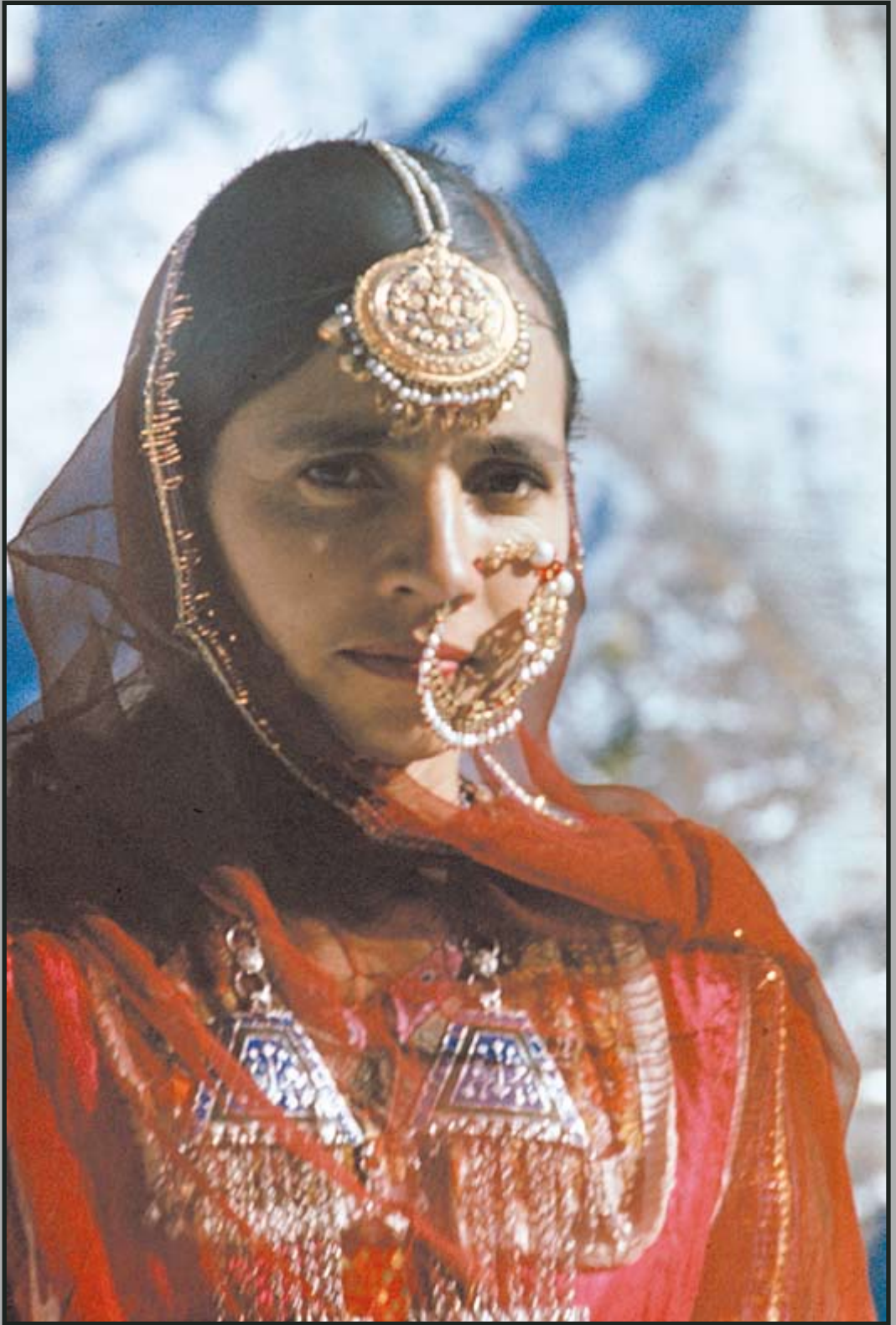
— А где город? — спросила я.

— Сейчас его нет, — спокойно отвечал Варма. — Но утром он обязательно будет.

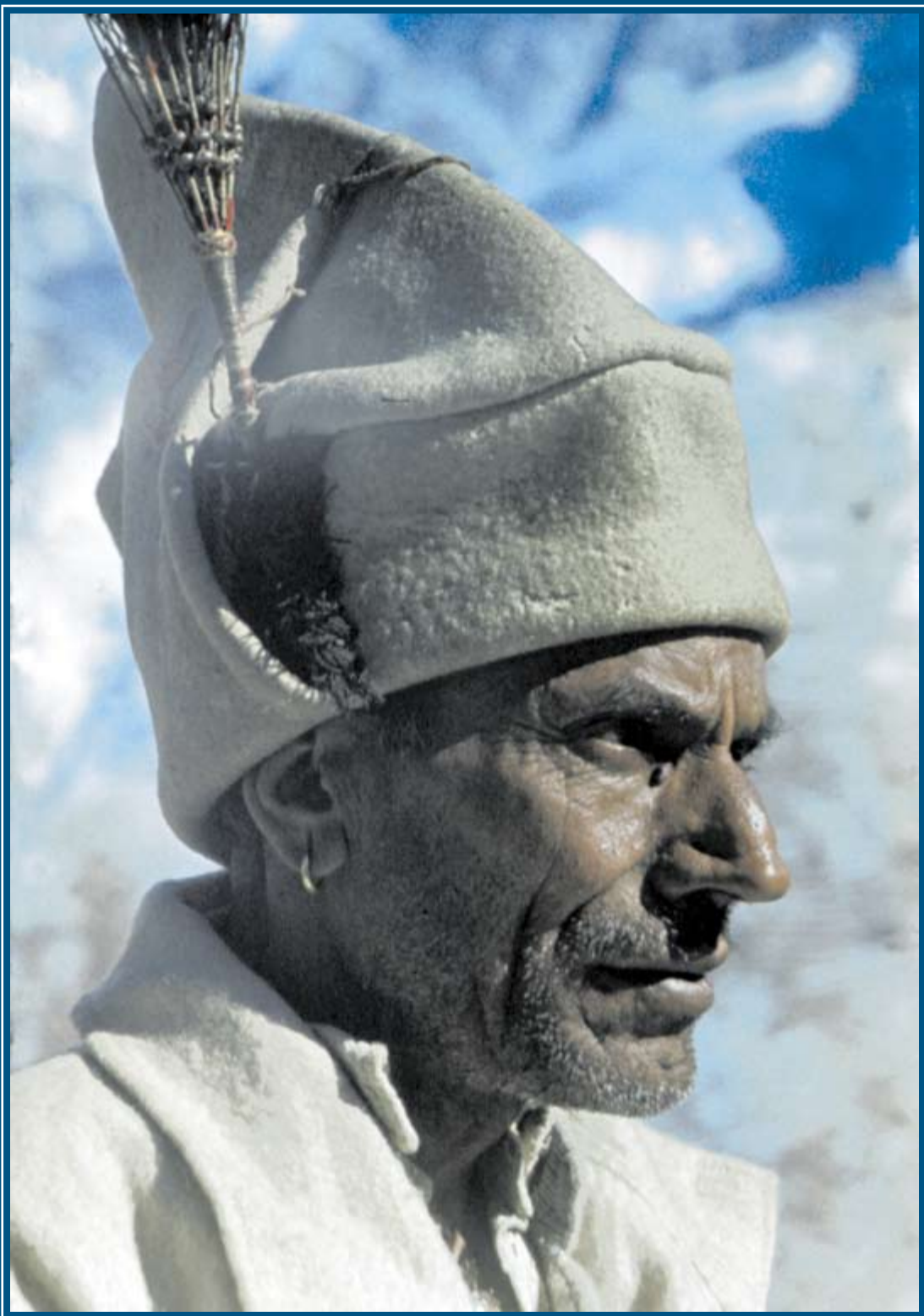
Апартаменты находились в маленькой гостинице, принадлежавшей дорожному управлению. По ним гулял ледяной ветер и завывал где-то за тонкой стеной. Сторож «королевской» гостиницы, сухонький юркий старичок, принес жаровню раскаленных углей. От них шло благодатное тепло. Однако атмосфера апартаментов по-прежнему оставалась ледяной. Когда я поворачивалась к углям лицом, мерзла спина, и наоборот. Я утешала себя тем, что таким же способом обогревались короли, правившие в этом городе более тысячи лет назад. Ночью они мне приснились. Короли отнимали у меня жаровню с горячими углями и кричали, что тоже замерзли. Потом из воющей снежной мглы возник Картар Сингх, прикрикнул на королей и сказал, что привез в Брахмор множество русских. Короли уронили на пол жаровню и в панике разбежались. Картар Сингх громко захохотал и растворился в снежном буране.

Утром я проснулась от яркого света, бившего в глаза. Вся комната была наполнена солнцем, стояла непривычная тишина. Я спустилась по узкой деревянной лестнице и открыла дверь. Древняя столица королевства Брахмор была передо мной. Король Варма сдержал свое обещание. Он даже его перевыполнил, как перевыполнял задания по строительству моста и дороги. Столица лежала в сверкающем снежном уборе. Снег искрился на солнце мириадами разноцветных кристалликов, вспыхивал и лучился. Он празднично горел на ветвях деревьев, на крышах приземистых домов. Дома стояли, зацепившись за крутой склон, и напоминали ступени гигантской лестницы, которая спускалась с вершины снежной горы в узкую, похожую на ущелье долину. Где-то в середине лестница расширялась, превращалась в ровную площадку, а потом вновь маршами домов сползала вниз по заснеженному склону. На площадке, устремив к небу узкие шикары, стояли храмы. На всем обозримом пространстве поднимались горы, сверху донизу покрытые сверкающими снегами. Их белые вершины вонзались в яркое голубое небо и уходили куда-то к горизонту, туда, где стеной поднимался горный хребет.

То, что я увидела, городом назвать было нельзя. Скорее это была большая горная деревня. Здесь не существовало ни дворцов, ни крепостных укреплений. Старые короли Чамбы не нуждались ни в том, ни в другом. Они вели суровый образ жизни, который немногим отличался от жизни их подданных. Короли сами были такими же горцами, вождями их кланов, первыми среди равных. Дворцы, тонкие шелка, изысканные блюда и дорогие украшения появились много позже, когда столицей королевства стала Чамба. А ее короли, связав себя с равнинными правителями, стали подражать им и, поправ древние

Женщина гадди

Пастух гадди

законы горских кланов, неразумно вознеслись над их вождями и мудрецами.

Вожди кланов не задерживались надолго в Брахморе. Кони уносили их в горные гнезда за снежными хребтами. В столице на время оставался только король. Когда король отсутствовал, Брахмор переставал быть столицей. Его жители пахали землю и пасли овец на альпийских лугах... Они кормили короля и вождей кланов, принося овечий сыр, ячменные лепешки и освежаванных ягнят к старому дереву, где король решал с вождями кланов судьбу своего королевства.

Теперь здесь было все по-другому. Король больше не собирал вождей под старым деревом, не раздавался цокот коней воинов мятежных кланов, а урчал грузовичок Картар Сингха, школьный учитель вел детей на экскурсию, и «король», мистер Варма, подписывал контракт с местными жителями на дорожные работы.

Когда он кончил подписывать, то отыскал меня на склоне между двумя деревьями.

— Вы знаете, кто составляет большинство моих «подданных»? — спросил он. — Вы видели когда-нибудь гадди?

Гадди я уже видела в соседней долине Кулу. Это случилось осенью 1975 года на дороге между Манали и Наггаром. Из-за поворота на дорогу вылилось стадо овец, запрудило всю проезжую часть и с блеянием устремилось прямо на нашу машину. Мы остановились. Стадо медленно текло мимо, омывая машину с двух сторон. Когда оно прошло, я увидела двух человек. Мужчину и женщину. Они шли за стадом и, видимо, имели к нему непосредственное отношение. На мужчине был белый шерстяной кафтан до колен, туго перетянутый в талии черной веревкой, обмотанной несколько раз. От этого полы кафтана походили на короткую сборчатую юбочку, которые когда-то носили горные греки. На ногах были тяжелые башмаки, а на голове белый шерстяной колпак, так напоминавший шапки горцев Южной Европы. Широкая юбка женщины была перехвачена такой же черной веревкой, а голова покрыта красным платком. Черты горбоносого лица мужчины были резки и правильны, у женщины же они были смягчены, и в этой смягченной резкости была своя неповторимая привлекательность. Оба были столь необычны, что казались пришельцами из другой, неизвестной мне страны. Тогда мне удалось узнать, что таинственные гадди были пастухами, обитающими за снежным хребтом в долине Чамба.

Брахморские гадди, как выяснилось, заметили меня вместе с фотоаппаратом раньше, чем я их.

— Понимаете, — объяснил мне мистер Варма, — леди гадди — очень активный и общительный народ и любят фотографироваться. А джентльмены у них робкие, смущающиеся и фотографироваться не любят. Поэтому сейчас между леди и джентльменами возникли некоторые разногласия. Я очень надеюсь, что вы разрешите их. — И мистер

Варма ушел. Вернулся он через час.

— Джентльмены продолжают смущаться, — сообщил он. — Я всегда говорил, что леди моего королевства — это лучшая и прогрессивная часть общества.

Я посмотрела вниз и увидела женщин, которые поднимались вверх по заснеженной тропе. Я поняла, что «лучшая часть», оставив смущающихся джентльменов, пошла на приступ. На женщинах были длинные сборчатые юбки, красные покрывала тонкого шелка спускались с голов и прикрывали плечи. Золотые и серебряные украшения сверкали на солнце. Увидев меня, «лучшая часть» на какое-то мгновение замешкалась, потом окружила меня и потребовала немедленно начать съемку. Их лица, живые и привлекательные, отличались той здоровой красотой, которую нередко можно встретить у горянок. Позже я узнала, что красота их ценилась не только смущающимися джентльменами, но и была предметом поклонения всей округи.

В самый разгар съемки, которая происходила весьма оживленно, леди вдруг начали дружно смеяться. Я оглядела себя, у меня все было в порядке. Но леди продолжали смеяться и почему-то показывали куда-то вниз. Я посмотрела туда и увидела смущающихся джентльменов в шерстяных домотканых кафтанах. Их конвоировал помощник Вармы. Поднявшись на гору, они сбились в монолитную группу и молча сопели. Джентльмены были горбоносы, усаы и статны. Они были мужественны и не боялись ничего и никого. Они боялись только своих леди и фотоаппарата. Последняя боязнь общими усилиями была преодолена. Первая же, впитанная с молоком матери, так и осталась с ними.

Я никогда не видела столько гадди сразу. Как выяснилось, Брахмор и окрестные деревни были главным местом их обитания. В этих горах лежала их страна. Они кочевали со своими стадами овец по всем Западным Гималаям, от Кангры до Лахула. Но каждый раз возвращались сюда, где стояли их дома, врезанные в крутые каменистые склоны и окруженные клочками террасных полей. Сколько времени они здесь жили и были ли им известны иные земли, никто так и не знал.

К середине дня кончилась сверкающая снегом и пахнущая легким морозцем зима и как-то сразу началась дружная и бурная весна. Снег на крышах домов начал таять под лучами весеннего солнца. Снежные склоны прорезали быстро бегущие ручьи. Сосульки с грохотом срывались со скал и кровель. На узких крутых улочках шумели водопады. Солнечные лучи плясали в лужах, похожих на маленькие озера, отражались в каплях, висящих на ветвях деревьев.

По потемневшим от сырости стенам старинных храмов скользили солнечные зайчики. Храмы были разные. Над одними возвышались каменные шикары, такие, как в городе Чамба, другие были деревянные, под четырехскатными крышами. Деревянные храмы назывались горными храмами. Много веков назад их воздвигли над древними святилищами, посвященными матерям-богиням, духам гор и местным божествам. В

храмах жили воспоминания о человеческих жертвоприношениях, об ушедших в небытие странных, необъяснимых ритуалах, о прорицателях, вещавших от имени грозных богов.

Прекрасное бронзовое изображение богини, тонкое и изящное, стояло в алтаре храма Лакшана Деви. Перед богиней горели светильники, и металлический трезубец поблескивал в полутемном углу. Такие же трезубцы я увидела и в храме Шивы, над которым возвышалась каменная шикара. Чем глубже я продвигалась в горы, тем больше становилось этих загадочных трезубцев. Они стояли в храмах, лежали около камней древних святилищ, охраняли символы-линги бога Шивы и, наконец, возникали на многих эмблемах и фирменных знаках сказочного королевства.

Я жила в гостинице имени Богини Полной луны под знаком трезубца. Мистер Шарма, декан Правительственного колледжа, подписывал официальные бумаги, на которых стоял трезубец герба университета штата Химачал Прадеш. На бортах грузовиков, возивших щебенку на строительство моста через реку Рави, были изображены те же трезубцы. Трезубец непостижимым образом соединял древность, ушедшую в прошлое, с современностью нового штата независимой республики.

Около храма Шивы находился храм Ганеши, за ним — храм Нарсинга. Чуть поодаль, сдвинутые почти к самому краю площадки, стояли странные каменные сооружения, похожие на игрушечные домики. Их было много, этих домиков, возможно, целая деревня. При ближайшем рассмотрении домики оказались святилищами. В каждом из них на каменных платформах стояли только линги бога Шивы, высеченные из темного камня. Святилищ было восемьдесят четыре.

...Они пришли в Брахмор, когда королем был Сахил Варма. Откуда они пришли, никто толком не знал. Говорили, что они явились со склонов священного Кайласа, владений самого бога Шивы. И это было похоже на правду. Ибо пришельцы оказались необычными людьми, о которых горцы знали только понаслышке. Их называли нагами, сиддхами или волшебниками. Волшебники-сиддхи были могущественны, как боги. Они могли совершать чудеса, неожиданно исчезать и появляться, умели излечивать тяжелые болезни. Исполняли желания тех, кто заслужил их доверие.

О двух из них король был предупрежден заранее. В сумерках неизвестный пришелец спустился со снежного склона и отыскал королевские апартаменты. Утром он уже исчез за соседним перевалом. Пришельца называли вестником. Подданные короля терялись в догадках. Они не знали, хорошая или плохая весть была доставлена их королю. Потом выяснилось, что хорошая. В королевство направлялись два великих мудреца. Одного звали Чарпатхнатх, а другой был тезкой правящего короля. В этом совпадении люди усматривали добрый знак.

Оба великих мудреца, длиннородые и светлоглазые, одетые в домо-тканые шерстяные одежды, появились в Брахморе ранним утром. Мудрецов

сопровождали восемьдесят четыре волшебника-сиддхи. Король и вся его свита почтительно приветствовали пришельцев. Подданные, следуя древним законам горского гостеприимства, держали открытыми двери домов и день и ночь поддерживали огонь в очагах. Каждый надеялся, что если не великий мудрец, то хотя бы просто волшебник заглянет к нему в гости, благословит его семью, а может быть, и одарит исполнением самого заветного желания. Но великие мудрецы и восемьдесят четыре волшебника пробыли в Брахморе недолго. Они беседовали с королем и вождями кланов, что-то обсуждали с ними и давали какие-то наставления. Но о чем шла речь, никто так и не узнал. Король и вожди до самой своей смерти хранили молчание и ничего не сообщили даже своим наследникам.

Через несколько дней великие мудрецы, король и волшебники сели на коней и отправились, как было официально объявлено, в путешествие по королевству. Потом король вернулся, а мудрецов и волшебников больше не видели. Но говорят, что визит волшебников имел для короля благоприятные последствия. У короля один за другим родилось десять сыновей и красавица дочь. Та самая принцесса Чампавати, которая и затеяла потом строительство новой столицы Чамбы.

В тот же год в Брахморе, рядом с храмом Великой богини — матери Лакшана Девы, соорудили в честь волшебников святилища. И поскольку все были уверены, что волшебники имели непосредственное отношение к богу Шиве, в святилищах поставили его знаки-линги. Прошло уже более тысячи лет, а знаки все стоят. И более тысячи лет горцы Брахмора помнят о великих мудрецах и восьмидесяти четырех волшебниках-сиддхи. Теперь в королевстве нет принцесс, а последний король стал управляющим гостиницы имени Богини Полной луны. Но волшебники все-таки не забывают сказочное королевство и время от времени заглядывают в него...

2. МАСКА НАГА

В сказочном королевстве стояла неустойчивая горная весна. Когда небо расчищалось, оно становилось синим и глубоким. Дальние и ближние снежные вершины сверкали в солнечных лучах. Чистый горный воздух прогревался, становился теплым, и казалось, что весна наступила окончательно. Потом за короткое время все менялось. Из-за синего хребта Дхаул-Дхар напоздали тяжелые тучи. Становилось темно и ветрено. Потoki дождя обрушивались на долины, а склоны гор покрывались снегом. Хлопья сырого снега густо валили на дорогу. Она размокала, становилась скользкой и ненадежной. Потом вновь за-

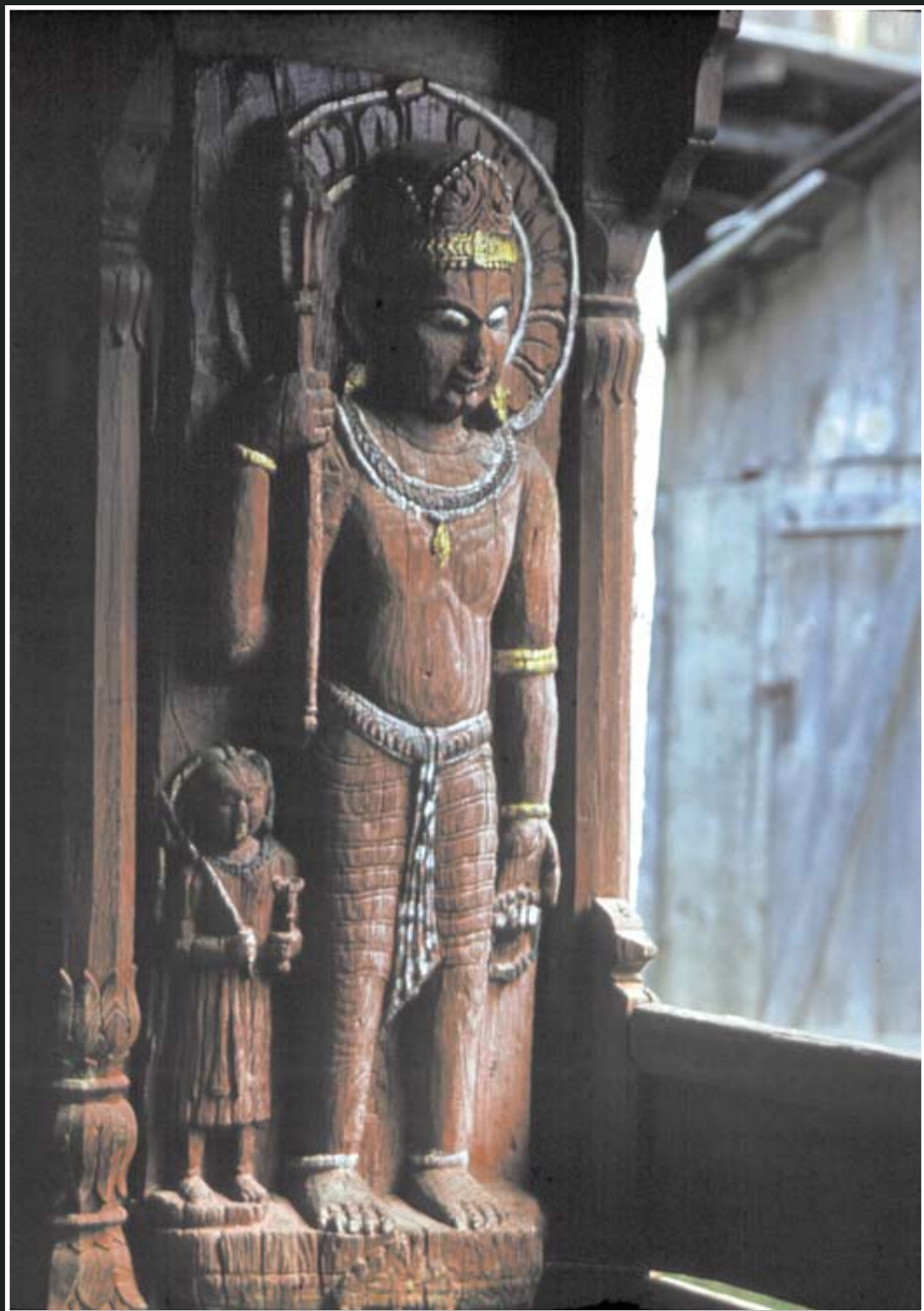
твердевала, покрываясь коркой льда. Камнепады, такие частые в это время, перекрывали путь, и нам приходилось растаскивать камни вручную, чтобы освободить узкое пространство, куда мог бы протиснуться «джип». Острые разломы камней царапали и резали руки. Камнепады и глиняные потоки, срывавшиеся с крутых склонов гор, сносили на своем пути мощные гималайские кедры и сосны, ломали их стволы, как спички, выворачивали их многолетние корни. Камни обрушивались на дорогу неожиданно, без всякого предупреждения, и раскалывались со стреляющим звуком. И этот звук, и похожие на взрывы уханья сползающих лавин превращали горы в какое-то гигантское поле боя. Как будто невидимая армия штурмовала их склоны, обрывистые ущелья, каменистые скалы и темные хвойные леса.

Машина пробиралась ползком по этому странному полю боя, цеплялась за обледеневшую дорогу и прижималась, обдирая кузов, к скалистым намокшим склонам. Она старалась уйти из-под каменного обстрела, избежать падающих кедров и опередить селевые потоки. Ей не всегда это удавалось, и тогда она замирала перед очередным каменным завалом или стеной рухнувшего снега. Дальше приходилось двигаться только пешком. И каждый раз, покидая машину, я ощущала себя в меньшей опасности, чем в ней. Мне казалось, что я, не связанная теперь с тяжестью и ненадежностью металла, обретала большее пространство для маневра и лучший обзор того, что происходило вокруг.

Машину обычно выручали из безвыходного положения дорожники. Они появлялись неожиданно и неизвестно откуда. Молчаливые, усатые и горбоносые, в домотканых шерстяных кафтанах. Так же неожиданно возникали на моем пути и лесорубы, валившие лес на весенних склонах гор. Лесорубы были тоже усатые и горбоносые. Их круглые немигающие глаза были похожи на глаза орлов. Они охотно показывали тропы, которые сокращали путь, приглашали погреться у костров, разложенных на нестаявшем снегу, не задавали лишних вопросов и не проявляли навязчивого любопытства, свойственного городским жителям. Они сразу понимали, что нужно незнакомому им человеку и чем можно ему помочь здесь, в пустынных горах, где гремел весенний бой и куда осмеливались идти только лесорубы и дорожники, привыкшие ко всему.

Горная деревня Кхаджияр стояла на веселой зеленой лужайке, окруженной высокими кедрами и соснами. В самом центре лужайки голубело озерцо с заболоченными берегами. Отсюда шли лесистые обрывистые ущелья, вдоль которых вилась грунтовая дорога. Под соснами и кедрами лежал недавно выпавший снег, а лужайка зелела свежей травой, как будто здесь столкнулись и на какое-то время мирно ужились весна и зима.

Четырехскатную крышу храма Кхаджи-нага я увидела сразу. На ступеньках сидел садху. Космы нечесаных волос падали на его плечи,

Деревня Кхаджияр. Храм Кхаджи-нага

прикрытые засаленной шерстяной хламидой. У него было темное лицо, отрешенное и замкнутое. Я поздоровалась, но он не ответил и отвернулся. Позже я узнала, что садху, который поселился в храме около очага, был молчальником. Он молчал много лет, а с жителями деревни, которые кормили его, общался только жестами. Храм был большой и добротнo сработанный. К святилищу примыкал просторный и светлый зал, потолок которого поддерживали деревянные колонки, покрытые искусной резьбой. Незастекленные окна шли вдоль противоположных стен зала, и от этого он напоминал итальянское палаццо. Солнечные лучи свободно лились из окон и освещали пять деревянных фигур, покрытых темно-красной краской. Удлиненные глаза фигур светились серебром, над головами поднимались похожие на нимбы змеиные капюшоны. Все пятеро были вооружены мечами, луками и щитами.

Появился чела — молодой, застенчивый и предельно вежливый. Он объяснил, что пятеро воинов были Пандавами из «Махабхараты». Я знала, что эпическая традиция связывает Пандавов с нагами. Но эта связь была сложной, противоречивой и не всегда ясной. В самом святилище царил полумрак и масляные светильники, борясь с ним, изливали слабый призрачный свет на потемневшую от времени каменную стелу. На стеле был изображен сам Кхаджи-наг, появление которого в этих местах было связано с тем голубым озерцом, которое поблескивало в центре зеленой лужайки. Над трехзубчатой короной нага поднимался традиционный змеиный капюшон. В правой руке он держал меч, в левой — палицу. У Кхаджи-нага были удлиненные глаза, красиво очерченные губы с уголками, поднятыми кверху, и длинные усы. Рядом со стелой стояла другая. На ней был высечен тхакур-телохранитель. С кедровой балки потолка свешивались два медных колокола. Жрец-чела протянул руку к одному из них — раздался мелодичный чистый звон. Потом мы долго беседовали с челой, и я узнала, что по праздникам из храма выносят маски нага. Я видела мраморные статуи нагов и нагов, высеченных на стелах. Но масок еще не встречала и попросила челу показать мне их. Но тот заупрямился.

Мы стояли на ступеньках храма и пререкались, когда из-за угла появился человек. Он был высок и крепок, за широкой спиной на сыромятном ремне висело ружье давнего и неизвестного мне образца. Длинные, спускавшиеся к уголкам жесткого рта усы делали его похожим на черногорца. Сходство усиливал крупный нос с горбинкой и густые черные брови. Человек остановился и прислушался к нашему разговору.

— Чела! — сказал он густым сочным басом. — Ты же не распоряжаешься масками.

Чела смутился и умолк.

— Кто же распоряжается? — спросила я незнакомца.

— У кого ключи от сокровищ храма, тот и распоряжается. Хочешь, я отведу тебя к нему, если уж тебе так нужны эти маски. Почему не

*Маски
Кхаджи-нага (слева)
и его телохранителя*

показать человеку, пришедшему издалека, то, что у нас есть хорошего? — повернулся он к челе. Но того уже не было, он исчез.

— Сбежал, — улыбнулся охотник добродушно и открыто. — Пойдем. Ключарь — мой свояк. Я попрошу показать тебе маски. А зачем они тебе? — поинтересовался он.

Я объяснила.

— Так, так, — соглашался охотник. — Раз нужно, так нужно.

Мы долго шли по снегу через кедровый лес, потом поднимались по скользким камням на крутой склон и наконец вышли к деревне, которая стояла почти на самой вершине горы, и остановились перед одноэтажным домом с плоской крышей.

— Эй, Чохан! — крикнул охотник. — Принимай гостей!

На веранду вышел Чохан, сухой и маленький, совсем непохожий на своего крупного и сильного свояка. Увидев того, он обрадовался и заторопился навстречу. Но, обнаружив за свояковой спиной меня, оторопел и превратился в безмолвное изваяние. Придя через некоторое время в себя, он выслушал мою просьбу и молча исчез в доме. Потом вновь появился, неся что-то завернутое в кусок красной ткани. Охотник присел на корточки перед свертком и бережно развернул ткань. На красном полотне лежали две отлично сработанные серебряные маски. Одна, побольше, в трехзубчатой короне и с позолоченными глазами, принадлежала Кхаджи-нагу, другая была маской тхакура-телохранителя.

Эти маски были первыми, но не последними, которые я увидела. Потом я встречала такие же маски и в других местах Чамбы. Они хранились в храме горной деревни Бханда, стоявшей над лесистым ущельем, и в святилище Индер-нага в деревне Гера. В эту деревню, вцепившуюся в крутой скалистый склон, привел меня Мадан Чохан, помощник декана колледжа мистера Шармы. Храм Индер-нага, сложенный из кедровых бревен, стоял в самом ее центре. Два фантастических зверя охраняли алтарь Великого нага. Здесь я впервые увидела бронзового нага. Рядом с алтарем стоял деревянный резной сундук, в котором держали маски нагов. Еще один храм Индер-нага стоял у подножия заснеженной горы, которая нависала над деревней Читрари. Храм был деревянный, квадратный, размером не более чем три на три метра. На его четырехскатной крыше красовались рога горного козла. В самом святилище стояла глиняная платформа, а на ней — высеченный из темного камня Индер-наг. У нага была круглая голова с хохолком на темени, прямостоящие уши и лихо закрученные усы. Чуть выше храма находилась священная пещера, куда могли входить лишь жрецы храмов нага. Некоторые называли ее Пещерой нагов. Из нее шел длинный ход, который тянулся на многие километры. Куда он вел, никто точно не знал. И только один старый с большими ногами читрарец утверждал, что он ведет в подземное царство нагов Поталу.

В деревне рассказывали историю чела, предшественника теперешнего, который часто посещал священную пещеру, особенно перед хра-

Маска нага с алтаря храма Маху-нага

Горы на рассвете

мовыми праздниками. Однажды он вошел туда и больше не вернулся. Я предположила, что чела мог заболеть или заблудиться в длинных подземных галереях. Но читарарцы качали головами, выражая тем самым несогласие с моими предположениями.

— Нет, чела заболеть не мог, — говорили они. — Он был молод и здоров. И заблудиться не мог, он хорошо знал подземные ходы. Просто Великие наги позвали его к себе.

В святилище Индер-нага я увидела и деревянную маску. Она стояла чуть в стороне от нага и его телохранителя и была вырезана из кедрового дерева. Черты ее лика были резкими и скупыми, прямой рот приоткрыт, крепкие деревянные зубы обнажены. Удлиненный подбородок свидетельствовал о наличии бороды. Потом я попала в храм Маху-нага, который находился в предгорьях Гималаев, недалеко от Симлы. Он стоял в лесистой лощине, чуть поодаль от небольшой деревушки. Над ним развевались красные и оранжевые флаги, входная дверь была покрыта искусной резьбой. В храме только что кончилась служба, звуки которой я слышала еще на вершине горы. Туда доносился глухой рокот барабана и резкие звуки длинных медных труб.

Я остановилась у открытого входа и остолбенела. Посередине святилища стояло сооружение, похожее на иконостас, покрытое сверху донизу металлическими масками. Бронзовыми, медными, серебряными. Их венчали короны самых разных форм и фасонов. Верх «иконостаса» был украшен серебряным зонтиком, а внизу горели медные светильники. Длинные точеные ножки светильников покоились на капюшонах кобр. Чуть в стороне от иконостаса стояла бронзовая маска Шивы. На ней была корона, сотканная из змеиных капюшонов, серебряный серп молодой луны поблескивал над бронзовым лбом, щегольские усики прикрывали верхнюю губу. Перед алтарем, спиной к двери, на каменном полу сидел грузноватый седой чела-жрец. Чела, видимо, почувствовал мое присутствие, обернулся и вежливо поздоровался.

— Это что? — задала я какой-то нелепый вопрос, указав на «иконостас».

Чела тяжело поднялся с пола и удивленно-укоризненно глянул на меня.

— Наги, — ответил он тихо. — Вот в центре — главный наг Маху. По бокам — его телохранители. Дальше опять наги, но не такие важные, как сам Маху-наг. Старый храм Маху-нага находится в Татапани. Там есть очень древние маски богов, нагов и великих мудрецов-риши. Великие мудрецы, риши и сиддхи, они же и есть наги.

Последнее утверждение уже не было для меня новым. Повсюду в горах говорили о том, что Великие мудрецы-риши и наги — это одно и то же.

— Много тысяч лет, — продолжал чела, — стоят эти горы, и столько же времени живут в них люди и их покровители — великие и мудрые наги. С глубокой древности мы делаем их священные маски и ставим в наших храмах. Нигде такого больше нет. Во всей Индии не найдешь

Телохранитель короля нагов из храма в деревне Читрари

Горы

таких храмов и таких масок, как у нас.

В музее в Симле оказалась богатейшая коллекция масок. Они были разные. Деревянные и металлические, золотые и серебряные. С глазами из драгоценных камней и отштампованные на латунных листах. Наги, матери-богини, бог Солнца Сурья, реже — боги индуистского пантеона. Традиция гималайских масок уходила в глубину прошедших веков и самым неожиданным образом оказалась связанной с древнейшей культурой Инда. Обнаружив обмазанные глиной деревянные маски в храме Читрари, я как-то сразу не поняла их значения. Хотя жрец, показывавший мне их, сказал очень важные слова:

— Все древние маски были глиняные. Только теперь люди разучились их делать. И я велел их обмазать глиной. Все, кто на них смотрит, думают, что это древние маски.

...В Дели стояла весенняя изнурительная жара. Раскаленный воздух был насыщен бензином, выхлопными газами, пылью, идущей из пустыни Раджастхана. Город был наполнен шумом и суетой, от которых я отвыкла за время моего гималайского путешествия. Я вспоминала тишину и прохладу снежных вершин, полумрак кедровых лесов. Но приходилось со всем этим мириться. В Дели находился Национальный музей и библиотеки. В музее стояли реликвии древней культуры долины Инда, а в библиотеках лежали отчеты об археологических раскопках в Мохенджо-Даро и Хараппе.

Я ходила по залам музея, подолгу стояла перед стеклянными витринами, разглядывая терракотовые статуэтки, стеатитовые печати, наконечники стрел, поблескивающие полированным агатом и сердоликом бусы. Но того, что я искала, там не было. Я знала, что экспозиция музея неполная. Многие хранились в запасниках, многое осталось в музеях Пакистана, на территории которого теперь находились основные центры археологических раскопок этой древней культуры. Я листала толстые тома археологических отчетов Маршалла и Маккея, которые руководили раскопками в двадцатые годы. Тома были щедро иллюстрированы, казалось, ни одна, даже самая мелкая находка не была обойдена вниманием. Все было сфотографировано, описано и систематизировано.

Раскаленный воздух беспрепятственно проникал в зал библиотеки. Зал был душным и жарким, и от этого голова делалась пустой и звонкой, перед глазами, размываясь,плыли страницы отчетов. Иллюстрации становились нечеткими, а строчки плясали и смешивались. К концу дня я одуревала, захлопывала очередной тяжелый том и покидала библиотеку. Утром я возвращалась. И наконец нашла то, что искала. Но поняла это не сразу. Голова, уставшая от жары, духоты и шума, отказывалась сразу воспринимать что-либо. Терракотовые маски проплыли перед моими глазами, но оставили меня в тот момент совершенно равнодушной. То, что это были они, я сообразила только через несколько дней и сразу же снова поспешила в библиотеку. По дороге мне казалось,

Маска бога Солнца Сурьи

что это просто иллюзия, возникшая в раскаленном воздухе. Но мне не хотелось упускать даже иллюзию.

Я стала лихорадочно листать тяжелый том Маккея. Нет, это была не иллюзия. Четыре маски, сделанные из обожженной глины, смотрели на меня с иллюстрированной таблицы. Четыре вместе, а потом еще одна. Я не могла точно определить их размер, они были небольшими, относились к разряду мелкой пластики, строго говоря, назывались не масками, а маскоидами. Но ведь и изображения нагов и богинь Гималайских гор, которые я видела, тоже были из разряда маскоидов. Здесь не было противоречий. Терракотовые маски, или маскоиды, Мохенджо-Даро были найдены в нижнем, самом древнем слое. Верхние слои уже не давали таких находок. Если не ошибались те, кто датировали культурные слои, маскоидам было, по крайней мере, пять тысяч лет. Все они походили друг на друга. У них были продолговатые глаза, наклеенные глиняные рты, длинные, мягко очерченные носы. Головы всех четырех украшали рога. Такие же рожки вместо короны я заметила на бронзовой маске богини в музее в Симле. Сомнений не было. Маски принадлежали древним божествам Мохенджо-Даро и Харатты и являлись той нитью, которая связывала Гималаи с Индом. Конечно, найденная нить традиции хотя и была важной, но всего объяснить не могла. И прежде всего она не отвечала на вопрос — кем же все-таки были эти таинственные наги, мудрецы и волшебники, чьи маски, вделанные в своеобразные иконостасы, стояли в горных святилищах и выносились на обозрение по большим праздникам? Кого же обожествили в этих горах? Какие похожие на сон воспоминания об ушедших в небытие тысячелетиях несут в себе эти таинственные маски?

3. СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Такая деревня, как Читрари, могла существовать только в сказочном королевстве. Расположенная в глубине гор, она представляла собой удивительное зрелище. Снега вплотную подходили к ней, нависали над ней,

заливали днем голубым призрачным светом ее узкие, поднимающиеся вверх улочки, играли розовыми и сиреневыми красками по утрам и вечерам. Ее дома, сложенные из камней и кедровых балок, карабкались по скалистому склону и исчезали там, где кедр и гималайские сосны темным массивом уходили к снежному хребту. Четырехскатная крыша храма богини Читрари Деви была видна отовсюду. Над ней реяли разноцветные флаги. Храм был древен, как сама богиня и окружающие горы. О богине сложили немало легенд.

— Это было очень давно, — рассказы-

вали читарцы. — Один из жителей деревни заметил, что его корова возвращается с пастбища без молока. Пастбище было расположено далеко от деревни, около кедровой рощи на склоне соседней горы.

Первая мысль, которая пришла хозяину коровы в голову, была проста — корову кто-то выдаивал. Но крестьянина смущал этот «кто-то». Этим «кто-то» мог оказаться и человек, и дух, и даже наг. То, что наги время от времени выдаивали чужих коров, было известно по легендам, ходившим в округе. Поэтому, стремясь избежать нежелательной встречи, крестьянин проявил осторожность, свойственную всем читарцам, когда речь шла о духах или нагах. Он выждал несколько дней, втайне надеясь, что исчезновение молока как-то само собой прекратится. Но этого не произошло. Тогда он решил проследить за коровой. Дойдя до леса, он залег за валуном и стал наблюдать, готовый в случае опасности вскочить и убежать. Корова беспечно ходила по лесу, щипала траву.

Было солнечно и тихо, и крестьянин не заметил ничего настораживающего или тем более опасного. Ни нагов, ни духов, ни иных нежелательных явлений. Но вот корова подошла к старому большому кедру и вылила все скопившееся за день молоко около него. А потом как ни в чем не бывало отправилась домой. Пришедший в себя от изумления хозяин догнал ее, непочтительно пнул и стал выяснять, зачем она это сделала. Но корова продолжала оставаться коровой и только оскорбленно мычала в ответ. Не добившись от нее ничего, крестьянин пришел домой и, совсем расстроенный, лег спать. И вот тут-то во сне ему явилась прекрасная богиня-деви и объяснила неожиданный поступок коровы. Выяснилось, что под старым кедром спрятано изображение самой богини, поэтому корова и приносила ей в жертву свое молоко. Богиня попросила крестьянина выкопать ее изображение и установить в святилище.

— В каком месте установить? — спросил читарец.

Но богиня загадочно улыбнулась и растаяла в голубом тумане сна. Наутро крестьянин отправился в хлев, извинился перед коровой за непочтительный пинок, которым он наградил ее накануне, и пошел вместе с ней в указанное место. Он долго копал под старым кедром и наконец извлек из-под земли прекрасную статую богини. Сейчас трудно сказать, являлась ли эта статуя той, которая теперь стоит в святилище храма Деви Читрари, или какой-то другой. Статуя была тяжелая, и нести ее было трудно. Неожиданно крестьянин услышал мелодичный голос, шедший неизвестно откуда.

— Оставь меня здесь, добрый человек, — сказал голос.

И тонкая прекрасная рука статуи указала на место, где теперь расположена деревенская площадь. Бедный читарец, напуганный всем происшедшим, оставил богиню в указанном месте, но рассказал о случившемся соседям. И тогда читарцы построили для богини сначала каменную платформу, а потом храм. Но в образец совершенной красоты храм превратил другой житель этих мест, великий мастер Гуга.

Резьба в храме деревни Читрари

Резьба в храме деревни Читрари

Поэтому храм, который теперь стоит на площади в Читрари, иногда называют храмом Гуги, ибо мастерство этого человека заслуживает поклонения.

Горный ветер свободно гулял по галерее и хлопал тяжелой резной дверью, ведущей в святилище. Я вошла в него и остановилась на пороге. После яркого солнца помещение казалось темным, и только огоньки светильников плясали перед моими глазами. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела каменную платформу-алтарь, жреца-челу, сидящего перед алтарем, цветы, лежавшие у подножия бронзовой статуи. Статуя изображала богиню Деви Читрари. Ее бронзовое лицо с удлинненным овалом и тонкими изысканными чертами таинственно мерцало в полутьме, серебряная корона поблескивала над высоким чистым лбом. Рядом стояли две ее телохранительницы. Их бронзовые руки сжимали грозные мечи. Чела пел высоким гортанным голосом древнюю молитву-заклинание.

Я прошла по галерее мимо фресок, барабанов и медных труб, лежавших на широких деревянных скамьях, и спустилась туда, где стояло еще одно святилище. На балке под его крышей были укреплены рога горного козла. Деревянные колонны покрывал строгий аскетический узор, который плавно и естественно переходил на потолочные балки. На них, неожиданно для себя, я увидела наши северные «полотенца», на которых восходили солнца-колеса, солнца-цветы, вызвавшие в моей памяти красочные наличники наших изб и резьбу на матричных балках русских деревянных церквей. Ромбы и квадраты, пересеченные косыми крестами, украшающие русские прялки, смотрели на меня с потолка гималайского храма. «И везде сочетались Гималаи и Русь», — писал Николай Константинович Рерих о своих последних картинах. Теперь это сочетание, но какое-то иное, глубинное, стояло перед моими глазами, напоминая об общем древнем источнике, напитавшем культуру Индии и Руси. Орнамент древнего святилища так точно совпадал с русским, что если бы я отпилила кусок резной балки и привезла бы ее домой, то вряд ли кто-нибудь мог предположить, что она сделана в далеких Гималаях, а не у нас в России.

Поздними вечерами над Читрари повисало низкое звездное небо. Звезды оседали на мощных ветвях древних кедров, запутывались в них, и от этого сами кедровые ветви напоминали новогодние елки, украшенные горящими свечами. Снежный хребет мерцал призрачным нездешним светом, и казалось, что звезды отражались в его ледниках и снегах. Деревья затихали, ее узкие улочки пустели, в окнах вспыхивали желтовато-красные огоньки керосиновых ламп. Тогда я садилась читать книгу немецкого ученого Гетца. Гетцу удалось побывать в тех местах, куда я из-за продолжавшихся снегопадов пройти не смогла. Время в старинном доме, где я жила, текло медленно, в очаге потрескивали сосновые дрова, и струйки смолистого дыма, свиваясь в причудливые спирали, уплывали туда, где начинался черный зев дымохода. К полуночи шаги в доме затихали, и только поскрипывали и вздыхали

рассыхающиеся половицы.

Немецкий ученый считал Гималаи сокровищницей, хранившей реликвии отдаленного прошлого. Горы удерживали и сохраняли то, что на равнинах давно погребло и превратилось в прах и воспоминания. «Великие горные хребты, — читала я, — в течение многих веков представляли убежище расам, культурам, религиям и искусству, которые уже забыты повсюду»²⁷. Он утверждал, что многие этнографические, археологические и исторические проблемы ждут своего решения именно в Гималаях. Во время своих путешествий по долинам Западных Гималаев Гетц обнаружил там элементы культуры древней Европы. Гуджары Чамбы вышивали крестом и клали на ткань те же узоры, что и сербы и болгары Балкан или украинцы Южной России. На стелах труднодоступной долины Панги были изображены люди в костюмах с элементами кельтских, готских и лангобардских орнаментов.

Гетц сделал предположение, что родиной народов, населявших Западные Гималаи, могла быть только доисторическая Европа. Немецкий ученый, вероятно, не был знаком с трудами Рериха, которые были изданы за тридцать лет до появления его книги. Возможно, он тогда бы решал эту проблему по-иному. Ведь Рерих считал, что прародиной индоевропейской общности народов, заселивших Европу, были Гималаи. Гетц, однако, собрал ценный материал, который подтверждал в большей степени рериховскую гипотезу, чем его собственную.

В Кашмире, в горной долине Лолаб, в святилище нагов, я видела необычные для Индии костюмы, изображенные на таких же стелах, какие стояли у источников в Чамбе. Костюмы действительно походили на европейские. «Ближайшими их родственниками, — писал Гетц, — являются костюмы, извлеченные при раскопках доисторических погребений Дании и Ирландии»²⁸. Его удивили фибулы и броши, которые носили женщины гималайских долин. Такие украшения не попадались в равнинной Индии. «Но встречались, — отметил Гетц, — в древней Скандинавии, Шотландии, Ирландии, Франции и у берегов Северной Африки»²⁹.

К утру дрова в очаге почти все прогорали. Устав от долгого чтения, я выходила из дома. Предраассветный морозный ветер шумел в кронах кедров и рвал флаги над храмом Девы Читрари. Небо на востоке светлело, и невидимые еще солнечные лучи клали крупные розовые мазки на снега горного хребта. Над кровлями деревенских домов, покрытых серебрящимся сланцем, поднимались султаны синих дымов. Ветер трепал их, гоняя из стороны в сторону. Деревня просыпалась. Потом из-за синих хребтов торжественно поднималось солнце.

Бродить по Читрари просто так было для меня удовольствием. Тем удовольствием, которое я нередко испытывала в музее, переходя от одного экспоната к другому, каждый из которых таил в себе красоту и неожиданность. Читрари тоже напоминала музей. Только ее экспонаты не лежали в застекленных витринах, над которыми висели таблички с надписью: «Руками не трогать». «Экспонаты» составляли часть ее

жизни, и без них эта жизнь, возможно, потекла бы по иному, более бедному и бесплодному руслу.

Узкие улочки деревни то карабкались вверх по каменистому склону, то спускались вниз. Дома, тесно прижатые друг к другу, громоздились один над другим. Улочки ныряли под эти дома, тонули в полумраке переходов и опять вырывались на солнечный свет к синим хребтам и снегам. Колонки веранд домов, балки и двери были покрыты искусной резьбой. На домах победнее ее было меньше, на зажиточных она пенилась деревянным кружевом. Изошренная и затейливая, со сложным переплетением цветов и стеблей, резьба свидетельствовала о влиянии искусства равнины. Простая, со строгим орнаментом, так похожим на резьбу на русских избах, она доносила отзвук древней традиционной культуры, родившейся в этих горах.

Две эти культурные струи присутствовали и на стелах, которые стояли около источников. Стелы эти назывались панигархи, что значило «камни источников». Панигархи встречались в сказочном королевстве повсюду. Они стояли в его столицах — новой и древней, в его деревнях, около дорог и на полях. Лучшие из них находились во дворе музея Чамбы. Но Читрари по количеству стел превосходила даже музей. Панигархи начинались от главного источника, расположенного почти рядом с деревенской площадью, где находился храм Деви Читрари. У источника собирались женщины, ставили на землю медные кувшины и, дожидаясь своей очереди, вели неторопливые беседы. И тут же, у скалы, стояли стелы-панигархи. Их было так много, что скала выглядела как стена в музейном зале. На стелах были высечены свернувшиеся в спираль наги, а также богини, короли, ушедшие в небытие, их жены, принцы и принцессы, королевские кони, бог Вишну, возлежащий на Шеш-наге, боги Варуна и Яма, всадники с копьями, многорукие божества, линги Шивы, сцены из эпических сказаний и мифов. На ранних стелах головы богов и героев венчали трехзубчатые короны, Великий наг Шеша был человеком со змеиным телом, а канонические символы индуистских богов у него отсутствовали. Панигархи придавали деревне необычный вид и превращали ее в своеобразную сокровищницу древнего искусства, хранящую лучшие его образцы. О богах и героях, вырезанных на стелах, читрарцы рассказывали длинными зимними вечерами легенды и предания.

Мне почему-то не хотелось уходить из этой деревни, от ее старинных узоров, древних стел, от ее богини Деви Читрари и нага, жившего в храме наверху. Я не хотела расставаться с читрарцами, людьми самобытными, добрыми и открытыми. Мне было жалко покидать этот мир красоты, мастерства и неустанного труда. Но законы нашего жесткого времени повелительно звали меня в дорогу. Настал день, когда я вышла за околицу, миновала древние святилища, выложенные камнями в форме кругов, и спустилась к началу тропинки, ведущей к большой дороге далеко внизу. Деревня вскоре исчезла за очередным скалистым склоном, прямо передо

Деревня Читрари. Барельеф у источника (панигарх)

Дервня Читрари. Барельеф у источника (панигарх)

Деревня Читрари. Барельеф у источника (панигарх)

мною возвышался снежный хребет, а Деви Читрари посигналила мне в последний раз многоцветной радугой, переброшенной с одного склона ущелья на другой...

* * *

Автобус из сказочного королевства на Симлу уходил ранним утром. Над горами еще стояла ночь. На темном небе мерцали колкие морозные звезды. Откуда-то снизу, там, где лежало ущелье, на город напал промозглый предутренний туман. Около автобуса горел костер, и несколько человек, завернутых в шерстяные одеяла, грелись около него. Я подошла, сидевшие у костра подвинулись и дали мне место. Раздался сигнал, и люди, нехотя оторвавшись от огня, стали входить в автобус. Шофер, полузакрыв глаза, прочел над баранкой молитву и отжал сцепление. Автобус беззвучно покатился вниз, туда, где сплошной пеленой стоял туман. Пошел мелкий дождь, и в этой дождливой тьме на дорогу вышел человек, завернутый в плед, с факелом в высоко поднятой руке. Откуда-то из тумана заблеяли овцы. Потом небо посветлело, и сквозь сетку дождя стал пробиваться серый мгlistый рассвет. Сказочное королевство, еще погруженное в сон, осталось позади, укрытое вершинами снежного хребта. Оно отодвигалось все дальше и дальше и теперь казалось мне уже не существующим...

4. КАРТА ШАМБАЛЫ

Карту Шамбалы рисовали в гараже Локеша Чандры. Рисовали долго, обливаясь потом от непривычной жары, в которой тонул и задыхался Дели. Они не знали такой жары и даже не подозревали, что такая может существовать. Там, в горах, это могло присниться только в

страшном сне. Они прошли свой тяжелый и страшный путь от монастыря, который покинули не по своей воле, до индо-тибетской границы. Это был путь трагического исхода целого народа. Они разделили с ним его судьбу и его изгнание. Они уходили от преследовавших их солдат, пробирались глухими ущельями, обходили удобные перевалы, боясь засад. Исход занял многие месяцы. Спасение было только у индийской границы, которую Индия в тот бедственный год открыла для тибетских беженцев. Китайские солдаты, вторгшиеся в их страну, разрушали монастыри, убивали лам, жгли

бесценные рукописи. Они наказывали целый народ за несогласие с чужими порядками, за свободолюбие, за верность древним традициям.

Шел год 1960-й, и Далай-лама XIII, правитель Тибета, уходил на

Тенсинг — настоятель монастыря бон

Высокие ламы бона. Фрагмент танки

яках со своей свитой на Запад к заветной границе, где его уже ждали представители индийского правительства. Их же самих никто не ждал. Они не могли рассчитывать ни на покровительство Далай-ламы, ни на помощь настоятелей буддийских монастырей, ни на сочувствие высоких лам желтошапочной секты. Они не считали Далай-ламу своим духовным главой, а чтили его лишь как светского правителя Тибета. Они не были буддистами. Их древняя вера, которой они упорно держались, называлась бон. И они были ее жрецами-ламами. Отношения между буддистами и последователями бона были более чем прохладные. Этим отношениям предшествовали века взаимной борьбы, которая нередко принимала кровавые формы. Но бон выжил. И теперь римпоче Сенге Тенсинг Джонгдон с ближайшими ламами уходили к границе Индии. Они несли бесценные манускрипты, которые удалось взять с собой. Остальные они скрыли в тайниках и в только им одним известных пещерах.

Унести они смогли немного, хотя и свели свой личный багаж до минимума. Индийский профессор Локеш Чандра отыскал римпоче на вокзальной площади Дели в толпе оборванных, голодных и смертельно уставших беженцев. Римпоче сидел прямо на горячем асфальте площади, прислонившись спиной к фонарному столбу. Спина болела жестокой, рвущей, неутихающей болью. Он повредил ее во время исхода. Потом эти боли будут давать себя знать всю его жизнь. Римпоче сидел, устало прикрыв глаза воспаленными веками, и не мог ни о чем думать. Мешали боль, жара и затрудненное дыхание. В пыльном Дели ему не хватало чистого воздуха. Он был оглушен всем этим, и казалось, в нем не было места даже для отчаяния. Локеш Чандра каким-то странным чутьем выделил римпоче среди остальных. Сам профессор тогда еще не был крупнейшим ученым-тибетологом и директором Международной академии индийской культуры. В его распоряжении находилось очень немного. Маленькая квартирка и гараж, где стоял выдавший виды старенький «хиндустан».

Он отдал во владение римпоче и нескольких лам, пришедших с ним, этот гараж. Они там жили и там же начали работать. Они понимали, что многое потеряно на путях исхода. Безвозвратно утеряна часть древних рукописей, утеряны бесценные танки и старинные статуэтки древних богов бона. Исход ударил по тибетской культуре, нанеся непоправимый урон как буддийским монастырям, так и монастырям бона. Теперь римпоче располагал только несколькими рукописями, собственной памятью и тремя ламами. Все остальное осталось там, за снежными хребтами родины. Сейчас она была только в них. И от них зависело, выживет ли родина, сохранится ли та культура, которая была главным стержнем их человеческого существования. Они лишились земли, но были обязаны в первую очередь восстановить порушенный стержень духовной культуры. Они несли ее в себе, и римпоче верил в то, что восстановление этой культуры сможет вернуть людей к жизни и сохранить их внутренний

мир от дальнейшего разрушения.

Там, где отчаяние стерло древнюю память, разрушение, губительное и неотвратимое, охватывало души людей. Он видел беженцев-тибетцев, потерявших себя. У них были потухшие, смирившиеся глаза. Они теряли интерес ко всему, становились равнодушны к своим страданиям и страданиям своих близких. Многие постепенно опускались, нищенствовали на улицах жаркого Дели, спивались и торговали священными реликвиями. Они утратили жизненную опору, и их будущее было страшным. Там, в этом будущем, царили только пустота и отчаяние. Его просто не было.

И поэтому они работали без отдыха в душном гараже Локеша Чандры, чтобы спасти то, что потом, в свою очередь, спасет их. Они начали с самого священного и сокровенного. С того, о чем люди не должны забывать, с того, что надлежало передать потомкам, родившимся или еще не родившимся. Они не пытались тогда восстанавливать символическую бона, не думали о яростных лицах древних богов или о генеалогии ушедших в небытие мудрецов или знаменитых жрецов. Они рисовали карту Шамбалы, стараясь в спасенных манускриптах отыскать нужные указания и детали. Старинные рукописи бона содержали древнюю традицию Заповедной страны, где обитали люди, равные богам, и Великие учителя. Традиция насчитывала многие тысячелетия, ушедшие в туман прошлого. Никто никогда не пытался подсчитать, сколько их прошло. В этом не было необходимости. Главное состояло в том, что страна по имени Шамбала существовала в этих тысячелетиях. И теперь надо было восстановить, хотя бы приблизительно, ее облик и место, где она находилась. Они были уверены, что именно бон владел тайнами этой страны, а буддисты, пришедшие позже, только канонизировали то, о чем уже давно было известно жрецам и мудрецам бона.

Несколько месяцев напряженного труда пошло на то, чтобы вновь создать карту священной страны. Но эта карта не была похожа на общепринятые во всем мире. Там не существовало параллелей и меридианов, не было долгот и широт и известных нам теперь стран, гор и рек. На этой карте миф и реальность, неразделенные, сосуществовали вместе, и ее нельзя было соотнести с современным миром. Потом они ее опубликовали, и Локеш Чандра помогал им и в этом. Первыми обратили на нее внимание советские востоковеды Л.Н. Гумилев и Б.И. Кузнецов. Они попытались найти на ней реальные вехи, существующие на современных картах, сделанных по всем правилам картографии, и сообщили римпоче о своих выводах. Тот стал с ними переписываться. Но случилось это уже много позже, когда в предгорьях Гималаев возник новый монастырь бон и при нем поселилась колония тибетских беженцев, получивших землю от индийского правительства.

Мы сидели с римпоче Тенсингом в его монастырской скромной рабочей комнате. Перед нами на низеньком расписном столике лежала та карта Шамбалы, которую много лет назад нарисовал в гараже Локеша

Весна в горах

Чандры тогда еще совсем молодой настоятель бонского монастыря. Вернее, лежало две карты. На одной была обозначена Шамбала как таковая со всеми прилегающими окрестностями. На другой была ее столица по имени Калапа.

— В одном из наших манускриптов, — говорил римпоче Тенсинг, — содержится подробное описание того, как была создана Вселенная, как возникли люди и как появилась священная Шамбала. Ученые, особенно европейские, путаются в определении ее местонахождения. Кое-кто считает, что она в Иране. Но сэр Аурелл Стейн был с ними не согласен. Он утверждал, что Шамбала находится около снежного Кайласа.

— Откуда, римпоче, вы знаете Аурелла Стейна? — спросила я.

Настоятель насмешливо улыбнулся.

— Вы, европейские ученые, — сказал он, — не хотите толком изучить наше древнее наследие. Оно вам кажется глупым и фантастическим. Вы не обращаете внимания на него, проходите мимо, считая его недостойным исследования. Мы же интересуемся всем, что вы делаете, хотим понять вас и понять метод вашего научного мышления. Мы стремимся им овладеть и рассказать вам о наших древних сокровищах вашим же языком. Поэтому я знаю труды тех европейских ученых, которые серьезно занимались нашим наследием, в том числе и труды великого археолога сэра Аурелла Стейна. Только единицы из вас идут нам навстречу. Вы слышали о таких ученых, как Джордж Рерих и его отец?

— Что? — оторопела я. — Вы знаете Юрия Рериха?

Римпоче Тенсинг засмеялся, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Ваша реакция, — успокоился он, — свидетельствует о том, что вы его тоже хорошо знаете. Он был одним из первых, кто шел нам навстречу, так же как и Чома де Кереш. И некоторые другие. Сейчас нужны большие совместные усилия. Трагедия Тибета и наша жизнь в изгнании имеют и положительную сторону. С нашей изоляцией покончено. Мы вошли в соприкосновение с большим миром и принесли ему свои древние рукописи и свои знания. Берите их. Но давайте найдем общий язык и поймем друг друга. Не называйте нас фантастами и сочинителями сказок. Не кичитесь своей наукой. Не думайте, что истины изрекают только ученые.

Римпоче склонился над картой, и его палец, с аккуратно подстриженным ногтем, вновь заходил по ней. Палец остановился у горы Кайлас и озера Манасаровар, откуда вытекает Брахмапутра. Затем двинулся к Эвересту, прошелся по озеру Намцзе и задержался у хребта Тангла. Надписи на карте были сделаны на тибетском языке. Римпоче, щурясь, читал их, а потом уже называл знакомые мне географические названия.

Мы долго сидели над этими картами, рассуждали, уточняли и даже спорили. Мы шли навстречу друг другу, но на этом пути возникали неизбежные препятствия и барьеры. Я мыслила прямолинейно, точными, как мне казалось, категориями. Римпоче Тенсинг уходил от этой

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

прямолинейности, отвергал мою точность и погружался временами в понятный только ему, но неясный для меня мир мифологических образов, древних названий и представлений. Но в конце концов обоюдные усилия принесли свои результаты.

На первой карте приблизительно, но узнаваемо был изображен район, расположенный между Западными Индийскими Гималаями, Лхасой и Трансгималаями. На ней было написано: «Шан-шун го». Выяснилось, что в древности на этой территории располагалась страна Шан-шун, которая делилась на три части: внутренняя часть называлась Шан-шун бу, средняя — Шан-шун пар и внешняя — Шан-шун го. Регион Шан-шун го простирался на северо-восток от Кайласа и доходил

Ламы монастыря бон

до монастыря бон Чун-по, Шан-шун пар располагалась от Кайласа на запад и достигала Афганистана, Шан-шун бу являлась священной Ол-мо-лун-рин, или Шамбалой.

— А теперь, — сказал римпоче, — попробуем разобраться с картой Шан-шун бу.

Но то, что лежало перед нами, картой можно было назвать весьма условно. Скорее это был план какого-то неизвестного города. Сходство с таким планом усиливалось и тем, что на карте были нарисованы дворцы с изогнутыми ярусами крыш, храмы, ступы, скалы, деревья и цветы. В центре стояла девятиэтажная башня, похожая на многоступенчатую древнюю пирамиду. «Шан-шун бу так-зик-ол-мо-лун-рин» — гласила надпись.

— «Тайная страна», — перевел коротко римпоче, — или Шамбала. — И добавил: — На пути к этой стране много снежных гор, и поэтому немало опасностей и трудностей подстерегает путника.

Рядом с квадратом странной карты, с южной ее стороны, были изображены цветущее дерево, скалы и дорога, уходящая на запад.

— Вот здесь, — сказал настоятель, проводя пальцем по рисунку, — растет дерево с красными цветами. Дерево называется Пе-ми-дум-по. Это один из знаков, указывающих на близость Тайной страны. Между деревом и скалами расположено большое озеро, на рисунке его не видно, ибо художник был неискусен. Когда мы рисовали эту карту в гараже Локеша Чандры, с нами не было настоящего художника. Поэтому озеро не получилось, оно не вместилось в рисунок. Вот здесь, — палец римпоче двинулся от дерева к северу, к вершинам схематично изображенных гор, — есть проход. Видите, он помечен знаком свастики. Через него наш учитель Шенраб шел из Тайной страны в Тибет по дороге, идущей на запад. Место, где растет дерево и стоят скалы, называется Ме-лха. Там обитает грозный бог огня Ме.

Мы миновали Ме-лха, где из-под земли вырывались синеватые языки пламени, и, преодолев снежный перевал, отмеченный свастикой, углубились в Тайную страну. Мы проходили линию за линией и держали направление на северо-запад, туда, где стояла Главная Башня, или Центральный Дворец. Прошли Сад Космоса и Сад Лотоса, где в синих водах прудов, выложенных мрамором, цвели лотосы всех оттенков — от розового до лилового. Постояли у хрустальных колонн, устремивших свои сверкающие столбы к бездонному небу. Они были высечены из монолитов горного хрусталя. Их прозрачные плоскости украшали какие-то письмена. Ни сами письмена, ни их язык мне не были знакомы.

— Это шан-шун? — спросила я римпоче.

— Да, — кивнул римпоче. — Это шан-шун — «язык богов». Но не тот, на котором говорили в княжестве Шан-шун еще в VIII—IX веках, и не тот, реликты которого можно найти в Лахуле и Спити, а

древний, с забытой теперь письменностью. Вы держите сейчас в руках тибето-шан-шунский словарь. Я составлял его вместе с учеными ламами. Вы видите, что слова на языке шан-шун написаны тибетскими буквами. У нас не было другого выхода. Письменность «языка богов» забыта. Только эти хрустальные колонны сохраняют ее.

Мы покинули хрустальные колонны и миновали несколько садов. Медный сад, Золотой сад, Королевский сад. За садами начинались дворцы. Они стояли среди скал и водопадов. Над изогнутыми многоярусными крышами плыли затейливые, непохожие на наши облака. За дворцами, где-то у близкого горизонта, поднимались снежные пики. Каждый дворец назывался по-своему. Счастливый дворец, дворец Свастики, дворец Драгоценностей. Мы не стали в них заходить, потому что спешили к Башне. Она возникла перед нами уступчатой громадой, сложенной из тяжелых, хорошо подогнанных друг к другу блоков. Мы остановились перед ней. Она молчаливо смотрела на нас проемами широких окон в резных каменных наличниках.

— Башня — это самое главное, что есть на нашей планете, — сказал римпоче. — Ей много сотен тысяч лет, а может быть, даже и миллион. В Башне живет Тайна. Только великие мудрецы бона — сиддхи — могли входить в нее, да и то не все. Нам с вами туда хода нет.

«Как жаль, — подумала я, — быть так близко от главной тайны планеты и не прикоснуться к ней».

— Очень жаль. Очень жаль, — повторил за мной римпоче. — Но всему свое время и сроки. Нам придется сейчас вернуться назад.

Мы вновь вышли к цветущему дереву у скал, увидели дорогу, уходящую на запад, пересекли Тибет, вошли в Индийские Гималаи, дошли до Симлы, попали в Солан, а оттуда добрались до деревни Доланджи. Отсюда до монастыря было уже рукой подать. И довольно скоро мы оказались в рабочем кабинете настоятеля — там, откуда начали свое путешествие в Тайную страну.

И карты Шамбалы, и тибето-шан-шунский словарь были опубликованы усилиями настоятеля монастыря бон. Римпоче Тенсинг привел меня в комнату с высоким потолком и длинными деревянными полками вдоль побеленных стен. На полках стопками лежали книги — продолговатые, как старинные тибетские рукописи. Но они уже были отпечатаны на обычной бумаге обычным типографским способом. Профессор Локеш Чандра помогал римпоче и в этом. Тираж каждой книги был не более нескольких сот экземпляров. Римпоче переходил от полки к полке, листал длинные страницы книг и бережно клал их на место.

— Нам удалось, — говорил он, — опубликовать более ста древних источников, которые хранились в монастырях Тибета. Об этих рукописях мало знают. Литература бона очень богата, но опубликовано еще очень мало. В монастырях бон неохотно принимали иноземных ученых и еще неохотней подпускали их к рукописям. Рукописи прятали от

Божество бона

чужих глаз. Но теперь настало иное время, и мы посылаем наши публикации ученым, занимающимся нашей культурой. Из того, чем мы располагаем, нам удалось захватить в изгнание немного. Но и этого достаточно, чтобы начать работу, а там посмотрим.

В книгах, которые лежали на полках, содержались самые разнообразные сведения по астрономии, астрологии, медицине, тантре, а также по различным ритуалам, по истории мира, по канонам монастырской жизни. Аккуратной стопкой были сложены книги с биографиями бонских магов и лам. Около десятка книг оказались посвященными жизнеописанию самого основателя бона — учителя Шенраба.

Когда Центрально-Азиатская экспедиция Рериха шла в 1927 году по Тибету, ситуация была совсем иной. Николай Константинович тогда писал: «Эти почитатели богов Свастики представляют для нас еще неразрешенную загадку»³⁰. Нельзя сказать, что за эти годы мы значительно продвинулись в разрешении этой загадки. Но возможностей для этого теперь появилось много больше, нежели в те времена, когда караван экспедиции Рерихов пересекал Тибет. Рерих был одним из первых, кто обратил внимание именно на литературу бона и указал на ее ценность как своеобразного исторического источника. «Литература Бонпо, — писал он в своем экспедиционном дневнике, — еще не переведена и не истолкована и во всяком случае заслуживает вдумчивого внимания»³¹.

Юрий Николаевич делил литературу бона на четыре группы. Однако туда не вошли рукописи по астрономии, медицине, истории. Тогда же, в те далекие годы, Юрий Николаевич предупреждал и о трудностях перевода бонских рукописей: «Все эти трактаты почти непереводимы из-за их терминологии. Настоятель монастыря Шаруген говорил мне, что бонцы не признают печатных текстов. Виденные нами рукописи отличались очень красивой каллиграфией, а их древняя орфография имела много общего с орфографией тибетских рукописей, найденных Ауреллом Стейном и Полем Пелльо в библиотеке Дуньхуана»³².

Теперь печатные тексты лежали на деревянных полках, а рядом с ними стоял римпоче Тенсинг, знаток бонской терминологии и священных текстов. Римпоче говорил на прекрасном английском языке и вполне правильном хинди.

В тибетский монастырь бон я попала случайно. Случайно потому, что я могла в него не попасть. Я знала, что такие монастыри существуют в ныне недоступном мне Тибете, но не предполагала, что такой монастырь есть и в Индии, в предгорьях Гималаев. «Виноват» в этом был все тот же известный тибетолог, профессор Локеш Чандра. Именно он мне рассказал о римпоче Тенсинге, дал адрес его монастыря и написал римпоче рекомендательное письмо.

От Великого Гималайского хребта до предгорий я добралась в самый разгар весны 1980 года. Здесь все было не похоже на то снежное царство, в котором я провела зиму. По синим невысоким горам были разбросаны

Доланджи. Монастырь бон

многочисленные деревни. В садах цвели фруктовые деревья, и серебристые и розовые облачка их крон празднично и весело плыли вдоль дороги. Было тепло и солнечно. Снежные горы и хребты с их холодными пронзительными ветрами отступили куда-то за горизонт и скрылись в голубой дымке. Римпоче Тенсинг, закутанный в красную робу и ничем не отличавшийся одеждой от других лам, встретил меня на пороге своей обители. Высокий, сухощавый, с лицом, похожим на застывшую маску, он вежливо поздоровался и развернул протянутое мною письмо. Скользнул по нему взглядом, задержался на имени Локеш Чандра, и вежливо-сдержанное его лицо мгновенно преобразилось. Неподвижность черт исчезла, улыбка, похожая на неожиданный луч солнца в пасмурную погоду, озарила его и наполнила глаза искренней радостью.

— О, Локеш! — сказал он. — Как он сейчас выглядит? Наверно, постарел?

Мы прошли с ним в ту маленькую комнату, откуда потом «совершили путешествие» в Шамбалу, и монастырский служка, круглоголовый, с лукавыми узкими глазами, поставил передо мной пиалу с тибетской лапшой. Там, в этой комнате, все и было решено. Римпоче не отпустил меня в деревню, где я надеялась найти жилье поближе к монастырю, зная, что бонские монастыри неохотно принимают чужих, и особенно женщин. Он привел меня в просторную келью, где стояли железная кровать, небольшой стол и стул.

— Вот здесь вы будете жить, — сказал римпоче. — Если наш бедный

Божества бона

комфорт вам подходит, то оставайтесь.

Комфорт мне подходил, и я осталась. И две недели прожила в монастыре бон, о существовании которого никогда не подозревала.

Монастырь стоял на вершине невысокой горы, а внизу лепились аккуратные домики и квадратики полей, которые принадлежали тибетцам. Тибетцы были из разных районов. Из Амдо, Кама, Кхамбы. Их объединяла приверженность бону. В центре площадки, наверху, среди монастырских зданий и монашеских келий, возвышался храм. Его четырехугольное здание было выкрашено в темно-красный цвет, а резные наличники украшали узкие окна. Внешне он ничем не отличался от буддийских храмов Тибета или Ладакха. И только свастика, закрученная влево, вырезанная на входных дверях, свидетельствовала о чем-то ином. По двору ходили ламы в таких же красных робах, как и у буддийских лам. Они были степенны и малоразговорчивы.

На рассвете раздавался бой барабанов и рев длинных медных труб, призывающих к молитве. Ламы, как тени, возникали в предрассветном тумане и бесшумно скользили в нем, направляясь туда, где красновато и загадочно светился вход в храм. Они садились вдоль длинных скамей, идущих ровными рядами от алтаря, клали перед собой продолговатые книги священных текстов и, перелистывая их страницы, начинали читать молитвы, очень похожие на древние заклинания. Вернее, даже не читать, а петь. Пение сопровождалось боем барабанов, а в наиболее патетических местах вскрикивали, глухо и тревожно, медные монастырские трубы. Странная, однообразная, печальная мелодия. Она была похожа на ветер, шумевший в кронах деревьев, на отдаленный шорох горных оползней. Она даже не пелась, а как бы выдыхалась и наполняла собой сумеречное пространство храма, оставляя спокойно и ровно гореть светильники на алтаре. Служба длилась два часа. Потом ламы расходились, чтобы через некоторое время вновь собраться и петь эти молитвы-заклинания. Вся жизнь в монастыре была подчинена ритму служб, которые продолжались до позднего вечера. И вечером, как и на рассвете, красновато вспыхивал вход, раздавался прерывистый звук барабанов и резкий звон медных тарелочек.

Римпоче Тенсинг предоставил мне полную свободу, поэтому я могла присутствовать на любой службе и входить туда, куда другим входить запрещалось. Я сначала увлеклась службами, но это занятие оказалось не по мне. У меня затекали ноги от долгого сидения, а в голове начинало шуметь от барабанного боя и звона тарелочек. Службы были похожи одна на другую, и поэтому я ограничилась только двумя из них — утренней и вечерней. А потом и вовсе занялась другими делами. Сначала я гуляла по монастырю и тщательно осматривала храм, стараясь понять, чем же он отличается от буддийского. И наверное, сама так бы и не поняла, если бы не лама Кедуп. Совсем еще молодой, с открытым лицом и белозубой улыбкой, он осторожно стучал утром в дверь моей кельи и вежливо спрашивал, что я хотела бы еще посмотреть и что узнать.

Танка. Духовный Учитель бона Шенраб (в центре)

Танка бона

Фрагмент танки

Призыв на молитву

Кедуп был ученым ламой и хорошим экскурсоводом. Когда он оказывался в затруднении, мы шли с ним к настоятелю. Римпоче отрывался от старинной рукописи или от надзора за строительными работами, где основной рабочей силой были сами ламы. Монастырь продолжал строиться и расти. Когда я однажды спросила Кеду́па, не надоело ли ему таскаться со мной и тратить свое время, то получила неожиданный для себя ответ.

— Нет, не надоело, — сказал он, лукаво скосив глаза, — мне с вами интересно.

Я заподозрила Кеду́па в вежливом вранье.

— Нет, нет, — засмеялся он. — Я не вру. Вам в голову приходят такие вопросы, которые не приходят ни мне, ни остальным ламам. Я размышляю над ними, и это обостряет мой ум и дает возможность понять человека другого мира.

— Но ведь эти вопросы просто от незнания, — возразила я.

— Незнание, стремящееся к знанию, иногда оттачивает грани знания, и они могут блеснуть неожиданным светом.

В этот момент мне показалось, что Кедуп старше меня на много лет, а может быть, и на целую эпоху.

На храмовых танках в клубах свивающегося огня плясали синие и красные свирепые боги, те же тантрические «боги страха», которые я видела в буддийских храмах. Но здесь их было больше. У них, как и у ламаистских богов, было много голов и рук, а лица были яростны и непримиримы. В центре алтаря находилась двухметровая статуя учителя и основателя бона — Шенраба, очень похожая на Будду. Голову Шенраба украшала корона, на троне было вырезано Колесо Времени с восемью спицами. Около трона Великого Учителя восседали сделанные из гипса фигуры лам в синих одеяниях и высоких синих шапках. Римпоче Тенсинг тоже надевал синюю тогу в торжественных случаях. Синий цвет был связан с прошлым Шенраба. В одном из своих воплощений он был синей птицей. На резной раме алтаря неистовый Гаруда распростер крылья и в хищном его клюве извивалась змея-наг. Красные фантастические звери со странным именем Чу-ши поднимались из волн бушующего океана. По голубому небу летели синие драконы, держа в когтистых лапах таинственные жемчужины, прекрасные нагини извивали свои змеиные тела. В храме пахло горелым маслом светильников, какими-то благовониями, царил полумрак и блестели хорошо вымытые крашеные полы. Здесь было чисто и царил порядок. На скамьях лам лежали аккуратно сложенные книги со священными текстами и ритуальные тоги. Узкие вычищенные коврики тянулись вдоль длинных скамей. В полумраке поблескивали медные тарелочки, и раскрашенные барабаны, похожие на бубны сибирских шаманов, покоились на высоких ручках-подставках.

На втором этаже было светло и солнечно. Свет беспрепятственно лился в просторные комнаты с широкими окнами, а с балкона откры-

валась панорама предгорий, синяя и прозрачная. Второй этаж был похож на театральную кладовую, где хранились костюмы и маски для праздничных тантрических мистерий. Монастырь обстраивался и обживался. Художники рисовали танки и богов, резчики трудились над масками. Все создавалось заново и на пустом месте. Но люди помнили свои традиции. Их помнили художники и ремесленники, жившие в деревне под горой, их помнили монастырские ламы и сам римпоче Тенсинг. Монастырь, вцепившийся в чужую землю, восстанавливал эти традиции, возвращал людям то, что было им необходимо для жизни.

Ветер хлопал молитвенными флагами, укрепленными на длинных шестах, воткнутых в землю. Неподалеку от храма стояли аккуратно выбеленные ступы. У них были синие навершия, увенчанные золотистой сферой, похожей на солнце. Сфера-солнце помещалась между двумя рогами, устремленными к небу. Навершие символизировало троичное устройство мироздания. Поздними вечерами, когда кончалась служба в храме и монастырь затихал, погружаясь в короткий сон, я садилась на пороге своей кельи. Над горами стояла голубая луна, и ветви фруктовых деревьев, усыпанные мелкими белыми цветами, серебрились в ее свете. Серебро было холодным и сверкающим, и поэтому цветы напоминали иней, застывший на голых ветвях. Невысокие горы, уходящие к горизонту, плыли в лунном свете и меняли свои очертания в его голубоватом сиянии. По краям прозрачного полога неба сверкали и переливались звезды. Мир становился фантастически прекрасным, наполнялся тишиной и покоем.

Николай Константинович Рерих специально боном не занимался. Он записал в своих экспедиционных дневниках буквально несколько фраз о нем. Но в этих фразах сумел выразить один из самых существенных моментов религии древнего Тибета. Он обратил внимание на его истоки. Всем известно, что без знания истоков такое явление, как религия, исследовать нельзя. Вот эти фразы. «С одной стороны, — писал Рерих, — они являются колдунами-шаманами, извращающими Буддизм, но с другой стороны, в их учениях сквозят какие-то полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы»³³. И еще: «Нельзя отнестись к этим старинным традициям легкомысленно, когда они говорят о своих неведомых богах свастики. Древние, солнечные и огненные культы, несомненно, находились в основе Бон-по, и обращаться с этими старыми полуистраченными знаками надо осторожно»³⁴.

Юрий Николаевич Рерих занимался боном как исследователь, и Центрально-Азиатская экспедиция предоставила ему для этого хорошие возможности.

«Бон — сложное учение, — отмечал он, — в котором древние шаманистские представления горной Азии совмещаются с поверьями и обычаями населения Северо-Западной Индии. Восходит ли этот культ природы к индоевропейской древности или, как мне кажется, к доарийскому пласту, пока еще трудно сказать что-либо определенное. Сущест-

вуют два течения в религии бон: первое отличается поклонением силам природы и сопровождается ритуалами шаманизма, некромантией и иногда жертвоприношениями (ныне вместо людей в жертву приносят овец, коз, а также изображения святых); второе представляет собой реформированный бон, или бон, приспособившийся к буддизму»³⁵.

И еще: «Это учение до сих пор исповедуют странствующие колдуны, совершающие свои моления у грубых каменных алтарей или у менгиров и кромлехов. Иногда каменные алтари стоят на горных вершинах, иногда в уединенных пещерах в глуши. Я убежден, что мегалиты, обнаруженные нами на пути паломников к горе Кайлас, относятся к добуддийскому периоду истории Тибета, когда поклонение силам природы было здесь повсеместно распространено»³⁶.

Там, где время течет медленно, а в Тибете оно ведет себя именно так, традиции держатся веками и даже тысячелетиями. Культурная преемственность в таких странах идет виток за витком по спирали, сохраняя пройденные витки, на которые опираются последующие. Жизнь — это виток, который сопрягает во Времени прошлое, настоящее и будущее. Исторический виток Тибета XX века нес в себе и «полузабытые знаки друидического почитания огня и почитания природы», и странствующих колдунов, совершающих «свои моления у грубых каменных алтарей или у менгиров и кромлехов», и бон реформированный, который был представлен монастырем в Доланджи. Все эти три течения шли в одном русле реки духовной жизни Тибета, смешиваясь между собой и незаметно переходя одно в другое. К моменту появления в VII веке в Тибете первых буддийских проповедников бон имел уже сложившийся пантеон богов и духов, сильный жреческий институт, учение, во многом напоминавшее индийскую тантру, в котором магия и колдовство занимали значительное место, и сложную систему ритуалов. Жрецы бона владели тайнами магии и пророчеств, принимали активное участие в жизни страны, в том числе и в политической. Но ни храмов, ни монастырей, ни письменной литературы тогда у них еще не было. Не было и монахов-лам.

Борьба между буддизмом и боном носила острый и подчас драматический характер. Пожалуй, ни в одной другой стране, куда внедрялся буддизм, не было таких непримиримых столкновений. Бон потерпел поражение как государственная религия, но не сдался как религия, исповедуемая целым народом. Противостояние бона и буддизма продолжалось. Оно было довольно странным. История бросила обе религии в единый котел Времени и заставила вариться в нем. Обе вышли из этого котла измененными. Буддизм превратился в ламаизм, а бон — в так называемый реформированный бон. Философское учение буддизма обрело пантеон древних богов, явно имевших связи с добуддийскими верованиями. Бон же обрел храмы и монастыри, учредил институт лам, разработал основы своей церкви и изложил свою священную историю и ритуалы, легенды и мифы, эпос и магические действия на страницах

Тибетец из Кхамбы

Женщина из Амдо

рукописных книг.

Когда я осматривала храмы тех и других, то не всегда могла понять, где чего больше — бона в ламаизме или ламаизма в боне. Многорукие, многоголовые боги смотрели со стен тех и других, по большим праздникам там и тут двигались в ритуальных танцах маски, буддийские и бонские ламы склонялись над священными текстами, читая молитвы-заклинания. Биография Шенраба, Великого Учителя бона, очень напоминала жизнеописание Будды. Юрий Николаевич Рерих отмечал, что легенды о жизни бонского Учителя Шенраба испытали сильное буддийское влияние. В то же время вековая традиция Тайной страны и ее мудрецов уходила своими корнями в древний бон.

Миниатюры с изображением бонских мудрецов находились в алтаре храма. Они, как гласила традиция, были великими и могущественными магами, могли ходить по воде, переноситься в кратчайшее время из одного места в другое, прекращать и вызывать дожди. Иными словами, древние мудрецы владели силами природы и управляли ими. Мудрецы не умирали, а исчезали. Некоторые из них потом появлялись вновь. У каждого из них, как и у богов, был свой цвет тела. Были мудрецы синие, красные, зеленые, коричневые, розовые и белые. Вокруг их голов, увенчанных коронами, сияли нимбы. Короны были разные. Одни походили на те, которыми украшали головы Будды и бодхисаттв. Эти короны были изящны, легки, драгоценные камни горели в их зубцах. Но были короны и другие, таких я никогда не встречала. Их зубцы были похожи на копья, отливавшие синевой неизвестного металла.

Мудрецы вели свою непрерывающуюся линию от учителя к ученику, а после последнего мудреца эта линия ушла к высоким жрецам бона, которым была передана тайная наука тантры и магических действий. Эти жрецы, изображенные на танках бона, уже не походили на богов, их символика была скромнее. Нимбы не сияли над их головами, короны отсутствовали. На них были высокие, похожие на странные короны шапки с синим верхом. Такую шапку-корону надевал и настоятель Тенсинг по торжественным случаям. На жрецах были красные ламаистские тоги, и римпоче Тенсинг, рассказывая мне о них, называл последних ламами.

Все тридцать мудрецов жили в таинственной и древней стране Шан-шун и говорили на языке шан-шун. Среди них было две женщины. Одну звали Зан-за-рин-цин, что на языке шан-шун значило «Чистая любящая мать». Она являлась современницей учителя Шенраба. Другая, Та-ве-ли-ве, жила много позже, но была чем-то похожа на предыдущую. Первые мудрецы появились во времена Шенраба, то есть семнадцать тысяч лет назад, как утверждал римпоче, и были связаны с Великим Учителем. Сначала их было семь, восьмым являлся сам Шенраб. Древняя община мудрецов начиналась с учителя самого Шенраба Шин-лха-хо-каром. Что он собой представлял, сказать трудно. Однако слово «лха», содержащееся в его имени, явно указывает на

Ритуальные маски бона

божественное происхождение. Ближайшие ученики Шенраба носили звучные имена: «Светоносный», «Бессмертный в короне», «Тигр в обжигающем огне» и т.д. Три ученика Шенраба представляли явный интерес, особенно два последних. У одного из них в имени стояло слово «лю» — «наг», другой же — Е-ши-ни-по («Мудрец сердцем») — был духовным наставником мудрых нагов. Ми-лю-сам-ле восседал на троне, опирающемся на три высокие горы. У него был красный халат с синим оплечьем, в талии туго стянутый поясом. Конец красного тюрбана свободно спускался на спину. Голову Е-ши-ни-по венчала сложная корона из змей, поверх желтого халата была наброшена синяя накидка. Он сидел в позе лотоса на троне, вознесенном над горными хребтами, меж которых море катило синие волны.

— Разве может быть море между горами? — спросила я римпоче Тенсинга.

— Может, — ответил он и прикрыл глаза тяжелыми веками. — Может, потому что так когда-то было. В очень глубокой древности.

И опять перед моим мысленным взором встали таинственные и мудрые наги и неизвестное море, затопившее горы.

Е-ши-ни-по завершал собой плеяду мудрецов, лично знавших Шенраба — «Блистательного мага». Мудрец Нан-ва-до-чин появился много веков спустя, в конце второго тысячелетия до нашей эры, и прожил двести лет. Годы его жизни пришлись на мифологический период тибетской истории, когда Тибетом правили странные короли, существование которых история не подтвердила, но на котором настаивают древние легенды и сказания. Говорят, таких королей было семь и они не умирали, а уходили на небо. Нан-ва-до-чин был учителем одного из них.

И сейчас, как мне рассказывали ламы, бонские мудрецы, хранящие древнюю традицию и владеющие тайнами тантры, появляются время от времени в Тибете, живут в монастырях бон и иногда бывают даже их настоятелями. Но некоторые из них предпочитают горные районы, тайные пещеры, из которых тянутся бесконечные подземные ходы. Их мудрость не противоречит тому, о чем говорил Учитель Будда, но их древние знания глубже, чем те, о которых известно в буддийских монастырях.

Простые приверженцы бона, хлебопашцы и ремесленники, жили у подножия горы, на которой стоял монастырь. Они почтительно кланялись ламам, исправно приносили к статуе Шенраба свои подношения, выполняли несложные храмовые ритуалы, держали богов бонского пантеона у себя в домашних алтарях и посещали храмовые танцы в масках. У них были свои традиции, которые не имели отношения к реформированному бону. Традиции составляли основу их жизни и культуры и были древнее того, чему обучали в монастыре. Ламы тихо подсмеивались над доморощенными прорицателями, гадальщиками, заклинателями и старались обойти стороной святилища, выложенные из грубых камней. Однако не пытались их разрушать или запрещать.

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

Здесь, на этом клочке земли, существовали два уровня духовной жизни Тибета. Уровень монастыря и уровень народа. В народе жили свои легенды о мудрых нагах, о Великой матери — Земле, о белом коне Лун-та, на седле которого сияет таинственное сокровище.

Праздник в честь Лун-та в Доланджи состоялся весенним ранним утром на пригорке за монастырской оградой, где стояла платформа святилища, которых так много в Гималаях. Жители деревни в чистых праздничных одеждах собрались около него. На платформе лежали приготовленные с ночи дрова. Старейшина деревни с седой реденькой бородкой поджег их, огонь охватил сухие поленья, метнулся к небу и разгорелся ровным пламенем. Присутствующие запрыгали, затан-

Сакральный танец

Ритуальная маска Чу-ши (справа)

цвали вокруг огня, и в воздух полетели цветные бумажки. Красные, зеленые, синие, желтые, лиловые. Их старались подбросить как можно выше. Бумажки попадали в струи горячего воздуха, устремлялись вместе с синим дымом вверх и долго планировали над пригорком. Они были похожи на стаи разноцветных птиц, взмывающих к весеннему небу. Трещали дрова, пламя поднималось все выше и выше, и летели, подхватываемые ветром, разноцветные птицы-бумажки. По бумажке бежал белый конь Лун-та, и Сокровище счастья и удачи горело на его седле.

Да полетит Лун-та — Конь ветра — к богам гор

И принесет мне удачу, счастливую жизнь и здоровье.

— Лун-та! Лун-та! — кричали люди, и единственный барабанщик бил в барабан.

— Лун-та! Лун-та! — летели вверх цветные бумажные птицы.

Молитвенные флаги

Мудрецы и волшебники

Е-ши-ни-по — духовный глава нагов

Мудрецы и волшебники

Чим-ца-ма-чун

Це-ме-хо-ден

— Лети, лети к богам гор!

И в огне, в барабанном бое, в ликующих криках мчался чудесный белый конь Лун-та к родным горам, к тибетским древним богам, чтобы сообщить им об изгнанниках, не забывших о них.

Лети, лети, конь надежды, конь счастья, лети к богам, живущим на снежных вершинах, которых отсюда не видно. Лети туда, где остались наши деревни, наши земли и прах предков. Лети, лети.

— Лун-та! Лун-та! Лун-та!

А в это время в храме шла утренняя служба и ламы в красных тогах пели свои, не всегда понятные этим людям молитвы. Два потока бона в это утро существовали рядом, но не сливались. И древнее, сложенное из грубых камней святилище, и сам монастырь объединяли этих людей, но и в чем-то разделяли. И белый конь Лун-та, изображенный на алтаре монастыря, и тот, на цветной бумажке, были похожи друг на друга и в то же время и не похожи. Лун-та в храме утратил свой первоначальный смысл, а Лун-та, летящий цветной бумажкой по ветру, еще не обрел той сложной сути, о которой толковали ламы монастыря.

После утренней церемонии на пригорке осталась груда пепла на древнем святилище и цветные бумажки с Лун-та, конем счастья и надежды. Люди же спустились вниз к своим аккуратным домикам, к своим клочкам земли, чтобы заняться тем, чем они занимались каждый день. Ибо от благосостояния этой деревни зависело и благосостояние монастыря. На этом уровне материальной жизни поток тек в едином русле и все его течения были между собой тесно связаны и взаимообусловлены.

Я уезжала из Доланджи, и в моей походной сумке лежала карта Тайной страны, рисунок духовного наставника нагов Е-ши-ни-по, «Мудрого сердцем», и несколько цветных бумажек с белым конем счастья Лун-та, на седле которого горело Сокровище счастья и удачи.

5. ДРЕВНЯЯ КУЛУТА

На полпути между Симлой и Чамбой дорогу, петляющую по горам, пересекает бурный Беас. И если поехать по его руслу на восток, то можно попасть в гималайскую долину Кулу. Среди остальных горных долин она занимает центральное место. Снежные хребты отделяют ее и в то же время соединяют своими перевалами с Чамбой, Лахулом, Спити. А Кулу является как бы той сердцевиной, которая объединяет горные долины Западных Гималаев в одно историческое и географическое целое.

«Берега Беаса связаны и с риши Виасой, собирателем Махабхараты, и с Александром Великим, войско которого не пошло дальше этой горной реки. Здесь проходили и Будда, и Падмасамбхава, здесь жил Арджуна и другие Пандавы. Недалеко Манали — от Ману, горячие

ключи Басишту и долина Маникари-Парвати с серебряной рудой. Через Ротанг — уже тибетская природа. Все скопилось в изобилии... Древняя Кулута!»³⁷ Эти слова написал Николай Константинович Рерих. С Кулу были связаны последние двадцать лет его жизни. С ней были связаны и большие надежды...

Первый раз я попала в Кулу жарким маем 1972 года. Второй раз — в сентябре 1975-го, когда мы снимали фильм «Николай Рерих». Только что кончился бурный дождливый сезон в горах, и там еще бушевали наводнения, гремели камнепады и низкие лиловые тучи висели над долинами. Дорога на Кулу была повреждена этим разгулом стихии и закрыта на неопределенное время. Мы ждали в Дели, когда она откро-

ется, теряя драгоценное съемочное время. Потом дорога неожиданно открылась, и мы устремились по ней на нашем «рафике».

Река Беас бушевала и била мутными волнами по прибрежным скалам. Склоны гор глинистыми потоками сползали куда-то вниз, таща за собой вывороченные с корнями сосны, ели и кедры. Мы толкали буксующий «рафик» через промоины и завалы камней, разбирали эти завалы, стоя по колена в жидкой, медленно стекающей к Беасу глине. Мы спешили, ибо селейный поток мог в любой момент усилиться и смыть нас вместе с «рафиком» в ревущий Беас. К ночи мы прорвались в Кулу, а утром узнали, что дорогу вновь закрыли.

Кулу горела всеми красками начинающейся осени. Цвели осенние георгины, и ветви деревьев гнулись под тяжестью созревших яблок. Яблоки были крупные, красно-малинового цвета, и их аромат наполнял долину. Они были везде: в кучах у дороги, в кузовах тяжелых грузовиков. Яблоками угощали в каждой деревне, на каждой улице.

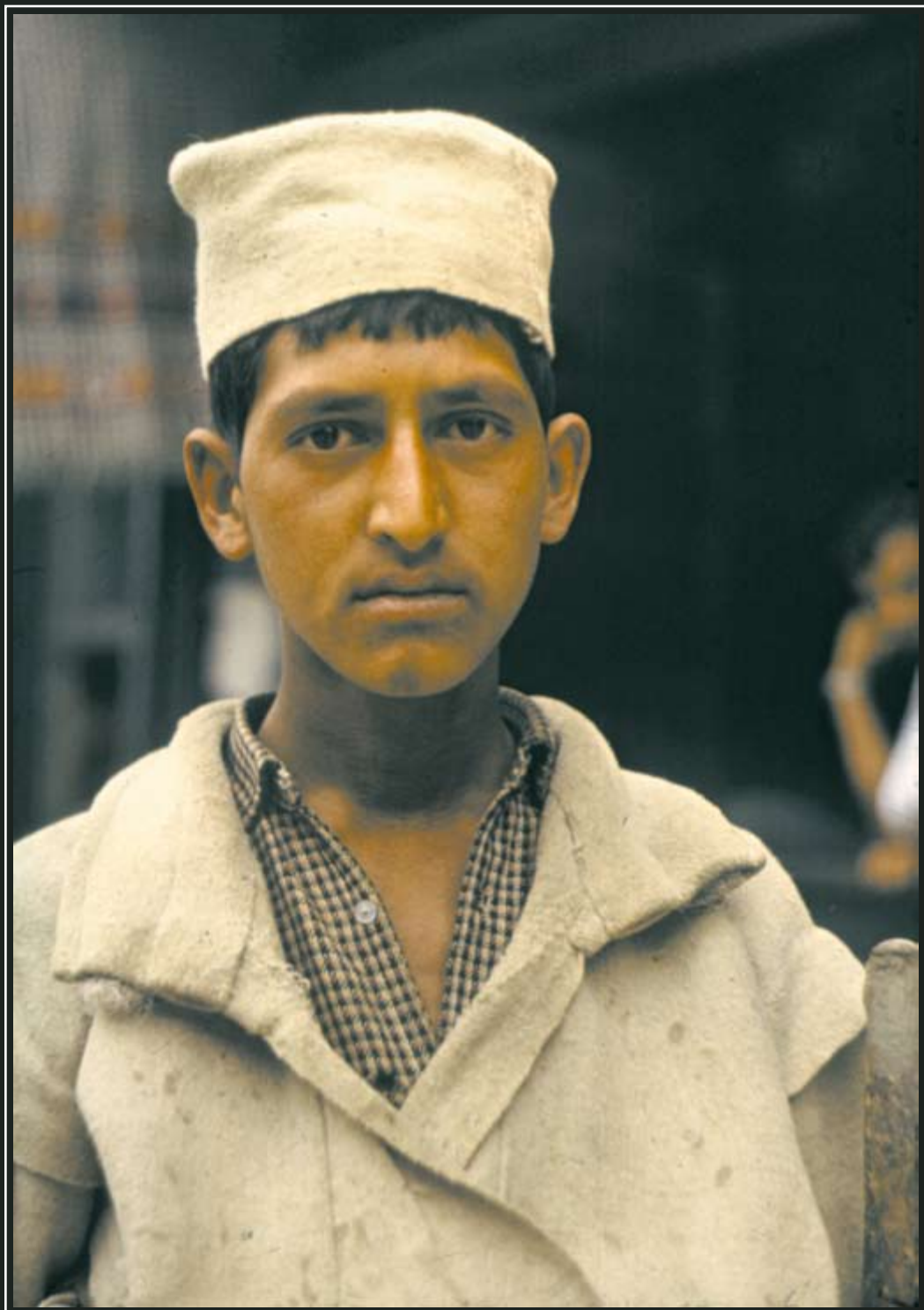
Всякий раз, попадая в Кулу, я ощущала какую-то странную необычность этой долины, ее утонченную красоту и ту тайну, которую хранили ее снежные горы. Неразгаданную тайну ее древней культуры... Острые пики снежных гор, плодородные поля, бушующий Беас, бурлящие потоки горячих источников, храмы, где обитают боги долины, священные рощи с тысячелетними деодарами, развалины старинных крепостей и дворцов, забытые погребения. Осколок жизни древней Индии, затерянной в Гималаях. Кто здесь жил, кто прошел, кто оставил своих потомков и обычаи? Кто населил долину богами? Кто строил трехъярусные лесные храмы? Чью одежду сохранили люди долины? Чьи легенды они рассказывают?

Легенды повествовали о великих мудрецах-риши, обитавших в пещерах долины тысячи лет назад, о храбром Арджуне, о риши Виасе, который собирал «Махабхарату» и написал последнюю из Вед

Долина Кулу

Пастух гадди

— Атхарваведу. Из тьмы ушедших веков приходили воспоминания о ранних ариях, о забытых завоевателях, о древних, осевших здесь племенах...

Веды рассказывают о «кунинда» или «кулинда», которые были предками теперешних жителей долины. Старинное название долины «Кулута» было вычеканено на монетах I века. Кулута лежала на древнем караванном пути, шедшем из далекого Китая, через заснеженные просторы Тибета в плодородную долину Инда. И ее камни, медные таблички и рукописи свидетельствуют о стремительных набегах тибетцев, о кровавых сражениях у снежных перевалов, о вероломстве и предательстве правителей соседних Ладакха и Чамбы, о блистательных могольских императорах, подчинивших себе долину, о рыцарях-раджпутах, которые правили ею в средние века, о воинственных свободолюбивых сикхах, пытавшихся обосноваться здесь.

Волны завоевателей проносились над долиной и откатывались, оставляя, как складки на песчаном морском берегу, что-то свое — крепости, оружие, религию. Но все это оставалось где-то на поверхности и не затрагивало глубины древней жизни долины. Ее жители продолжали подчиняться своим раджам, поклонялись своим богам, пели свои песни, рассказывали свои легенды и хранили свои тайны о подземных ходах, высеченных в горах древними пришельцами, об исчезнувшем кладе старинных буддийских книг, привезенных из Тибета и погребенных где-то в окрестностях Манди, о ламах-пророках, которые время от времени появлялись в долине...

У большинства жителей Кулу была смугловатая кожа, прямые волосы, носы с легкой горбинкой и тонкие губы. Это был особый горский тип, который встречался по всему Гималайскому району, но отсутствовал среди жителей равнинной Индии. Гетц, книга которого была со мной и в Кулу, писал, что европеоидная часть населения напоминала ему людей из Южной Баварии, Лотарингии, Восточной Франции и Южной Бельгии. Возможно, это было и так. У Гетца существовали свои критерии поисков схожести. У меня же были свои. И поэтому мне не раз чудились в лицах людей славянские черты.

Меня поражали не только эти черты, но и одежда. Женщины носили платки ярких сочных тонов, повязывая их под подбородком или стягивая узлом на затылке. И в этом было что-то славянское, а иногда и просто русское. Поверх блузок они надевали платья, состоящие из целого куска шерстяной домотканой материи. Платье называлось «патту» и укреплялось на груди двумя большими булавками, соединенными серебряной цепочкой. Булавки напоминали фибулы, а может быть, таковыми и являлись. Такими фибулами-булавками скальвали в старину плащи кельты, скандинавы и прибалты. На патту были вытканы узоры, орнамент и символика которых однозначно напоминали те, которые я встречала в русском народном искусстве, в болгарском, югославском. Мужчины и женщины носили грубошерстные гетры и

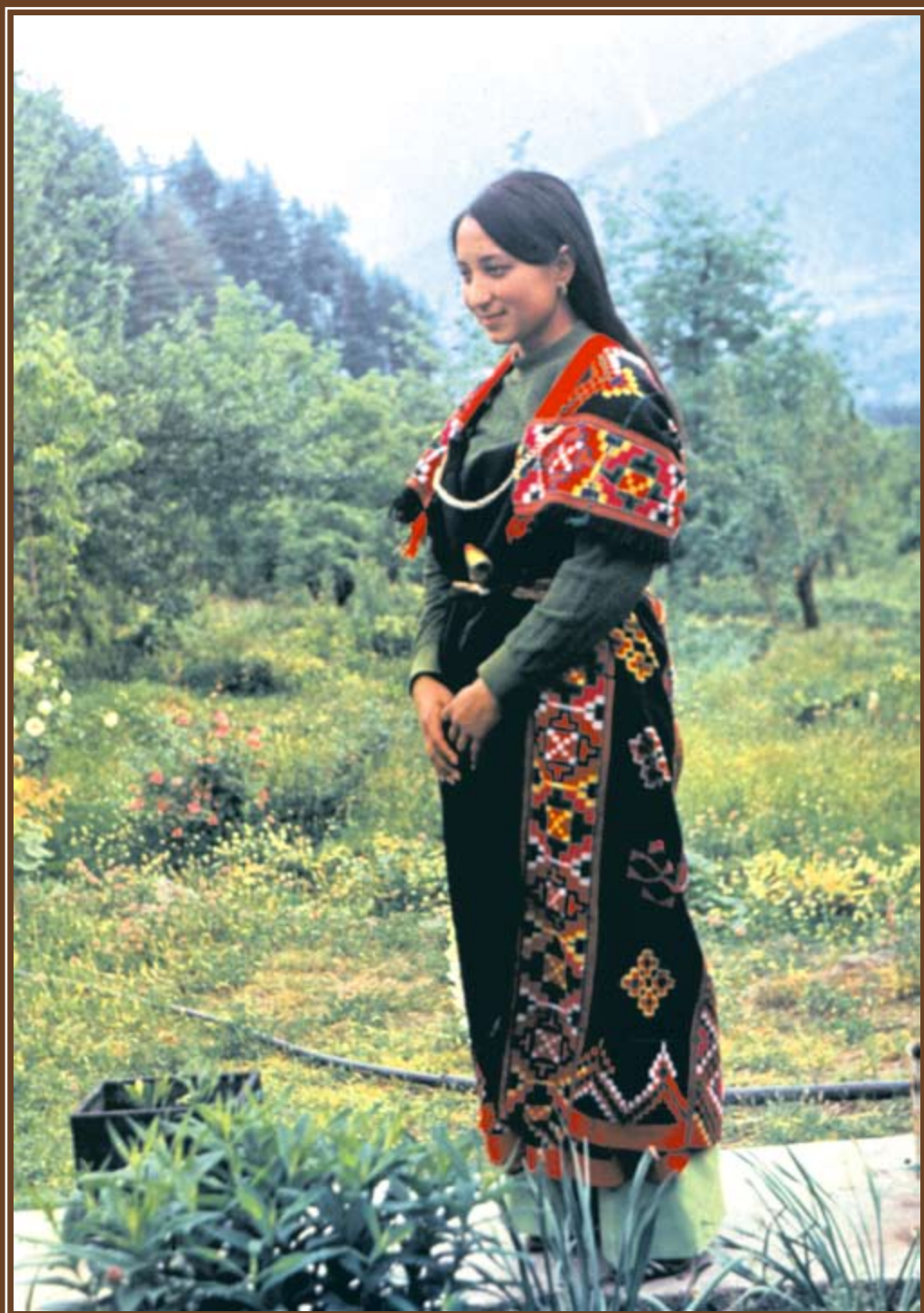
Река Беас

обувь, похожую на наши закарпатские постолы.

А однажды я видела, как через лесную поляну бежала девочка. На ней была красная косынка, она подобрала подол патту, и я с изумлением заметила, что на ногах у нее были лапоточки. Изящные лапоточки, сделанные, правда, не из лыка, а из какой-то жесткой травы. Видеть это было так же странно, как и кафтаны с кушаками на мужчинах. А их плоские круглые шапочки, украшенные иногда фазаными перьями, напоминали головные уборы европейских горцев. Когда я смотрела на людей, на их костюмы, у меня возникало ощущение, что я нахожусь где-то в горной части славянской Европы. Этого ощущения я не испытывала в других долинах Гималаев. Там тоже были так называемые протоевропейские элементы в народном искусстве, но их надо было отыскивать на каменных стелах, в резьбе храмов и деревянных домов. Здесь же все лежало на поверхности, продолжало существовать и являлось неотъемлемой частью всего того, что окружало людей и составляло их жизнь. В какую древность уходили корни этой жизни, и корни не сухие, а полнокровные, сказать было трудно. Но факт оставался фактом. Гималайская долина Кулу хранила какую-то неиндийскую, древнюю традицию.

Долина лежала на пути многих миграций и движений. Но вместе с тем в ней существовало нечто свое, исконное и коренное, на чем настаивалась культурная традиция в течение многих веков. «Именно нагория Гималаев и Трансгималаев, — писал Рерих, — были одним из главных пунктов переселения народов, объединяя этим лучшие стили Запада, выдвигая скифику, напоминая о романском стиле и прочих незабываемых культурных сокровищах»³⁸. Пожалуй, все, о чем упомянул Николай Константинович, присутствовало в Кулу. Резьба на каменных и деревянных храмах несла отзвук скифского «звериного стиля». Фигурки животных на углах храма Трипурасундарам напоминали и те, которые были найдены в алтайских курганах, и те, что глядели со стен романских соборов Европы.

Они объединяли в себе, казалось, несоединимое, вызывали размышления и предположения, заставляли вспоминать о том «едином колодце», давшем и «звериный стиль», и романские соборы Европы. «Колодец», казалось, находился близко, где-то рядом, по крайней мере, в Пространстве, но глубины Времени, через которые надо было пройти в его поисках, не давали возможности решить этот вопрос просто и однозначно. Древняя Кулута по-прежнему таила свои загадки, ставила вопросы, но не давала на них ответов. Кто действительно мог ответить на вопрос, откуда на деревянных храмах Наггара и Джагатцука взялась резьба, так напоминавшая нашу русскую? И не только напоминавшая, но иногда и повторявшая ее. Резьба украшала деревянные причелины древних храмов, двери и колонки. И если бы я точно не знала, что нахожусь в гималайской долине, я могла бы подумать, что передо мной образцы резьбы русского Севера. Ведь предположил в свое время Гетц,

Девушка в традиционном костюме

рассматривая каменные барельефы Кулу, что они исполнены в народной манере франков, вестготов и лангобардов. Действительно, «все скопилось в изобилии».

По долине и по склонам гор были разбросаны зеленые квадраты полей. С рассвета до заката на них работали люди. Они пробирались к этим полям по крутым горным тропинкам. На них выращивали пшеницу, ячмень и рис. К полям примыкали сады — вишневые, абрикосовые, яблочные. Размеры полей были разные. Так же по-разному выглядели сложенные из грубо тесанных камней дома. Ибо здесь, как повсюду в Индии, были свои бедные и богатые. Но зажиточность земледельца Кулу — вещь относительная. Если есть теплая одежда и еда на каждый день — значит, человек богат. Если прочно стоят стены твоего дома, не протекает сланцевая крыша и есть на что посадить гостя — значит, в доме достаток. Весь день каннеты заняты. Мужчины несут из леса вязанки дров, женщины, плавно ступая, сгибаются под тяжестью заспанных корзин, наполненных свежей травой. Все пригодится в хозяйстве. И все они, бедные и зажиточные, легконоги и стройны. Слишком много приходится всем ходить по крутым горным тропам, слишком часто приходится преодолевать подъемы. Желудок должен быть легким. И поэтому каннет ест всего два раза в день. Утром можно обойтись пшеничными лепешками и молоком. Вечером — рисом с овощами и простоквашей. Над домами Кулу только два раза в день поднимаются синие дымки очагов. Но это когда тепло. В зимние месяцы, когда долина завалена снегом, а по склонам метут метели, огонь в очаге поддерживается целый день. И по древней традиции хранительницей этого очага является женщина.

Женщина... Матриархальное прошлое дает о себе знать на каждом шагу. Мать, работница, жрица, глава семьи... «Женщина Кулу правила своим мужем», — писал один английский наблюдатель в прошлом веке. А в некоторых случаях, я бы добавила, «и мужьями». Полиандрия — многомужество — иногда встречается и сейчас. Соседний район Тибета, как известно, долго практиковал эту форму матриархального брака. Правда, со временем мужчины Кулу, добившись «освобождения», сумели заменить полиандрию полигамией — многоженством. Но они еще не посягнули на традиционную свободу своих женщин. И поэтому женщины здесь лишены некоторых качеств, присущих их цивилизованным сестрам. Они держат себя свободно и независимо. Сильные и смелые, они уходят далеко в горные леса собирать ягоды, коренья, грибы, целебные травы, работают в поле, пасут скот, управляют семьей. Никто в Кулу не станет смеяться над мужчиной, спрашивающим на что-то разрешения своей жены. Не будут показывать пальцем на человека, покорно выполняющего ее распоряжение.

Чисто мужская компания вызывает у каннетов недоумение. «А где же ваши женщины?» — интересуются они. Даже «чакти» или «сур» — местное пиво — пьют всегда вместе с женщинами. Такая привязан-

Девушка из Кулу

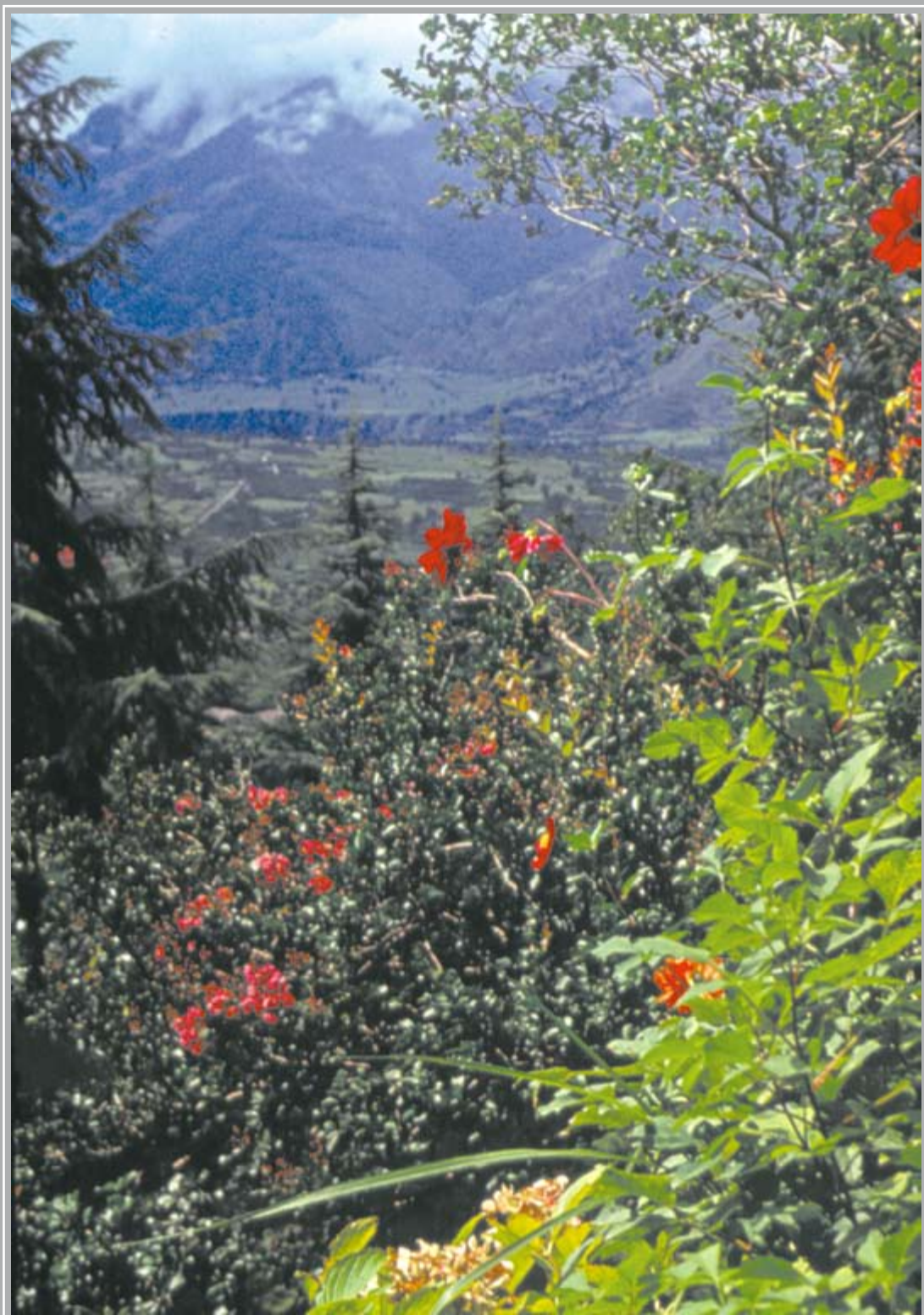
Богиня из храма Трипурасундарам

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

ность мужчин к своим женщинам, однако, не убергает первых от измен последним. Свобода женщины, сохранившаяся от матриархальных времен, дает ей возможность и свободно распоряжаться своими привязанностями. Уход от мужа — событие, не влекущее за собой никаких особых последствий. Вдова может снова выйти замуж. Правда, часто вдовы предпочитают не вступать вновь в законную связь. Зато вдовцы стремятся вновь жениться, ибо, лишенные твердой женской руки и работницы на поле, они чувствуют себя крайне сиротливо и неприкаянно. Да к тому же мужчина без законной жены вызывает обидные насмешки товарищей и унижительное сочувствие родственников.

К югу от Наггара находится еще один мир древней Кулуты. Он спрятан за высоким снежным перевалом. Перевал называется Чандракани — «Лунная принцесса». За «Лунной принцессой» лежит небольшая уютная долина Малана. Изолированный своеобразный мир, осколок далекого прошлого. Только раз в год во время летнего праздника жители Маланы спускаются в долину Кулу. Это их единственная связь с внешним миром. Остальное время года они живут так, как жили несколько тысяч лет назад. Этнически они связаны с населением нижней долины. Но многие годы изоляции позволили им сохранить более «чистый» тип каннетов, чем в Кулу. То же, по-видимому, произошло и с их культурными традициями. Язык их отличается от диалекта Кулу, в нем звучат древние слова и обороты. Мы идем со Святославом Николаевичем Рерихом по тропинке, петляющей среди кедровых и сосновых лесов. Минуем последнюю деревню. И перед нами открывается

Осень в Кулу

перевал «Лунная принцесса». Святослав Николаевич останавливается. Снежная шапка Чандракани совсем рядом.

— Да... — задумчиво говорит он, — а ведь весь перевал засыпан снегом. Сейчас его не пройти. Нет, не пройти, — еще раз подтверждает он.

Я тоскливо смотрю на перевал.

— Надо подождать, — утешает меня Святослав Николаевич.

Но я не могу ждать. Моя время ограничено. В этой стране оно почему-то всегда ограничено. Людьми, обстоятельствами, мной самой. Потом я пытаюсь выяснить в Наггаре, есть ли хотя бы малейшая возможность пройти перевал. Оказывается, такой возможности нет. Бывалые проводники говорят:

— Очень много снега. Можно в нем утонуть. Надо ждать.

И я понимаю, что мне не увидеть долину Малану — подвела капризная «Лунная принцесса».

На летний праздник жители Маланы обычно спускались в Кулу целыми большими семьями. Старики и пожилые, молодежь и дети. Старики в темных традиционных одеждах и черных колпаках, молодежь в шапочках, отороченных бархатом, в кафтанах и патту.

Но на этот раз все было не так. На летнем празднике появились из Маланы только несколько парней и девушек. Ни стариков, ни детей. Снега перевала их не пропустили.

...Я увидела их сразу у храма Трипурасундарам. Они явно выделялись из остальной толпы. Юноши в черных кафтанах, с горделиво посаженными головами, горбоносые и узколицы. Девушки — тонкие и гибкие. Ожерелья из серебряных крупных монет позвякивали в такт их упругой походке. Они держались друг за друга, умудряясь не потеряться в этой густой праздничной толпе. Я подошла к ним, и нам с большим трудом удалось разговориться. Все они, двое юношей и три девушки, были немного напуганы моим интересом к ним. Сначала они бросали на меня диковатые взгляды, отмалчивались и даже порывались уйти. Но постепенно беседа наладилась, правда, она имела несколько односложный характер. Явно маланцы были не из разговорчивых. Им легче было отвечать на очень конкретные вопросы, в понятиях абстрактных они путались и беспомощно замолкали.

«Малана — древнее племя, — писал Николай Константинович Рерих, — и до сих пор никто не определил их диалекта. Они ходят в черных конических шапках».

За перевалом Чандракани в долине Малана сейчас осталось около двух тысяч человек. Все они живут в двух деревнях и не признают никакой власти над собой, кроме власти их горного бога Джамлу. Джамлу тоже обитает в долине Малана. Только где и в каком месте — сказать трудно. Вся земля в этой долине принадлежит ему, и маланцы считают себя лишь его арендаторами. Кроме земли в Малане у Джамлу есть храм и сокровищница. Сокровищница — башня без дверей с входом через крышу. Только

Фигурка на храме Трипурасундарам

Фигурка на храме Трипурасундарам

пророк-жрец может воспользоваться этим входом. В сокровищнице за много поколений накопилось немало интересного. Там есть деньги, золотые и серебряные, украшения, драгоценные камни.

Обе деревни расположены за перевалом. Дома там построены из еловых балок и камней. Несколько сот человек живут рядом с храмом Нарои и считают себя ответственными за него. Кроме них при храме имеются музыканты, жрецы, оракулы, управляющий сокровищницей и заведующий складом, где хранится ячмень. Те, кто имеют отношение к храму, называют себя ра-део — иначе, чем те, кто имеют дело с богом. Женщины ра-део могут посвятить себя богине и остаться незамужними. Однако широта взглядов самой богини позволяет им вести отнюдь не монашеский образ жизни. Теперь трудно сказать, являются ли эти прислужницы богини осколком древнего института весталок, или девадаси. Или это был древний зародыш такой организации, так и не получивший в этом районе своего окончательного развития. В долине Малана мы можем найти много странных и трудно объяснимых теперь обычаев и традиций.

Так же как и в Кулу, когда-то очень давно в Малане был обычай человеческих жертвоприношений.

В справочнике по княжествам Пенджаба есть такие слова: «Особая племенная организация маланцев показывает, что изоляция этого района в замкнутом кругу гор произошла в очень отдаленном прошлом». И автор, по всей видимости, прав. Но нам неизвестны причины этой изоляции и события, которые заставили людей перевалить через Чандракани и поселиться в уединенной долине, охраняемой лишь снежными пиками гор...

В Кулу рассказывают легенды о богах, о героях, о людях, которые жили давно или совсем недавно. С легендами связаны названия разных мест, гор и озер. Сказания иногда уходят к самым первоисточкам, повествуют о происшествиях такой глубокой давности, что проверить их просто невозможно. Небольшой горный поселок Манали, как утверждают легенды, был когда-то свидетелем событий глобального масштаба. Здесь, говорят, когда-то зародилось современное человечество, восставшее из вод всемирного потопа. Манали значит «Ману-алайя» — «Дом Ману». Известно, что прародитель был спасен чудесной рыбой, когда земля превратилась в бушующий океан. Легенда о потопе и прародителе Ману принадлежит всей Индии. Но долина Кулу внесла в нее свой существенный вклад.

Если вы помните, корабль Ману, влекомый чудесной рыбой, пристал к одному из Гималайских пиков. Здесь, у этого пика, прародитель дожидался, когда уровень воды понизится и можно будет ступить хотя бы на клочок твердой земли. Вода наконец спала, и Ману ступил на землю, показавшуюся над ее поверхностью. Легенда утверждает, что этим клочком земли, принявшей единственного уцелевшего во время потопа человека, был теперешний поселок Манали. Иными словами,

Юноша из Малавы

Шанти (справа)

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

современное человечество повело свое начало из долины Кулу, где обосновался его прародитель Ману. В честь Ману со временем был воздвигнут небольшой храм, который до сих пор существует на окраине Манали. Ни в одном месте Индии такого храма нет, а вот в Кулу есть. За всем этим стоят какие-то реальные события, отзвук которых дошел до нашего времени из неизмеримой глубины веков, протекших над этими горами.

Из Манали дорога, идущая по руслу Беаса, медленно вползает на снежный перевал Ротанг. За Ротангом начинается одна из самых высокогорных долин Гималаев — Лахул. Оттуда дорога, петля меж-

ду ледниками и снежными вершинами, уходит в Ладакх. Великий Гесэр-хан, герой многих сказаний и баллад, скакал на своем чудесном белом коне из Ладакха в Кулу. В долине у него были свои дела. Тогда еще не существовало перевала Ротанг, и Гесэру каждый раз приходилось объезжать неприступные пики хребта. Но однажды герой очень спешил и времени на объезд у него не было. Он выхватил свою плетку и стегнул ею по снежным пикам. Пики разошлись и образовали перевал, через который Гесэр и проник в Кулу. На гранитных валунах перевала до сих пор остались следы копыт его чудесного коня. Следы эти со временем выветрились, но если хорошенько присмотреться, то можно кое-что и увидеть. Здесь же, в Кулу, великий герой разбил наголову целое войско врагов. Это произошло недалеко от Баджаура, там, где на берегу Беаса когда-то стоял храм Гесэра.

Кулу знала не только легендарных Ману и Гесэра, но соприкасалась и с реальными историческими личностями. Известный своей популярностью, император Акбар оставил свой след даже в затерянном мире Маланы. Золотая фигурка императора хранится за перевалом «Лунная принцесса» в храме бога Джамлу. Ее выносят ежегодно в священную рощу и совершают перед ней пуджу. Эта пуджа — память о давнем событии, ставшем легендой. А произошло вот что.

Бродячий садху забрел в Малану и уселся под храмом бога Джамлу. Жрец храма, видя бедственное положение садху, презентовал ему две пайсы из сокровищницы храма. Садху поблагодарил и отправился в Дели. У ворот города его задержал императорский налогосборщик и отнял вышеупомянутые пайсы. Медные монетки вместе с остальными суммами налога попали в императорскую казну. Сам же император через некоторое время заболел проказой. Придворные лекари горестно качали головами, но причины болезни установить не смогли. Тогда Акбар вызвал самого мудрого своего советника и велел ему найти искомую причину. Советник впал в транс, пообщался с кем надо и доложил императору следующее: «Бродячий садху в далекой Малане получил две пайсы из сокровищницы бога Джамлу. Монетки отнял у садху налогосборщик и сдал их в императорскую казну. Бог Джамлу рассердился за это на Акбара и наслал на него проказу». Услышав о таком незаконном действии, император разгневался и велел найти эти самые две пайсы в своей казне.

Легенда умалчивает о том, как это удалось сделать придворным казначеям, но, как бы то ни было, именно эти, а не какие другие две пайсы были извлечены из казны и предъявлены императору. Акбар велел их немедленно отослать богу Джамлу и извиниться перед ним от своего имени. Стараясь загладить свою вину перед горным богом, император от себя лично отправил в подарок обиженному богу золотую статуэтку, изображавшую его императорское величество, и в дополнение к ней золотые и серебряные фигурки лошадей и слонов. Бог Джамлу благосклонно отнесся к императорским подношениям, остался ими

Жрица Бактидеви

доволен, простил Акбара, и болезнь как рукой сняло.

С тех пор император Акбар стал божеством храма бога Джамлу.

О старом замке в Наггаре тоже рассказывают легенды. Замок — самое высокое здание в поселке. Его стены сложены из крупных камней, которые удерживают массивные кедровые балки. Старинный замок видел немало. И тибетских, и раджпутских, и мусульманских правителей. Теперь в нем новые жильцы, приезжая публика, размещающаяся в четырех номерах маленькой комфортабельной гостиницы. Но замок по-прежнему остается реликвией долины Кулу и живет странной двойной жизнью. Жизнью современной гостиницы и жизнью древних легенд и святилищ. Одно из них стоит во дворе замка. В святилище лежит плоский камень «джати патх». По преданию, камень принесли пчелы. Каждый день смотритель замкового храма сыплет желтые цветы «пилла кхуль» на священный камень. Рядом с камнем еще один. На нем высечен след богини. Размер ноги у нее был небольшой.

Второе святилище стоит напротив замка и имеет отношение к хранителю долины Нарсингу, который, говорят, был раджей этой долины. Жители Кулу утверждают, что высокая белая фигура Нарсинга иногда бродит лунными ночами около замка или в его окрестностях. Но раджпут не единственный хранитель заповедной долины. Есть еще Гуга Чохан, чье изваяние стоит во дворе виллы Рерихов. О Гуге Чохане до сих пор поют песни и складывают легенды. Легенд в долине так много, что сама жизнь древней Кулуты стала похожа на легенду.

6. БОГИ, НАГИ И МУДРЕЦЫ

СЕРЕБРЯНОЙ ДОЛИНЫ

Священная долина Кулу, спрятанная на границе Лахула и Тибета, образует наиболее северную часть Пенджаба. Арьяварша ли это или Арьяварта, трудно сказать. Но наиболее значительные имена и события связаны с этой благодательной долиной. Она называется Серебряной Долиной. Зимой ли, когда сверкает ее снежный покров, или весной, когда фруктовые деревья покрыты белоснежными цветами, Долина в равной мере оправдывает свое название.

Н.Рерих. Шамбала.

«Ревет музыка, льются песни, и они начинают дикий военный танец с мечами. Как кавказские горцы или мечники Курдистана, сыны древней воинственной долины вихрем, но грациозно кружатся в танце. Появляется старый жрец. Он берет две сабли у юных танцоров... и как будто происходит чудо. Согнутый старый жрец внезапно преобража-

Житель Кулу

ется и, как воин, кружит в диком священном танце. Изогнутые сабли сверкают. Тупой стороной сабельного лезвия старик наносит себе воображаемые символические раны»³⁹. Это опять Николай Рерих. Описание летнего праздника в долине Кулу. Этот праздник — одно из самых интересных и красочных зрелищ. Он начинается в середине мая, когда пшеница и ячмень уже созрели на полях долины. Мне повезло, потому что я приехала в Кулу в мае 1972 года.

В этот день в долине гулко и тревожно забили барабаны. Сначала один, затем отозвался другой, где-то в противоположной стороне загредел третий. И вся долина наполнилась этим призывным боем. Я не сразу поняла, что, происходит. Гулкое эхо перекатывалось по горам, и я подумала, что, может быть, на долину наступает неприятель. Потом на дороге, ведущей к Наггару, раздались крики, и я увидела группу празднично одетых людей, несущих на плечах паланкин под красным зонтиком. Они приплясывали, кричали и что-то пели.

Я спустилась по склону к дороге. Когда процессия поравнялась со мной, я спросила идущего впереди рослого мужчину:

- Что здесь происходит?
- Летний праздник, ты что, не знаешь? Идем с нами.
- Куда? — спросила я.
- В храм Трипурасундарам. Наша богиня едет в гости.
- Как это в гости? — удивилась я.
- В гости к Трипурасундари. А потом Трипурасундари приедет

к нам.

Это было что-то новое. Я знала, что боги могут многое. Но никогда не предполагала, что они ходят в гости. Я искала глазами в толпе едущую в гости богиню, но не нашла и задержала взгляд на паланкине. Оттуда на меня глянула бронзовая маска. Маска улыбалась тонко и загадочно, как Джоконда. Оглушительно забили два барабана, люди закричали: «Трипурасундари! Трипурасундари!»

А едущая в гости богиня в такт движению паланкина покачивала бронзовой маской и, казалось, одобрительно кивала людям.

Дорога вывела меня к окраине Наггара, туда, где среди зеленых склонов стоял трехъярусный деревянный храм уважаемой в долине богини Трипурасундари. И по этим зеленым склонам, и на площадке перед храмом — везде сидели и толпились люди. Многоцветные пятна на яркой зеленой траве. Шитые яркими узорами патту женщин, красные бархатные, украшенные фазаньими перьями шапочки мужчин, лиловые и зеленые с серебряной отделкой платья лахулок, белые кафтаны пастухов гадди — все это пело, разговаривало, двигалось. Яркое солнце заливало

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

все пространство у храма, и над всем этим сверкали снега Гималаев. И только темные платья старух контрастировали с этим разноцветьем. На седых космах старух были черные платки, и они напоминали каких-то древних жриц. А может быть, они и были ими...

Люди теснились у храма и растекались цветной рекой по узким прихрамовым улочкам, где стоял чад над прокопченными харчевнями. Торговали сладостями и браслетами лотошники, вздымались вверх гирлянды цветных шаров. Вдруг золотыми молниями взметнулись к голубому небу две длинные медные трубы. Раздался рев, раздробился о горы и веселыми руладами пролился вновь на площадку перед храмом. Забили барабаны, и круг молодых парней задвигался в такт этому необычному аккомпанементу. Белые кафтаны, перехваченные зеле-

Молитва в честь Гуга Чохана

ными, красными, оранжевыми кушаками. Черные фетровые шляпы, украшенные венками из цветов. Цветочные гирлянды, как ожерелья, на груди. Чуть приподняв головы, танцоры легко и пружинисто печатали несложный узор танца, все ускоряя и ускоряя его темп в такт барабану и трубам. В танце была воинственная четкость, но не было мечей, о которых писал Рерих. Потом я узнала, что мечи превратились в реликвию и их редко выносят для танца.

Все быстрее и быстрее двигался круг танцующих, и вот уже яркие кушаки, цветочные гирлянды слились в сплошной круг, и все это неслось — неслось куда-то, втягивая в вихрь танца все новых участников. Так же внезапно, как и началось, все кончилось. Круг остановился и распался, трубы и барабаны замолкли. А танцоры, вода захмелевшими глазами, смущенно улыбались, слушая одобрительные восклицания присутствующих. И снова поднялись трубы, и снова загремели барабаны, и снова закружились новые танцоры... Уже солнце ушло за горы, ночь затопила долину, а у храма Трипурасундарам со склона на склон блуждали огни факелов и металось пламя костров.

Третий день праздника был самым важным. Все приехавшие в гости боги и богини показали народу и приняли участие в торжестве. Их бронзовые маски плыли в паланкинах. В центре сама хозяйка, а вокруг высокие гости. Перед паланкинами шли три пророка-гура. Босые, в коротких кафтанах. Длинные распущенные волосы падали на спину и плечи, растрепанные бороды прикрывали грудь. Они несли в руках чаши, над которыми вился голубой дымок благовоний. И снова ревели медные трубы и гремели барабаны. Но тут случилось непредвиденное. Неожиданно пошел дождь. Пророки пришли в замешательство, угольки благовоний намокли и не хотели больше дымить, многочисленные богини и сопровождавшие их боги запросились обратно в храм. По их серебряным и бронзовым маскам стекали струи дождя, и маски больше не улыбались. Пророки поцокали языками, смущенно потоптались на месте, повели зябко плечами и отменили пророчества.

На следующий день я решила поближе познакомиться с Трипурасундари. Но ее не оказалось дома. Богиня под грохот барабанов отправилась в гости к своей соседке, где она рассчитывала пробыть не меньше недели... И еще долго богини и боги долины Кулу, сияя серебряными и бронзовыми масками, ходили друг к другу в гости.

Маски были древние, как и сами боги и те храмы, деревянные крыши которых вознеслись над священными лесами, заповедными источниками и волшебными полянами древней Кулу.

...Дорога упрямо карабкается вверх, куда-то на гору. Там, внизу, остался небольшой поселок Манали, раскинувшийся на берегу Беаса. Затем дорога переходит в тропинку, которая петляет между замшелыми огромными валунами. За валунами возникает кедровая роща. Солнечные лучи пронизывают кроны деревьев и янтарными бликами ложатся на мощные кряжистые стволы. Вокруг стоит тишина, и толь-

Маски богов Кулу

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

ко негромкое пение птиц время от времени нарушает ее. Сколько лет стоит эта роща? Тысячу или две? А может быть, и того больше... Роща постепенно редет, и открывается заросшая свежей травой поляна. Кедры робко жмутся у края поляны, не смея ступить на нее.

На поляне стоит трехъярусное здание древнего храма. Храм посвящен богине Хирман Деви. Низкий деревянный фасад покрыт резьбой: воины, богини, олени, цветы, священные деревья. Над входом прибиты черепа оленя и горного козла. Здесь настоящее лесное святилище. Я перешагиваю порог храма и попадаю в полутемное помещение, напоминающее пещеру. Противоположная стена образована огромным валуном. Земляной пол неровен, и от него тянет сыростью. Прокопченные массивные балки крыш уходят куда-то ввысь, теряясь в призрачной темноте, паутине и лохмотьях пыли. Летучие мыши срываются с балок

и с писком носятся низко над полом. В полу темнеет яма, прикрытая большим плоским камнем. В яме стоят две бронзовые фигурки богини и лежат крупные красные цветы. Откуда-то сверху свисает тяжелая медная цепь. На цепи — колокол. Мне становится как-то не по себе. Хочется выйти на солнечный свет, но в то же время меня что-то притягивает к этому месту, и я остаюсь.

В полутьме возникает фигура старухи. Седые пряди ее волос стягивает красный платок. На груди серебряная цепь «бумни». Старуха зябко кутается в шерстяное одеяло, похожее на длинный старинный плащ. Я невольно делаю шаг назад, и старуха предупреждающе вскрикивает:

— Осторожно! Упадешь в яму. Осквернишь кровь жертв. Вся земля здесь пропитана кровью. Священной кровью жертв человеческих.

И мне начинает казаться, что лежащие в яме цветы набухают кровью. Я стяхиваю с себя оцепенение.

— Как тебя зовут? — спрашиваю старуху.

— Бактидеви. Я жрица в этом храме. Самая главная жрица.

— Но вы ведь приносите в жертву коз и овец. При чем здесь человеческая кровь?

— Ты права. Это сейчас. А было время, когда на этом камне (видишь его над ямой?) умирали люди, принесенные в жертву богине Хирман. И их жертвенная кровь стекала в яму.

— Когда же это было?

— И давно и недавно, — философски отвечает жрица, — пять тысяч лет назад богиня Хирман подарила землю нашему королю, тогда и построили этот храм.

— А почему именно здесь?

— Потому что здесь священная роща и священный жертвенный камень. Он лежит здесь с тех пор, когда был сотворен мир.

И я вижу, как исчезают, растворяясь в ночной тьме, стены храма. Над головой шумят тысячелетние кедры. Низкие звезды сидят на ветвях. Мечутся огненные языки священного жертвенного костра. Огонь освещает стволы деревьев, красными бликами мечется по лицам людей и по священной жертве, лежащей на плоском камне. Как черные зловещие вороны, кружат вокруг камня в ритуальном танце старухи жрицы. Из-под черных платков развеваются седые космы, темные балахоны подпоясаны веревками. Звенят мониста. Они машут крыльями-руками, и неумолимо звучит их песня во славу богини Хирман. Суровы лица мужчин. Их длинные волосы, перехваченные тесьмой, спадают на глаза, бороды отбрасывают причудливые скачущие тени. Круг жриц-ворон движется все быстрее и быстрее. Затем он внезапно распадается, и старшая жрица, взмахнув руками, кричит в исступлении: «Жертву, жертву благословенной богине, жертву нашей заступнице и защитнице!» Коротко и пронзительно вскрикивает человек, лежащий на плоском камне. Алая струя бьет по стенкам ямы.

Маски богов храма Трипурасундарам

Танцор

Праздничный танец (справа)

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

— Вот так это происходило, — слышу я голос жрицы.

И вновь появляются надо мной прокопченные балки храмовой крыши, возникают стены и летучие мыши шумят перепончатыми крыльями. Золотой луч низко стоящего солнца врывается в дверь и освещает часть храма. Я вижу на стенках грубо сколоченные полки, на которых лежит храмовая утварь: флаги, колокола, медные трубы, барабаны. Рядом с плоским камнем в земле вырыт очаг, где зажигают до сих пор священный огонь в честь богини Хирман Деви.

Мы выходим на воздух, и Бактидеви как-то сразу превращается из жрицы в приветливую обычную старушку.

— Хочешь видеть Хирман Деви? — спрашивает она. — Приходи сюда как-нибудь лунной ночью. — Бактидеви переходит на шепот: — И когда услышишь, что кто-то скачет, спрячься за деревом и смотри. Верхом на белом льве появится Хирман Деви. Очень красивая, очень богато одетая. Все на ней сверкает. И золотые браслеты, и драгоценные камни, и красные волосы.

У меня не было в запасе лунной ночи в долине Кулу, и поэтому моя встреча с богиней не состоялась...

Богини долины Кулу — Трипурасундари, Хирма Деви, Батинда... Они царят и правят в своих храмах. В древних деревянных храмах, которые называются горными храмами или святилищами. Индуистские храмы с резными шикарами в долине появились позже. Их строили

Праздничные танцы в Кулу

мастера, пришедшие с индийских равнин. В VIII—IX веках в долине соорудили храмы в честь бога Шивы, в XVII веке построили вишнуитские храмы, где воцарился Вишну-Рагунатх.

Древние горные святилища и индуистские храмы существуют как бы отдельно друг от друга, а иногда и противостоят друг другу. В этом заключается еще одна особенность древней долины, еще одна ее загадка. Более тысячи лет древняя система верований остается не тронутой временем, сохраняется в народе в ее изначальной чистоте. Изваяния богинь смотрят в дверные проемы на северо-запад, а индуистские боги — на юго-восток. До сих пор в древних храмах по праздникам и торжественным дням приносят в жертву коз и овец и хранят память о человеческих жертвоприношениях. Каменные храмы пришлых браминов с затейливо украшенными шикарами таких ритуалов не знают. В древних храмах до сих пор сохранились жрицы, и пророки нередко играют роль жрецов. В каждом таком храме хранятся бронзовые маски богинь и их многочисленных родственников. Говорят, в Кулу 360 богов, но на самом деле больше. Эмблемы этих богов-прародителей вышиты на храмовых флагах. В индуистских храмах бронзовых масок нет, там стоят традиционные изваяния Вишну, Шивы, Кришны, Ганеши и их жен, одетых не по сезону, с обнаженными торсами. Боги жарких долин. И только один бог одет должным образом. Это Сурья — бог Солнца. Древний ведический бог, которому поклоняется и брамин из каменного храма, и гур-пророк. Однако Сурья долины Кулу явно носит на себе следы чужеземного происхождения. Он гордо восседает на лошади, выставив ноги в сапогах до колен. Арийский Сурья — наездник и кочевник, заставивший жителей Кулу забыть имя и облик своего более древнего собрата.

Как и в других гималайских районах, культ богинь, различных ипостасей единой Матери-земли, соседствовал и был тесно связан с культом нагов. Нагов в Кулу было много, и у меня временами возникало ощущение, что загадочные наги избрали древнюю долину главным местом своего жительства. Наги и нагини населяли горные озера и пещеры, имели свои храмы и святилища почти в каждой деревне. Около семидесяти нагов сейчас обитают в долине. Каждая деревня поклоняется своему нагу. В Джагатцукэ чтут Сарган-нага и Фахал-нага, в Барагархе — Дхумал-нага, в Наггаре — Пилли-нага и т.д. Но среди этого множества нагов был самый главный, с которого и начался этот таинственный род. Его звали Басу-наг. Я встречала его раньше под именем Васуки-нага и Васки-нага. Однажды я услышала легенду о том, как появились наги в Кулу.

...Много веков назад в деревне Гошала, что стоит к северу от Манали, жила прекрасная женщина. В один летний день она поднялась на крышу своего дома, чтобы сделать кое-что по хозяйству. Не успела она осмотреться на крыше, как налетел порывистый ветер с дождем, солнце закрыла черная туча, и какая-то сила подхватила женщину и понесла по воздуху. Этой силой оказался великий и мудрый наг Басу,

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

которому приглянулась красивая женщина из долины Кулу. Он привел женщину в свой дворец, украшенный золотом, серебром и драгоценными камнями. Во дворце было много слуг, которые прислуживали Басу-нагу и беспрекословно выполняли все его распоряжения. Дворец был окружен великолепным садом, по которому гуляла женщина, но за ограду сада Басу-наг не позволял ей выходить. Так, не зная никаких забот и труда, женщина из деревни Гошала прожила во дворце несколько месяцев. Но однажды она вспомнила, что в Кулу, на ее родине, скоро состоится веселый праздник с музыкой и танцами. И так ей захотелось повеселиться и потанцевать на этом празднике, что она заплакала от досады. Она не знала дороги обратно и не представляла себе, как выбраться из дворца великого нага. Басу-наг услышал плач женщины и поинтересовался его причиной. Когда женщина изложила ему эту причину, Басу-наг рассмеялся.

— Раз ты так хочешь повеселиться на празднике, — сказал ей

Священный лес в Манали

Традиционный храм в Манали

мудрый наг, — я задерживать тебя не стану. Не успеешь и глазом моргнуть, как окажешься в своей деревне. Но знай, через некоторое время ты родишь восемнадцать нагов, моих сыновей. Давай им каждый день молоко и кури им благовония. Если ты согласишься делать то, что я сказал, я отпущу тебя.

Женщине ничего не оставалось, как согласиться. И действительно, не успела она и глазом моргнуть, как оказалась вновь в своей деревне на крыше своего дома, откуда ее похитил Басу-наг. Через некоторое время женщина родила восемнадцать нагов. И поскольку наги все-таки были змеями, она поместила всех в большой глиняный горшок, поила их молоком и курила им благовония, которые медленно тлели на раскаленных углях жаровни. И все было бы хорошо, если бы не любопытство ее молодой невестки. Невестка видела, как ее свекровь брала молоко и жаровню с углями и удалялась в комнату, куда никого не допускала.

Однажды, когда свекровь отправилась на поле, невестка взяла молоко, жаровню с благовониями и вошла в запретную комнату. Там она увидела большой глиняный горшок, подошла к нему и открыла, чтобы узнать, что в нем такое. Наги, почуяв запах молока, все разом выпрыгнули из горшка. Невестка громко закричала от неожиданности и страха и выронила из рук жаровню с раскаленными углями. Начался пожар, и многие наги сгорели в огне, но некоторым из них все-таки удалось спастись. А те, кто спаслись, тоже пострадали. Так, Фахал-наг обжег руку, Джалсу-наг потерял слух, Гошали-наг ослеп и навсегда остался в деревне Гошала. Шарган-наг разбил себе голову. Кали-наг и Харканди-наг почернели от огня. Но, несмотря на увечья, полученные уцелевшими нагами, люди пригласили их в свои деревни, построили им святилища и стали им поклоняться.

Из всех нагов самым воинственным оказался Харканди, которому построили храм в деревне Ширар. Этот наг, неуступчивый и упрямый, с молодых лет враждовал с богом Вишну-Нараяной. Известно, что последний появился в долине много позже нагов. Возможно, в этом и заключалась причина взаимной вражды. Поводом же послужил один случай, возмущивший Харканди-нага до глубины души. Вишну-Нараяна проявил к брату Харканди Кали-нагу непростительную грубость. Вишну натянул свой лук и выстрелил Кали-нагом как стрелой. Кали-наг пронесся над всей долиной Беаса и шлепнулся в деревне Ширар, где обитал его родной брат Харканди-наг. Харканди поклялся отомстить Нараяне за такое оскорбление рода нагов. Кали-наг же решил проблему мщения по-иному. Он соблазнил сестру бога Нараяна и сбежал с ней в горы. А Харканди-наг до сих пор затевает каждый год битву с Вишну-Нараяной. И делает он это, когда жители Ширара устраивают праздник в честь своего нага. Битва гремит на хребтах между Беасом и Сарвари, а деодаровые роци пронзают синие ослепительные стрелы молний. Эти регулярные битвы пока не принесли убедительной победы ни одной из сражающихся сторон. Иногда отступает Вишну-Нараяна,

Пастух гадди

а иногда сам могущественный Харканди-наг.

Факт сражения Харканди-нага с богом Вишну сам по себе примечателен. Нигде в других местах Гималаев я не слышала о подобных сражениях. Там наги мирно уживались с индуистскими богами, и особенно с Вишну и Шивой. Но долина Кулу — особая долина, и здесь много случается такого, о чем даже не помышляют жители других гималайских долин. Необычным в жизни нагов Кулу является и то обстоятельство, что в их среде уже сложилось определенное разделение труда. Одни наги сражаются и ничего иного не хотят признавать. Другие управляют дождем и грозой. Как, например, Туру-наг, родной брат великого Басу-нага. Он живет в пещере высоко в горах. И если подняться к этой пещере, всегда можно узнать, будет дождь или нет. Перед дождем из пещеры начинает течь вода. Откуда она берется, никто не знает. Ибо никто не имеет права войти в пещеру и выяснить, в чем дело. Третьи имеют явную склонность к земледельческому труду. Среди них особенно отличается пятерка нагов, которую так и называют — Панч-наг. Эти пятеро спят всю зиму и просыпаются только весной, когда поля освобождаются от снега и можно начинать пахать.

Мне так и не удалось выяснить, связан ли этот зимний сон пяти нагов с их уходом в таинственную Поталу или нет. Жители Нагара, с которыми я беседовала чаще, чем с представителями других поселков и деревень, отвергали версию о Потале сразу и категорически. Они не могли представить себе, что наги могут покинуть Кулу даже ради таинственной и чудесной Поталы.

— Они спят здесь, — решительно заявил старый Шамграм, — и никуда не уходят. Что, у нас мало места для спанья? Наги — наши боги, и каждый рад приютить их на зиму. Зачем им уходить в эту неизвестную мне Поталу? То уходить, то приходить — нет, это занятие не для наших нагов. Нет, — мотнул головой Шамграм, и золоченая серьга блеснула в его ухе, — нашим нагам такая жизнь не подходит, нам не нужно никаких Потал.

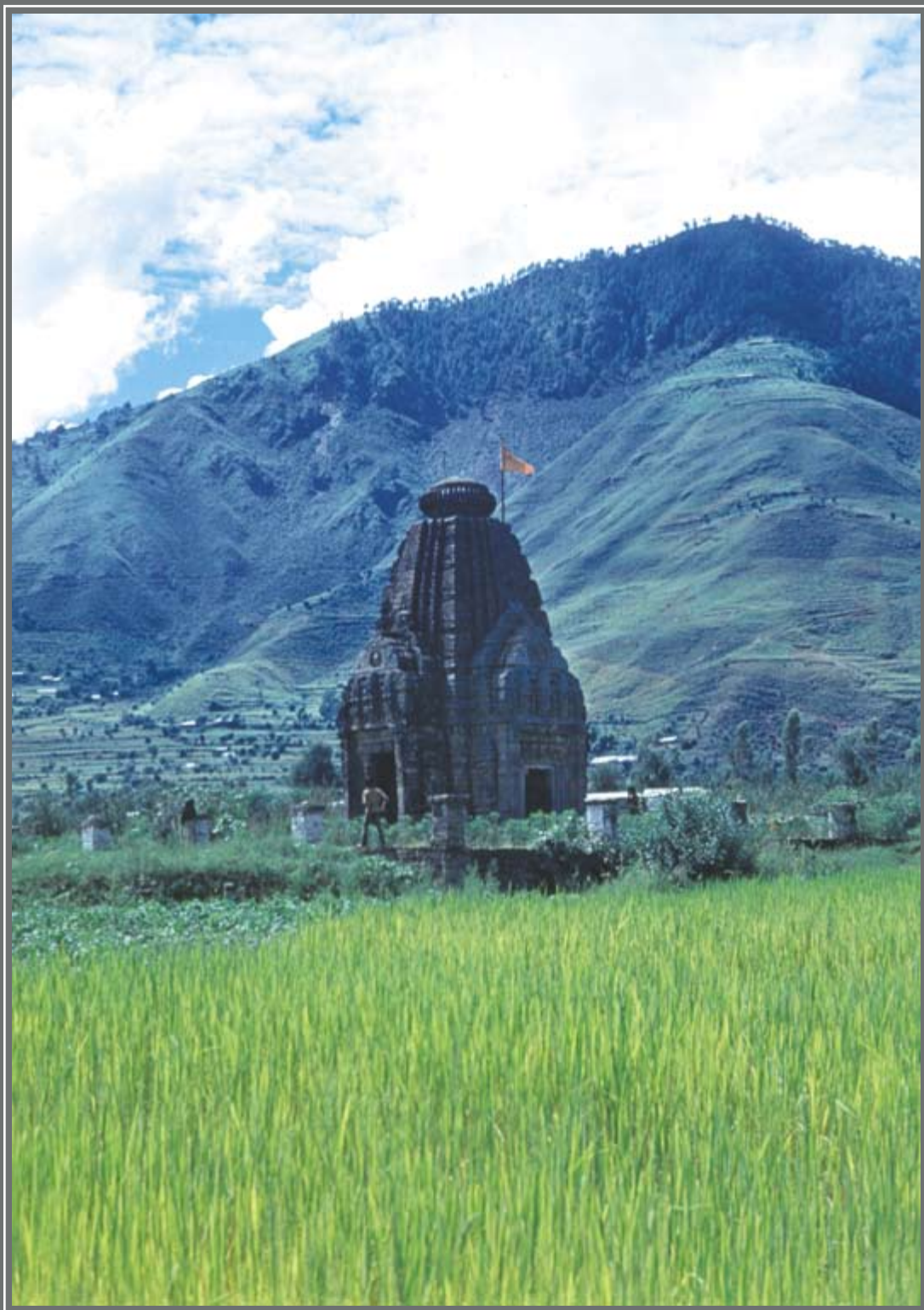
У каждой богини, у каждого нага в Кулу есть свои гуры, владеющие древним искусством прорицания. Представить себе бога долины Кулу без такого прорицателя просто невозможно. Каждый гур ревниво хранит тайны своей профессии и неохотно ими делится. Однажды я наблюдала работу гура, но не на храмовом празднике, а во дворе виллы Рерихов.

Он как-то боком вошел во двор виллы, голоногий, в коротком кафтане. Ноздри его широкого носа раздувались, как будто он принялся к чему-то незнакомому. На толстых губах застыла какая-то странная улыбка. Так же боком, загребая ногой садовый песок, он стал передвигаться от дерева к дереву. Два лохматых тибетских терьера — Тинку и Пинку, выскочив из-за угла виллы, набросились на него, подняв невообразимый лай. Он неловко и беспомощно пытался отбиться от собак, отталкивая их ногами, но не смея ударить. Наконец сдался, прижался спиной к стволу дерева, вытянул руки по швам и обреченно

Молитва перед храмом

Храм Шивы в Баджаура

застыл в такой позе. Тинку и Пинку от удивления перестали лаять и растерянно поглядывали друг на друга. Он сделал попытку оторваться от дерева, но терьеры пронзительно и непристойно заголосили.

— Что здесь происходит? — поинтересовалась я, отгоняя терьеров. Женщина, открывшая ворота виллы, сказала:

— Пророк пришел, мэм-саб. Будет предсказывать. Но это, — она пренебрежительно хмыкнула и с сочувствием посмотрела на меня, — пророк не первого класса.

— А что, пророки делятся на классы? — удивилась я.

— Ну конечно, — утвердительно кивнула женщина. — Есть экстра-класс, просто люкс. Когда люкс — пророк прорицает, он может даже подняться над землей. А этот, — она критически оглядела пришедшего гура, — не поднимется. Он какой-то второклассный.

Поначалу все складывалось очень благоприятно. Пророк экстра-класса жил в Наггаре и обслуживал богиню Трипурасундари. У него была густая борода и глаза с сумасшедшинкой. С ним мы почти договорились. Но в долине Кулу никогда не знаешь, что тебя ждет через час. Все испортила сама Трипурасундари. Сидела себе спокойно на месте целых три дня и вдруг пожелала отправиться в гости к соседу-богу. Бородатый пророк немедленно увязался за ней. Конечно, я расстроилась. Святослав Николаевич Рерих немедленно пришел мне на помощь.

— Я нашел хорошего гура, — сказал он, — и дал ему денег.

И хотя это был пророк первого класса, тем не менее, получив деньги, он немедленно отправился на ярмарку. Там и нашел его в конце дня Вишну, хранитель виллы Рерихов. По его словам, пророк первого класса вел себя весьма сомнительно. Он лежал на зеленой лужайке, на краю ярмарочной площади, и поносил нехорошими словами всех богинь, богов и духов вместе взятых. Пустой горшок из-под местного пива стоял рядом с гуром. Гур время от времени совал туда свой длинный нос и, не найдя ничего, вновь брался за небожителей, «непристойно отзываясь об их личной жизни», как сказал Вишну.

И вот теперь передо мной стоял только второклассный представитель этой древнейшей профессии. Гура звали Текрам, и он пришел из горной деревни Шорон. Обойдя виллу и сад, гур нашел веселую зеленую полянку и заявил, что прорицать он будет на ней, и нигде больше. Подняв полы шерстяного кафтана, гур извлек из набедренной повязки кусочек смолы. Смола называлась «гугаль» и была добыта из какого-то священного корня. Усевшись на поляне, Текрам поджег смолу, и синеватый пахучий дымок поплыл над полянкой. Гур вдыхал его и что-то читал нараспев. Потом я узнала, что это были заклинания в честь богини Маниша Деви, прорицателем которой и был Текрам.

Светило солнце, пели птицы, в небе прошел самолет на Чандигарх, а наш второклассный пророк все раскачивался над голубой струйкой дыма. Потом в лице его произошла какая-то перемена. Оно как будто омертвело, стало невыразительным, закрытые веки перестали вздра-

Фрагмент барельефа на храмe Шивы

гивать. Так продолжалось несколько мгновений. Внезапно тело гура сотрясла крупная дрожь. Она прошла, как волна, от плеч до острых голых коленок. Казалось, пророка бьет лихорадка. Рот раскрылся, обнажив ряд неровных желтых зубов. И снова волна дрожи. Вслед за нею полился поток каких-то бессвязных слов. Сначала я ничего не могла понять. Голос пророка то становился до пронзительности высоким, то съезжал куда-то вниз, переходя в хрипкое бормотание. Наконец я различила слова: «Бара саб, бара саб» (Большой господин). Эти слова относились, по-видимому, к Рериху. И снова: «Бара саб, бара саб, твое место охранено, твое место охранено! Препятствий не будет, препятствий не будет!» Богиня, вселившаяся в пророка, высказалась кратко, но определенно. Святослав Николаевич смотрел на гура и теребил в задумчивости седую бородку.

Гур прокричал еще что-то, но в воздух не поднялся, а остался сидеть на земле. Ну что поделаешь? Ведь Текрам был пророком только второго класса...

Пророки-гуры ходят из деревни в деревню и прорицают. Без них не обходится ни один храмовый или деревенский праздник. Без них до сих пор житель Кулу не мыслит свое существование. Если в один прекрасный день из долины исчезнут гуры, там наступят тяжелые времена. Пророки решают споры и конфликты, они советуют, когда сеять и где пасти скот, они назначают время для праздников, они предписывают, как лечить больных, они находят воров и уличают мошенников, они... да мало ли что еще. Всего не перечислить. Гурам верят, потому что их устами говорят богини, боги и многочисленные духи. Правда, гурам иногда и достаётся. Время от времени их поколачивают за неудачное прорицание. До бога добраться трудно. Зато его ближайший представитель — пророк — всегда рядом. Поэтому пророчество испокон веков было занятием небезопасным...

Но вернемся к нагам. Храмы нагов такие же древние, как и храмы матерей-богинь. Они разные и разбросаны по всей долине. Есть большие, как, например, в деревне Джари на реке Парбати, притоке Беаса. Массивный, построенный из кедра и сосны. Веранда украшена искусной резьбой, и змеи являются основным ее мотивом. При храме есть зернохранилище и даже небольшая гостиница. Над входом прикреплены рога горных козлов, принесенных в жертву нагу. Нагам до сих пор приносят в жертву коз и козлов по особым праздникам. В храме хранятся серебряные и бронзовые маски и есть маски самого Кали-нага, того, который сбежал с сестрой Нараяны. По праздникам эти маски купают в священном горном источнике. Маски нагов можно увидеть и в других храмах. В торжественные дни их выносят на паланкинах, и они, как и маски богинь, участвуют в процессиях и отправляются в гости к другим нагам и богиням.

Таких храмов, как в деревне Джари, в Кулу немного. Чаще это просто святилище, сооруженное в честь «своего» нага. На каменной

Отдых на дороге

платформе устанавливается небольшой домик с двухскатной крышей, крытой серебристым сланцем. Иногда это просто платформа, где стоят металлические изображения змей. Некоторые наги не имеют и этого. Они просто живут в священных горных озерах или поселяются в священных деодарах. Поэтому около храмов и святилищ нагов почти всегда находится такой деодар.

Покровители долины — и Гуга Чохан, и Нар Синг — имеют самые близкие отношения с нагами. И не только отношения, но и сами иногда превращаются в нагов и называются нагами.

Кроме нагов и богинь в долине есть и другие божества. Среди них особое место занимает горный бог Джамлу, чей храм стоит за перевалом Чандракани.

У известного уже нам бога Джамлу солидная и большая семья. У него есть жена — богиня Нарои, брат Гепанг, сын Джамдаггон и сестра — богиня Прини Деви. Джамлу и Нарои не всегда жили в Малане. Много веков назад они по неизвестной нам причине, уложив в корзину свое имущество, которое состояло из восемнадцати второстепенных богов и духов, отправились к перевалу «Лунная принцесса». Число богов подозрительным образом совпадало с количеством нагов, рожденных похищенной женщиной от великого нага Баски. В чем суть этого совпадения, сказать трудно. Известно только одно, что сам бог Джамлу был личностью крайне сложной и имел запутанную биографию, некоторые моменты которой неясны и до сих пор.

Джамлу и Нарои долго шли по горной тропе к перевалу. Наконец они достигли снега. Здесь, на перевале, дул холодный, пронзительный ветер. Трудно теперь сказать, кому из них пришла в голову мысль открыть драгоценную корзинку и посмотреть, как себя чувствуют аккуратно уложенные восемнадцать богов и духов. Налетевший порыв ветра внезапно подхватил упакованных богов и сдул их всех в долину Кулу. Боги неслись, несолидно кувыркаясь в воздухе, и хватались за первые попавшиеся предметы. Кто за дерево, кто за камень, кто за крышу дома, кто за вершину горы. Те же, которые не успели это сделать, шлепнулись в реки и горячие источники. Нарои и Джамлу горестно наблюдали за этой картиной. Жители Кулу быстро узнали, где приземлился тот или иной бог или дух и стали поклоняться деревьям, камням, горам и рекам. А Нарои и Джамлу благополучно миновали снежный перевал, спустились вниз и поселились в долине Малана.

...Я медленно бреду по лесу и вдруг обнаруживаю под старым кедром странное сооружение. На небольшой, сложенной из неотесанных камней платформе стоит маленький, аккуратно сделанный из планок игрушечный домик. Крыша покрыта сланцем, как в настоящих домах Кулу. Я заглядываю в домик — никого. Кто же здесь может жить? Гномы? Но, кажется, о них я ничего не слыхала...

— Ты что здесь делаешь? — раздается позади скрипучий голос.

Я оборачиваюсь и тут же замираю на месте. Передо мной, опершись сухой рукой на суковатую палку, стоит баба-яга. Седые космы волос, крючковатый нос, из беззубого провалившегося рта с двух сторон торчат желтые клыки, густые брови клочьями нависают над пронзительными глазами. На худых острых плечах висит какое-то рубище, подпоясанное веревкой.

— Ты что здесь делаешь? — снова спрашивает баба-яга.

Я закрываю и снова открываю глаза, но баба-яга не исчезает, и ее потрескавшиеся босые ноги прочно стоят на прошлогодней опавшей хвое.

— Вот, домик смотрю, — заискивающе говорю я ей.

— А... — разочарованно тянет баба-яга и, тяжело кряхтя, садится на поросший мхом пенек.

Я хочу спросить бабу-ягу, откуда она пришла или появилась. Но как бы в ответ баба-яга машет высушенной рукой:

— Майна меня зовут.

«Значит, не баба-яга, — облегченно думаю я. — Их, кажется, так не зовут».

— Да... — вздыхает старуха и смотрит на меня из-под клочковатых бровей, — когда тебе будет столько, сколько мне, ты вот так же будешь ходить с палкой.

— Возможно, — вежливо соглашаюсь я.

— Знаешь, сколько я прожила?

— Нет, — отвечаю я.

— Хе-хе-хе, — надтреснуто смеется старуха. — Целый век. Сто лет. Вот сколько, — и победно сверкает пронзительными глазами. — Только этот священный деодар, — она машет рукой в сторону дерева, под которым стоит игрушечный домик, — старше меня. Вот так.

— А сколько лет этому деодару? — осведомляюсь я.

Майна задумывается на какое-то мгновение.

— Старики говорят, что не меньше двух тысяч лет. Вот так, — снова добавляет она.

— А чей все-таки это домик? — набравшись храбрости, спрашиваю ее.

— Как чей? — Майна встает, подходит к домику и кланяется ему. — Здесь живет Батал, дух этого дерева и этого леса, — назидательно говорит она. — У каждого духа должно быть свое жилье. Вот когда проживешь столько, сколько я, не то еще узнаешь. — И снова садится на пенек.

— А сколько же у вас духов? — пристаю я к Майне.

— И-и-и, — протяжно, с присвистом тянет старуха, — чего, чего, а этого добра у нас много. Пятьсот или шестьсот. Сто лет прожила, а всех так и не запомнила: Батал, — Майна загибает крючковатый палец, — Баншира, Тхан, Маншира... А дальше не помню. Вот так. — Решительно поднимается с пенка и бесшумно исчезает между деревьями так же, как и появилась.

На горной дороге

Памятный камень для раджи

Есть духи добрые, есть злые, есть озорные. Время от времени духи Кулу устраивают сборища. Недалеко от Наггара, в расселине, стоит священный лес. В конце лета над лесом появляются летающие огоньки. Известно, что светляки тоже летают. Но это обстоятельство никого не беспокоит. Летающие огоньки — это духи, с одной стороны, а с другой стороны, это повод для очередного праздника. И поэтому жители Кулу немедленно забирают своих богов, зажигают факелы и под барабанный бой идут в священный лес. Там на ночной поляне они устраивают пир, достойный богов, духов и людей.

По ночам режутся не только духи, но и более опасные и прекрасные существа — феи или, как их называют, джоги. Лунными ночами они устраивают пляски на лесных лужайках. Через несколько дней моего житья в Кулу я поняла, что лунные ночи — самое опасное время в долине. В деодаровой роще, недалеко от виллы Рерихов, там, где растут черные ядовитые лилии, с лепестками, похожими на кожу змеи, — излюбленное место фей. Они населяют не только леса, но и горы. У них светлая кожа, зеленые глаза и рыжие волосы. Как и в любом другом месте, среди фей долины Кулу есть добрые и есть злые. Добрых от злых отличить легко. У злых ступни повернуты назад. Поэтому они ходят задом наперед.

Фей, так же как и духов, очень трудно отличить от богинь. С женским коварством одни превращаются в других. Для фей устраивают святилища, складывают о них легенды и держат в качестве родовых покровительниц и защитниц. Богини, боги, мудрые наги, феи, духи, священные рощи, деревья, источники и водоемы, горы и пещеры, жертвенные камни — все это реликвии древней Кулу, мир ее древней религии. Это то, что жители Кулу принесли с собой в современную жизнь и тем самым придали этой жизни черты удивительного своеобразия.

И каждый раз, когда я слышала легенды о лесовиках, феях и водяных, я вспоминала сказки, читанные мною в детстве. Сказки русские, английские, французские. Там были те же персонажи. Просматривая книги Рериха по вечерам на вилле, я однажды наткнулась на фразу, заинтересовавшую меня: «Много всемирных сказаний пришло от этих снежных вершин»⁴⁰. Очерк назывался «Гималаи», но там ничего не было сказано, каким образом эти сказания пришли в далекие отсюда страны.

Каждый древний храм имел свою сокровищницу. Там хранились тайные реликвии и ценности, накопленные веками. Жрецы говорили, что в сокровищницах спрятаны богатые одежды богов, жемчуг, золото и серебряные маски. В поздних индуистских храмах, где царили новые боги, таких сокровищниц не было.

Старые боги, новые боги. А между ними стоят те, которые имеют отношение к тем и другим. Они сами как боги, но особенные. Это великие мудрецы — риши и махариши. Их признают все, и им

Резба на хрме

поклоняются все. Долина наполнена легендами о них. Короткий период буддизма оставил в Кулу память о Гаутаме-риши, и храм, посвященный ему в Гошале, совсем не похож на буддийский. Австрийский ученый Вогель, побывавший в Кулу в двадцатые годы нашего века и писавший о Гаутаме-риши, с удивлением отмечал, что риши, «странно сказать, считается нагом»⁴¹. Боги, наги, риши. Где та граница, которая отделяет одних от других? Ее просто не существует. Всем им приписывается мудрость, чудесные способности и всемогущество. Риши жили в этой долине, являлись людям по их зову и помогали всегда тем, кто нуждался в их помощи. Бронзовые и серебряные маски риши несут по праздникам на паланкинах вместе с масками богинь и нагов. Места, где они проходили или жили, считаются священными. Около пещеры риши Пахари Баба построен небольшой храм. Вход в пещеру, под которой течет речной ручей, заложен камнями. Пахари Баба ушел, но его жилище остается неприкосновенным. Вокруг покинутой пещеры шумят деодары и гималайские сосны. Солнечные лучи дрожат на хвое и делают ее синей, как сами горы.

— Ушел не значит умер, — объяснил мне как-то жрец Джаядева. — Риши не умирают. Они приходят и уходят, поступая так по одним им известным причинам. Они наполняют места своего обитания благодатью, поэтому люди всегда стремятся посетить их, даже если приходится преодолевать большие расстояния.

И действительно, летом в Кулу появляются паломники из всех уголков Индии, которые по пути к священным Гималаям заходят в долину, чтобы почтить риши, живших там. Риши принадлежат не только Кулу, они принадлежат всей Индии. Но в гималайской долине о них рассказывают больше, чем в других местах страны.

Риши Виаса, чье имя связано с «Махабхаратой», риши Васишта, риши Капила, риши Гаутама, риши Пахари Баба. И в одном ряду с ними Гуга Чохан и Нар Синг. В легендах боги и риши часто представляли одно нераздельное целое. Эту особенность сразу заметил Николай Константинович Рерих. «Гур также рассказал много, — писал он, — о великих местных риши; боги в долине живут в процветании. У них много имущества и земли. Без их разрешения никто не может срубить даже дерево. Боги ходят друг к другу в гости. Многие люди видели путешествующих богов. Иногда они летают, иногда передвигаются большими скачками, опираясь на палки»⁴².

Среди жителей Кулу ходят легенды о том, что если уйти в горы и там вести какое-то время уединенную жизнь и обращаться к риши с молитвой, то кто-нибудь из них да появится. Среди риши Кулу существуют лица исторические и легендарные. Но и за легендарными опять-таки стоят реальные люди, когда-то жившие и оставившие о себе память в этой долине.

«Не в предании, но в яви жили Риши, — писал Рерих. — Их

Бродячий садху

присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество»⁴³. И еще: «К северу от Кулу поднимаются пики главного Гималайского хребта. За ними лежит дорога на Ладакх и Лахул, и главный большой гигант зовется Гуру-гури-Дхар — “Путь духовного учителя”. Эта концепция объединяет всех риши в великое целое, ведущее путь к Высотам»⁴⁴.

Николай Константинович всегда умел за легендой и мифом увидеть реальность. Великие мудрецы-риши, великие души — Махатмы, духовные учителя возникают за красочными волшебными рассказами долины Кулу. Не боги, но люди. Люди великой мудрости и этим похожие на богов в глазах обычного горца. Одного из них Рерих изобразил на своем полотне. Он написал эту картину в Кулу в 1931 году. На верху каменной лестницы, идущей среди скальных уступов, стоит человек. У него седая борода и узкие глаза. На нем длинные светлые одежды, на плечи наброшен плащ. В руках человек держит светильник. Голубоватое сияние разлито по каменистой стене, где виднеется проем высеченного входа. Картина называлась «Гуру-гури-Дхар» — «Путь духовного учителя». Изобразил ли Николай Константинович на этой необычной картине одного из риши Кулу или какого-либо другого неизвестного нам мудреца, сказать трудно. Возможно, он создал собирательный, обобщенный образ великой мудрости — той, которая с глубокой древности живет в Гималайских горах, в их долинах и пещерах. Той мудрости, которая озарила древнюю Кулуту светом своей Истины. И каждый живущий там вобрал частичку этой Истины, увидел в ней свое и по-своему о ней поведал...

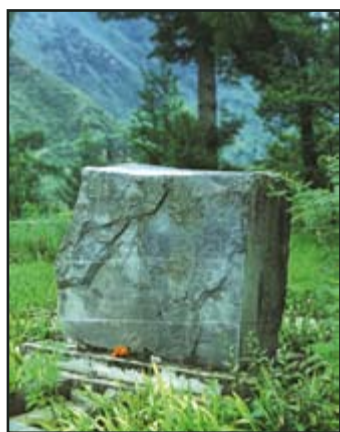
7. МАХАРИШИ РЕРИХ

Я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно — тысячи картин, и каждая из них великое произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, из которых многие отображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками возвышались над равнинами Индии и были нашими стражами. Картины его напоминают нам многое из нашей истории, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследия, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном.

Джавахарлал Неру

Я спускаюсь от виллы Рерихов по склону и вижу небольшую площадку, врезанную в этот склон. Площадка огорожена низкой камен-

ной оградой. Мощные дорожки сходятся в ее центре, там, где стоит прямоугольный серый гранитный камень. На камне на языке хинди выбита надпись. Я читаю: «Самват 30, Магх 2004 Викрам эры. Великий друг Индии Махариши Николай Рерих. Последний ритуал был исполнен здесь. Ом Рам». Рядом с этим камнем лежат другие. На них высечена буддийская молитва — «Ом мани падме хум». 15 декабря 1947 года на этой площадке было кремировано тело Махариши Рериха. Его положили на костер головой на север. Там, на севере, были видны снежные пики Великого Гималайского хребта и двуглавая вершина Гепанга — Горы «М». Так назвала эту вершину Елена Ивановна. Вокруг площадки росли гималайские кедры и сосны, а там, за снежными пиками и хребтами, на север отсюда, лежала Россия, откуда пришел Махариши. Теперь его имя встало в ряд с другими риши-мудрецами долины. Со временем в Кулу сложат о нем легенды. Таков закон творческого мышления народа. И будущий исследователь будет пытаться увидеть за этими легендами реальность.

Но пока этого не произошло и реальность остается реальностью, а великий мудрец — просто человеком, можно рассказать, как он жил здесь, в этой древней долине Гималайских гор.

Я гощу на вилле Рерихов уже вторую неделю. Живу в тех комнатах, где они жили, хожу по тем дорожкам и тропинкам, по которым они ходили, вижу то, что видели они. Дом, некогда купленный с таким трудом у раджи Манди, стоит на склоне выше поселка Наггара. Дом старинный, каменный, с высокими трубами на крыше. На второй этаж ведет деревянная лестница с вощеными ступеньками.

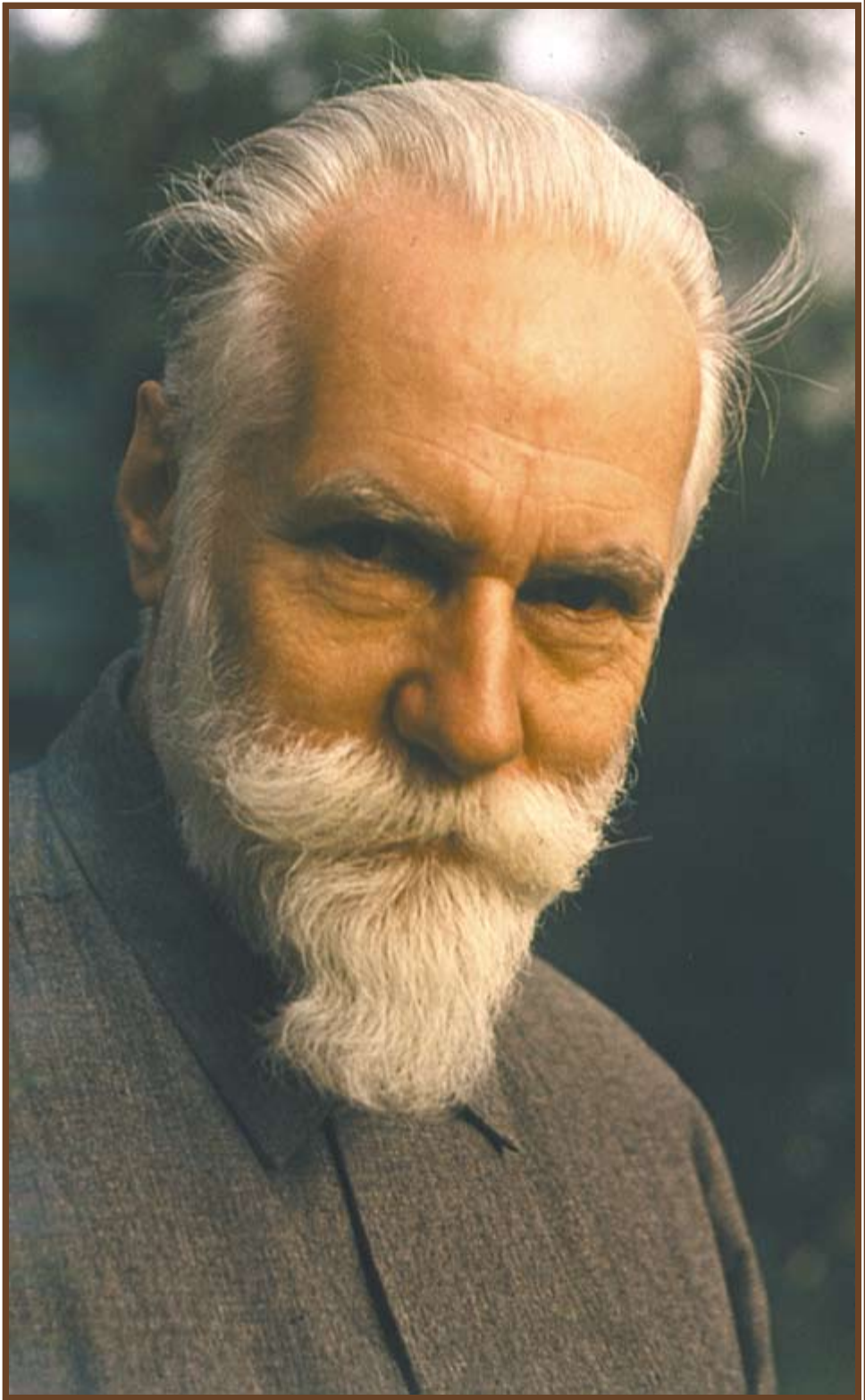
В гостиных лежат на полах ковры и тибетские бронзовые статуэтки украшают интерьер. Многое здесь оставлено так, как было при жизни Елены Ивановны и Николая Константиновича. В кабинете Елены Ивановны стоит все тот же небольшой письменный стол и из окна видны снежные вершины Гималаев. Вечерами я работаю за этим письменным столом, просматриваю журналы, которые публиковались Институтом Гималайских исследований. Внизу находится мастерская Николая Константиновича. В ее широкие окна льется свет горного солнца, по стенам висят гималайские этюды художника. Здесь он писал свои картины, здесь создавал свою знаменитую гималайскую серию. Здесь остался мольберт с недописанным полотном «Приказ Учителя». Он начал серию в 1947 году и не успел докончить.

Святослав Николаевич превратил мастерскую в своеобразный

У перевала Ротанг

Святослав Николаевич Рерих

музей Рериха, куда может прийти каждый и посмотреть гималайские этюды. Посетителей каждый день было много. Они поднимались из Наггара вверх по дороге, ведущей к вилле. В 1974 году эту дорогу называли Рерих-марг — улицей Рериха. Они останавливались у ворот виллы, спрашивали, здесь ли находится музей Рериха, а потом подолгу стояли в студии около картин, не в силах оторваться от них.

Вокруг были те же Гималаи, те же снежные вершины и пики, но там не было того, что присутствовало в картинах Махариши Рериха.

Именно это и влекло к картинам посетителей и заставляло часами простаивать около них. «Этим» был дух Великого мудреца, которым были пронизаны его этюды и картины. Я заметила, что, какой бы шумной ни была компания, она сразу умолкала, когда попадала в студию, и не позволяла себе ни громкого восклицания, ни смеха, ни резких движений. Дух Великого мудреца удерживал людей от подобных поступков, поселял в их душах торжественность и раскрывал перед ними мир знакомый и в то же время незнакомый, но всегда неизменно прекрасный. Святослав Николаевич спешил к экскурсантам, отвечал терпеливо на вопросы и рассказывал об отце и матери. Люди окружали его плотной стеной и долго не отпускали, а потом, ошеломленные, стояли во дворе и задумчиво глядели на снежные хребты.

Я не была экскурсантом и поэтому могла беседовать со Святославом Николаевичем и продолжительнее, и серьезнее.

— Мы все были очень тесно связаны, — рассказывал Святослав Николаевич, — и всегда работали вместе. Мы старались помогать друг другу, дополнять друг друга. И я должен сказать, что в Николае Константиновиче, моей матушке и Юрии Николаевиче я имел самых близких помощников, друзей, к которым я обращался со всевозможными вопросами, возникавшими в моих поисках в искусстве.

Жизнь Рерихов в Кулу была суровой, уединенной, а дни были наполнены творческим трудом.

В те далекие годы долина Кулу была не похожа на теперешнюю. Не было шоссе и автобусов, не было электричества и водопровода. В зимние месяцы, когда перевалы засыпало снегом, долина оказывалась отрезанной от внешнего мира. Но даже и летом на виллу попадали только по пешеходной тропе или на лошадях.

Ученик Рериха, болгарский художник Борис Георгиев, описывает, с каким трудом ему удалось достичь Наггара и повидать своего учителя. Впечатление, которое он вынес от встречи с Николаем Константиновичем, заслуживает внимания.

«Перед нами предстал, — писал Георгиев в 1936 году, — царственного вида древневосточный мудрец, который собирался ввести нас в свое волшебное царство. И действительно, мы почувствовали это, как только переступили порог его дома. Восторг и очарование возрастали по мере того, как мы проходили мимо необыкновенной

красоты бесчисленных художественных произведений, собранных в Тибете, Гималаях и Монголии во время экспедиции Рериха по этим странам. Это были буддийские хоругви, картины на религиозные темы, бронзовые алтари с индусскими богами, аллегорические животные и драконы, роскошные ткани и невиданные по красоте ковры из всех частей Азии. В этой сказочной атмосфере восхищение еще больше возросло, когда великий мастер показал нам свои последние творения, созданные в Западном Тибете, вдохновленные его легендами и красотой»⁴⁵.

«За долгий период времени, проведенный в доме Рерихов, — вспоминает В.А. Шибаев, — я наблюдал всего лишь степенную торжественность во всех их действиях и разговорах, а также чувство глубокого человеческого достоинства. Они всегда передавались от Николая Константиновича к его собеседникам — будь то скромный человек, ищущий решения своим житейским или духовным заботам, или знатный представитель общественности. И это создавало между беседующими какую-то особую обстановку благородства и благожелательства»⁴⁶.

Вставали Николай Константинович и Елена Ивановна рано. Он спускался в свою мастерскую, она садилась за письменный стол в своем кабинете, откуда была видна двуглавая вершина Гепанга — Гора «М». Это был годами отлаженный ритм работы, без выходных, без праздности, без ненужного времяпровождения. Дисциплина самого труда была строгой и суровой. От картин или писания за столом отрывались только для настоятельных дел и переписки. Вот несколько фрагментов из воспоминаний В.А. Шибаева, которые достаточно ярко и четко характеризуют стиль работы Николая Константиновича.

«Утром Николай Константинович всегда приходил, после завтрака наверху, вниз, в свою мастерскую или в прилегающий к ней маленький кабинет, служивший мне канцелярией. Я уже ждал его там, зная, что у него наготове не только новая статья, но обычно и несколько писем. Статью он диктовал мне прямо на машинку. Я читал небольшими отрывками уже напечатанное, он внимательно слушал и иногда добавлял или исправлял что-то, после чего диктовка продолжалась дальше. Вообще же Николай Константинович редко изменял продиктованный текст, так же как редко переписывал картины, работая над ними. Это было результатом очень четкого, логического мышления. Подобно шахматному гроссмейстеру, Рерих всегда видел на много шагов вперед.

Работать с Николаем Константиновичем было легко, радостно и очень интересно. Увлекала сама методика его мышления, которая могла бы послужить предметом особого психологического анализа.

Развивая какую-либо свою мысль или решая строго очерченную проблему, Рерих очень считался с уровнем сознания, жизненными условиями, мировоззрением тех, кому конкретно предназначались

его статьи или адресовались письма. Поэтому одна и та же проблема получала самое разнообразное освещение и множество реальных подходов к ее решению. Говорить “на языке собеседника” было одним из основных правил Рериха. Однако подчеркиваю, что при этом он никогда не отказывался от своих основных взглядов на жизнь, не поступался своими принципами, не потакал слабостям и ошибкам тех, кто обращался к нему с вопросами или с кем он имел постоянные деловые отношения. Это было настоящим большим искусством общения с людьми и привлекало к Рериху сотрудников, которые, по тем или иным причинам, считали друг друга врагами и между собой не общались»⁴⁷.

Далее Шибяев продолжает: «Думается, что период пребывания Н.К. Рериха в Наггаре был для него наиболее насыщенным и в художественном, и в литературном творчестве. Именно здесь, под сенью могучих гималайских вершин, вдали от городского шума, телефонных звонков, официальных визитов он мог всецело вникать в них»⁴⁸.

И далее: «Работал Н.К. Рерих очень усердно и планомерно. Он не был ни в чем педантом, но считал обязательным, как для себя, так и для всех своих сотрудников, точно отрегулированный трудовой ритм. Время распределялось так рационально, что не терялось напрасно ни минуты. В воскресенье и иные праздничные дни никто из Рерихов не прерывал своих повседневных занятий. За многие годы совместной жизни я никогда не видел Рериха праздным, бездействующим, рассеянным или суетливым. Самые сложные и запутанные вопросы решались согласованно, спокойно, с достоинством. Я бы сказал, даже научно, так как решения отличались не только внутренней логикой всех стоявших перед ним в данное время задач. Николай Константинович часто повторял: “Что есть большое и что есть малое?” И действительно, не проходил безучастно мимо самомалейших явлений, но и не уделял им больше внимания или времени, чем они на самом деле этого заслуживали. Думаю, что именно поэтому он и успевал везде и во всем»⁴⁹.

И не только успевал, но и сумел сделать так много, что нам порой это кажется чудом. Однако в основе чуда Махариши Рериха лежали лишь труд и строгая самодисциплина. И то и другое — к разряду чудес не относящееся. Тысячи превосходных картин, тома блестящих литературных произведений — все это труд, регулярный и ритмичный. Природа наградила Махариши большими способностями и талантом. Но реализовал он их сам в повседневном, неустанном труде. И если говорить о том пути, по которому шел Махариши, то его можно назвать только путем Труда.

Рядом с Великим мудрецом была всегда его жена. Они вместе делили этот путь Труда, но сам их Труд на этом пути разделить невозможно. Труд был един и целен. Различными были лишь формы его проявления.

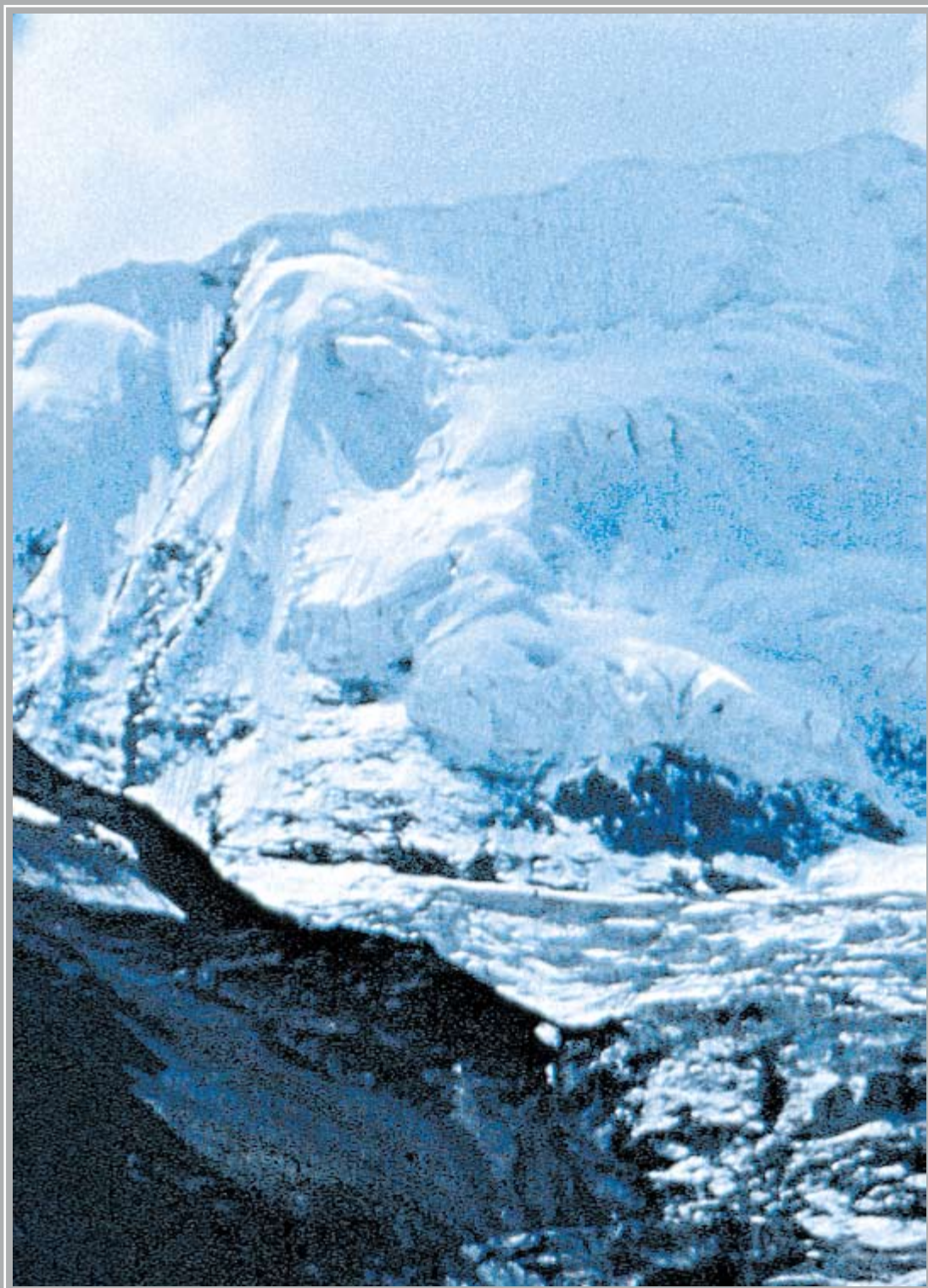

Перевал Ротанг

«О той огромной роли, которую Елена Ивановна играла в жизни, деятельности и творческих достижениях Николая Константиновича, — продолжает Шибаев, — следовало бы создать отдельную монографию, и я уверен, что со временем она будет написана. Во всех отношениях Елена Ивановна была Ведущей, как это Николай Константинович изобразил на некоторых своих полотнах. Часто, занимаясь в своем кабинете по соседству со студией художника, где он работал над новыми картинами, я видел, как он отходил на несколько шагов от мольберта, чтобы примерить расстояние, и стоял, что-то обдумывая. Затем шел наверх и возвращался с Еленой Ивановной. Они смотрели вместе на незаконченное полотно и обсуждали его. Николай Константинович глубоко ценил и принимал во внимание малейшие советы Елены Ивановны. Бывало, что она подсказывала и какую-то новую тему, за которую всегда особенно горячо принимался Николай Константинович. Нигде и никогда раньше или позже я не видел такой согласованности, взаимопонимания и единства устремлений. При этом их неустанный и напряженный труд всегда сопровождался трогательной заботой друг о друге. Сама Елена Ивановна работала целыми днями у себя в кабинете. У нее была очень большая переписка, а при отсутствии Николая Константиновича в экспедициях на ее плечи ложилась и часть его корреспонденции. Кроме того, она занималась переводами, собирала древние и современные исследования по Востоку, главным образом восточной философской мысли, и, может быть, самое важное, вела пространный дневник своих наблюдений, которому еще надлежит быть опубликованным»⁵⁰.

Закончив дневную работу, Николай Константинович и Елена Ивановна отправлялись на прогулку. Иногда они спускались к Наггару, иногда поднимались к перевалу Чандракани. Они гуляли среди деодаров и гималайских сосен, там, где стояли здания Института Гималайских исследований. Вечерами вся семья собиралась вместе. Сюда же на «огонек» заглядывали и сотрудники института.

Шибаев вспоминает об этих вечерах с особой теплотой: «Каждый вечер после ужина в центральном зале собирались Елена Ивановна, Николай Константинович, Юрий Николаевич и Святослав Николаевич, когда они не бывали в отъездах. Здесь беседовали, обсуждали планы предстоящей работы или в тишине слушали музыку. Елена Ивановна и Николай Константинович выбирали программу, а я заводил патефон и ставил пластинки, примерно три-четыре вещи в вечер. Репертуар, может быть, был и не столь обширным, но разнообразным и отличным. Вечерние часы, проведенные в тишине и полумраке слабоосвещенной комнаты ежедневно с 1929 года по 1939, остались в моей памяти несказанно возвышенными. Я всегда с трепетом ожидал наступления вечера, задушевных бесед, обычно на философские темы, глубоких раздумий под звуки музыки.

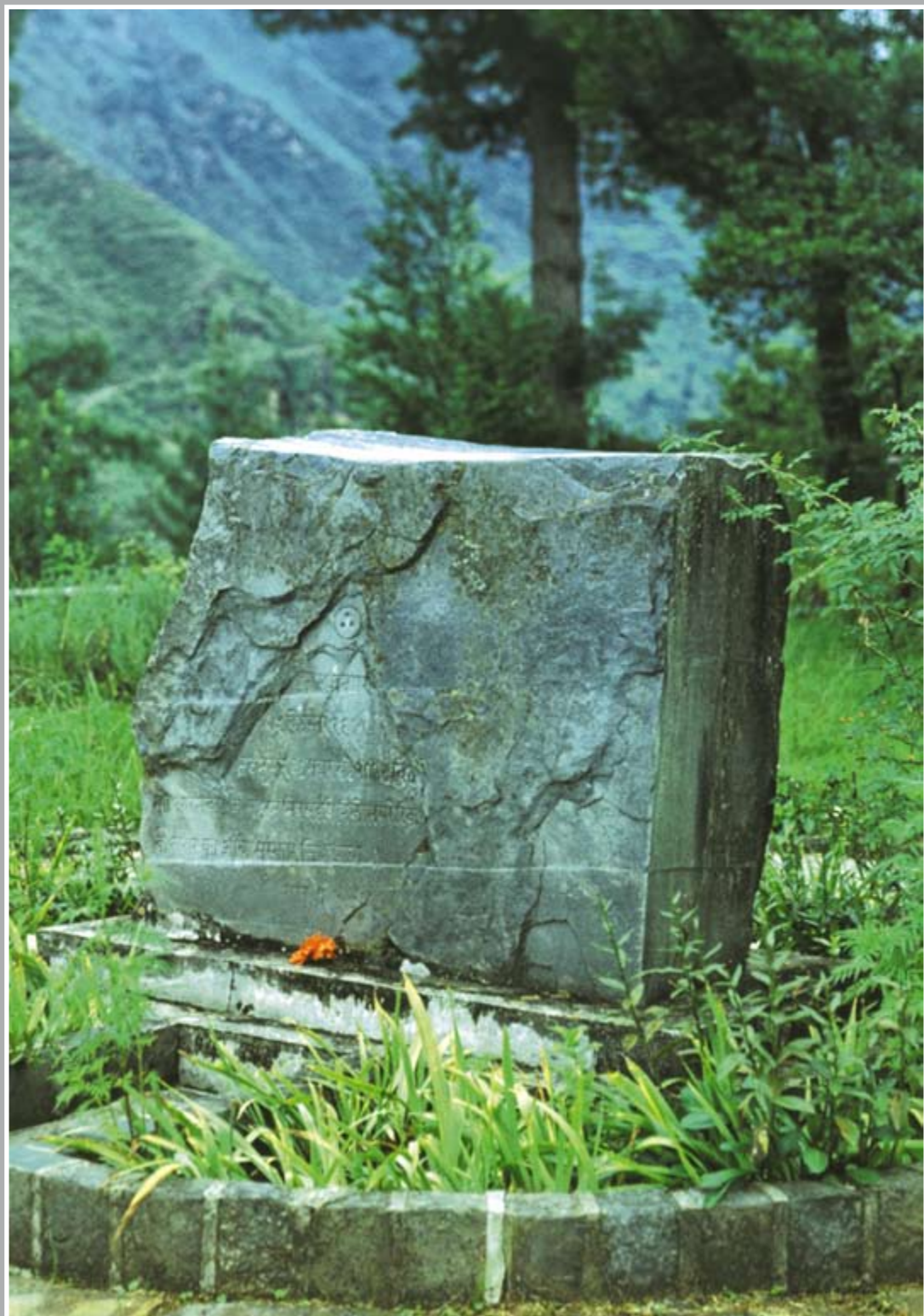

Снежные горы Кулу

Небезынтересно вспомнить, какие именно музыкальные произведения Рерихи любили больше всего. Среди наиболее часто проигрываемых: тетралогия Вагнера “Кольцо Нибелунгов” (“Золото Рейна”, “Валькирии”, “Зигфрид”, “Гибель богов”), “Мейстерзингеры”, “Лоэнгрин”, “Парсиваль”. Не менее часто ставился Скрябин — “Поэма экстаза”, “Прометей”, “Поэма огня”. Любили “Жар-птицу”, “Весну священную” и “Петрушку” Стравинского. Очень ценили “Шехерезаду”, “Садко” (песни индийского и венецианского гостей), “Золотого петушка” Римского-Корсакова, равно как и “Любовь к трем апельсинам” Прокофьева. Не уставали слушать Грига (“Пер Гюнт”), Равеля (“Болеро”), Дебюсси (“Послеполуденный отдых фавна”), Сезара Франка (Симфония) и Сибелиуса (“Финляндия”, “Туонельский лебедь”, “Куллерво”). Елена Ивановна просила ставить “Неоконченную симфонию” Шуберта. Все очень любили Мусоргского и часто проигрывали “Бориса Годунова” и “Ночь на Лысой горе”. Из Баха помнится “Бранденбургский концерт”, из Листа — его “Венгерские рапсодии”, из Бетховена — симфонии “Патетическая” и другие. Елена Ивановна прекрасно знала музыку, любила ее и сама была хорошей пианисткой. В тиши Гималайских гор по вечерам не было никаких отвлечений и занятий, поэтому музыку слушали ежедневно без пропусков, и даже когда Николай Константинович с сыновьями уезжали в экспедиции, концерты слушала одна Елена Ивановна»⁵¹.

В доме у русского Махариши был свой образ жизни. Древняя же Кулута жила своей жизнью. Но между виллой и долиной не было отчуждения. К мудрецу шли за советом и помощью. Ему несли плоды своих трудов, и по праздничным дням на Махариши надевали традиционные гирлянды из цветов. О Махариши знали по всей долине, и немало людей проходили многие километры, чтобы повидать седобородого мудреца, оказать ему дань уважения и побеседовать с ним. Но не только люди приходили в гости к Великому мудрецу. Боги долины время от времени тоже навещались на виллу. Они считали дом Махариши чем-то сродни храму, а его самого под стать им самим. Чаще всех навещала виллу богиня Трипурасундари, которая жила по соседству в Наггаре в деревянном храме с трехъярусной крышей.

«Нам сказали, — писал в одном из своих очерков Николай Константинович, — что богиня Трипурасундари выразила желание посетить нас. Триумфальная процессия богини, ее сестры Бхутанты и бога Нага прибыла. Перед нашим домом выстроился длинный ряд разноцветных знамен. Немного дальше — множество барабанов, труб и изогнутых медных рогов. Позже в прекрасно вышитых костюмах, всю дорогу танцуя с изогнутыми саблями, пришли жрецы, гуры, кадары и местные танцоры. Процессия остановилась около широкой террасы. Каждый из трех паланкинов богов был покрыт

Наггар. Место кремаџии Н.К.Рериха

серебряными и золотыми масками»⁵². Перед домом Махариши начинались танцы, которые продолжались несколько часов.

Такого уважения боги и люди не оказывали никому в долине. Давно уже нет Махариши, но те, кто проходят мимо виллы, останавливаются у ее ограды, кланяются дому, а по утрам оставляют у ее ворот яркие горные цветы.

Слава Махариши давно перешагнула границы древней Кулуты. В 1975 году, когда в Индии было введено чрезвычайное положение и страна переживала критическую ситуацию, ее премьер-министр Индира Ганди, при всей своей занятости, нашла время, чтобы дать мне интервью о Николае Константиновиче, которого хорошо знала.

«Его замечательные картины, — сказала она, — поражают богатством и тонким ощущением цвета и, прежде всего, передают таинственное величие природы Гималаев. Да и сам он, своей внешностью и натурой, казалось, в какой-то степени проникся духом великих гор. Он не был многословен, однако от него исходила сдержанная мощь, которая словно бы заполняла собой все окружающее пространство... Мы также ценим его как связующее звено между Советским Союзом и Индией»⁵³.

Да, Махариши был и связующим звеном между двумя великими странами в самый трудный период для них обеих. Одна в ту пору находилась под колониальным гнетом, а другую долгое время не признавали западные страны. Потом, когда все изменится, появится еще много звеньев, соединяющих Россию и Индию. Но звено, которое держал в своих руках в те трудные годы Великий мудрец, было, пожалуй, самым тяжелым из всех. Но он его удержал...

Облака желтой пенджабской пыли висели над долиной. Они приглушили яркое солнце и закрыли сверкающие снежные пики. День выглядел пасмурным и ненастным, никуда не хотелось идти, и я сидела на скамейке под деодаром и смотрела туда, где тек бурный Беас.

Меня раздражало это вынужденное безделье, но я ничего не могла поделать с собой. Погода явно никуда не годилась, и даже французские розы, посаженные около виллы еще Еленой Ивановной, поникли своими пышными головками. Душный ветер, шедший из раскаленной равнины Пенджаба, действовал и на них. Чьи-то шаги проскрипели по песку садовой дорожки и затихли. Я обернулась и увидела Святослава Николаевича. Он теребил седую бородку и задумчиво смотрел куда-то вдаль.

— Теперь эта пыль пройдет не сразу. Долина, как труба, всасывает ее. — И внимательно посмотрел на меня. — Давайте сходим в «Урусвати», — неожиданно предложил он.

Так назывался Институт Гималайских исследований — «Свет Утренней звезды».

Мы поднимаемся по тропинке, вьющейся по склону. Метров через пятьсот оказываемся на небольшой площадке, поросшей

ярко-зеленой травой. Здесь стоят два здания Института Гималайских исследований. На одном из них еще сохранилась вывеска.

«Урусвати» — коротко гласит надпись.

— Весь этот склон и роща, — сказал Святослав Николаевич, — принадлежат Институту. Всего двадцать акров земли, которую мой отец, Николай Константинович, отдал для этой цели. Вот в этом доме, — Святослав Николаевич показал на первый из них, — работали и жили зарубежные сотрудники Института, а в следующем размещались индийские ученые.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднелась груда камней, бывшая, очевидно, когда-то фундаментом. Там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его исследованиях.

Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм замка долго не поддавался. Наконец он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно прикрытые ставни. Когда глаза привыкли к этому сумеречному полумраку, я увидела стоявшие повсюду ящики. Они громоздились друг на друга. Ящиков было много, и толстый слой пыли покрывал их. По стенам стояли застекленные шкафы.

— Наши коллекции, — коротко бросил Святослав Николаевич.

Выяснилось, что здесь хранились коллекции, частично оставшиеся от Центрально-Азиатской экспедиции, и коллекции, собранные экспедициями самого Института. Богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находились ценная этнографическая и археологическая коллекции. Орнитологическая коллекция насчитывала около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническая коллекция полностью представляла флору долины Кулу. Геологическая содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

Мы проходим в следующее помещение, по стенам которого тянутся полки с книгами. Четыре тысячи томов — вот ее содержимое.

Кроме книг в распоряжении Святослава Николаевича находится рукописный архив Рерихов.

В одном из зданий мы обнаружили остатки оборудования биохимической лаборатории.

Книги давно уже никто не снимал с полок, лабораторным оборудованием не пользовались...

Но тем не менее все это не производило тягостного впечатления запустения и упадка. Казалось, что люди только недавно покинули эти стены, какими-то не зависящими от них обстоятельствами не-

ожиданно и внезапно оторванные от интересной работы. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лабораторий...

— Вот что такое «Урусвати» теперь. — Святослав Николаевич печально наклонил голову. — Но ведь советские ученые могут здесь работать. — И глаза его улыбнулись. — Об этом не раз говорили и мой отец и брат. Почему бы советским и индийским ученым здесь не поработать вместе? Все это, — он обвел взглядом вокруг, — может оказаться в их распоряжении. Русские начали, русские должны и продолжить...

Мы опять идем из помещения в помещение, опять подолгу стоим у ящиков с коллекциями. И я начинаю понимать, как много было сделано в Институте за короткий период его существования. Он проработал всего лишь десять лет. Вторая мировая война сделала дальнейшее его существование невозможным.

Много лет назад Николай Константинович Рерих писал: «Урусвати — Гималайский институт научных исследований начался в 1928 году под самыми хорошими знаками»⁵⁴.

Может быть, действительно эти знаки были хорошими? И возможно, наступит время, когда откроют ящики с коллекциями и шкафы с книгами, расставят по своим местам сложенное лабораторное оборудование и ныне пустые комнаты наполнятся звуками шагов и голосами. А в Институте, основанном большими русскими учеными, Рерихами, начнут работать те, для кого, собственно, все и создавалось, — русские ученые.

* * *

Я уезжала из долины Кулу ранним утром. Розовели снежные вершины Гималаев. По шоссе тек нескончаемый поток овечьих стад и мешал нашему автобусу. Пастухи гадди старались удержать овец в русле шоссе. Женщины, с коническими корзинами за спинами, шли по обочине дороги. Над сланцевыми крышами домов стояли синие дымки. И снова передо мной разворачивалась многокрасочная кинолента долины — такой древней и в то же время в чем-то уже современной.

Н.К.Рерих. Майтрейя

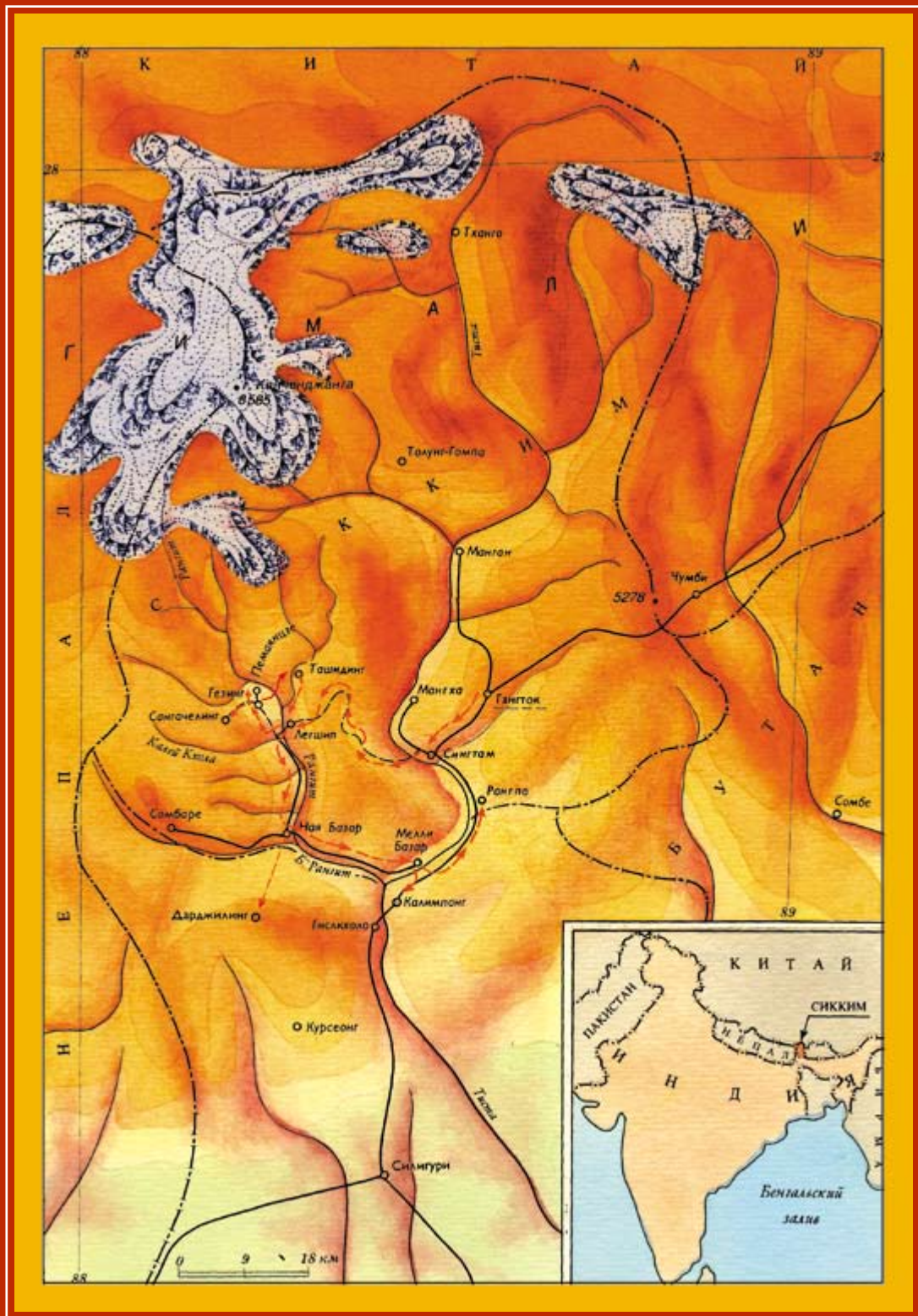

VI. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

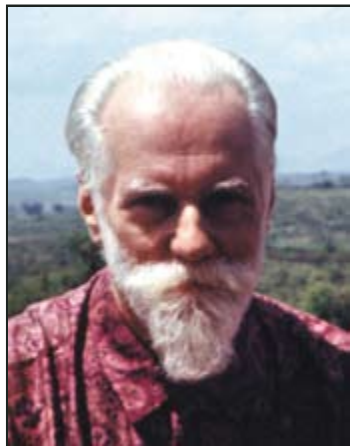
Называли Сикким страню молний. Конечно, и молнии здесь бывают, но не проще ли назвать: «Страна небесных ступеней». Лучшего преддверия к тайнам будущего трудно придумать. Неисследованная, малопроникаемая страна скал и цветов.

Н.К.Рерих. Алтай—Гималаи

Маршрут автора по Сиккиму

1. НА ПОДСТУПАХ

Она вошла в зал китайского ресторана, на какой-то момент задержала свой взгляд на цветных фонариках, свешивавшихся с деревянных потолочных балок, и решительно направилась к нашему столу.

— Мерилин... — тихо сказала Девика Рани.

— Да, Мерилин, — подтвердил Святослав Николаевич.

Я с любопытством наблюдала за ней, пока она пробиралась к нам. На женщине было темно-красное одеяние буддийского ламы, на ногах — грубые сандалии, а на грудь спускались сандаловые четки.

— Очень трудно жить в монастыре, — сказала она, подойдя к нам.

— Наверно, трудно, — согласилась Девика Рани. — Хотя я никогда и не жила в буддийском монастыре.

— Нет удобств, и еда плохая, — уточнила Мерилин, опускаясь на стул. — Но я выжила, как видите. Если бы не мой гуру, который потребовал от меня этого, я бы вряд ли согласилась жить в таком отдаленном монастыре.

— Так вы теперь лама? — спросила я.

— Конечно. После всего случившегося мне оставалось только это. — И улыбнулась печально и простодушно. — Теперь я лама. Американская лама.

Святослав Николаевич взглянул искоса на меня.

— Наш русский друг Людмила, — начал он, — собирается в Сикким.

— В Сикким? — оживилась Мерилин. — Я знаю тамошнего короля. Хотите, я напишу ему рекомендательное письмо?

— Конечно, — ответила я. — Буду вам благодарна.

Мерилин достала из сумки, сшитой из домотканого материала, листок бумаги и ручку. «Мой дорогой король!» — написала она первую фразу. Потом оторвалась от бумаги и задумалась.

— «Мой дорогой король», — повторила Девика Рани. — Это прекрасно. Это блистательно и великолепно, Мерилин. Надо так и оставить. Это звучит торжественно.

И Мерилин так и оставила. Кроме этой фразы она написала и другие, в которых сообщила, что ее русский друг направляется в Сикким и желает повидать короля. Она просила своего «дорогого короля» пойти навстречу этому желанию. Письмо, написанное в китайском ресторане города

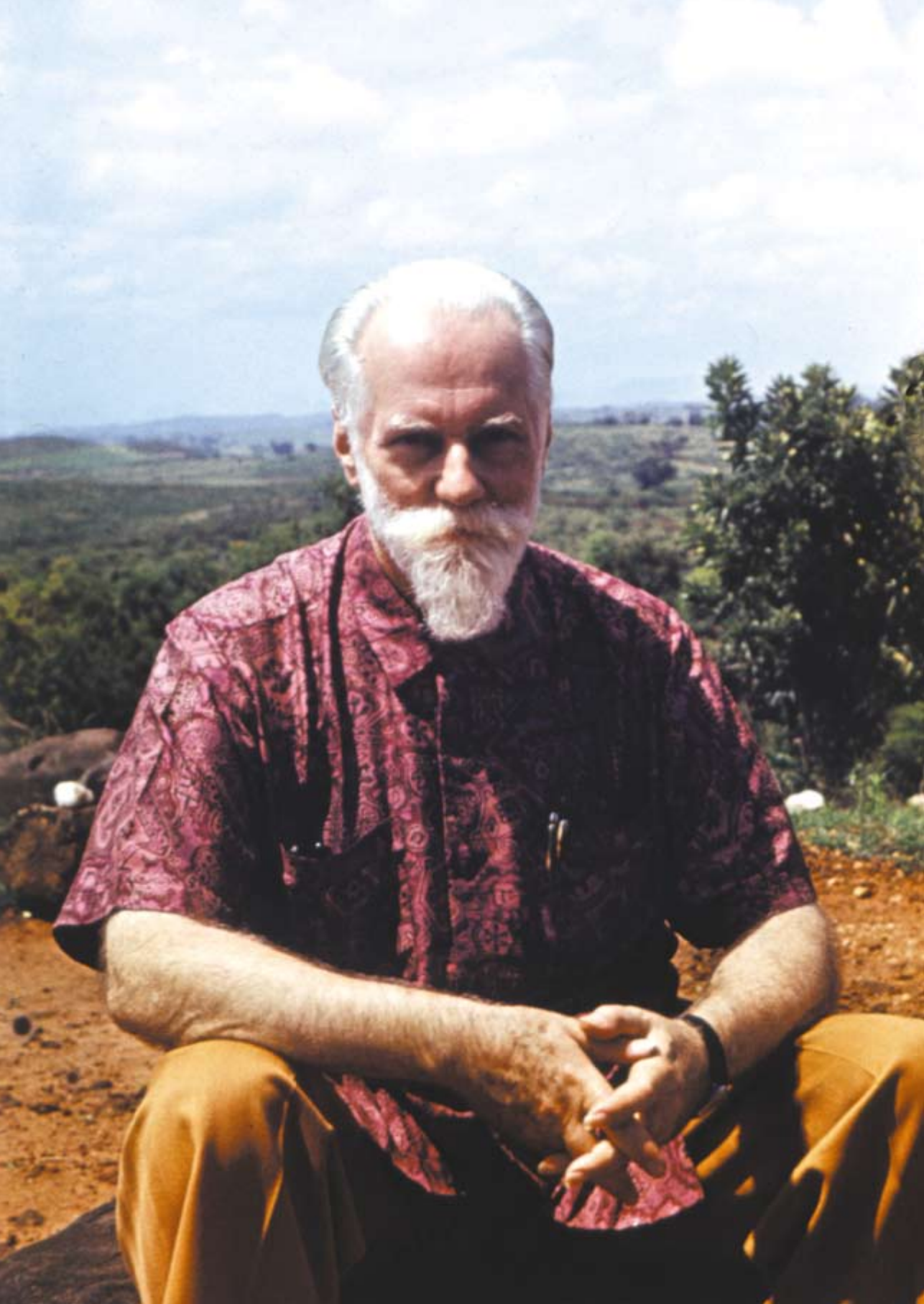
Бангалура, открыло мне дорогу в королевский дворец Сиккима.

Я приехала в Бангалур, прервав свое гималайское путешествие, чтобы повидаться со Святославом Николаевичем Рерихом и обсудить с ним кое-какие вопросы. После горной тишины и свежести горного воздуха чистый зеленый Бангалур показался мне шумным и пыльным. Мы встречались со Святославом Николаевичем каждый день, иногда в его городском офисе, а порой на загородной вилле. Там мы бродили по холмам, лежавшим за большим озером, реже — сидели в его мастерской или на веранде дома, почти скрытого цветущими деревьями. И все время говорили. Временами мне казалось, что он устаёт от моих бесконечных расспросов. Но когда я старалась закончить беседу, он удивленно-задумчиво смотрел на меня и сам настаивал на продолжении беседы.

О чем мы беседовали? О древнейших цивилизациях, бесследно исчезнувших с лица земли и оставивших только легенды и мифы. О необычном в картинах Николая Константиновича Рериха и его удивительной интуиции, переходящей нередко в пророческий дар. Мы обсуждали философские проблемы, над которыми многие годы работала Елена Ивановна Рерих, и, наконец, мы говорили о Сиккиме. Святослав Николаевич подробно и точно чертил маршрут Рерихов по этой еще незнакомой мне стране, рисовал план дома, в котором Рерихи жили в Дарджилинге, рассказывал, что из окон этого дома была видна величественная Канченджанга. Показывал, как пройти к горе, стоящей в Калимпонге, где на месте кремации Елены Ивановны возвышается белоснежная ступа. Рассказывал о доме, в котором в последние годы жила она со старшим сыном, Юрием Николаевичем. В моем представлении возникала удивительная страна, непохожая на другие, над которой господствовали снежные пики священной Канченджанги и где произошли в те далекие годы важные события, повлиявшие на всю жизнь семьи Рерихов. Там, в Сиккиме, начался первый и очень важный этап Центрально-Азиатской экспедиции, там были определены окончательно ее задачи, там, в придорожном храме, неподалеку от Дарджилинга, состоялась знаменательная встреча с Учителями, с которыми были связаны жизнь и труд всех Рерихов.

Рерихи приехали в Дарджилинг в 1923 году. Обширный горный район Дарджилинг — Калимпонг находился на территории Британской Индии и примыкал непосредственно к королевству Сикким. Когда-то все это было территорией королевства и составляло с ним единое целое. Но целостность Сиккима была нарушена хозяевами колониальной Индии. Воспользовавшись феодальной усобицей в соседнем королевстве, англичане в 1861 году отхватили завидный кусок территории Сиккима, который со временем стал центром английских чайных плантаций. Но, несмотря на это, весь этот район и исторически, и географически по-прежнему оставался Сиккимом.

Путешествие Рерихов по Сиккиму началось с Дарджилинга. Здесь достали лошадей, проводников и необходимое снаряжение. До выхода

на большой сиккимский маршрут объехали и исследовали районы на территории Британской Индии. Побывали в Сандакпу и Фалюте, откуда открывался вид на снежные хребты Гималаев Непала. Над хребтами поднимались два восьмитысячника. Снежная громада близкой Канченджанги и вершина далекого Эвереста. Канченджанга неодолимо влекла к себе Рериха-художника своей грандиозностью, великолепием играющих и меняющихся красок и своей узнаваемостью. Глядя на нее, он каждый раз вспоминал гравюру, которая когда-то висела в отцовском имении Извара под Петербургом. И он писал Канченджангу. Писал от Дарджилинга и с Тигровой горы, с плоскогорья Сандакпу и со скал Фалюта. Он продолжал рисовать ее и тогда, когда караван экспедиции вошел в королевство Сикким. Снежный хребет священной Канченджанги господствовал над королевством, и каждый ее ракурс открывал новые неизведанные красоты.

От Рангита, главной реки Сиккима, до Дарджилинга сейчас всего тринадцать километров шоссе. Но тогда этой дороги еще не существовало. Поэтому экспедиционный караван двинулся в обход через горные перевалы, глубокие каньоны и узкие долины. Его путь лежал на восток к Калимпонгу. Но, не дойдя до Калимпонга, экспедиция повернула на север и достигла широкого и бурного Рангита. Далее ее маршрут пролегал по долине этой реки и вел на северо-запад, туда, где на высоких горах, похожих на огромные сглаженные холмы, стояли старинные буддийские монастыри и храмы Сиккима: Сангачелинг, Пемаянцзе и самый священный из них — Ташидинг. За Ташидингом Рангит резко сужался, превращался в ревущий поток, который уходил к древнему Яксому, а затем, раздробившись на множество малых речек и перестав уже быть Рангитом, вел к тайным тропам священных пещер. За ними начинались снежные высоты, скованные ледниками, которые стерегли подступы к заповедной Канченджанге. Экспедиция вернулась в Дарджилинг все по той же долине Рангита. Началась подготовка к следующему этапу. Впереди были Кашмир, Ладакх и Западные Гималаи. Тогда в Бангалуре, сидя в удобном кресле в кабинете Святослава Николаевича или медленно прогуливаясь по берегу озера, я плохо представляла себе все трудности сиккимского маршрута.

Когда я вернулась в Дели, разрешения на поездку в Сикким все еще не было. Срок моей командировки истек, и надежд никаких не оставалось. Весной 1980 года в Западном Бенгале, где находились первые пункты моего путешествия, Дарджилинг и Калимпонг, резко обострилась политическая ситуация, и никто не хотел тревожить еще раз Министерство внутренних дел Индии по поводу моего разрешения. Советский посол Юлий Михайлович Воронцов, человек высокой интеллигентности, сразу понявший меня и мои проблемы и искренне помогавший в их разрешении, только развел руками.

— Ну что поделаешь? — сказал он с извиняющейся улыбкой. — Значит, не судьба. Но вы не расстраивайтесь. Когда приедете в следующий

раз, мы обязательно что-нибудь сделаем.

Следующий раз... Когда он настанет? Все так удачно складывалось. И почему именно Сикким оказался недоступен? Но делать действительно было нечего. Упаковала вещи, посидела на них, погрузившись в печальные размышления, и отправилась за билетом на Москву. Я с трудом перестраивалась с Сиккима на возвращение домой. Тревожное ощущение какой-то неудачи не покидало меня. Но постепенно мрачные и печальные мысли ушли. Что бы там ни было, а я летела домой после шестимесячной бродячей жизни, после суровой гималайской зимы, после... Да мало ли каких еще «после». Накануне отлета я проснулась в отличном настроении, ибо поняла, что мне все-таки удалось сделать немало. За многие месяцы это был мой первый беззаботный день. Правда, он продолжался всего два часа. Через два часа мне сообщили, что пришло разрешение на Сикким. Сначала я даже не поняла, что произошло, а только ощутила слабость в ногах и гул в голове. Но это быстро прошло. Утром следующего дня я улетела в Калькутту, а не в Москву. Если бы за день до этого мне сказали, что я спешно буду менять билет Дели — Москва на билет Дели — Калькутта, я бы не поверила. Но все случилось именно так. Я не стала задерживаться в Калькутте и через час после приземления уже летела в местном небольшом самолете на Багдогру. Оттуда я добралась до Силигури.

Небольшой городок Силигури лежал на окраине жаркой равнины, населенной москитами и прочими подобными им кусачими тварями. Начинался апрель, и жаркий сезон был в разгаре. Над равниной и городком дрожала раскаленная дымка, за которой не виделись, а скорее угадывались синие предгорья. За ними где-то лежал Дарджилинг, прятался Сикким и начинались снежные горы Восточных Гималаев. Я провела беспокойную ночь в небольшом отеле, который принадлежал компании «Эйр-Индия». Там все время почему-то отключалось электричество, кондиционер, гнавший прохладный воздух, переставал работать, и в комнате возникала душная жара. Рано утром в дверь комнаты постучал слуга и сообщил, что машина, которую я вчера заказала на Дарджилинг, уже прибыла и шофер пьет чай на кухне. Я вышла во двор. Там стояла выдавшая виды легковушка, а шофер, видимо, кончивший утреннее чаепитие, сидел рядом и задумчиво смотрел на ее помятый и исцарапанный кузов. Раскаленный шар яростного весеннего солнца уже поднялся над чахлой соседней рощицей, когда мы тронулись в путь. Машина, несмотря на свой внешний непрезентабельный вид, работала всю дорогу без перебоев, деловито бежала по равнине, а потом без особого труда преодолевала подъемы горного шоссе.

Вдоль равнинной дороги тянулись пальмовые рощи, деревушки с глинобитными домиками, крытыми рисовой соломой, аккуратные квадратики крестьянских полей. Мы обгоняли бычьи упряжки со скрипучими высокими колесами и идущих по дороге крестьян в разноцветных тюрбанах. Горячий ветер врывается в открытые окна авто-

мобилья, остро и терпко пахло бензином. Равнинная дорога кончилась неожиданно быстро, с двух сторон поплыли холмы, покрытые редким лесом, и разогретое шоссе поползло вверх. Горы, которые только угадывались на горизонте, стали придвигаться, и их очертания дрожали и размывались в нагретом воздухе. Потом начались гималайские терраи. Субтропические леса густой шапкой покрывали невысокие холмы. Огромные деревья, с которых свешивались лианы, плотной стеной подступали к дороге, гигантские папоротники покачивали резными, покрытыми дорожной пылью листьями. Скалистые склоны становились все круче, с них срывались бурлящие струи водопадов. Из леса на дорогу наплывал душный сырой воздух, наполненный запахами тления и ароматами диковинных цветов, покрывавших кустарники и деревья.

Дорога карабкалась неуклонно вверх, оставляя позади себя это влажное буйство лесов. Появились, как одинокие часовые, отдельные сосны, предвестники высоты. Я ожидала увидеть густые хвойные леса, но их не оказалось. По горам были разбросаны лишь небольшие сосновые рощицы, остальное же пространство было занято террасами чайных плантаций и густо застроено поселками и деревнями. Поселки тянулись вдоль дороги, переходя один в другой. За ними, выше по склонам и скалистым уступам, стояли скругленные пирамиды буддийских ступ, время от времени возникали по-китайски изогнутые желтые крыши храмов и развевались по ветру разноцветные молитвенные флаги. По каменистой обочине спешили люди. Они были небольшого роста, узкоглазые и улыбчивые, и несли какие-то грузы в длинных корзинах за спиной. Корзины поддерживались кожаными ремнями, укрепленными на лбу носильщиков.

— Лепча, — кивнул шофер в их сторону. — А может быть, непальцы или тибетцы. Тут не разберешь. Все скуластые и раскосые. Мы, бенгальцы, совсем другие.

Вокруг тянулись низкие хребты, а у горизонта в сгущенной синеве проступало нечто бесформенное и с трудом различимое. Там, видимо, и находились главные высоты Сиккима. Мы проехали небольшой городок Курсеонг, в котором находился центр Гималайского заповедника, и через некоторое время въехали в Гум, где находился известный всему Сиккиму монастырь. Он располагался чуть в стороне от дороги, и я увидела только его желтую крышу, горящую в лучах яркого горного солнца.

От Гума непрерывной чередой потянулись дома, и, когда машина вывернулась из-за очередной скалы, перед нами оказалось пространство, заполненное хребтами сглаженных, покрытых зеленью гор. Пространство это напоминало застывшее море, а в центре его, похожий на остров, возник Дарджилинг. Остров был многообразен и причудлив. Над черепичными крышами толпящихся домов возвышались изогнутые крыши буддийских храмов и строгие шпили христианских церквей. Дома были приземистые, вытянутые и чем-то напоминали солдатские

бараки.

Машина со склона нырнула прямо в город. С обеих сторон дороги, как ручьи, побежали узкие крутые улочки. Резко запахло бензином и пылью. Замелькали лавки, вывески чайных фирм и туристических агентств, потянулись городские особняки и гостиницы. Дома вырастали один над другим, поднимаясь гигантскими ступенями по каменистым склонам. Время от времени между ними появлялся скалистый обрыв или веселая зеленая лужайка. Мы въехали на рыночную площадь, запруженную лавками, грузовиками, автобусами и людьми. Над площадью поднимались клубы синего выхлопного газа и стоял неумолчный шум, который обычно бывает на рынке. За рынком открылась улица, с одной стороны которой тянулись примыкавшие впритык друг к другу дома, а с другой — возвышалась сглаженная скальная стена, на которой цвели маргаритки. После этой скалы снова начался лабиринт городских улиц, шумных, пыльных и непривлекательных. Шофер притормозил на одной из них у невзрачного приземистого дома, на котором красовалась горная вывеска «Центральный отель». Я вошла внутрь и остановилась от неожиданности. Огромный холл с деревянными панелями и высоким потолком совсем не вязался с тем домом, который я видела снаружи.

Сидевший за стойкой человек, сухощавый, с узким интеллигентным лицом, поспешил мне навстречу.

— Добро пожаловать, — приветливо улыбнулся он. — Вы удивлены? Наверху находится только наш вход. А весь отель стоит ниже и врезан в склон. — И он указал на натертую воском деревянную лестницу, которая вела куда-то вниз. — Если вы посмотрите на отель со стороны рыночной площади, то увидите большое трехэтажное здание. Это и есть наш отель. В горах всегда так строят.

К вечеру над Дарджилингом поползли тяжелые черные тучи. Они плотно обложили весь город, и последние лучи солнца так и не смогли пробиться сквозь них. На улицы и дома спустилась непроглядная тьма. Как-то сразу и неожиданно завыл ветер, загрохотал по крышам и понес в неистовой пляске все, что плохо лежало. Вместе с ветром на город обрушился ливень и забил косыми мощными струями по домам, улицам и склонам. Улицы через несколько минут превратились в бурлящие горные реки, которые, подобно водопадам, низвергались на низкие уровни города, грозя его разрушить и затопить. Шум дождя и вой ветра перекрыли все остальные звуки, и казалось, что весь мир наполнен только ими. Потом темное небо зажглось синим мертвенным светом, и огромная ветвистая молния прочертила его от горизонта до горизонта. Раздался оглушительный удар грома, поглотивший и шум дождя, и вой ветра. И снова синим светом расколосось небо, и снова загрохотало так, что сдавило уши. Ничего подобного я в своей жизни не видела и не слышала. Я вспомнила картину Рериха, которая называлась «Молния». До этого дня мне казалось, что в картине кое-что

преувеличено. Во весь размер полотна, залитого черно-синим цветом, стояло причудливо сверкающее дерево фантастической молнии.

К ночи гроза кончилась так же неожиданно, как и началась. Бушевавший над городом ветер расчистил небо, и оно стояло темно-синее и чистое, как будто вымытое дождем. Яркие звезды искрились от горизонта до горизонта. Ковш Большой Медведицы висел над ближними хребтами, а в той стороне, где должна быть Канченджанга, сверкало и переливалось созвездие Ориона...

2. ЕГО СТРАНА

Над Сиккимом и Дарджилингом клубились серо-голубые весенние туманы. Они ползли с хребта на хребет, свивались клубами и ложились на сосновые леса и альпийские луга. Луга цвели буйно и неукротимо. Они были похожи на огромные ковры, где причудливо смешивались красные маки, синие незабудки, сиреневые примулы и множество других цветов, названия которых я не знала. Жемчужный отсвет тумана ложился на них, и от этого сами цветы становились ярче и чище. В них появлялась какая-то неведомая изысканность и

утонченность, как будто они пришли из другого, неведомого мира. Их лепестки горели каким-то своим внутренним огнем и, казалось, не нуждались в солнечном освещении. Клубы тумана медленно и торжественноплыли куда-то вверх, окутывали снежные пики гор и превращали их в прозрачные причудливые видения, похожие на миражи. Эти миражи то неожиданно возникали, сверкая белизной снегов, то растворялись на глазах, исчезая за плотной пеленой серо-голубого тумана.

В той стороне, где, занимая полнеба, высились вершины священной Канченджанги, туман был особенно плотен и неистов. Его волны бушевали на всем пространстве горизонта, не давая солнечным лучам пробиться сквозь их призрачную толщу, скрывавшую сверкающие снега знаменитого восьмитысячника. Волны тумана своей необузданной и прихотливой игрой напоминали морские. И временами казалось, что в той стороне, где находилась Канченджанга, поднялось и встало на дыбы призрачное древнее море и, обрушившись на ее неприступные вершины, залило их. Волна за волной море шло на приступ горных высот, одолевало их и проливалось жемчужный свет на хребты, переграждавшие путь к священным вершинам. Жемчужный отсвет ложился на небо, на облака, плывущие по нему.

Такой же отсвет весенних туманов лежал на первой сиккимской карти-

не Рериха, которую он написал в 1924 году. Картина называлась «Жемчуг исканий» и открывала собой серию из двенадцати удивительных полотен. Она называлась «Его страна». Страна была удивительна, прекрасна и походила скорее на сказку или легенду, нежели на реальность. Люди, жившие в ней, участвовали в каких-то таинственных делах и событиях. Всадник на белой лошади покидал хижину, стоявшую в горах. «Помни!» — казалось, говорил он провожавшей его женщине. Куда он отправлялся? Где пролегал его путь и зачем он уезжал из дома? На это картина не давала ответа. Не было ответа и на другой картине, где всадник, прищипывая коня, неся мимо скал через клубы тумана к неизвестной нам, но очень важной для него цели. Человек, чье лицо было неразличимо, стоял в глубокой задумчивости на пороге пещеры. Вход в пещеру был освещен загадочным искрящимся светом, источник его был неясен. Сказочный «жар-цвет» полыхал сине-красным пламенем в ночной темноте на вершине скалы. Из пещеры, вырубленной в нагромождениях скал, выходила вереница людей, одетых в белые свободные одежды. Один из них нес старинную шкатулку, сверкавшую таинственным светом. Такая же шкатулка стояла на седле белого, бродящего без всадника коня. Женщина в свободных одеждах вела куда-то вверх мужчину, покорно следовавшего за ней. Тропа, на которую указывала «Ведущая», была крута и уходила к снежным вершинам. Под звездным ночным небом шел усталый караван, и голубым пламенем сверкала над ним планета Венера — «Звезда Матери Мира». Лама, преодолев земное тяготение, летел сквозь туман над вершинами, выступавшими из тумана, как острова в море. Монах, похожий на Будду, углубился в чтение таинственной «Книги мудрости». Рядом с ним спокойно паслись на зеленой траве олени. Над всем этим загадочным миром рериховских картин господствовала священная Канченджанга. Она розовела снегами на рассвете, сверкала ими под полуденным солнцем, плыла в жемчужном свете весенних туманов, таинственно голубела в свете полной луны. И казалось, что именно в этой горе заключалась безмолвная разгадка тайны, владевшей людьми на картинах и руководившей их поступками.

В своих очерках и экспедиционных дневниках Рерих писал о Махатмах — Великих душах, обитель которых когда-то находилась в снежных горах Сиккима, в «Его стране». «В самом Сиккиме, — отмечал художник, — находился один из ашрамов махатм. В Сиккиме махатмы проезжали на горных конях. Их физическое присутствие сообщает торжественную значимость этим местам. Конечно, сейчас ашрам перенесен из Сиккима. Конечно, сейчас махатмы оставили Сикким. Но они были здесь. И серебро вершин цепи сияет еще прекраснее...»⁵⁵

«Его страна» повествовала о легендарной и реальной жизни Великих душ. Она рассказывала об их философских идеях, об их трудах на благо человечества, о тайных путях, которые вели к ним. Один из них был Учителем Рерихов. Махатмы много знали и еще больше умели. Их советы были неоценимы. Там, в далекой Москве, рериховские рассказы о Махатмах звучали если не вымыслом, то красивой сказкой или легендой. Здесь, в Сиккиме, они превращались в реальность, вполне знакомую его

жителям. Великие души посещали монастыри Сиккима, вели беседы с его философами, знали его королей. Те рассказы, которые я услышала в Дарджилинге, были реальны и не противоречили тому, о чем спокойно и даже сухо ватно рассказывал мне Святослав Николаевич Рерих на своей вилле под Бангалуром. Помните, в экспедиционном дневнике Николая Константиновича была небольшая запись о странном ламе в портпезе, который встретился ему на пути из Гума в Дарджилинг. Это был Джул Кул, один из Махатм, который ехал на свидание с Рерихами в придорожный храм, стоявший неподалеку от монастыря Гум.

Туда я отправилась сразу же после приезда в Дарджилинг. Когда-то храм стоял чуть в стороне от дороги, около скалы, поросшей кустарником. Теперь шоссе вплотную приблизилось к нему. Он был виден сразу с дороги. Его фасадную часть венчал купол мусульманской мечети. Романские химеры скалились на углах странной продолговатой пристройки. Львы, как будто сошедшие с владимирских соборов, были высечены над капителями рубчатых колонн. Готические трилистники лепились над входом, а на стенах храма были рельефные изображения всадников, сжимающих мечи в руках. Женщина в короне, держа на руках ребенка, печально и задумчиво смотрела на дорогу. Под полустертой ветром и дождями группой людей извивался Великий змий. Гипсовые лики, таинственные и загадочные, украшали крупные каменные блоки, из которых был сложен этот странный храм. Лики были похожи на маски, но вместе с тем в них проглядывали конкретные черты тех, которые послужили моделью. Кому они принадлежали и зачем оказались здесь, на этом загадочном храме, — было неизвестно.

Рядом с храмом, почти у его задней стены, обнесенной каменной оградой, бил чистый и прозрачный родник. Он напомнил мне кашмирский источник-наг, святилище, которое воздвигли в честь Великих нагов. Когда я вошла внутрь, то удивилась не меньше. В глубокой нише храмового зальчика с одной стороны стоял Будда, а с другой — индуистский бог Кришна, пляшущий на Кали-наге. Казалось, в этом храме смешалось все. Древнейшие культы соседствовали с поздними: наги и великая богиня-мать, индуистские боги и Будда, христианство и ислам. Но все они не противоречили друг другу и составляли то странное, но целостное единство, которое свидетельствовало о сложном процессе преемственности во Времени, сближавшее между собой самые отдаленные пространства. Я прошла по каменному полу храма, который, казалось, хранил следы тех, кто пришел сюда в том далеком, но знаменательном году.

Храм построил в 1905 году состоятельный непалец, живший в Дарджилинге. На этом можно было бы и кончить, если бы не рассказ, похожий на легенду, который воскресил в моей памяти одну из картин Рериха из серии «Его страна». Картина называлась «Спешащий».

Сквозь синий туман, над которым поднимались розовые предрасветные снега Канченджанги, скакал всадник. Он несся мимо темных

скал, преодолевая крутые горные тропы. Его не совсем четкая фигура, пригнувшаяся к луке седла, свидетельствовала о напряженной целеустремленности. Откуда он прискакал и куда спешил? С какой вестью? Такой же всадник появился на рассвете у порога дома того непальца, который построил храм. Приехавший молча поклонился хозяину и протянул ему письмо. Тот пригласил его в дом, но всадник отказался. И хотя лошадь, тяжело поведившая боками, была уставшей, всадник легко вскочил в седло и через несколько мгновений исчез в утреннем тумане, наползавшем на Дарджилинг со стороны Канченджанги. Хозяин вскрыл письмо и несколько дней находился в глубокой задумчивости. Через месяц он нанял архитектора, который представил ему проект странного здания. Непалец сверился с письмом и остался доволен проектом. Вскоре рабочие уже долбили кирками скальную породу неподалеку от монастыря Гум. Там, под отвесной скалой в зарослях, было место, скрытое от посторонних глаз и расположенное на значительном удалении от дороги. Строившие этот странный храм, конечно, не знали, что несколько десятилетий спустя здесь вырубят сосны, а асфальтированная лента шоссе подойдет вплотную к храму. Я несколько раз обошла его. На каменной ограде главного святилища виднелись загадочные знаки. Они напоминали странную шифрограмму, смысл которой еще предстояло разгадать...

Со стороны дороги раздалось постукивание палки. Я обернулась и увидела согнутого старика со слезящимися глазами. Некое подобие плаща из домотканого материала прикрывало его высохшее тело. Искривленные ноги в грубых сандалиях ступали слабо и неуверенно. Старик остановился перед храмом, но не вошел внутрь, а стал кланяться ему, стоя на обочине дороги. Время от времени он поднимал голову и пристально смотрел на каменные лики.

— Кто это? — спросила я.

— Ты что-то спросила? — повернулся он ко мне.

— Да, — подтвердила я. — Кто изображен там, на храме?

Старик посмотрел на меня слезящимися глазами и пожевал беззубым ртом.

— Ты все равно их не знаешь, — махнул он высохшей рукой.

— Если объяснишь, буду знать, — настаивала я.

Старик тихо и надтреснуто рассмеялся.

— Не всякое объяснение приносит знание. Но если ты хочешь, я скажу, а дальше твое дело. Они — риши, — чуть слышно сказал он. — Но если ты спросишь, кто такие риши, я все равно тебе не смогу объяснить. Спроси кого-нибудь другого.

— Я знаю, риши — это мудрецы.

— Мудрец мудрецу рознь. Мудрецы тоже бывают всякие.

— Ну, а эти? — поинтересовалась я.

— Эти очень большие мудрецы.

— Ты встречал их?

Фигура у входа в монастырь Гум

Монастырь Гум (справа)

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

Старик снова надтреснуто рассмеялся, повернулся ко мне спиной и поплелся, постукивая палкой, вдоль дороги.

Мимо храма несся поток машин, автобусов и грузовиков. Пыльное облако, пахнущее парами бензина, стояло над шоссе. Пыль оседала на рубчатых колоннах храма, на владимирских львах, на романских химерах, на ликах загадочных мудрецов-риши...

Я пересекла дорогу и попала в лабиринт узких улочек поселка Гум. На его окраине, на зеленом холме, стоял знаменитый старинный монастырь Сиккима. Его небольшое двухэтажное здание под ярко-желтой крышей напоминало весело раскрашенную игрушку. Желто-зеленые драконы парили среди облаков на фасаде храма. Красным цветом горела входная дверь, изящные переплеты окон были легки и невесомы.

Над самой дверью, по деревянным балкам, вились диковинные цветы и травы. Ярко раскрашенные резные колонки поддерживали балки. С углов крыши смотрели зеленые гипсовые львы. Двор перед храмом был чисто выметен, чуть поодаль стояли аккуратные домики, где жили ламы. Но ни во дворе, ни у самого храма никого не было.

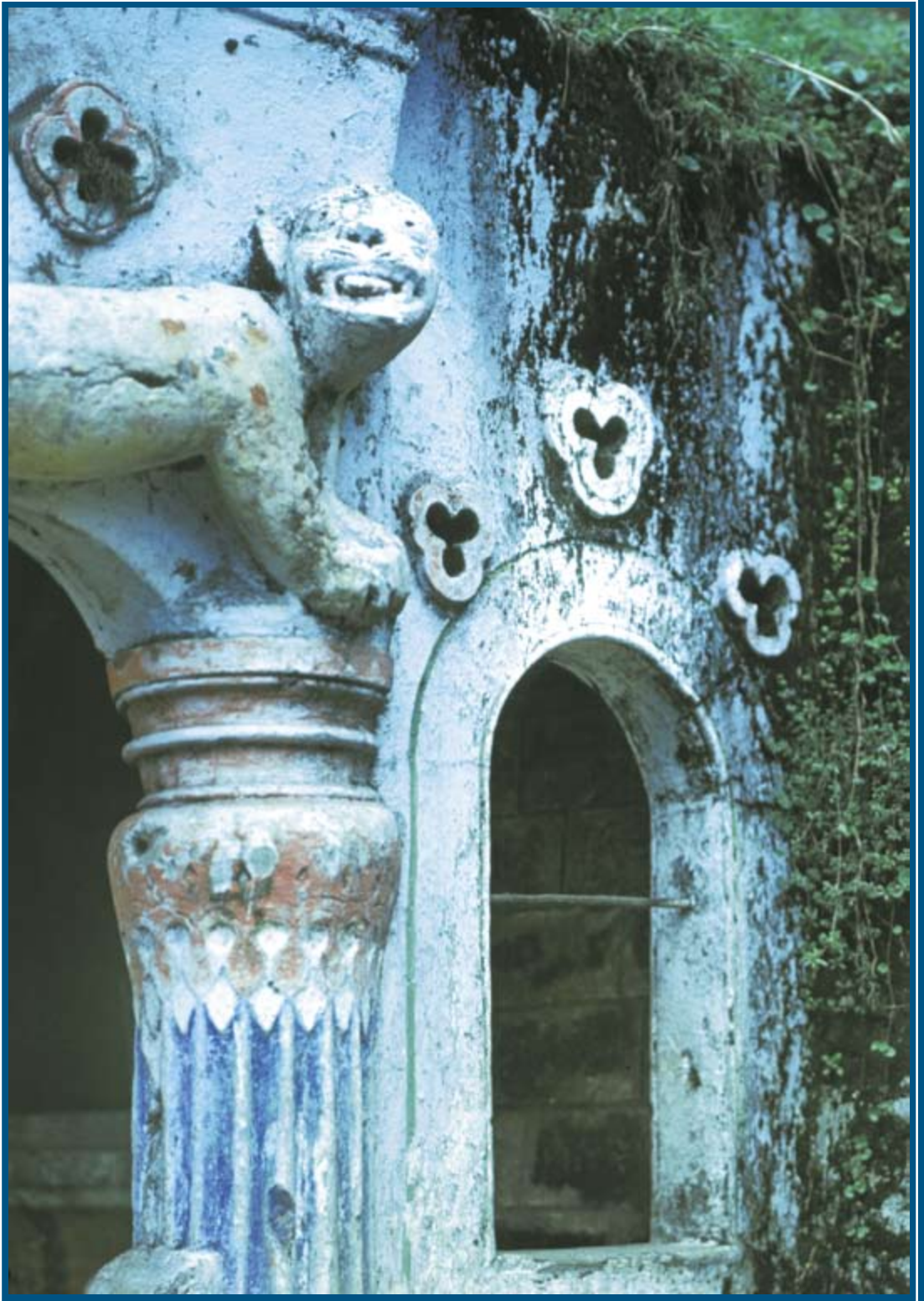
Я толкнула красную дверь и вошла внутрь. В полумраке зала перед расписными полками с книгами и рукописями горело множество светильников, выстроенных перед расписными полками с книгами и рукописями. Несколько таких же светильников освещали алтарь, в центре которого возвышалась огромная статуя Майтрейи. Он сидел на троне, его босые ноги твердо упирались в помост. У него были голубые глаза, динамичное и живое лицо. На гладком высоком лбу, там, где должен быть третий глаз, сверкал совершенными гранями большой бриллиант. Пламя светильников отражалось в нем, и от этого бриллиант, казалось, жил — то вспыхивал, то затухал, как будто в его горячей глубине происходило какое-то таинственное и неуловимое движение. Колкие лучики драгоценного камня скользили по золоченому лицу будущего Будды, и оно неуловимо и странно менялось, как будто пыталось ожить, но почему-то не могло. Крупные камни синей бирюзы и розовых кораллов мерцали в короне Майтрейи, уходившей в сумрак потолочных балок. У его ног в ярком пламени горели, но не сгорали три символических круга Сокровища мира. Те самые, которые я видела на ограде алтаря храма Встречи и на рериховском Знамени Мира.

Статуя тысячерукого Ченрези стояла в отдельном застекленном шкафу около стены, расписанной фигурами тантрических божеств со страшными ликами-масками. А над ними восседал на троне белолицый Владыка Шамбалы. Красноватый зловецкий свет лился из старинного окна на противоположной стороне стены, и когда я подошла к нему, то увидела за стеклом страшный синий лик, увенчанный короной из черепов. Казалось, что древний бог смотрит из багровой дали закатившихся времен на Будду, на Майтрейю и на Владыку Шамбалы. Я присмотрелась к маске и узнала в ней Палден-Лхамо, хранителя монастыря Гум. И мне показалось, что именно эта синяя маска является каким-то необходимым звеном, соединяющим древние тантрические божества с Майтрейей, что она знаменует собой связь времен, идущих непрерывной чередой от багрового заката древности к монастырю, который стоял неподалеку от современного шоссе. И снова у меня возникло ощущение, что я нахожусь не в храме, а в каком-то странном музее, экспонаты которого свидетельствовали о таинственных явлениях глубокой древности, говорили неизвестным мне языком и формами о Космосе, Земле, богах и человеке. Я толкнула тяжелую дверь, вышла из храма, и на мгновение яркий солнечный свет ослепил меня.

— Ты что делала в храме? — подозрительно уставившись на меня, спросил лама и поправил на плече сползавшую красную тогу.

Я объяснила.

Храм Встречи

Фрагмент храма Встречи (справа)

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

— Это хорошо, что ты интересуешься нашим монастырем, — по добрев, сказал лама. — Туристы из Европы сюда заходят редко.

Мы сели с ламой на бревно, которое лежало неподалеку от домиков-келий, и разговорились. Я узнала, что монастырь построили не так давно, в 1850 году, что он принадлежит Желтой секте и что его обустройство было сделано согласно советам Великого астролога. Астролог очень много знал, по звездам предсказывал судьбу любого человека, и его пророчества всегда исполнялись. Великий мудрец обучил его Калачакре.

— А где же Великий мудрец? — осторожно спросила я ламу.

— Далеко в горах, — ответил он. — Туда ведет тайная тропа, и не все ламы ее знают. Только самым высоким известна она.

— И много таких мудрецов в горах? — поинтересовалась я.

— Много, мало... — проворчал лама. — Какое это имеет значение? Главное, что они есть. Говорят, что мудрецы были и здесь. Один из них указал, как рисовать Владыку Шамбалы. Видела на стене? И место, на котором стоит наш монастырь, — священное место. Так сказал тогда Великий астролог, когда указал его для постройки.

— А кто же все-таки этот Великий астролог?

— Как?! — воскликнул лама. — Ты не знаешь, кто такой Великий астролог? О нем же все знают, — возмущенно добавил лама. — Ну ладно, — успокоился он. — Всякое бывает. Одни знают, другие не знают. Так вот, Великого астролога звали Шарап Гьятшо. Он был родом из Монголии, а в Сикким пришел из Тибета. Но толком никто не знает, откуда именно. Он тогда и место указал, и сказал, как строить храм, и он же велел воздвигнуть в центре алтаря статую Майтрейи, будущего Будды, который спасет все народы и сделает их счастливыми.

Если по узким улочкам и проходам подниматься все время вверх, дорога обязательно приведет к самому высокому месту в Дарджилинге. Место это называется Гора Обозрения. Здесь расположена небольшая площадь, одна сторона которой застроена домами под черепичными крышами, а другая неожиданно обрывается вниз. Отсюда открывается вид на широкую горную долину. По утрам ее затягивают клубы жемчужного тумана, а днем она тонет в синей дымке, пронизанной солнечными лучами. От площади-пяточка, мимо скалистой горы, откуда временами доносится мелодичный звон храмовых колокольчиков, идет асфальтированная дорожка. Она выходит на северный склон Горы Обозрения, откуда открывается величественная панорама снегов Канченджанги. Правда, весной Канченджангу увидеть нелегко. Обычно в это время года священная гора затянута пеленой клубящегося тумана.

На «пяточке» идет своя жизнь, непохожая на жизнь индийского города. По утрам по асфальтовой дорожке бегают молодые люди в шортах. Они дышат свежим горным воздухом и запасаются бодростью на весь день. После бегунов появляются тибетцы с низкорослыми горными лошадками. На этих лошадках катаются все желающие. Седоки есть умелые и неумелые. Последних, естественно, больше. Время от времени приходят красочно разодетые бродячие садху, буддийские ламы в темно-красных тогах, храмовые жрецы — длиннородые и длинноволосые. Садху распевают древние гимны, ламы, молчаливые и отрешенные, перебирают четки, жрецы бормочут мантры.

По вечерам, когда дневная суэта затихала и на долину, лежащую внизу, опускались сиреневые сумерки, приходили странные люди, как будто вышедшие из недавнего, но уже ставшего прошлым времени. Мужчины были в твердых шляпах образца начала века, с моноклями в одном глазу и стеками в высохших ладонях. Женщины, такие же высохшие и прямые,

как и их мужья, шуршали длинными платьями. Потряхивая седыми буклями, они вели на поводках раскормленных болонок и шли сквозь вечернюю толпу гуляющих отчужденно и замкнуто. Они были забытыми осколками некогда могущественной Британской империи и несли еще в своих одряхлевших телах сознание этого могущества.

Каждый день откуда-то снизу раздавался бой барабана, а вслед за ним слышалось протяжное пение. На площади появлялся молодой узкоглазый человек. Поверх его белоснежной шелковой рубахи была накинута оранжевая тога буддийского ламы. В одной руке он держал барабан на длинной ручке, в другой — изогнутую палочку. Он бил палочкой по барабану, и тот издавал тревожный вибрирующий звук. Через каждые несколько шагов он останавливался, кланялся с какой-то мягкой грацией и улыбался приветливо и зовуще, как будто приглашал к разговору.

— Вас не тревожат эти звуки? — спросил однажды меня мой дарджилингский знакомый Таши.

— Конечно, — ответила я, — и давно. О чем он поет?

— Он японец и поет о Хиросиме и ее Великом огне, — сказал Таши. — О теньях людей, оставленных этим огнем. У каждого человека в этом мире свой долг. У него долг напоминания. Говорят, что он пришел откуда-то с гор.

— Но ведь люди не понимают его языка.

— Это неважно, — задумчиво сказал Таши. — Песня доходит до их сердец, и Великий огонь Хиросимы начинает тревожить их. Они понимают, что в мире неспокойно. У звука великая сила. Он порождает образы.

Я села на скамейку и стала смотреть на туман, клубящийся там, где должна быть Канченджанга. И еще долго до моего слуха доносился трагический звук барабана.

Японец появлялся на «пяточке» регулярно, на рассвете и на закате. Те, кто были на площади, казалось, ждали его. При виде его люди смолкали и следили за ним взглядом, пока монах совершал свой путь напоминания. И только те, в твердых шляпах и с моноклями, высокомерно не поворачивались в его сторону и не проявляли к нему никакого интереса. Песня Великого огня Хиросимы не тревожила их...

Туманным утром я поднялась на скалистую гору, возвышавшуюся над площадкой. Ключья тумана плыли меж стволов сосен, на тонких нитях покачивались флаги. По флагам скакал белый конь, неся на седле Сокровище мира — Чинтамани. Он скакал откуда-то из тумана, где скрывалась священная Канченджанга. Где-то бил барабан и время от времени хрипло вскрикивали медные трубы. Серебряный мелодичный звон невидимых колокольчиков то приближался, то удалялся, как будто плыл вместе с туманом. Где-то шла храмовая служба. На западном склоне горы стояли древние святилища. Здесь был свой особый мир, где жрецы напоминали отшельников, а отшельники ходили на жрецов. Их уединенные хижины стояли среди сосен и скал, куда не долетал городской шум и не проникали бензиновые пары. Чуть

ниже по склону я обнаружила пещеру, в глубине которой светился неяркий колеблющийся огонек. Я пошла на него и вскоре наткнулась на жреца-отшельника. Он был доброжелателен, смешлив и лукав, разрешил мне осмотреть пещеру и сказал, что пещера существует с тех пор, как появились Канченджанга и великие Гималаи, и что в ней много веков назад жил великий, не чета ему, мудрец. От мудреца и тех далеких времен осталась лишь реликвия, которую все обитавшие здесь отшельники передавали друг другу. Эта реликвия — самое священное на всей горе и во всей округе. Я попросила показать реликвию, но жрец искося посмотрел на меня и ничего не ответил. В глубине пещеры непроходимым чернел ход, и я направилась к нему.

— Эй, не заблудись! — крикнул вдогонку обитатель пещеры. — Ход очень длинный. Никто не знает, куда он ведет.

Ход был просторный и прямой. Я шла по нему до тех пор, пока свет, проникавший в пещеру, не стал мутнеть, уменьшаться и почти исчезать. Меня обступила непроглядная тьма, а оттуда, где продолжался ход, потянуло ледяным, застоявшимся воздухом. Я пошла обратно. Отшельник, поджав ноги, сидел у масляного светильника перед потемневшей бронзовой чашей.

— Вот, — кивнул он на чашу, — реликвия Великого мудреца.

Я протянула руку и взяла чашу. На ее доннышке я различила три круга. Один сверху и два внизу. Щелкнула пальцем по доннышке, старинная бронза зазвучала тонко и мелодично. И в этот момент откуда-то снизу донесся низкий, вибрирующий звук барабана, певший о Великом огне Хиросимы. В короткое мгновение звуки, тот и другой, слились воедино, как будто здесь и там прозвучала одна и та же мелодия. И мне показалось, что время, далекое и близкое, пело на одной и той же ноте среди берез и сосен, меж которых со стороны Канченджанги бежал легендарный конь с Сокровищем мира на седле...

Там, где стояла священная гора, по-прежнему клубился жемчужно-синий туман. Но через мгновение что-то изменилось в этом призрачном море туманов. Казалось, его волны ускорили свой бег, стали расти, налетать друг на друга, как будто там неожиданно разыгрался жестокий шторм, крушивший все на своем пути. Клубы тумана то сгущались и становились синими, то слабели, меркли, и ветер рвал их в клочья и разбрасывал по небу. И там, среди этих мятущихся волн тумана и синих клубов, стало совершаться какое-то таинственное, невидимое глазу волшебство. Из этого беспорядочного движения странно и фантастически проявлялся мираж с резкими, непохожими на волны очертаниями. Мираж наливался светом, рос, непостижимым образом вбирая в себя небо, в котором происходила таинственная неуловимая работа каких-то запредельных сил. Наконец они, бросив на борьбу все свои резервы, остановили беспорядочное движение тумана, и тогда в небе, захватывая его большую часть, легко и невесомо встал снежный хребет Канченджанги, увенчанный сверкающими пиками. И все, что

находилось поблизости от священной горы — предгорья, долины, дома и люди, — уменьшилось в размерах, потеряло значимость, утратило постоянство. И только сияющий снежный пик Канченджанги стоял над долиной как незыблемость и как вечность, через которую медленно, но неотвратимо текли миллионы лет, превращаясь в синеву тумана и золото солнечных лучей...

Священная гора во всей красе была видна из окна дома, в котором жили Рерихи в Дарджилинге. Дом назывался «Талай-Пхо-Бранг» и стоял на склоне Березовой горы. Его, как явствует из экспедиционного дневника, они нашли сами. Что их повело к этому месту? Канченджанга, возвышавшаяся к северу от Дарджилинга над долиной, лежавшей внизу? Название горы «Березовая», напомилавшее родные места? Или церковь Святого Андрея, где на кафедре были вырезаны три круга, заключенные в один большой, а на боковом витраже свинцовыми линиями по разноцветному стеклу был прочерчен рыцарь, опирающийся на тяжелый меч? Или все вместе взятое? Такие вехи Рерих называл знаками. В знаках не было ничего необычного. Их никто не расставлял специально. Их складывало время. Рерих умел увязывать знаки и время.

Я искала «Талай-Пхо-Бранг» не по знакам. У меня был точный план, набросанный рукой Святослава Николаевича Рериха еще в Бангалуре. Самого дома уже не существовало. Он был до основания разрушен в 1934 году страшным землетрясением, потрясшим Восточные Гималаи.

От Горы Обозрения по дороге, ведущей, казалось, прямо к Канченджанге, я отправилась куда-то вдаль. Вскоре на моем пути встала Березовая гора, поросшая соснами и редкими березами. Ее отвесные скальные склоны, спускавшиеся к дороге, были покрыты нежным цветением полевых маргариток, а по обочине самой дороги синели васильки. Обычные васильки, которых так много в русских полях. Яркие лучи горного солнца пронизывали их лепестки, и казалось, что вдоль дороги вспыхивали и меркли синие огоньки. Знакомо пахло разогретой хвоей, и временами у меня возникало ощущение, что я иду по подмосковному лесу... Но это ощущение исчезало, когда я видела окрестные горы и вздыбленное море тумана в той стороне, где стояла Канченджанга. Время от времени появлялись дома под черепичными крышами. Они то подходили к дороге, то прятались в сосновых рощах.

Я, наверное, прошла километра два, когда увидела склон, повернутый к морю туманов Канченджанги. Склон находился чуть ниже старого губернаторского дома и назывался Хилл Сайд — Горная сторона. Оступаясь и скользя по опавшей сухой хвое, я прошла вдоль него, пока не обнаружила следы большой площадки, врезанной в склон. На ее краю лежала груда щебня, заросшая травой и местами покрытая мхом. Вокруг были разбросаны какие-то оштукатуренные осколки. Это было все, что когда-то являлось «Талай-Пхо-Брангом». Не сохранилось даже

очертания фундамента. Все исчезло, и осталась только память на кусочке бумаги, где рукой Святослава Николаевича Рериха было написано: «Талай-Пхо-Бранг». Из моря туманов неожиданно стали выплывать сверкающие снежные пики Канченджанги. Здесь, на этом склоне, она казалась придвинутой ближе, и я различила голубые призрачные тени, лежавшие на ее снегах. Город остался где-то позади, лежавшая внизу долина не просматривалась, и казалось, что этот склон, на котором стоял некогда дом Рерихов, и снежный гигант, выплывающий в тишине, ничто теперь не разделяет, даже расстояние. Здесь, в этом уже не существовавшем доме, великий художник писал свою удивительную сиккимскую серию «Его страна», над которой твердо и незыблемо стояли прекрасные и сверкающие снега священной Канченджанги...

3. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЧОМА ДЕ КЕРЕША

Учения, принесенные из Шамбалы, попадают и в трудах ученых Европы. На кладбище Дарджилинга погребен загадочный человек. Венгерец родом. Живший в начале XIX столетия.

Пешком он прошел из Венгрии в Тибет и оставался много лет в неизвестных монастырях. В тридцатых годах прошлого века Чома де Кереш скончался. В трудах своих он указывает учение из Шамбалы, установившее следующую за Буддой иерархию. Пришел этот ученый из Венгрии — характерно. Загадочна его деятельность...

Н.К.Рерих

Третий день в горах бушевала метель. Морозный, обжигающий ветер, как безумный, метался по монастырскому двору и швырял заряды сухого колючего снега в массивные каменные стены монастырских построек. Временами казалось, что эти стены раскачиваются, жалобно стонут и вот-вот рухнут под неистовым напором ветра и снега. Неяркое зимнее солнце было не в состоянии пробить белую тьму разбушевавшейся метели, и на монастырь изливался странный свет поздних сумерек. Снег намел сугробы на лестницы переходов и плотно засыпал двери келий. Он прислушался к вою ветра за стеной и поднес ко рту окованные, потерявшие чувствительность руки, подул на них, и изо рта вырвалось белое густое облачко. Сквозь деревянные решетки окна в келью пробивался слабый сумеречный свет, и вязь тибетских букв сливалась в черные извилистые линии. Он напряг глаза, но по длинным страницам рукописи по-прежнему струились только эти извилистые линии.

«На сегодня хватит», — подумал он и положил рукопись на деревянный выщербленный пол, на котором сидел и сам. В келье не было ничего, кроме этого пола и грязной циновки, брошенной в углу. Свечи, которые он когда-то захватил с собой, уже давно кончились. Другого освещения не было. Не имелось даже очага, у которого можно было бы обогреться. Ноги затекли и ооченели, и он с трудом поднялся на них. Темнеющая серая мгла постепенно заливала келью, и он уже не мог различить ни стопки книг, сложенных в углу, ни единственного горшка, в котором он варил рис и кипятил густой тибетский чай. Сегодня он не мог надеяться даже на чай. Трехдневная метель отрезала монастырь от внешнего мира, а запасы топлива кончились еще вчера. Он улегся на циновку и почувствовал, как в лицо ударил морозный ветер, свободно проникавший в келью из-под неплотно пригнанной и рассохшейся двери. На пороге, около двери, лежал наметенный ветром низкий снежный сугроб. Он повернулся спиной к двери, но овечья шкура, старая и изношенная, плохо защищала спину, и он понял, что заснуть будет трудно, а может быть, просто невозможно.

Он лежал в темноте с открытыми глазами, прислушивался к вою ветра, и ему казалось, что остатки тепла, хранящиеся где-то в глубинах его организма, исчезают с каждым новым порывом ветра и уносятся куда-то в неистовую ночь. В какой-то момент мелькнула тревожная мысль — до утра не дожить. Но он отогнал ее. Двухлетний упорный труд не должен пропасть. Он работал каждый день в этой келье, не разгибая спины, над книгами и рукописями. По четырнадцать часов в день, а когда солнечный свет позволял, то и по шестнадцать. Он протянул руку в темноте, и замерзшие пальцы натолкнулись на бумаги. На них он записал немало тибетских слов. Слов, не известных ни одному европейцу. Та книжка, которую ему дал Муркрофт, ничего уже не стоила. Теперь он знал много больше. Тот же Муркрофт и подал ему мысль, за которую он ухватился — изучить неизвестный еще Европе тибетский язык. Ради этого он оказался в уединенном буддийском монастыре на границе между Индией и Тибетом. Было ли это отклонением от его главного пути? Пожалуй, нет. До Монголии он еще дойдет. А если те следы, которые он ищет, окажутся в этом таинственном и таком непохожем на другие языке? Вдруг ему что-то в нем откроется и зазвучит что-то похожее на его родной, венгерский? Тогда великая цель станет ближе.

Он представил лицо своего учителя, отрешенное, с узкими бесстрастными глазами мудреца. В монастыре его называли Великим ламой. Он приходил к нему каждый день в его холодную и неудобную келью. Но так же, как и он сам, учитель не замечал холода, неудобств и скудной пищи. Учитель был терпелив, благожелателен и никогда не показывал, как много знает. Таинственное и тревожащее слово «Шамбала» он услышал от него. Иногда учитель исчезал из монастыря, но потом возвращался, и оба они вновь сидели над книгами и рукописями. Учитель отлучался не часто. Раз в год, не более.

Портрет Чома де Кереша

Мощный порыв ветра новым взрывом ударил в дверь, и она зашаталась и закричала под его напором. Понизу поползли снежные струйки. Остатки тепла теперь, казалось, навсегда покинули его иззябшее тело. «Не надо думать о холоде», — промелькнула мысль. Надо думать о тепле. Но осталось ли на свете тепло? Может быть, морозные гималайские ветры разорвали его в клочки и разнесли по всей Вселенной, не оставив ничего на долю Земли? «Ну нет, — улыбнулся он в темноте, — эти ветры не могут долететь до Трансильвании и смести ее». Он увидел низкие горы, похожие на холмы, зеленые леса, пронизанные лучами полуденного солнца, коров, пасущихся на лугу, острый шпиль деревенской кирхи и приземистый дом за выщербленной оградой. Он вошел в этот дом, прошел по знакомым комнатам и остановился у небольшого колченогого стола. На столе стопкой лежали ученические тетради. На одной из них старательно было выведено: «Чома де Кереш». Это были его тетради. Он знал, что их хранят в его доме. В ту страшную морозную и метельную ночь, бушевавшую над Гималаями, он, Чома де Кереш, уроженец Венгрии, дожил до утра.

Венгрия, небольшая страна, долго бывшая австрийской провинцией, дала миру двух выдающихся ученых и путешественников, связавших свои судьбы с Востоком. Один из них был Чома де Кереш, другой — Вамбери. Когда умер Чома де Кереш, Вамбери было десять лет от роду. Последнему повезло больше. Его имя стоит в Советской исторической энциклопедии, его жизни посвящено несколько книг советских авторов, среди которых удивительная и вдохновенная повесть писателя Николая Семеновича Тихонова занимает особое место. Чома де Кереш остался известен только узкому кругу специалистов-тибетологов. История сохранила о нем скудные сведения. Но и их достаточно, чтобы понять, сколь целеустремленным, талантливым, мужественным и бескорыстным был этот человек. «Загадочный человек» — назвал его Рерих в своих экспедиционных дневниках, привлекая к нему наше внимание. И Рерих был прав. Жизнь Чома де Кереша в определенном смысле действительно была загадкой. Ибо трудно объяснить с обычной точки зрения побуждения, двигавшие им. Трудно также понять и тот удивительный заряд предопределенности, руководивший его поступками, склонностями и интересами.

Известно, что Чома родился в 1784 году в небольшой живописной деревушке в Трансильвании. Деревушка называлась Кереш. Отец Чома принадлежал к военному сословию. Но семья, несмотря на благородные корни, была крайне бедна. У родителей не было денег на образование сына. Но Чома этот вопрос решил сам. Он отправился в соседний городок, где находилась гимназия, единственная на весь край, и нанялся в нее уборщиком, но с одним условием — деньги, заработанные им, пойдут на уплату за его учебу в той же гимназии. Свой первый взнос за обучение он копил несколько лет. В первый класс за парту сел уже пятнадцатилетним подростком. Можно представить, что перенес маль-

чик, намного переросший своих товарищей, не имевший приличной одежды и после уроков подметавший и мывший классные комнаты. Отчуждение, которое царило вокруг него, сделало его замкнутым и сдержанным, но не отняло у него ни природной мягкости, ни доброжелательности, ни доброты. Мальчик любил людей, но взаимности у них не находил.

Он был силен, физически вынослив и неизменно сдержан и вежлив со своими обидчиками, как с детьми, так и со взрослыми. Через несколько лет он стал первым учеником гимназии. Учителя, страдавшие явной предубежденностью, отмечали тем не менее большие способности, которыми был наделен этот странный переросток, так непохожий на других гимназистов. Более того, они заметили в нем талант лингвиста и стали прочить ему в старших классах блестящее будущее. Чома сдержанно и вежливо улыбался, выслушивая пророчества учителей. У него были свои планы. Он хотел отправиться в Центральную Азию, где надеялся найти прародину венгерских древних племен. Из книг он знал, что предки венгров, угорские кочевые племена, пришли с востока. Всю свою жизнь он будет уверен в правильности своего предположения. И, умирая в далеком Дарджилинге от жестокой лихорадки, он будет рассказывать об этом врачу, пытавшемуся его спасти.

Тогда, еще в гимназические годы, он стал готовиться к путешествию в Центральную Азию. Он закончил гимназию в двадцать три года. Оба его товарища, которые разделяли его планы, к тому времени забыли о своей клятве и манящих просторах Центральной Азии. Чома де Кереш остался один. Таковым он останется до конца своей жизни. Больше он не будет давать клятв и искать товарищей и весь сужденный ему путь пройдет в одиночку. Но гимназических знаний было недостаточно, чтобы отправиться в желанное путешествие. Он хорошо это понимал и поступил в колледж, в котором одновременно преподавал и учился. Деньги, полученные за преподавание, он вносил за право учиться. В 1810 году его как лучшего студента отправили в Германию в Геттингенский университет. Там он провел восемь лет, изучил арабский и английский в дополнение к языкам, которые знал, и вышел оттуда дипломированным лингвистом. Трудный и долгий этап подготовки был завершен.

Он вернулся на родину. В городке, где он когда-то учился, забыли уже о нескладном подростке с красными натруженными руками, неловко торчавшими из коротких рукавов тесной залатанной куртки, а видели теперь перед собой талантливого ученого, получившего образование за границей. Таких в этом глухом городишке еще не было. Предложения посыпались одно за другим. Гимназия желала видеть его среди своих учителей, самые богатые горожане предлагали ему обучать их отпрысков. Ему предлагали крупные суммы за репетиторство. Перед Чома открывалась спокойная и обеспеченная жизнь.

Ноябрьским промозглым утром 1818 года он зашел к своему старо-

му учителю, который обучал его грамоте в деревенской школе. Чома был одет по-дорожному. В руках была суковатая палка и небольшой узелок, в котором лежала пара белья, деревенский хлеб и несколько книг. Старый учитель засуетился и принес плетеную бутылку с местным токайским вином. Они выпили по бокалу, закусили овечьим сыром и поднялись. Они ничего не сказали друг другу, а перекинулись лишь ничего не значащими словами. Учитель проводил его до небольшой речушки, текшей на окраине деревни, обнял на прощание и долго смотрел ему вслед. Чома, не оборачиваясь, упруго зашагал по дороге. Палка с узелком на плече покачивалась в такт шагам. Через несколько минут он исчез за излучиной реки. Чома де Кереш больше никогда сюда не вернется. На родину через много лет придут лишь его труды и его поздняя слава, до которой он сам не доживет.

Когда Чома пересек пограничные горы Венгрии, то долго потом стоял на дороге и смотрел на них. Он почему-то знал, что больше никогда их не увидит. Спустя годы они будут ему являться только в снах, и он станет беспокойно метаться по холодному полу монашеской кельи, стараясь освободиться от тяжести безысходной тоски.

В Константинополь, с которого начинался Восток, ему не удалось попасть. Там была чума, и он обошел город стороной. Вместо Константинополя он попал в Египет, в большую и шумную Александрию. Но чума шла за ним по пятам, он сбежал от нее в Сирию и пробыл несколько дней в Алеппо. Там он сменил европейский костюм на одеяние бедного феллаха. С палкой и узелком, не привлекая праздного внимания посторонних, он дошел до великой реки Тигр. У причала покачивались лодки с треугольными парусами. Он нашел лодочника, который плыл в Багдад, и попросил взять его. Но в Багдаде долго не задержался и вскоре присоединился к каравану, идущему на Тегеран. Кончался второй год его скитаний. В Тегеране он стал изучать персидский язык, который давался ему так же легко, как прежде арабский. На улице, где он поселился рядом с шумной харчевней, его уже все знали и называли Сикандер Беком. О том, что он европеец, никто и не подозревал. Все принимали его за пришлого араба. Лицо его потемнело от ветров и жарких лучей солнца, и он ничем не выделялся среди местных жителей.

К востоку от Тегерана, за границами Персии, начинались Туркестан и Средняя Азия. Оттуда через Алтай лежал путь в Монголию. Караванчики рассказывали страшные истории о нападении на караваны и гибели странников, которые пытались проникнуть в этот район. Рассказы не напугали Чома де Кереша, но, уходя из Тегерана, он оставил английским купцам, братьям Виллокам, свое европейское платье, университетский диплом, паспорт и рукописи. Он просил их переслать все это в далекую деревушку Кереш в Венгрии, если он не вернется. Братья дали слово и снабдили Чома де Кереша даже небольшой суммой денег на дорогу. Деньги, взятые из дома, давно уже

кончились. Караван ранним утром покинул Тегеран и направился на восток. Позвякивали караванные колокольчики, раскачивались на верблюжьих горбах плотно упакованные мешки с товарами, покрикивали на верблюдов погонщики. Чома де Кереш шагал рядом с ними. За место на верблюде надо было платить. На сто двадцатый день путешествия караван вошел в ворота Бухары. Чома распрощался с погонщиками и отправился на шумный и пестрый бухарский базар порасспросить о дальнейшем пути.

Новости были неутешительные. Бухарский эмир Хайдар вел разорительную войну против Коканда, и путь на восток был закрыт. Караваны из Бухары шли только на Кабул. Другой дороги не было. Он отправился в Кабул, надеясь проникнуть в Монголию через Индию. Чома хорошо знал, что между Индией и Монголией лежат Тибет и высочайшие горы Гималаи. Но его это не остановило. Он был силен и крепок, научился переносить все невзгоды и лишения. Его ноги упруго шагали по пескам пустыни и каменистым тропам. Он знал, что одолеет и снежные горы. Но не знал, что, пойдя по иному караванному пути, он резко изменит свою судьбу, оставшись при этом до конца верным своей основной цели — попасть в Центральную Азию. Туда он будет стремиться всю жизнь, но никогда до нее не дойдет. Из Кабула Чома де Кереш направился в Пенджаб и дошел до Лахора. Там он встретился с умным и образованным махараджей Ранджит Сингом, который только что объединил разрозненные пенджабские княжества в единое, хорошо организованное государство.

Махараджа был дальновиден и проницателен. Он знал, что ему предстоит последняя схватка с хитрым и сильным врагом — англичанами. Большая часть индийской территории уже находилась в их руках. Колониальное завоевание Индии подходило к концу, но, захлебнувшись на какое-то время, остановилось у ворот Пенджаба. Ранджит Сингу странный пришелец из неизвестной ему страны понравился. Понравились его целеустремленность и огонь, полыхавший в темных глазах, когда он рассказывал о своей родине, своем народе, предков которого он так упорно искал в далекой Азии. Махараджа разрешил ему беспрепятственное передвижение по своим владениям. Летом 1822 года Чома де Кереш дошел до Ладакха и увидел снежную стену хребта Каракорум. Перевалы Каракорума вели в Центральную Азию. Но получилось так, что в Ле не оказалось нужного проводника. Он сделал попытку пройти к перевалу самостоятельно, но это ему не удалось. Наступала зима, и Каракорум стал неприступен. С последним караваном Чома де Кереш ушел из Ле в Кашмир. Второй раз упрямая судьба отказала ему в исполнении намеченной цели, распорядившись им по-своему и скрыв от него мотивы своих действий.

Где-то в пути между Ладакхом и Кашмиром он встретил английского ученого Муркрофта, который вручил ему уже упоминавшуюся книгу и посоветовал изучить тибетский язык. Чома де Кереш провел зиму в

Кашмире, а когда перевалы освободились от снега, вновь отправился в Ладакх и дошел до малодоступного горного Занскара. Тут он и поселился в том монастыре, с которого начинается наш рассказ. Он провел в нем два года, и ему удалось схватить в общих чертах структуру неизвестного языка. Но следов венгерского в нем не обнаружил. Поэтому продолжение работы представлялось ему бессмысленным. Монголия и прародина далеких предков ждали его. Он попрощался с Великим ламой, учившим его. Бесстрастные глаза ламы смотрели спокойно и отрешенно. В какое-то мгновение Чома показалось, что в незамутненной их глубине мелькнуло что-то похожее на легкую, мимолетную усмешку. Лама покачал головой, но ничего не сказал, будто знал, что ему не удастся попасть в Центральную Азию.

Странная, упрямая судьба на этот раз предстала в образе английского майора, который командовал постом в заброшенном местечке Сабату, расположенном у истоков Инда, где-то между Индией и Тибетом. Еще несколько лет назад этого поста не было. Майор был подозрителен и груб. Он решил, что поймал шпиона, принадлежавшего непонятно какой державе. Возможно, даже России. Чома задержали до выяснения личности, а личность его оказалась на редкость сложной. Без документов, со странными рассказами о прародине какого-то неизвестного майору народа. Обыск ничего интересного не дал. В тощем узелке задержанного обнаружили листы бумаги с его записями. Майор не смог разобраться в них. Станные, таинственные значки, похожие на шифр, плясали перед его глазами. Майор почувствовал свою беспомощность, и это его еще больше обозлило. Он послал донесение по инстанции и, будучи человеком аккуратным, приложил к донесению рассказ неизвестного и его рукописи.

С пойманным обращались плохо. Скверно кормили и издевались. Заключение продолжалось полгода. Трудно сказать, каким образом шло выяснение личности задержанного там, на жаркой равнине покоренной Индии. Но кто-то из английских чиновников догадался привлечь к расследованию ученых. В то время в Калькутте уже действовало знаменитое Азиатское общество Бенгала. Английские ученые через него осваивали Индию. Они и разъяснили колониальной администрации, что в рукописи не шпионский шифр, а набросок словаря и грамматики тибетского языка. Англичане уже стояли у ворот Тибета, и тибетский язык, которого не знал никто из европейцев, был им нужен. Английская администрация была дальновидна. Чома де Керешу предложили продолжать работу, а затем представить ее результаты в Азиатское общество Бенгала. От своих щедрот власти выделили ученому пособие — пятьдесят рупий в месяц. Ему и не требовалось больше, он привык обходиться и меньшим. Он обещал им довести дело до конца, а те посулили ему содействие в его путешествии в Монголию. Все случившееся с ним Чома рассматривал только как временную остановку на пути к своей заветной цели.

Летом 1825 года он покинул негостеприимный английский пост и направился к Тибету. По дороге он узнал, что Великого ламы в том монастыре, где он изучал тибетский язык, уже нет. После долгих блужданий по горам и монастырям он отыскал его в том же Занскаре. Легкая улыбка скользнула по тонким губам Великого ламы, когда он вновь увидел Чома де Кереша.

— Ну, теперь за работу, — сказал учитель вместо приветствия.

На этот раз работа не ограничивалась только тибетским языком. Великий лама передавал ему свои знания. Он раскрывал ему сокровища древней тибетской литературы, о которых Европа еще и не подозревала. Склонившись над старинными рукописями, Чома де Кереш изучал древних богов и героев, созвездия и минералы, неведомые ему растения и неслыханные легенды. Великий лама комментировал, разъяснял и пояснял. Его ученик усваивал знания быстро и цепко. И учитель был доволен. Ученик не знал усталости, не замечал ни холода, ни голода. Монастырь, где они жили, был беден, и их дневной рацион нередко состоял из нескольких чашек тибетского густого чая. Почти все свое скудное жалованье Чома де Кереш тратил на книги и рукописи, которые ему удавалось добыть в монастырях. Но неожиданно Великий лама исчез. Как обычно, он не сказал, надолго ли он ушел и когда вернется. Чома прождал несколько недель, но от ламы не было никаких известий. Он пытался продолжить работу сам, но столкнулся с трудностями, которые мог преодолеть лишь с учителем.

Словарь и грамматика тибетского языка вырисовывались только в общих чертах. Теперь Чома де Кереш понимал, что для их завершения нужна еще долгая и кропотливая работа. Он увлекся ею, и она постепенно становилась как бы его жизнью. Теперь он понимал, что это не только язык, но и новая область знания, в которой, по его мнению, нуждалась европейская наука, европейское востоковедение. Ради этого он просиживал целыми днями над бесценными книгами и рукописями, не позволяя себе даже размяться. Ради этого он переносил и холод, и голод, и все лишения, встречавшиеся на его пути. Отсутствие Великого ламы затягивалось, и надеяться на его скорое возвращение не приходилось. Монастырские обитатели не отвечали на расспросы Чома де Кереша. Они странно смотрели сквозь него и пожимали плечами. И только однажды один из них бросил загадочную фразу:

— Оттуда скоро не возвращаются.

И Чома де Кереш отправился на тот же английский пост в Сабату, чтобы известить своих благодетелей о задержке в работе. Наступила зима 1827 года, но она не остановила его. Он совершил многодневный переход по зимним Гималаям. Солдаты, бездельничавшие в это глухое и холодное время года, не поверили своим глазам, когда этот странный человек вновь появился на посту.

Выяснение отношений с Азиатским обществом Бенгала заняло не один месяц. Английская администрация была недовольна им. Она

рассчитывала на быстрый практический результат его труда. Ее осведомителям, просачивавшимся в Тибет, нужно было знание языка. Администрацию не интересовало остальное. Ни богатая коллекция старинных книг и рукописей, ни знания в области тибетской астрономии или мифологии. Наконец к концу лета пришло известие. Ему даровали еще три года неустанного труда, за который положили все те же пятьдесят жалких рупий в месяц. Известие обрадовало его. Теперь он знал, что окончит свой труд, чего бы это ему ни стоило.

Пешком через горы он ушел снова в монастырь Канум, расположенный на высоте трех тысяч метров. Там ждали его холодная, продуваемая всеми ветрами келья и Великий лама, возвратившийся в монастырь. И вновь потянулись дни, наполненные упорным трудом и постижением. Чома де Кереш сам никогда не рассказывал, как он прожил эти три года. Но судьбе было угодно послать в эти горы человека, который и стал на какое-то короткое время свидетелем его жизни. Это был английский доктор Герард, который путешествовал по Гималаям и интересовался тибетской медициной. В 1829 году он появился в заброшенном высокогорном монастыре с караваном яков и несколькими слугами. Провел там какое-то время, а затем написал воспоминания о своем визите. Самой яркой частью этих воспоминаний был Чома де Кереш и его учитель Великий лама. Герард не мог себе даже представить, что европеец может вынести то, что преодолевал малознакомый ему ученый из далекой Венгрии.

«Холод был страшный, — писал доктор, — и всю прошедшую зиму он сидел над книгами с утра до ночи без перерыва и тепла, укутанный в шерстяное одеяло, питаюсь в основном чаем»⁵⁶. В келье, где жил Чома, по свидетельству доктора, не было ничего, кроме двух грубых деревянных скамей. Но повсюду лежали книги и рукописи. Все было сложено очень аккуратно, а келья была всегда чисто выметена и вычищена. Чома не выносил беспорядка ни в делах, ни в жилище.

К тому времени он сумел приобрести два свода буддийских священных книг «Канджур» и «Танджур» и немало старинных рукописей. Он показывал все это Герарду, и тот не мог скрыть своего удивления. Он слышал об этих книгах, но знал, что еще ни одному европейцу не удалось их достать. Но не только это вызвало удивление английского доктора. Человек, ведущий жизнь, полную тяжелого труда и жестоких лишений, оторванный от привычного мира, сохранял мягкость, благожелательность и готовность поделиться с каждым тем, что он знал сам. Герард был не только удивлен, он был потрясен. Ничего подобного в своей жизни он не видел. Временами ему казалось, что перед ним в одинокой келье сидит не ученый-лингвист из Европы, а древний мудрый риши. С такими же, как у риши, пронизательными и немного отрешенными глазами, с такими же, как у риши, непостижимыми для европейца знаниями. Для рационально мыслящего английского доктора этот странный человек так и остался загадкой.

К 1831 году Чома де Кереш закончил свой труд. Были готовы словарь и грамматика тибетского языка. Была собрана большая коллекция тибетской классической литературы. Теперь он надеялся попасть в Центральную Азию и выполнить свое главное предназначение. Тогда Чома еще не понимал, что его предназначение уже исполнено. Он ушел в Гималаи безвестным скитальцем, а возвратился основателем целой новой области науки — тибетологии. Он нес Европе знания, о которых она еще не подозревала. В словаре и грамматике тибетского языка Чома сообщил об учении Калачакры — «Колеса Времени», которое священные книги буддистов и сам Великий лама связывали с таинственной областью, называемой Шамбалой. Он попытался даже определить ее координаты. Позже о Шамбале он напишет специальную статью, которую опубликуют в одном из журналов Азиатского общества⁵⁷. Загадочное слово «Шамбала» войдет вместе с его именем в европейское востоковедение. Он упомянет о ее столице Калапе, «великолепном городе, резиденции многих блестящих королей, расположенной за рекой Сита, или Яксартес, где продолжительность дней от весеннего равноденствия до летнего солнцестояния увеличивается на двенадцать индийских часов, что составляет четыре часа сорок восемь минут по нашему счету»⁵⁸.

Покидая монастырь, Чома нанял носильщиков и отдал им остаток денег, сбереженных в результате жестокой экономии. Носильщики несли книги, которые легли в основу тибетского отдела библиотеки Азиатского общества. После приезда в Калькутту положение его резко изменилось к лучшему. Из безвестного скитальца, замерзавшего и голодавшего в глухих горных монастырях, он превратился сразу в признанного ученого-тибетолога, чьи знания превосходили все, чем располагали английские востоковеды. Пренебрежительное недоверие, которое испытывали английские власти к этому странному человеку, прошло. Они щедро выделили пять тысяч рупий на издание его словаря и грамматики, удвоили, а затем учетверили его содержание. Словарь и грамматика вышли в свет в 1834 году. В этом же году его избрали почетным членом Азиатского общества. Журнал Общества, отличавшийся строгостью в отборе научных статей, охотно предоставлял свои страницы для его публикаций.

В этих публикациях, каждая из которых была событием в научном мире, он анализировал и комментировал древние тибетские источники, делал их переводы, сообщал о различных системах, существовавших в тибетском буддизме, рассказывал о таинственной Калачакре, тибетской традиционной культуре и географии гималайских районов. Он принес Европе целую область знания, научно им осмысленную и прокомментированную. За знаниями стояли его неутомимый труд и мудрая мысль Великого ламы.

Признание и материальный достаток не изменили его. Он по-прежнему оставался великим тружеником и многие часы просижи-

вал за столом в своей скромной комнате рядом с библиотекой Общества. Иногда он позволял себе прогулку по длинному коридору, и то очень короткую. Все, что он получал, он откладывал для будущего путешествия. На себя же тратил минимально. Он носил единственный костюм, всегда тщательно вычищенный и выглаженный, а в комнате, кроме письменного стола, четырех ящиков для книг и циновки для спанья, ничего не было. Здесь, в душной и жаркой Калькутте, он жил так же, как и на высотах заснеженных Гималаев.

Но отшельником, замкнувшись в себе, его назвать было нельзя. Он приходил на помощь каждому, кто в нем нуждался. И взамен ничего не требовал. Он отдавал окружающим его людям все, что имел. Все, кроме времени, отведенного им для работы. Здесь он был непреклонен. У него был легкий, веселый характер, и коллеги его любили. Но он не признавал пустых, не по делу разговоров и каждый раз уклонялся от пышных приемов и светских визитов. И только одна тема не имела для него границ. Этой темой была его Венгрия. При упоминании о родине он оживлялся, его худое, горбоносое лицо озарялось каким-то светом, идущим откуда-то изнутри, а в темных глазах появлялось выражение восторга, смешанного с грустью. О Венгрии он мог говорить часами. Его собеседники, зная за ним эту «слабость», но не понимая ее, старались уходить от таких разговоров.

За три года, с 1834-го по 1837-й, он прошел пешком по Индии многие мили, разыскивая в индуистских храмах ученых-пандитов. Он слушал напевы древних Вед, заклинания-мантры и древние сказания о Великой войне Бхаратов. Он консультировался с брахманами-жрецами, стараясь проникнуть в суть нередко утраченного смысла слов. Он спорил с ними. И те удивлялись глубине познаний этого странного, без слуг, без паланкина, европейца, который живет среди индийцев так же легко и просто, как если бы он сам был индийцем. Чома де Кереш отвергал предложения английских чиновников поселиться в их просторных и удобных бунгало. Он жил в храмовых пристройках, глинобитных крестьянских хижинах, в пыльных и тесных кварталах городской бедноты. Так же, как и эти люди, он довольствовался горстью риса и чашкой крепкого и ароматного индийского чая. Большого ему не требовалось.

Он вернулся в 1837 году в Калькутту и стал признанным санскритологом. Еще пять лет он потратил на подготовку к путешествию в Центральную Азию. Он намеревался через Сикким пройти на Лхасу, а оттуда двинуться в Монголию. Тайнственная Лхаса привлекала его так же, как и многих европейских путешественников. В феврале 1842 года он написал письмо на имя секретаря Азиатского общества Торренса, в котором благодарил Общество за заботу о нем и за помощь. Он оставлял на его попечении свои книги и рукописи. Они были его единственным достоянием. Он просил Общество распорядиться всем этим по собственному усмотрению «в случае моей смерти в предстоящем путешествии»⁵⁹.

Памятник Чома де Керешу на дарджилингском кладбище

Табличка Ракоцы у памятника (слева)

M. A.

ALEXANDER CSOMA DE KÖRÖS

A NATIVE OF HUNGARY
WHO TO FOLLOW OUT PHILOLOGICAL RESEARCHES
RESORTED TO THE EAST,
AND AFTER YEARS PASSED UNDER PRIVATIONS
SUCH AS HAVE BEEN SELDOM ENJOINED,
AND PATIENT LABOUR IN THE CAUSE OF SCIENCE,
COMPILED A DICTIONARY AND GRAMMAR
OF THE TIBETAN LANGUAGE,
HIS BEST AND REAL MONUMENT.
HE WAS HEAD TO LHASA TO RESUME HIS LABOURS
AND DIED AT THIS PLACE ON THE 17TH APRIL 1842
AGED 50 YEARS.

HIS FELLOW LABOURERS,
THE ATHLETIC SOCIETY OF BUDAPEST,
ERECTING THIS TABLET TO HIS MEMORY.

ERECTED IN 1882

В этом же месяце он покинул Калькутту и опять-таки пешком направился к Дарджилингу. Он дошел до предгорий Восточных Гималаев и углубился в сырые душные джунгли, покрывавшие эти предгорья. Там свирепствовала тропическая лихорадка, и их надо было пройти засветло. Но Чома де Керешу это не удалось. Возможно, уже давал себя знать возраст — пятьдесят восемь лет. Ему пришлось заночевать в терраях. Он проснулся с первыми лучами солнца и почувствовал ломоту во всех суставах. Сначала он не обратил на это внимания. Но к концу дня боль в суставах усилилась и идти стало трудно. Слабость охватывала все его тело, и его стал трясти озноб. До Дарджилинга было еще далеко, но он решил идти, пока сможет. Двое носильщиков, несших его книги, со страхом поглядывали на сахиба. Они-то понимали, что произошло. Неизлечимая и опасная болезнь терраев скрутила их хозяина.

До Дарджилинга он все-таки дошел. Дошел в каком-то странном полусне, полузабытье. Временами ему казалось, что он идет не через Гималаи, а по родным горам своей Трансильвании. Ручей, который он переходил, показался ему ручьем, текущим около его деревушки Кереш. Он жадно напился из него и смочил пылавший лоб. Но деревни все не было видно, и он испугался, что заблудился. Испугался так же, как когда-то совсем маленьким выбежал за околицу и, обернувшись, не узнал своей деревни. Ему представилось, что его деревня исчезла, а на ее месте, как в страшной сказке, возникла какая-то другая, совсем чужая. Потом испуг отпустил его, и ему на смену пришла страшная усталость, окутавшая его плотным туманным одеялом. И, пробиваясь сквозь эту усталость, как сквозь черное облако, он продолжал идти, уже плохо понимая куда и зачем. Что было потом, он уже не помнил. Он потерял счет времени и представление о пространстве.

Очнувшись, он увидел над собой не небо и деревья, а белый высокий потолок. Потолок стал снижаться, и ему показалось, что он сейчас обрушится на него и раздавит. Но потолок остановился и замер. Откуда-то сбоку глухой незнакомый голос произнес: «Это тропическая лихорадка. Он не выживет». Нет и нет. Он выживет, он должен выжить. И он стал быстро, захлебываясь, говорить. Он пытался объяснить тому, кто приговорил его к смерти, почему ему надо выжить. Он говорил о венграх, об их древних предках, об утраченной прародине, которую он, Чома де Кереш, найдет, возможно, где-нибудь в Монголии.

— Это бред, — снова сказал незнакомый голос.

Доктор Кемпбелл из военного госпиталя в Дарджилинге вышел из палаты. Ему было все ясно. Вылечить пациента не удастся. У него была тропическая лихорадка в самой ее жестокой форме. Чома снова пришел в себя за несколько мгновений до смерти и опять говорил о венграх и их прародине. Как будто хотел, чтобы остающиеся запомнили это и что-то сделали бы... В этот же

день доктор Кемпбелл составил опись вещей умершего, которые оказались при нем. «Вещи включают, — написал он ровным аккуратным почерком, — четыре ящика с книгами и бумагами, синий костюм, который он носил и в котором умер, несколько простыней и один горшок для стряпни»⁶⁰. Вещей было не больше, чем у любого индийского нищего. Кемпбелл уже знал, что умерший был известным ученым, отправившимся в далекую экспедицию. Все это так не вязалось с описью, которую он составил...

Чома де Кереша похоронили за казенный счет на английском кладбище у подножия Березовой горы. Азиатское общество Бенгала перевело тысячу рупий в Дарджилинг и просило соорудить над могилой одного из своих выдающихся ученых памятник. Памятник сделали. Это была неуклюжая восьмиугольная бетонная тумба, непревзойденный образец творческой мысли и эстетических представлений колониальной администрации Дарджилинга. В феврале 1845 года Азиатское общество собралось на свое очередное годовое заседание. Среди прочих дел ученые мужи обсудили и надпись, которая должна была придать тумбе относительно респектабельный вид.

Теперь, много лет спустя, я стояла у тумбы-памятника, покрашенного желтой масляной краской, и читала:

«Александр Чома де Кереш.

Уроженец Венгрии, провел филологические исследования, относящиеся к Востоку, проявляя при этом редкую выносливость в течение долгих лет нужды. Его терпеливый труд на благо науки завершился составлением словаря и грамматики тибетского языка, являющихся лучшим и настоящим памятником.

Он умер в этом месте 11 апреля 1842 года в возрасте 58 лет по пути в Лхасу, где намеревался продолжить свои труды. Его коллеги по Азиатскому обществу Бенгала установили в память о нем эту доску с надписью.

Да покоится в мире».

Около кладбищенской стены, проходившей рядом с памятником, цвели розовые и белые маргаритки. И стояла та особая тишина, которая бывает только на кладбищах.

Я долго искала этот памятник на старом дарджилингском кладбище. Весь склон Березовой горы был усеян надгробиями с именами английских чиновников и офицеров, плантаторов и священников, купцов и военных врачей. Со своими женами и потомками они покоились на этом тихом старинном кладбище. И мне казалось, что это было не просто кладбище, а какой-то странный общий памятник колониальному прошлому Индии. Тому прошлому, которое никогда больше не вернется, потому что те, кто олицетворял его, теперь спят вечным сном под этими тяжелыми надгробиями. Они выполнили свой долг перед могущественной

Британской империей и были вознаграждены за это куском чужой земли на склоне Березовой горы. Британская империя перестала существовать, а время, ветры и дожди почти стерли имена тех, кто нес в себе ее могущество. Эсквайры и полковники, почившие в далекой чужой стране, оставили по себе недобрую память, но даже и она стирается, как стерлись их имена на каменных надгробиях дарджилинского кладбища. Имени Чома де Кереша я нигде не обнаружила. Возможно, я оставила бы свои поиски, если бы не наткнулась на аккуратный домик под черепичной крышей, у которого стоял кладбищенский сторож, такой же старый, как это кладбище и сам домик. У сторожа от старости слезились глаза и дрожали руки.

— Чома де Кереш? — надтреснутым голосом переспросил сторож.

— Да, — подтвердила я. — Чома де Кереш.

— Что-то такого не припомню. К старости я стал забывать имена.

— Он из Венгрии, — осторожно уточнила я.

— А! — обрадовался старик. — Знаю. Конечно же, знаю. Говорят, это был великий человек. Теперь все спрашивают о нем. И каждое лето разные люди из разных стран приезжают на его могилу. Очень разные люди. Но одного я запомнил на всю жизнь. Я тогда был совсем молодым и только что женился. У него были такие необычные глаза и борода.

Я замерла:

— Как его звали?

— Я же вам сказал, я забыл все имена. Я помог тому человеку найти памятник, и он рассказал мне о...

— Чома де Кереше? — подсказала я.

— Да, о Чома де Кереше. Тогда никто не приходил к нему. Только этот человек.

— Из какой страны он был?

Старик посмотрел слезившимися глазами куда-то вдаль, стараясь что-то вспомнить.

— Кажется, из России, — тихо произнес он. — Но я не уверен. Это было так давно. Может быть, в 1923 году, а может быть, в 1924-м.

— Его звали Рерих, — сказала я.

— Не знаю. Может быть, и Рерих, — согласился старик. — Потом я видел его еще раз. Он рисовал что-то вон там. — И сторож показал куда-то вверх.

Больше я ничего от него не смогла добиться. Но два великих имени как-то странно и неожиданно прозвучали вместе около домика под черепичной крышей на старом кладбище в Дарджилинге. Там, внизу, где стоял памятник Чома де Керешу, возникло также неожиданно еще третье имя...

Из надписи на доске, укрепленной на стене рядом с памятником, я узнала, что он охраняется государством. «Этот монумент, — гла-

сила надпись, — посвящен памяти Александра Чома де Кереша, родившегося 4 апреля 1784 года. Он умер в Дарджилинге 11 апреля 1842 года. Венгр родом, он стоит в ряду всемирно знаменитых ученых, изучавших тибетский язык и религию. В признание его вклада в филологические исследования этот памятник объявлен охраняемым и находится под защитой Генерального директора археологической службы Индии».

На самом монументе я увидела две мраморные доски, судя по всему, укрепленные совсем недавно: «В память великого венгерского востоковеда. Пал Лозонци, президент Венгерской Народной Республики, 12 декабря 1976 г.». И «Александр Чома де Керешу. 1784—1842. Пионеру дружбы между народами Индии и Венгрии. Венгерская Академия наук».

Я читала все эти надписи и поэтому не сразу заметила медную, до блеска начищенную табличку. На табличке была вырезана фраза на венгерском языке. А под ней было написано: «Ракоци, 1980 г.». Ракоци... Известный дворянский род Венгрии, сыгравший важную роль в ее истории. Загадочный Сен-Жермен иногда носил это имя. «Пришел этот ученый из Венгрии — характерно. Загадочна его деятельность...»⁶¹ Это слова Рериха. Может быть, в них лежал ключ к разгадке? Я долго стояла у памятника. На нем не было креста. Лицевая часть монумента смотрела на север, туда, откуда в ясные дни выплывает торжественно и величаво священная Канченджанга. Ее снежные пики были видны из окон дома, который назывался «Талай-Пхо-Бранг» и где жил Рерих. Я смотрела на медную табличку с именем «Ракоци» и думала о цепи странных совпадений.

В 1933 году Чома де Кереш был причислен в Японии к лику буддийских святых — бодхисаттв. В буддийском университете, в Токио, воздвигли статую первого европейского бодхисаттвы. В документе о канонизации Чома де Кереша записано: «Он был тем, кто открыл сердце Запада учению Будды»⁶².

4. ПОМНИ РИНГУ!

Он вошел в кабинет мистера Синхи, декана Правительственного колледжа Гангтока, и остановился на пороге. Вошедший был молод, опрятно одет. Его красная тога ламы была отменно чиста и тщательно выглажена. Он нерешительно остановился на пороге и улыбнулся. Улыбка, как бы изнутри, осветила его тонкое смуглое лицо с задумчивыми раскосыми глазами.

— Знакомьтесь, — сказал мистер Синха, поднимаясь ему навстречу. — Наш преподаватель тибетского языка Рингу Тулку. Он даст вам консультацию по всем интересующим вас вопросам.

Рингу подошел ко мне, изящно поклонился и со смущенной улыбкой протянул мне руку. Рука была тонкая, почти девичья, но рукопожатие оказалось крепким и твердым.

— Очень рад, — голос у Рингу был приятным и мелодичным. — Очень рад, — повторил он. — Я знаю немного, но кое в чем смогу вам помочь. Вы были в Институте тибетологии?

В Институте тибетологии я еще не была по той причине, что в Гангтоке, столице Сиккима, я находилась всего только час.

— Ну и прекрасно, — обрадовался Рингу Тулку, — мы сейчас с вами туда пойдем.

И мы пошли. Институт тибетологии, основанный в 1958 году предыдущим королем Сиккима, стоял на окраине Гангтока, на лесистом холме. Внутри было сумрачно, пахло воцеленными полами. Ученые ламы, похожие на бесплотные тени, бесшумно скользили по коридорам. Один из них почтительно поклонился Рингу и указал на тяжелую резную дверь. Дверь неожиданно легко поддавалась, и мы оказались в большом зале, в центре которого возвышалась статуя Манджушри. По стенам висели старинные танки, а вдоль зала тянулись застекленные витрины, в которых старой бронзой отливали статуэтки богов и бодхисаттв. В одной из витрин я увидела темно-красную маску бога Канченджанги. И хотя здесь не было ни традиционного алтаря, ни длинных скамей для лам, у меня возникло ощущение, что я нахожусь в храмовом зале.

— Нет. Это музей, — улыбнулся Рингу. — Хотя многое здесь похоже на храм.

— Так же, как и храмы на музеи, — заметила я.

Рингу бросил на меня быстрый, но пристальный взгляд.

— В какой-то степени вы правы. И то и другое — средоточие знаний. И к этим знаниям приобщаются по-разному. В музее все это, — он обвел рукой зал, — только экспонаты, несущие определенную информацию, в храме — это уже предметы поклонения. Но граница между тем и другим не такая уж резкая.

По деревянной лестнице мы поднялись наверх в библиотеку. Вдоль стен библиотечного зала тянулись застекленные шкафы. За стеклами лежали аккуратно сложенные продолговатые старинные книги и рукописи. Пестрели шелка, в которые они были завернуты. Между шкафами стояли письменные столы. За двумя из них сидели ученые,

склонившись над разложенными рукописями. Было очень тихо, и только щебет птиц доносился из раскрытого окна. Один из работавших поднял голову и встал из-за стола.

— Римпоче Дадруп, — тихо сказал Рингу. — Знаток буддийского тантризма.

Римпоче приветливо улыбнулся и подошел к нам.

— Вы интересуетесь нашей коллекцией? — спросил он.

— В том числе.

— Это очень хорошо, — кивнул Дадруп. — Наша коллекция книг одна из самых богатейших. Покойный король Сиккима многое передал нам из личной библиотеки. Сиккимские короли из поколения в поколение собирали редкие рукописи и книги. Вы здесь найдете то, чего нет даже в самом Тибете.

Мы пошли вдоль книжных шкафов. Дадруп осторожно открывал дверцы и бережно вынимал рукописи. Он рассказывал о них подробно и иногда читал целые отрывки, которые любил и знал. Когда мы вышли из здания института, на дорожках между деревьями уже зажглись фонари.

— Вы долго собираетесь быть в Гангтоке? — неожиданно спросил Рингу.

— Нет, не долго.

И я рассказала Рингу о великом русском художнике Рерихе, его Центрально-Азиатской экспедиции и маршруте, который он прошел в Сиккиме. Рингу слушал, не прерывая и не задавая никаких вопросов. А потом также неожиданно спросил:

— Вы не будете возражать, если мы отправимся по этому интересному маршруту вместе?

— А как же колледж? — поинтересовалась я.

— Я отпрошусь, — засмеялся Рингу.

— Хорошо, — согласилась я.

Тогда я еще не знала, кем в действительности был скромный преподаватель тибетского языка Рингу Тулку.

Мой первый день в столице Сиккима, Гангтоке, завершился удачно, а начался он очень рано, еще в Дарджилинге. Машина, которую я заказала, пришла к отелю вовремя. Шофер из туристического бюро, вежливый и расторопный, предупредительно открыл багажник и ловко уложил весь мой нехитрый багаж. Потом посигналил на прощание, и мы двинулись в путь. Нам предстояло проехать всего около ста километров, но дорога шла по горам и исчислялась не километрами, а часами.

За Дарджилингом, в том месте, где обычно клубились туманы, небо расчистилось и поднялась снежная громада Канченджанги. Она провожала нас, меняя свое положение, пока дорога не пошла куда-то вниз, в жаркую долину, по которой текла мутная и мелкая река Тиста. Склоны низких гор были покрыты зелеными барашками чайных

Гангток. Королевский монастырь

плантаций. Они то подходили к самой дороге, то отступали от нее, устремляясь куда-то к горизонту. Они напоминали зеленое море, заливающее низкие горы. Среди этих волн-барашков то возникали, то исчезали небольшие поселки, чайные фабрики и угрюмые бараки для рабочих. Где-то к северу, совсем недалеко отсюда, начиналась долина Рангита, по которой много лет назад Рерихи вошли в королевство Сикким. Машина пересекла мост, и Тиста лениво побежала по левую сторону дороги. Жара не спадала, от реки шел душный и влажный воздух. Через некоторое время мы въехали в Сикким.

Теперь дорога вилась по обширной долине, покрытой цветущими

деревьями. Потом замелькали зеленые перья папоротников, появились лианы, свешивающиеся с деревьев. Мы въехали в субтропический лес «нижнего» Сиккима. Из леса на дорогу наплывали волны удушливых ароматов. Гроздья белых и сиреневых орхидей проплывали мимо и исчезали в зеленоватом призрачном свете леса. Через пару часов дорога поползла кверху, лес остался где-то внизу, пошли каменистые голые склоны, кое-где редко поросшие сосной и кедрами. Мы обогнули очередную гору, и совсем неожиданно из-за ее склона вынырнул беспорядочно разбросанный город.

— Гангток, — сказал шофер.

Каменные коробки домов громоздились друг на друга, ревели тяжелые грузовики, пахло выхлопными газами, разогретой пылью и машинным маслом. Город совсем не походил на тот Гангток, который я себе представляла. Но потом, бродя по нему, я открыла для себя другой город, совсем непохожий на тот современный, который вырос на горном склоне за последние годы. Оба они существовали рядом, проникали друг в друга, но сохраняли при этом странную и необъяснимую отчужденность. Город старый и город новый почти не соприкасались друг с другом, как будто существовали в разном времени. В старом были тихие улицы, ярко раскрашенные дома с расписными рамами окон и резными наличниками. В ухоженных двориках, за сложенными из камней оградами, росли кусты красных роз. Там стояли легкие, с изогнутыми китайскими крышами, цветные павильончики для отдыха, а в густых кронах деревьев порхали птицы с ярким оперением. Женщины с задумчивыми раскосыми глазами, сверкая бирюзовыми украшениями, неторопливо двигались по улицам. В них жила накопленная веками грациозность и статность горянок. Над курильницами, стоявшими около древних святилищ у скал, поднимался синий дымок благовоний. Звонили, раскачиваемые ветром, серебряные колокольчики, трепетали разноцветные молитвенные флаги. На самом высоком месте старого города находилось белокаменное двухэтажное здание королевского дворца и сверкало на солнце ярко-желтой крышей королевский монастырь. В его храме стояли веселые резные колонки, а вокруг изящных рам окон вились расписные цветы. «Верхний» город был традиционен, он сохранял свою прошлую культуру, так непохожую на ту, которая обосновалась в «нижнем» среди неуклюжих коробок современных домов.

Дом, который я искала, не имел отношения ни к одному, ни к другому городу. Он представлял собой нечто третье, которое тем не менее было прошлым королевства Сикким. Я увидела его чуть в стороне от города, у подножия склона, поросшего лесом. Со склона открывался вид на синие предгорья и сверкающие снега священной Канченджанги. В доме когда-то жил английский резидент мистер Бейли. Отсюда он наблюдал за столицей гималайского королевства и чутко прислушивался к тому, что происходило в двухэтажном дворце, рядом с королевским

Росписи и резьба на окнах королевского монастыря

монастырем. Здесь, в этом доме, он принимал своих агентов, пробиравшихся к нему глухими горными тропами. Отсюда мистер Бейли отсылал свои донесения английским властям Британской Индии и здесь разрабатывал планы уничтожения Центрально-Азиатской экспедиции Рериха. Отсюда же шли указания в Лхасу задержать экспедицию на морозном пустынном плато Чантанг. Здесь же английский резидент вынужден был принять Рерихов, возвратившихся из экспедиции и счастливо избегших уготованной им хозяином этого дома участи. Хозяин был по-светски радушен и гостеприимен... Сложенный из серого камня, под красной железной крышей, дом напоминал мирное сельское жилище какого-нибудь английского эсквайра. По краям ухоженного зеленого партера росли розовые кусты. Пели птицы, синели лесные склоны гор. У деревянного забора стояли солдаты вооруженной охраны. Теперь домом владел новый хозяин — губернатор индийского штата Сикким.

Был ясный день, и я рассмотрела тропу, петлявшую по склону, по которой в 1928 году караван Центрально-Азиатской экспедиции спустился сюда, к Гангтоку. О хозяине дома, важном английском чиновнике в Сиккиме, давно забыли. О караване и Рерихах помнят до сих пор. История справедливо сохраняет для памяти одно и предаёт забвению другое. Имя Бейли осталось лишь в связи с именем Рериха.

На следующий день мы с Рингу покинули Гангток и двинулись по рериховскому маршруту, который начинался с долины реки Рангит. Первую его часть мы проехали по современному шоссе на «джипе», держа направление на монастырь Пемаянцзе. Остальную часть пути предстояло проделать пешком. Рангит, узкий и бурный в этих местах, тек, петляя среди скалистых каньонов. Весна уже была в разгаре, и сиккимские леса играли всеми оттенками цветущих деревьев. Над деревьями порхали крупные бабочки самых фантастических окрасок. «Нижний» Сикким был праздничен и наряден, «верхний» — суров и однотонен. По его высотам ползли голубые туманы и тяжелые клочковатые облака. «Нижний» Сикким от «верхнего» отделяло не горизонтальное пространство, а вертикальное. На одном квадратном километре крутые склоны гор возносились от субтропиков до вечных снегов.

Восточные Гималаи, вздыбленные и беспокойные, не были похожи на уравновешенные Западные. Огромной силы древний катаклизм выдавил их из недр земли да так и оставил. И поэтому дорога то ныряла во влажную духоту субтропического леса, то возносилась в прохладу альпийских лугов. Луга были покрыты красочными коврами разноцветья, и от этого туманы, сидевшие на них, становились цветными, как будто выплывали из старинной волшебной сказки. И где-то там, внизу, за этими цветочными коврами и разноцветными туманами, продолжал шуметь и сердиться пенистый зелено-голубой Рангит.

Красношапочный, как и большинство монастырей Сиккима, монастырь Пемаянцзе стоял почти вплотную придвинутый к снежному хребту

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

священной Канченджанги. Здесь веяли прохладные ветры и остро и терпко пахло хвоей сосен и кедров. Шоссе кончалось в этом месте.

От монастыря к монастырю мы шли пешком. Вверх, вниз. Вверх, вниз. Рангит петлял по западному Сиккиму — то исчезал, то вновь возвращался к тропе и преграждал нам путь. Мы преодолевали его по легким качающимся бамбуковым мосткам. Тропа снова уходила круто вверх по скалистому обрывистому берегу. Над Сиккимом гремели весенние грозы и бушевали проливные дожди. Дождевые потоки бурными ручьями неслись по склонам, размывая нахоженные тропы и нанося на них жидкую глину и острые осколки камней. Наши ноги скользили по этой смеси, мы хватались за валуны и чахлые деревца, росшие вблизи тропы. Скользкая глина несла нас неудержимо вниз и заставляла съезжать, когда мы стремились вверх. Мои туристские

Резная колонна из храма королевского монастыря

Весна в Сиккиме

ботинки за семь месяцев непрерывного передвижения износились. Через порванный верх беспрепятственно проникала вода, рельеф на толстой подошве стерся, и ботинки, как по льду, скользили вниз даже на сухой тропе.

Мы вставали ежедневно в четыре часа утра, чтобы до восхода солнца пройти «нижний» Сикким. Там, в сумеречных субтропических лесах, царила днем удушающая жара. Множество пиявок усеивало тропы и стволы гигантских деревьев. Эти создания мало походили на пиявок, которых я знала до сих пор. Они были худощавы, поджары и стремительны, наметив добычу, со снайперской меткостью впивались в нее. Некоторые из них умудрялись просверливать даже одежду. В «нижних» лесах росли орхидеи. Тяжелые гроздья изысканных цветов свешивались с ветвей деревьев, а длинные древовидные стебли обвивали стволы. Их пряный аромат дурманил голову и ослаблял ноги. Дышалось легко только на высотах, среди сосен и кедров. Большинство монастырей было расположено в умеренной полосе, между «нижним» Сиккимом и альпийскими лугами. Они стояли в самых красивых и удобных местах. Те, кто выбирали эти места, обладали безупречным вкусом и тонким чувством гармонии, которая неизменно присутствовала в этих горах, снегах и лесах. Наибольшее впечатление на меня произвело восхождение на башню-гору, на которой стоял монастырь Ташидинг. И хотя мы прошли низину еще до восхода солнца, тем не менее нам пришлось потратить немало усилий и пота, чтобы преодолеть эту десятикилометровую тропу, круто идущую вверх.

Там, где тропа делала крутые повороты и возрастала высота, мы цеплялись руками за камни, кустарники и деревья, чтобы преодолеть ее. Именно здесь, на подходе к Ташидингу, рериховская фраза «человеческими ногами и человеческими руками» звучала не в переносном смысле, а в буквальном. Я полагаю, что та же участь выпала и на долю самих Рерихов. Лошади эту тропу одолеть не могли. Чем ближе к вершине, тем чаще становились наши кратковременные передышки. Мы отдыхали стоя, прислонившись спиной к стволу какого-нибудь встречного дерева. Крутизна не позволяла присесть. Соленый едкий пот заливал глаза, и у меня даже не было сил стряхнуть его. А тропа все ползла и ползла куда-то вверх, к самому небу, и казалось, что у нее никогда не будет конца...

С самого начала нашего путешествия я стала присматриваться к Рингу. Я знала, что он тибетец, а значит, вполне надежный спутник в трудной дороге. Даже в самых критических ситуациях Рингу был неизменно спокоен и доброжелателен, никогда не повышал голоса и не раздражался. В обращении с любым человеком, кем бы тот ни являлся, учитель тибетского языка Рингу Тулку был как-то по-королевски величествен, мягок и внимателен. Он никогда никого не осуждал, не делал замечаний, а поступал. Да, именно поступал, и ничего более. Но это были какие-то мудрые

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

и тонкие поступки. В них всегда заключался какой-то скрытый, я бы сказала, педагогический смысл.

Однажды в конце утомительного дня мы забрели в небольшую придорожную харчевню, стоявшую на краю горной деревушки. Харчевня была темная и неопрятная. Но у нас не было выбора. Наши скромные припасы кончились, и пополнить мы их могли только через два дня. Хозяин харчевни, толстый непалец с хитрыми глазками на заплывшем лице, демонстративно-подобострастно пригласил нас внутрь. Мы уселись за низенький столик, и хозяин поставил перед нами две плохо вымытых пиалы с подозрительно пахнущим варевом. Сам же стал около нашего столика и выжидающе уставился на нас. Конечно, я не заставила себя ждать. Я уже открыла рот, чтобы высказать этому мошеннику все, что я думала о нем, о его харчевне и еде. Но мой взгляд упал на Рингу.

Цветы рододендрона

Рингу ел. Он ел медленно, со вкусом, как будто перед ним стояла не похлебка, похожая на помои, где плавали какие-то объедки, а изысканное блюдо. Он не притворялся и ел, кажется, с аппетитом. Теперь мы оба, и хозяин и я, молча уставились на Рингу. Но тот, казалось, ничего не замечал. Первым пришел в себя толстый непалец.

— Подождите, господин! Подождите! — закричал он и выхватил пиалу из рук Рингу.

Рингу поднял голову и с молчаливым удивлением посмотрел на хозяина.

— Я сейчас принесу другое, — заторопился мошенник. — Это не совсем то, я ошибся.

По лицу Рингу скользнула легкая тонкая усмешка, и он пододвинул хозяину мою пиалу. Через несколько минут нам принесли «то». Рингу ничего не сказал и стал есть теперь уже доброкачественную еду. Когда мы поднялись, хозяин побежал за нами, кланяясь и извиняясь. Около харчевни, под развесистым деревом, сидели два бродячих торговца со своим нехитрым скарбом.

— Что это с ним? — спросил один из них с неподдельным изумлением. — Первый раз вижу такое. Это же первый скандалист во всей округе. Он без ссоры не может прожить и дня. Специально вызывает людей на скандал, подсовывая им вместо еды помои. Ему это доставляет огромное удовольствие. Но что же с ним сегодня случилось? — Торговец развел руками в недоумении.

Рингу улыбнулся и ничего не ответил. А я подумала о том, что, если бы со мной не было Рингу, этот мошенник получил бы огромное удовольствие от скандала со мной, на который, по каким-то неясным своим соображениям, он меня толкал. Однако Рингу сумел поступить так, что вместо скандала и помоев мы получили доброкачественную еду и извинения. И я стала задумываться все чаще и чаще об этих удивительных для меня поступках моего спутника. Впрочем, я и сама была объектом таких поступков. И хотя я не являлась ни мошенником, ни скандалистом, тем не менее в моем поведении возникали время от времени какие-то неправильности. И эти неправильности требовали от Рингу соответствующих поступков.

Когда мы с ним входили куда-нибудь, он обычно пропускал меня вперед. Я воспринимала это как должное. Я была женщиной, и женщиной много старше по возрасту. В Ташидинге мы отправились в гости к настоятелю монастыря. В комнату настоятеля я вошла первая. Настоятель, грузный мужчина средних лет, вежливо поздоровался со мной и указал на циновку, на которую я и опустилась. Разговор, который мы начали, носил, как всегда в начале, самый общий характер. Через некоторое время я обнаружила, что Рингу в комнату не вошел. Он появился лишь минут десять спустя. Настоятель поднялся со своего «трона» и низко и почтительно склонился перед учителем тибетского языка. День спустя мы шли с Рингу через поселок, примыкавший

Ορχιδει

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

к монастырю. Мы уже миновали его единственную улицу, когда из углового дома выскочил тибетец. Он издал радостное восклицание и повалился Рингу в ноги. Рингу легким ласковым движением коснулся его головы. Это был жест благословения. Я остановилась в полном замешательстве.

— Простите, Рингу, — сказала я. — Что это все значит?

— Это мой знакомый, — слегка улыбнулся Рингу. — Мы были с ним на симпозиуме по тибетскому языку и там подружились.

— Странно, — заметила я. — Я тоже не раз бывала на всяких симпозиумах и знакомилась со многими. Но никто из них потом, встречаясь со мной, не валился мне в ноги.

Рингу расхохотался по-мальчишески звонко, а потом кое-что мне

объяснил. Так я узнала, что моим спутником в путешествии по Сиккиму был настоятель тибетского монастыря Рингу — Рингу Тулку. И тогда же я поняла свою оплошность, сделанную в комнате настоятеля Ташидинга. Настоятель к настоятелю входит первым. Рингу не стал меня останавливать в дверях или делать замечание. Он просто не вошел со мной. Потом появился первым, как и полагалось по этикету буддийского монастыря.

Рингу не любил рассказывать о себе. Он считал это бестактным и навязчивым. Но, уступая моим просьбам, он иногда это делал. Рассказывая, он редко употреблял слово «я», в его повествовании проскальзывала какая-то отчужденность по отношению к себе, как будто он говорил о человеке, носившем с ним лишь одинаковое имя. Он сухо и коротко излагал факты жизни этого человека. Факты были драматические, а подчас и просто трагические, но он старался не подчеркивать ни того, ни другого. Для него они были просто событиями, собранными в единый узор какими-то причинно-следственными связями, выстроенными в закономерную цепь в великом Колесе жизни, где имя Рингу Тулку было одним из бесчисленных знаков, пометивших отдельную мимолетную жизнь.

Рингу родился в 1952 году в семье плотника из Кама. Он плохо помнил дом родителей и все, что было связано с его ранним детством. Когда ему исполнилось пять лет, в дом его отца пришли три ламы. Они долго разговаривали с его родителями, а его самого называли по-иному — незнакомым именем Рингу Тулку. Потом они забрали его с собой и привезли в далекий монастырь Рингу, расположенный среди высоких гор. У ворот монастыря их встречали ламы в праздничных одеждах. Они подходили к мальчику, низко кланялись и называли его римпоче. Слово «римпоче» означало «настоятель монастыря». Через некоторое время он узнал, что дух высокого ламы, настоятеля монастыря Рингу, умершего несколько лет назад, воплотился в нем, сыне плотника из Кама. И он, по закону «тулку», стал теперь настоятелем монастыря. Но для отца с матерью он по-прежнему оставался их маленьким сыном. И они, беспокоясь о нем, часто приезжали в монастырь посмотреть, хорошо ли ему там. Он радовался, когда видел отца с матерью, но расставался с ними спокойно, без слез. Он, как ни странно, уже тогда понимал, что принадлежит другому миру, в котором не было места его родителям.

Кончались пятидесятые годы, и в Тибете наступали смутные времена. По стране ползли слухи о китайской армии. Вожди племен волновались, то там, то здесь вспыхивали недовольства. Горные тропы и перевалы становились небезопасными. Ламы предложили его родителям поселиться рядом с монастырем, в небольшой деревне. Плотник собрал свой инструмент и нехитрый скарб и перекочевал вместе со всем семейством к стенам монастыря Рингу. Но в Тибете становилось все беспокойнее. Оракулы пророчествовали стране бедствия и несчастья.

Менгиры около Ташидинга

Вожди вооружали своих соплеменников. Китайцы стягивали войска к Лхасе. Говорили, что между китайцами и Далай-ламой возникли серьезные разногласия. Могущественный сосед требовал от правителя все больших и больших уступок. В монастыре Рингу царили беспокойство и растерянность. Ламы опасались за жизнь маленького настоятеля и пытались найти для него безопасное место. Им казалось, что этим местом может быть двор Далай-ламы в Лхасе. Рингу был тулку, и ламы могли полностью рассчитывать на гостеприимство Лхасы.

Небольшой караван, состоящий из яков и лошадей, покинул монастырь на рассвете. Ламы увозили Рингу Тулку под защиту правителя страны. Когда они прибыли в Лхасу, Тибет уже был охвачен восстанием и судьба Далай-ламы была решена. В Лхасе царил паника. Далай-лама покинул священный город и уходил в Индию. По его пятам шла китайская армия. Ламы вместе с Рингу ушли с группой Далай-ламы. Китайские войска заняли многие перевалы и перерезали дороги. Потоки беженцев устремились к индийской границе, открытой для них правительством Индии. Беженцы шли через горящие поселки, деревни, разрушенные замки и монастыри. Они уходили от преследовавших их китайских частей. На одном из перевалов ламы монастыря Рингу отстали от группы Далай-ламы и пошли на Сикким.

Они петляли по обширному горному району, старались избежать опасностей, которые надвигались на них с разных сторон. Караван терпел бедствие. В горных трупцобах от каравана отбились яки, осталось только несколько лошадей, корм для которых добывать становилось все труднее и труднее. Потом наступило время, когда в караване осталась одна-единственная прихрамывающая лошаденка. На ней везли семилетнего настоятеля. Ламы шли пешком. Они пересекали безжизненные, похожие на пустыни плато, поднимались к снежным вершинам, где дули неистовые морозные ветры. Их обувь давно изорвалась и развалилась. Темными ночами они осторожно пробирались в редкие пустынные поселки в надежде добыть что-нибудь съестное.

На одном из снежных перевалов, названия которого не знали ни Рингу, ни ламы, они попали в засаду. По каравану открыли огонь, и лошадь, на которой везли Рингу, была убита. Самого Рингу ранили в ногу. Каким-то чудом ламам все-таки удалось уйти от расправы и плена. Весь оставшийся путь они несли по очереди семилетнего настоятеля в заплечной корзине. Раненая нога болела и кровоточила. Мальчик беспокойно метался ночами. Легкая хромота осталась у него на всю жизнь.

Через много месяцев ламы наконец достигли границы Сиккима. Позади остались погони и преследования, горящие монастыри и опустевшие поселки родины. В Сиккиме Рингу стал одним из многих тысяч тибетских беженцев, и о том, что он настоятель монастыря, помнили немногие. Его семья поселилась в Гангтоке, на узкой улочке, расположенной на горе за королевским дворцом. Здесь, в этом чужом

Ορχιδευ

городе, его отдали сначала в школу, а затем он поступил в колледж. Через несколько лет он получил степень магистра на кафедре тибетской филологии.

В тот год, когда я встретила с ним, Рингу работал уже над диссертацией, исследуя историю буддийских сект Тибета. В этом сложном и запутанном вопросе он ориентировался легко и свободно. Рингу был одаренным ученым и, кроме того, являлся тулку. Я не знала, что значит «тулку», и сначала решила, что это фамилия Рингу. Он долго смеялся, когда я ему сказала об этом.

Мы сидели с ним около субурганов Ташидинга и, вытянув уставшие ноги, отдыхали после целого дня работы, переходов и всяких забот. Внизу расстилалась узкая горная долина, погруженная в синюю предсумеречную дымку. Где-то там, за этой дымкой, призрачно и невесомо то возникали, то исчезали снежные вершины. Гроздь сиреневых орхидей раскачивалась под теплым ветром на искривленном дереве, а под деревом краснели спелые ягоды земляники. Голос Рингу звучал тихо и доверительно.

— Тулку, — как бы раздумывая, сказал он, — понятие сложное. Оно формировалось в течение многих веков, но само явление существовало на земле с незапамятных времен. И это явление шире и многообразнее самого понятия тулку. Вы знакомы с философией Будды и знаете о теории воплощений. Знаете о духовной вечной сущности человека, проходящей через цепь рождений на пути к совершенствованию. Знаете, но, возможно, не приемлете, как и многие ваши западные коллеги. Но придет время, когда мысль Запада и мысль Востока сольются воедино и истина будет познана. Восток принесет в мировую сокровищницу свои древние знания и философские достижения, Запад — свой рационализм и методы научного исследования. Но пока это время еще не наступило. В большинстве случаев процесс воплощения происходит естественным образом и не зависит от воли воплощающегося. Единый космический закон причинно-следственных связей регулирует этот процесс. Но духовная индивидуальность, переходя из одного материального тела в другое, проживая многие сотни, тысячи, а может быть, и миллионы жизней, стремится к совершенству и к прекращению этой цепи рождений. На пути к нирване, или совершенству, дух повышает свое сознание и достигает такого уровня, когда процесс выбора нового тела при перевоплощении становится для него управляемым. Так вот тулку — это те, кто сознательно действует на пути воплощений. Их мы называем высокими сущностями, тулку, бодхисаттвами, махатмами. Названий и имен много, но суть одна, и в основе ее — упорный и тяжелый труд индивидуума. Труд его души и смертного тела, труд его сердца, его рук и ног. Ничего, кроме труда и любви ко всему живому, ко всему существующему.

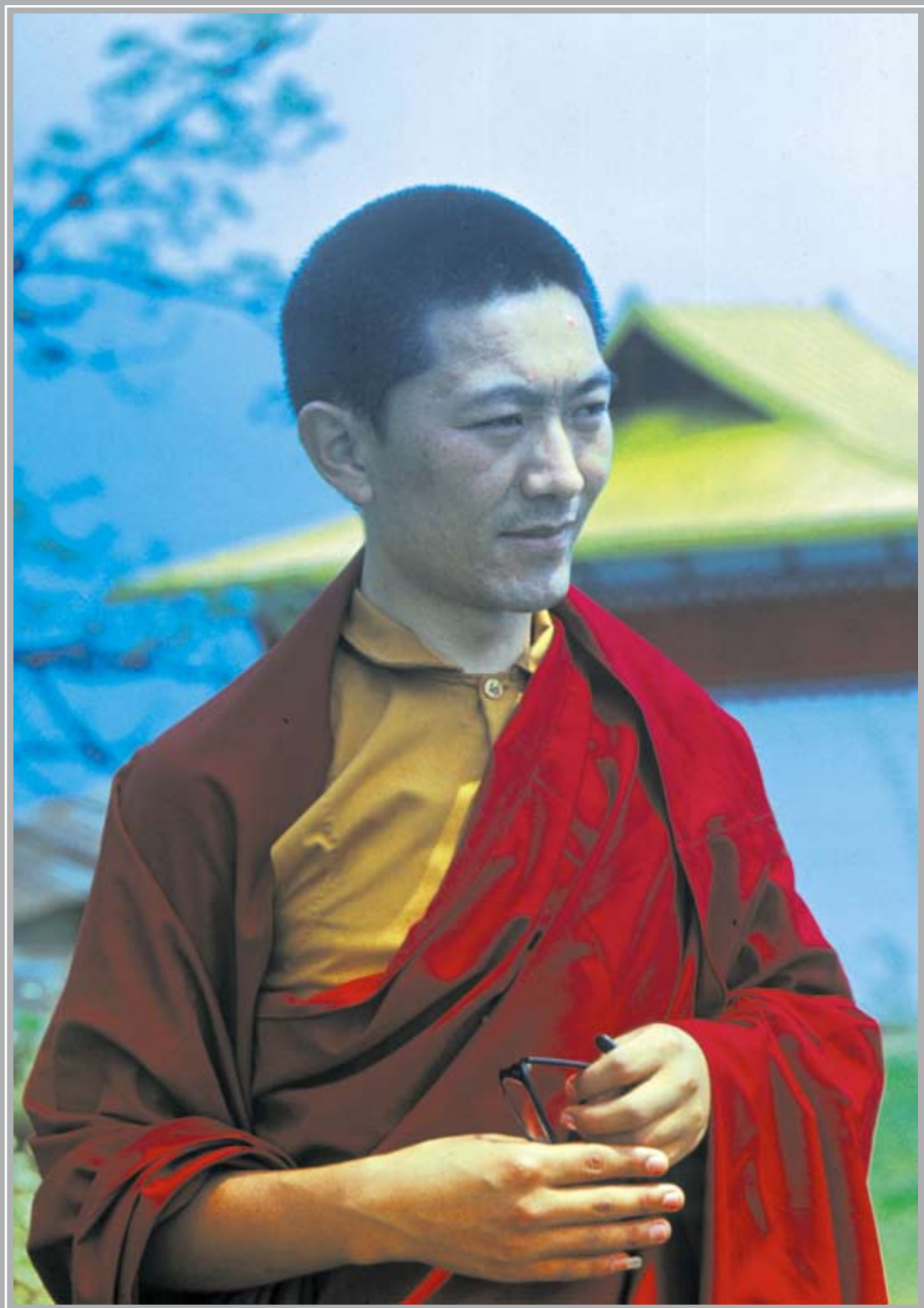
— Вы первый в моей жизни тулку, которого я знаю лично, — сказала я. — А можете ли вы мне назвать других тулку?

Альпийский луг

Ринпоче Рингү Тулку

Рингу засмеялся, и на какое-то мгновение лицо его стало по-мальчишески озорным. Но только на какое-то короткое мгновение. Затем мальчик исчез и рядом со мной вновь оказался кто-то мудрый, старый и терпеливый.

— Вы слышали о мудрецах — риши или сиддхи? — спросил он. — Многие из них были тулку. Тулку была китайская принцесса Вэнь-Чень, супруга тибетского короля Сронцангампо, которая ввела буддизм в Тибете. Великий Далай-лама V — тулку. И вообще весь институт далай-лам связан с тулку. Но это вовсе не значит, что каждый Далай-лама является тулку.

— Получается так, — сказала я, — что все тулку появляются на Востоке.

— Я перечислил вам лишь некоторых из них, — спокойно возразил Рингу. — И это вовсе не значит, что их нет или не было на Западе. Высокие тулку воплощаются и на Западе, но там о них мало кто знает и поэтому мало ценят. У нас появление очередного тулку — целое событие, которому предшествуют пророчества. Некоторые из этих пророчеств очень древние. Есть пророчества о появлении Великого Далай-ламы в теле жителя Запада.

— Ну и когда это явление состоится? — спросила я.

— Наши высокие и ученые ламы считали, что это произойдет в конце прошлого столетия.

— Ну и произошло? — поинтересовалась я.

Рингу посмотрел вдаль, туда, где голубая дымка начинала превращаться в сиреневую, возвещая тем самым наступление сумерек, и пожал плечами. Он почему-то не хотел отвечать.

— Ну тогда, наверное, произойдет? — предположила я. — Ведь ошибка в несколько десятков лет незначительна для большого Времени.

— Не произойдет! — откуда-то сверху раздался уверенный голос.

Я подняла голову и увидела грузного настоятеля Ташидинга.

— Не произойдет, — повторил он, усаживаясь рядом с нами, — потому что все уже произошло в предсказанные сроки и Ташидинг был тому свидетелем.

На горизонте, за сиреневой сумеречной дымкой, полыхал алый закат на снежных вершинах. И мне почудилось, что там возникла картина Рериха, но только без рамы.

— Как на картине, — прервал молчание настоятель, кивнув в сторону пылавших в закатном солнце вершин. — Один из наших прежних настоятелей видел такие картины. Их создала рука великого художника, так говорил покойный настоятель. На них горы и небо были как настоящие.

Потом настоятель, крикнув, поднялся, пригласил нас выпить с ним чаю и направился к своему дому. Мы же с Рингу Тулку еще некоторое время сидели у субургана. Там я узнала еще об общине высоких тулку, которая находится где-то в тайном месте, за снежными горами и труднодоступными перевалами.

Горная лилия

Рингу не говорил о своих прежних воплощениях. Он, когда я касалась этого предмета, был предельно сдержан и скромен и утверждал, что все, что было до этой жизни, не заслуживает внимания. Я с ним соглашалась, но ощущение, что я не знаю еще чего-то очень важного, не покидало меня.

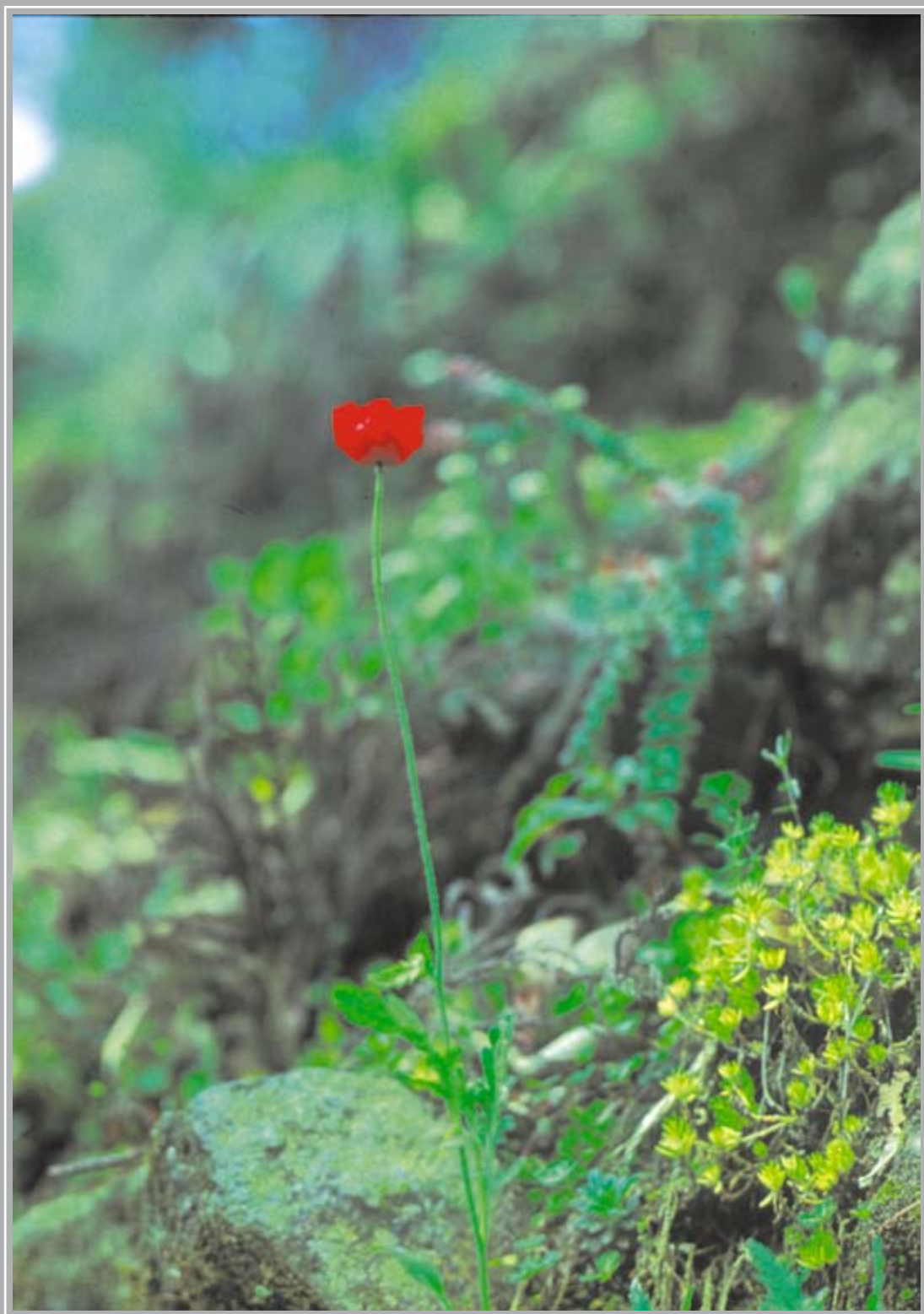
Я размышляла над тем, чем похож и чем не похож Рингу Тулку на остальных. Внешне он ничем не выделялся среди лам. Та же темно-красная тога, коротко стриженная голова. Как и все, он ел и пил, уставал в трудных переходах, и тогда его легкая хромота становилась заметной. Как и все, он нуждался в нормальном отдыхе и сне, испытывал жажду и голод, страдал от холода и жары. Но было в нем нечто такое, что все же отличало его от других. Мне казалось, что все трудности нашего долгого пути он переносил легко и даже непринужденно. Но со временем я поняла, что ошибалась. Ему было трудно так же, как и мне, но он никогда не привлекал внимания других к своим трудностям и не ссылаясь на усталость.

Потом я научилась разгадывать реальные признаки этой усталости. Узкие глаза Рингу становились отрешеннее, чем обычно. В них появлялась какая-то странная отчужденность, и временами мне казалось, что он как бы отдалялся от самого себя, от внешних обстоятельств, окружавших его, от всего того, что испытывало его тело. Но от тех, кто находился с ним рядом, не отчуждался, а начинал жить усталостью и трудностями других, и у меня возникало ощущение, что он чувствует эту чужую усталость и трудности острее, нежели собственные. Меня это поражало и удивляло с первых же дней нашего путешествия. В моей жизни было много путешествий. Я знала крутые горные тропы, трудные перевалы, душные болотистые джунгли, обжигающий, предательски податливый песок пустыни и давящую тяжесть рюкзака за плечами. Были моменты крайней усталости и напряжения, когда я уходила как бы в себя, отталкивая окружавший меня мир, теряя связь с идущими рядом, и внутренне преодолевала трудности уже в одиночку. Эти мгновения странного обособления были хорошо мне знакомы, и я относилась к ним как к чему-то раз и навсегда установленному.

Такое состояние у меня возникло в конце второго дня нашего пешего перехода, когда внешний мир с его красотами стал терять свою значимость и реальность и постепенно превращался в неустойчивую призрачную иллюзию. И вот в этот момент ко мне кто-то «постучался». Этот кто-то ощущал то же, что и я, и как будто говорил: «Не уходи в себя. Не замыкайся. С тобой рядом другой, и преодолевать вдвоем легче, чем одному. Ты есть я, и я есть ты». В первое мгновение я испытала странное потрясение. Потом поняла, что «постучался» Рингу Тулку. Я захотела ответить, но не смогла. Умению отвечать другому в такие моменты я училась у Рингу постепенно и медленно.

В нем была удивительная утонченность и повышенная чуткость. Временами мне казалось, что он без труда читает мои мысли. Стоило мне

Маки Сиккима

о чем-то подумать, как я получала незамедлительный ответ. И тогда я стала проверять себя, придумывая простенькие, конкретные фразы. Рингу «ловил» их, и по его губам каждый раз скользила ироническая усмешка. Когда я убедилась в способности Рингу «слышать» другого, то стала бояться думать в его присутствии. И тогда я увидела в его глазах осуждение. Надо было искать выход из положения. Раздумывая над проблемой, я обнаружила одну простую и в то же время непростую истину. Мышление человека так же нуждается в дисциплине и этических нормах, как и его внешнее поведение, и его взаимоотношения с людьми. Эта неожиданно возникшая истина снимала извечное противоречие между «думать» и «делать» и выстраивала их в единый гармоничный ряд.

Тогда я и постигла тайну поведения самого Рингу. Оно было гармонично. Внутреннее и внешнее в нем не противоречили друг другу. То, что я принимала в Рингу за сдержанность, которая дается человеку усилием воли, оказалось естественным результатом внутреннего этического настроя. Он не сдерживался, а так думал. И поступал так, как думал. Я старалась следовать примеру Рингу, но у меня не всегда это получалось. В размышлениях это казалось легким делом, на практике оказалось невероятно трудным. Я все время срывалась. Но в узких глазах Рингу уже не было осуждения. Временами я ловила на себе его сочувствующий, а иногда и одобрительный взгляд. Сочувствующих взглядов было больше, чем одобрительных. Однако для меня так и осталось неясным, как достигается гармония между внутренним и внешним. Дается ли она каким-то особым воспитанием или возникает в результате какой-то человеческой одаренности? А может быть, в этом случае действует и то и другое? Еще долгое время после нашего путешествия с Рингу, когда я сердилась, раздражалась или преувеличивала свои требования, я говорила себе: «Помни Рингу!» Эти слова были похожи на заклинание и на первых порах действовали на меня. Но по мере удаления во времени и пространстве от сиккимского путешествия они почему-то бледнели, теряли под напором обстоятельств свой смысл, и я все реже и реже вспоминаю их...

5. БАШНЯ ШАМБАЛЫ

Местность была мне незнакома. Горы шли концентрическими кругами, но по мере приближения к своему таинственному центру становились все ниже и ниже. Я насчитала четыре горных кольца. На двух последних из них не было уже снежных пиков, а их вершины и склоны были покрыты густыми лесами. Они спускались к реке, которая текла куда-то вдаль, поблескивая чистой голубизной воды, и на этой воде временами возникала рябь, поднятая легким ветром, налетавшим с гор. Оттуда, где я стояла, было видно, что там, вдали, река круто поворачивает и, следуя круговой линии гор, образует сама какой-то замкнутый круг, и местность, которую она обтекала, от этого станови-

Река Рангит

Цветок в скалах

лась похожей на остров. У острова были скалистые берега, покрытые цветущими деревьями. Деревья цеплялись за каменистую почву, взбирались на самый верх скал, между которыми медленно плыли облака, садившиеся на эти цветущие деревья и на какое-то время неподвижно застывшие там.

Место моего обзора было достаточно удобным, и я разглядела в некоторых скалах темные проемы пещер. У входа в пещеры заметила несколько крошечных фигурок, задумчиво и неподвижно сидевших среди деревьев. Я подумала, что это отшельники, но не была в этом полностью уверена. Скалы с пещерами неожиданно перешли в высокую гряду гор, стоящую в самом центре таинственного острова. От

нее начиналось то, что заставило меня замереть, затаить дыхание и не поверить своим глазам. Над грядой гор вознеслась гигантская башня. Она была многоэтажной, и каждый этаж заканчивался золоченой изогнутой кровлей. Под углами кровель позванивали невидимые серебряные колокольчики. Башню венчал золотой шпиль, похожий на горный сияющий пик, уходящий в бездонное синее небо. И поскольку эта удивительная, ни на что не похожая башня возвышалась в самом центре острова, казалось, что она была выше окружающих ее скал и гор и даже нависала над их снежными пиками.

— Башня Шамбалы, — донесся как будто издали приглушенный голос Рингу. — Башня Шамбалы, — снова повторил он.

Я невольно отступила назад и уперлась спиной во что-то твердое и неподатливое. Это был оконный переплет верхнего храма монастыря Пемаянцзе. И от того, что я ощутила ограниченность пространства, все как бы сразу сдвинулось и утратило свою глубину и отдаленность. Теперь я могла коснуться рукой и этажей башни, и снежных пиков гор, и реки, и пещер. Все обрело свои реальные размеры. Удивительное, искусно сделанное человеческими руками сооружение стояло в центре высокого храмового зала, освещенное лучами заходящего солнца. Лучи проникали сквозь оконные переплеты, а за ними сверкали снега появившейся почему-то в этот момент священной Канченджанги. Я посмотрела на изломанную линию пиков знаменитой горы и сказала:

— Миф. Мифический образ.

Рингу засмеялся.

— Образы мифов рождаются в снах и возникают в видениях, — сказал он. — Но за ними стоит реальность.

— Ламу хоронят сегодня, — как-то невпопад сказал Сонам.

Сонам был школьным учителем в Пемаянцзе, который и привел

Монастырь Пемаянцзе. Вход в храм

нас в этот храм посмотреть на башню Шамбалы.

— Да, ламу хоронят сегодня, — подтвердил Рингу.

— Какого ламу? — спросила я, ничего толком не понимая.

— Того, кто сделал все это, — ответил Сонам. — Лама трудился с утра до ночи, не покладая рук, полных семь лет. Он был похож на вашего христианского бога, создавшего за семь дней мироздание.

...История башни началась двести лет назад, когда один лама отправился в пещеру, где вел жизнь отшельника. Правда, жизнью это было назвать нельзя, потому что лама почти все время находился в состоянии медитации. В конце седьмого года перед ламой предстало чудесное видение. Оно держалось очень долго и было похоже на таинственную картину, которая заслонила собой и нагромождения скал, и снежные пики — словом, все, что окружало пещеру отшельника. Картина была точная и подробная, и лама в течение нескольких часов, не отрываясь, рассматривал ее. Когда видение стало размываться и сквозь него, как сквозь прозрачную ткань, стали проступать окрестные горы и даже чахлые деревья, росшие около пещеры, лама понял, что он получил то, чего добивался все эти годы. Видение открыло ему искомую истину, тайну, к которой он так стремился. До монастыря Дубди от пещеры, где лама провел эти годы, было два дня пути. Но лама спешил и поэтому покрыл это расстояние за сутки. Он шел и ночью, стараясь не обронить ни одной подробности виденного. Он нес в себе чудесный сосуд Великой тайны, и ни одна капля из этого сосуда не должна была пролиться зря. В монастыре не удивились его неожиданному появлению. Служка принес ему стопку тонко пахнущей китайской бумаги и письменные принадлежности. Лама снял верхний лист, положил его на низенький резной столик и начал писать. Теперь в его келью приходил только служка, который два раза в день ставил на столик перед ним фарфоровую пиалу с дзампой. Иногда он уносил пиалу нетронутой. Теперь уже никто не может сказать, сколько дней, ночей, недель или месяцев потребовалось ламе, чтобы описать то, что перед ним возникло в тот благословенный час в пещере.

Когда рукопись была кончена, ее продолговатые листы вложили в лакированные дощечки и завернули в желтый китайский шелк. Читал ли кто-либо ее при жизни ламы, сказать трудно. Известно только, что она долгие годы пылилась на одной из полок в библиотеке монастыря, а потом попала в чулан. Много лет спустя, уже в 1965 году, лама Дунгзи, пришедший из монастыря Пемаянцзе в Дубди, с трудом отвалил неподдающуюся дверь. В полумраке он с трудом разглядел лежащую на полу кипу книг и рукописей. Лама неодобрительно крякнул, протянул руку и взял первую попавшуюся. Рукопись была завернута в пропылившийся желтый китайский шелк. Лама осторожно снял шелк, откинул лакированную дощечку и, выйдя из чулана на свет, прочел: «Видение небес». Дунгзи очень удивился. Он никогда не слышал о такой рукописи. То же, что он в ней прочел, глубоко поразило его. Дунгзи был

не только ламой, но и прекрасным художником. Во всей округе никто лучше него не резал по дереву. Многие монастыри заказывали ему для алтарей статуэтки богов, святых и высоких лам.

Воображение художника сделало видение, описанное давно умершим ламой, вполне реальным. Дунгзи видел каждую подробность, и руки сами просились воплотить все описанное в материале и, конечно, в дереве. Король дал ему на это разрешение, и Дунгзи отправился в Калимпонг к своему старому другу, настоятелю одного из монастырей. Вместе с римпоче они нарисовали все сначала на бумаге. Картина оказалась еще более впечатляющей, чем та, которая возникала в воображении ламы. И Дунгзи принялся за дело: резал, пилил, лепил и раскрашивал целых семь лет. Потом готовая башня со всеми окружающими ее горами, рекой и обитателями была готова и водружена в верхнем храме монастыря Пемаянцзе. Семь лет потребовалось одному ламе, чтобы увидеть все это, семь лет потратил другой лама, чтобы воплотить увиденное в дереве, глине и папье-маше.

Старый лама Дунгзи умер накануне моего появления в Пемаянцзе. Но Башня Шамбалы, сделанная им, высокая и яркая, розовато светилась в косых лучах заходящего солнца, проникающих сквозь затейливые оконные переплеты монастыря Пемаянцзе. Она была реальна, осязаема, но в то же время в ней было нечто такое, что являлось сродни видениям. Тем видениям, где возникают мифологические образы.

— Очень жаль, — сказал Сонам, — что все отправились хоронить ламу Дунгзи и нет настоятеля. Римпоче объяснил бы вам все подробно.

— Очень жаль, — подтвердила я.

— Ничего, — сказал Рингу, — я все объясню, как оно есть.

Сонам бросил на Рингу быстрый удивленный взгляд, но возражать не стал.

— Теперь смотрите внимательно. — И Рингу стал говорить.

Горы и леса в особых объяснениях не нуждались. И те и другие были вполне реальны и не несли в себе потаенного смысла. С рекой было сложнее. Выяснилось, что это была не река, а океан. И поэтому весь центр изображенной местности, над которой возвышалась удивительная башня, являлся действительно островом. Для того чтобы попасть на этот остров, надо было пройти трудный и тяжелый путь и преодолеть немало препятствий, которые возникали на каждом шагу. Препятствия были большие и малые. Самым серьезным из них был город, принадлежавший демонам — хранителям Священного острова. В нем находилось много черепов и скелетов, а сами хранители скалили зубы-клыки и гневно сверкали немигающими глазами. После зловещего города путника ожидали еще многие километры пути через заснеженные перевалы, густые леса и опасные, похожие на ловушки ущелья. Река-океан не облегчала дальнейшего пути. Ее надо было пере-

плыть. А затем пройти через восемь подземных ходов, которые шли под нагромождениями скал и завершались темными провалами пещер.

Ходы охраняли отшельники. Они были еще хуже демонов: хитрее и умнее их. За скалами сидели другие отшельники, охранявшие ближние подступы к Башне, и договориться о чем-либо с ними было просто невозможно. Они не внимали словам и сами решали, можешь ли ты идти дальше или нет. Отшельники руководствовались какими-то своими таинственными и неизвестными простым смертным соображениями и говорили только «да» или «нет». «Да» они произносили раз в столетие. «Нет» — в любое время. Их лица были аскетичны и неподвижны, а отрешенные глаза устремлены куда-то в неизведанное.

— Ну, вот мы и дошли до Башни, — сказал Рингу.

Весь первый этаж Башни был населен разноцветными божествами. Чем-то они напоминали мне индуистских богов. Здесь находилось четверо ворот, у каждого из которых стояли грозные короли-хранители четырех стран света. На следующем этаже было подобие буддийского храма. Я определила его по ступам, которые стояли по краю широкой площадки, и по ланям, держащим Колесо жизни. Но в центре храма стояли тантрические боги страха, а на изогнутых углах кровли извивались драконы. На третьем этаже тоже был буддийский храм, но он отличался от предыдущего. Там не было свирепых божеств тантры. У его входа пели птицы и музыканты-ламы трубили в длинные медные трубы и били в барабаны. Красные тиары покачивались над их головами. Два верхних этажа были расписаны цветами и мало походили на храмы. У меня возникло ощущение, что обычный буддийский храм разложен как бы на составные элементы или уровни, которые разнесены по разным этажам.

Я вспомнила карту Шамбалы, которую мне показал римпоче Тенсинг в монастыре бон в Доланджи. Башня на карте явно напоминала ту, которую я сейчас разглядывала. Там текла такая же река и были изображены скалы, покрытые цветущими деревьями. Я знала, что влияние бона в храмах красношапочной секты много сильнее, нежели у желтошапочников. Но это пока ничего не объясняло. Я поделилась своими соображениями с Рингу.

— Мифический образ всегда многогранен, — ответил он. — Каждый может увидеть в нем, что сам захочет. Но проникнуть в его истинную суть удается не каждому. Смотрите, в башне пять этажей. Вас это не удивило?

— Удивило, — согласилась я. — Скорее можно было бы ожидать три, семь или двенадцать. Священные числа.

— Эволюция священных чисел не соблюдает. Здесь она поднялась до пятого этажа. Пять раз Земля, как змея, меняла свою оболочку. Пять раз менялось человечество. Теперь наступает шестой период. Посмотрите туда, где у входа изображены птицы. Это уровень тулку.

Один тулку был передо мной, другие тулку находились высоко в

Башне. Все окончательно сдвинулось. Голос Рингу Тулку стал слабеть, как будто сам он отдалился куда-то, к этим снежным горам, к пещерам отшельников и таинственным божествам. И уже как бы издалека доносилось:

— Уровень человеческой формы будды. Нирманакайя. Конкретный уровень принципа просветления. Бодхисаттва.

Сумерки стали наполнять храмовый зал. Башня теряла четкость форм, ее красочные детали расплывались, и только снежные вершины гор таинственно мерцали в наступающей темноте. Мы вышли из храма. Над Пемаянцзе взошли ранние звезды, и в той стороне, где угадывался снежный массив Канченджанги, ровно и ярко светило созвездие Орион.

Утром следующего дня я бродила по монастырю, удивлялась ярким росписям и тонкой резьбе затейливых оконных переплетов. Пемаянцзе стоял на открытой вершине горы. Здесь просторно и свободно гуляли ветры от снегов Канченджанги, приминая ковер свежих трав и ярких цветов. В нижнем храме монастыря было тихо и сумрачно. На алтаре горели масляные светильники, пламя плясало на позолоченной статуе Будды. Будда смотрел куда-то вдаль синими отрешенными глазами. В центре алтаря возвышалась бронзовая фигура основателя красношапочной секты Падмасамбхавы. Рядом с ним стояли его канонические подруги — китайская и непальская принцессы. У китайской принцессы были тонкие брови, прямой разрез больших глаз и длинный рот с приподнятыми уголками красиво очерченных губ.

Мысль, которая на какой-то момент мелькнула у меня в голове, показалась мне шальной и фантастической. Стены храма были расписаны фресками, а тонкие деревянные колонны покрыты затейливой резьбой. Изменилось ли здесь что-либо с того времени, когда у этого алтаря стояли Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи? Обратили ли они внимание на китайскую принцессу? В экспедиционном дневнике Николая Константиновича ничего об этом не было сказано. Он написал о другом: «Пемаянцзе стоит властно. Недавно перестроен, но сделано подновление с чутьем. И даже новейшая живопись доставляет радость своей тонкой замысловатой декорацией. И резьба наличников сказочна. И высокие пороги тяжелых дверей переносят в древние деревянные храмы России»⁶³. В Сиккиме Рерих часто вспоминал Россию. За цветистой росписью и за тонкой резьбой сиккимских монастырей чудилось ему что-то знакомое и родное.

Поселок лам, расположенный на зеленом взгорке, как будто сошел с рериховской картины. Только дома его обветшали, яркие краски наличников померкли и облупились, перила деревянных лесенок порушились. Здесь произошли какие-то изменения. Неизменным в этой заповедной стране, как я убедилась позже, оставалось одно. Ее таинственность и неразгаданность. Временами мне казалось, что я попала в сказку, где возвышались грозные горы, цвели удивительные цветы

и деревья, жили добрые и злые боги, а пути были сказочно трудны и каменисты. Я теряла ориентиры и ничего не могла с собой поделывать. Видимо, грозовая атмосфера Сиккима была насыщена видениями, фантастическими образами и прошлым, превращенным в чудесные легенды. В такой стране с человеком могут случиться самые необычные происшествия.

Между Пемаянцзе и горой, которая стоит ближе к Канченджанге, лежит небольшое горное озеро. В ясные дни оно похоже на овальный кусок бирюзы, брошенный кем-то среди коричневых и лиловых скал. Об этом озере в округе ходят самые разнообразные слухи и рассказы. И самой удивительной среди них является старинная легенда о лепча, который с берегов этого озера попал прямо на небеса. История умалчивает о подробностях маршрута. Каждый рассказчик представляет его по-своему, также по-своему видит и небеса. Но кое-что в описании этих небес совпадает с приметам таинственной страны, расположенной, по утверждению тех же лепча, где-то около священной Канченджанги. Пожилой лепча, маленький и подвижный, с морщинистым лицом, похожим на печеное яблоко, долго, не отрываясь смотрит на снега Канченджанги, возникающие на горизонте. По снегам ползут голубые тени, и сами снега от этого кажутся призрачно-голубыми.

— Это вот там, — говорит он и машет рукой в сторону Канченджанги.

— Норбу, — останавливаю его я. — Это очень неточно. Что значит «там»? И что такое «это»?

— «Это»... — спокойно отвечает Норбу, — Майялианг. Я слышал, эту страну называют еще Шамбалой, а может, еще как-нибудь. Но дело не в имени. Дело в том, что она существует и наши предки-лепча пришли оттуда. — И снова взмах руки в сторону Канченджанги. Я узнаю, что тайная страна расположена среди снегов Канченджанги. Но снега эти только прикрывают подступы к Майялиангу. В самой же стране снега нет. Там мягкий благоприятный климат. Деревья стоят зелеными круглый год, и растет много цветов непередаваемой красоты и необычной формы. Здесь, в Сиккиме, таких цветов нет. Однажды оттуда, от снегов, пришел незнакомый человек и принес такой цветок. Это случилось, когда Норбу был еще совсем маленьким. Он смутно помнит этот чудесный цветок и человека, его принесшего. Цветок поставили в воду, и он долго так простоял. У него был тонкий необычный аромат. Человек вскоре ушел и больше никогда не появлялся в их краях. Старики говорили, что он пришел из страны предков — Майялианг. В этой стране люди живут вечно.

Легенды, легенды. Самые разные, самые необычные. В них исчезает граница между землей и небесами. В них все чаще и чаще возникает неведомая тайная страна. Рассказывают, что Падмасамбхава, глава красношапочной секты, пришел оттуда. С ним, а также с заповедной страной и «небесами» было связано и таинственное слово «терма».

Когда-то меня удивила одна запись в экспедиционном дневнике Рериха. «Все знают. Обо всем слышали. Обо всем могут толковать и припоминать в сумерках. “Нам-иг” — (небесные письма) — письма и священные книги, упдающие с неба. Кольца, меняющие цвет серебра или бирюзы, в знак предостережения или предвещения. Зи — камень-буса, посылаемая с неба поддержать здоровье. Нахождение предметов, после исчезающих. Все знают»⁶⁴.

Термами назывались книги, которые время от времени находили в скалах, в пещерах, по берегам рек. Книги эти появлялись неожиданным и таинственным образом, и действительно некоторые считали, что они упали с неба. Но никто не видел, как это происходило на самом деле. Многие были убеждены, что Падмасамбхава оставил термы для потомков. В них содержались пророчества и различные нужные сведения. Они ходили по рукам, неоднократно переписывались и переиздавались. Однажды Рингу извлек из своей полотняной сумки книгу и протянул мне. На старинной плотной бумаге был отпечатан текст на тибетском языке. Мы читали вместе с Рингу эту книгу несколько вечеров подряд перед тем, как отправиться в Ташидинг. Книга называлась «Описание Сиккима».

— Я слышала, — сказала я ему, — что есть еще книга «Путешествие по Сиккиму».

Рингу поднял стриженую голову.

— Это одно и то же. А от кого вы слышали об этой книге? — поинтересовался он.

Я достала из своей сумки «Алтай—Гималаи» и перевела Рингу небольшой кусочек из этой книги:

«Самые причудливые холмы и скалы образуют как бы священную чашу — обширную долину. Посередине долины неприступно стоит, опоясанная двумя реками, гора Белый Камень, увенчанная монастырем Ташидинг, что значит “долина, открытая небу”. Древнее место. Попробуйте обыскать бесчисленные морщины и впадины всех скал. Попробуйте найти сокровища, собранные у монастыря. И чудесный камень исполнения всех желаний. И бессмертную амриту. И сто изображений Будды. И все священные, временно сокрытые книги. И все другое, указанное в древней рукописной книге “Путешествие по Сиккиму”»⁶⁵.

— Человек, написавший это, очень много знал, — задумчиво произнес Рингу.

Книга, которую мы читали с Рингу, представляла собой извлечения из терм, которые были найдены в пещерах Сиккима на протяжении XII—XIV веков, задолго до того, как там появились первые буддийские монастыри. В ней содержались различные пророчества, но одно из них, которое приписывалось Падмасамбхаве, показалось мне особенно интересным. В нем говорилось о том, что в определенный срок в Тибете начнутся трудные времена и многие его жители уйдут в Сикким, и описывались события, которые должны были предшествовать наступлению

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

этих трудных времен. Некоторые из них, согласно предсказанию, свершились в Тибете в 1959 году. Произошло предсказанное наводнение в Цанге, в Западном Тибете, была построена предсказанная крепость в Чакпури, разрушился чортен в Чантанге, в Каме.

— «Многие люди, — читал Рингу, — будут выдавать себя за Учителей и будут обманывать людей». Как вы думаете, к какому времени это относится? Я думаю, — продолжал он, — к настоящему. Вы и сами, наверное, знаете, сколько лжеучителей и лжепророков расплодилось сейчас по миру. Они наживаются на людском невежестве и на стремлении человека к духовному совершенствованию.

Рингу перевернул страницу, потом еще одну.

Храм Ташидинг

— Вот, здесь, очень интересно, — сказал он. — «В Сиккиме появятся пять человек, которые смогут показать любое чудо. И появится пятьдесят йогов очень высокой степени. И появятся семьдесят семь святых мужчин и женщин. И кроме них придут еще тридцать женщин-волшебниц — очень высоких существей, которые будут владеть многими способностями, в том числе способностью передвигаться по воздуху. Каждый, кто придет в Сикким, сможет получить цель в этой жизни и даже в последующей».

— Это сбылось? — спросила я.

— Многие из них здесь уже были, а потом ушли, — ответил Рингу.

Поздно вечером я разложила на низком резном столике экспедиционные дневники Рериха «Алтай—Гималаи» и «Сердце Азии». Свеча освещала страницы, в щель решетчатого окна проникал прохладный ночной ветер. Высоко в небе стоял молодой месяц, от него в сторону Канченджанги плыли голубые облака. Над монастырем и окрестными домами царила тишина, и мне казалось, что вся сказочная страна уже многие века спит глубоким сном...

«Ближе к области Шигатзе, — читала я, — на живописных берегах Брахмапутры и в направлении к священному озеру Манасаровар еще совсем недавно существовали ашрамы махатм Гималаев. Когда вы знаете это, когда вам известны факты, окружающие эти замечательные места, вас наполняет особое чувство. <...> Вот в этих пещерах они останавливались, вот эти потоки они переходили, вот в этих джунглях Сиккима стоял их внешне так скромный ашрам»⁶⁶. Потом махатмы ушли из Сиккима. Утром я сказала об этом Рингу. Он заставил меня несколько раз прочесть отрывок из «Сердца Азии».

— «Внешне так скромный ашрам», — повторил он. — Удивительно точно писал этот человек. «Внешне так скромный...»

— Это значит, что внутри было нечто иное? — поинтересовалась я.

— Можно и так толковать. — И лицо Рингу стало задумчивым и немного отрешенным.

В тот день мы снова читали старинную тибетскую книгу и Рингу выбирал из нее все, что относилось к монастырю Ташидинг. Нам предстояло отправиться туда.

— Ташидинг — монастырь особый, — объяснял он. — Когда-то великий учитель Падмасамбхава жил в той местности, и монастырь построили на горе, где учитель медитировал. В Ташидинге осталась его чаша, а сокровища, которые он отказал монастырю, были спрятаны в горе.

— Но ведь Падмасамбхава жил много раньше, чем был построен монастырь. Если не ошибаюсь, он возник только в XVII веке.

— Неважно, — ответил Рингу. — Это место было священным за много веков до постройки монастыря.

Из книги я узнала, что в Ташидинге существовало семь уровней.

Четыре из них находились на поверхности, а три — под землей. Сокровища лежали под землей. Там же хранились орудия, которыми крестьяне обрабатывали землю, посуда, зерноотерка и другая домашняя утварь. В самом нижнем уровне находились те самые термы, из которых и были сделаны извлечения, те, что мы читали с Рингу. Однако многое из них не вошло в книгу, ибо срок еще не наступил. Тайная информация терм касалась в первую очередь тех священных мест, где появлялись или появятся Великие Учителя, высокие йоги и те, которым доступна власть над Временем, пространством и материей.

До Ташидинга нас провожала Канченджанга. Ее снежный хребет стоял в утреннем ясном небе непоколебимо и мощно. Облака тумана вихрились где-то внизу, но не могли достичь ее сверкающих вершин. Тропа, размытая прошедшим дождем и от этого скользкая, то поднималась круто вверх, то также круто падала вниз. Мы пересекали шаткие бамбуковые мосты, раскачивающиеся над бурлящей водой. И каждый раз, когда мы поднимались из-под душных сводов субтропических лесов «нижнего» Сиккима кверху, вновь возникала снежная громада Канченджанги. Последний участок пути по горе Белый Камень, на которой стоял монастырь, был крут и безжалостен. Мы одолели его только к полудню. Вершина горы была безлесной, но там, где стоял монастырь, виднелись заросли кедра и сосны. Небольшой поселок Ташидинг был окружен пирамидальными ступами, сложенными из грубых камней.

Аккуратные домики лам, крытые соломой, стояли в ухоженных двориках, где росли красные крупные цветы. Просторный дом настоятеля монастыря виднелся на окраине поселка. На зеленой лужайке перед храмами, среди травы краснели спелые ягоды земляники. С деревьев свешивались розово-сиреневые гроздья орхидей. Разноцветные молитвенные флаги, укрепленные на шнурах и бамбуковых шестах, лениво раскачивались под теплым слабым ветром. Один из храмов, под изогнутой на углах легкой крышей, был расписан синим и голубым. И от этого его фасад казался не деревянным и глухим, а фарфоровым и звонким. Грузная фигура настоятеля маячила в глубине просторного зала. Настоятель сделал приглашающий жест и шаркающей, тяжелой походкой пошел навстречу. В алтаре горели светильники, а в центре его возвышалась большая статуя Будды. На некотором отдалении от него я увидела фигуру Великого волшебника Падмасамбхавы. На резных колоннах перед алтарем висели маски, две из них пурпурного цвета и одна черного.

— Бог Канченджанга, — сказал настоятель, показывая на пурпурную маску, — покровитель Ташидинга. А это Махакала, — указал он на черную маску, — бог-покровитель Сиккима. Но Канченджанга значительней. Это могущественный бог, стерегущий сокровища Канченджанги и Тайную долину. Часть этих сокровищ находится в горе, на которой стоит Ташидинг.

Ступа Ташидинга

Роспись на ограде ступ в Ташидинге

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

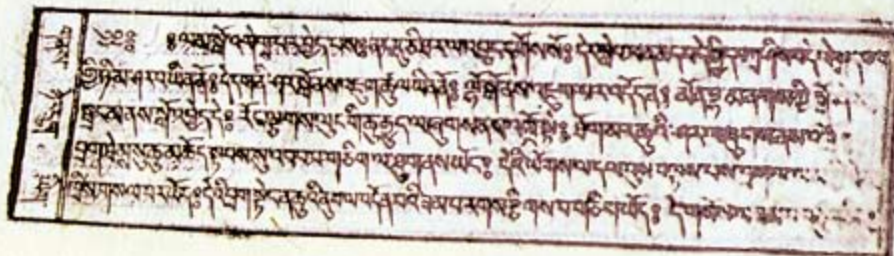
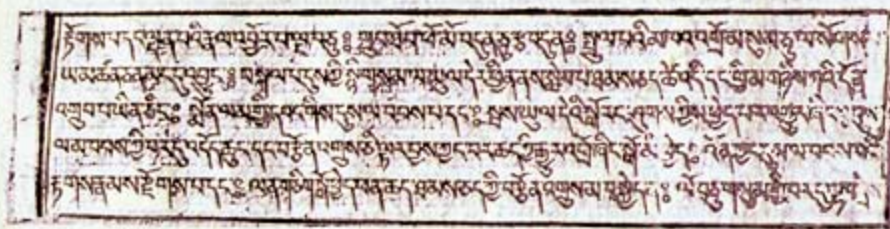
И опять все сошлось вместе. Канченджанга, Тайная долина, пурпурный бог и древние сокровища. Тихо мерцали светильники, отрешенно смотрел Будда, и яростно сверкали гипсовые глаза Падмасамбхавы. Белоснежная гора Меру смотрела со старинной фрески. На ее вершине стояла трехъярусная башня, похожая и непохожая на ту, которую я видела в Пемаянцзе.

— «Небеса богов», — кивнул на стену настоятель. — Такая фреска есть только в Ташидинге. Говорят, ее сделали еще при Великом ламе — основателе, построившем монастырь в предсказанном священном месте. А вы знаете о чуде Ташидинга? Такого чуда нет ни в одном монастыре.

Он подвел меня к алтарю и указал на небольшой застекленный шкафчик. В шкафчике стояла шкатулка, напоминавшая китайскую пагоду. Она была сделана из серебра, и на ней позолотой сверкали свастика и горящие в пламени три круга Сокровища мира. В шкатулке стояла знаменитая чаша Ташидинга. Я вспомнила, что об этой чаше писал Рерих в книге «Алтай—Гималаи».

«Впервые полнолуние после Нового года (было 20 февраля) в Ташидинге годовой праздник. Происходит чудо наполнения чаши.

С древних времен, более восьми поколений, заповедано это чудо. Из указанного места горной реки берется небольшой сосуд воды и вливается в старинную деревянную чашу. В присутствии свидетелей, представителей махараджи Сиккима, чашу плотно закрывают и запечатывают. Через год в то же полнолуние, на восходе солнца чашу торжественно вскрывают и измеряют количество воды. Иногда вода уменьшается, но иногда и сильно увеличивается. В год великой войны

вода в три раза увеличилась, что и означало войну. Нынче вода вдвое уменьшилась, что значит голод и беспорядки»⁶⁷.

В монастырских книгах Ташидинга были записи о событиях, характер которых соотносился с уровнем воды в день Нового года. В 1959 году вода в чаше сильно убыла. Ламы предсказывали наступление кровавых событий. Вскоре разыгралась трагедия в Тибете и тысячи беженцев хлынули в Сикким из-за снежных перевалов. В 1980 году вода в чаше немного прибыла, что означало наступление спокойного и процветающего года. В том году снова пришел к власти Национальный конгресс, и острая политическая ситуация, сложившаяся в Сиккиме, к этому времени нормализовалась. Сиккимское правительство открыло двери иностранцам, а на полях был собран богатый урожай. Говорят, что чаша принадлежала самому Падмасамбхаве, а сам Великий лама благословил ее. Вода в чаше не портится и остается такой же свежей, как и в день Нового года.

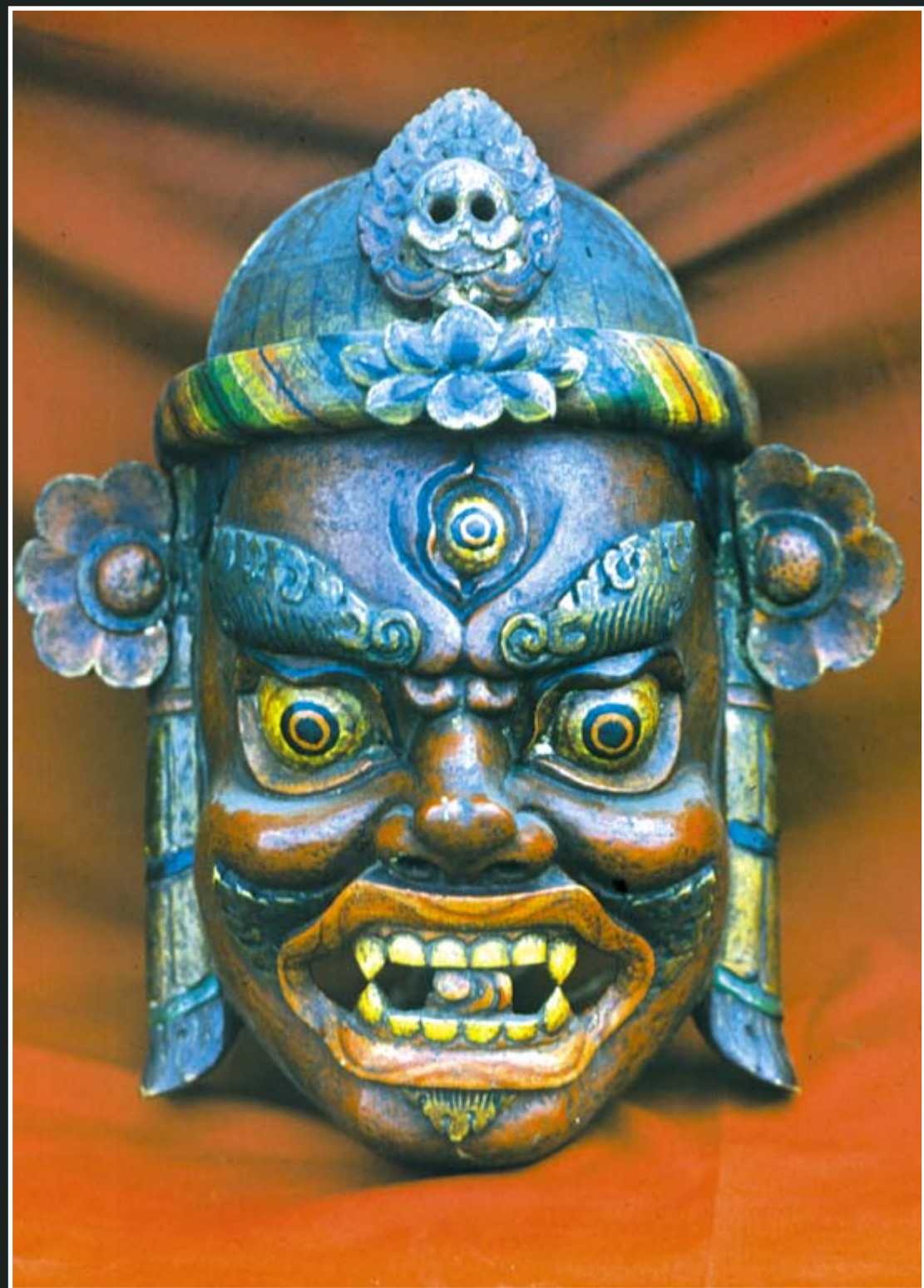
Прах Великого ламы находится в позолоченной ступе на алтаре. Эту ступу сделали после сильного землетрясения 1973 года, когда погребальный чортен Великого ламы был разрушен. Великого ламу звали Нгадак Сем Пан Чен-по. На храмовой фреске у него большие, прямого разреза глаза, а на голове белый тюрбан. Монастырские ламы таких тюрбанов не носили. Великий лама жил в конце XVII — начале XVIII века. Так я столкнулась в Ташидинге еще с одной загадкой.

...Ночью я проснулась от безотчетного беспокойства, овладевшего мной. В решетчатое окно лился какой-то странный призрачный свет. Я решила, что это луна, но почему-то оделась и вышла. Луны не было. Темное звездное небо низко висело над Ташидингом. А в той стороне, где среди звезд тянулся хребет Канченджанги, происходило что-то похожее на чудо. У самых верхних снегов священной горы стояли легкие облака, и они светились странным необычным светом. Казалось, что множество огоньков бежало от их краев к центру и там, в центре, превращалось в ровное, стойкое сияние. И в нем то вспыхивали, то гасли снега священной горы. И эти вспышки, неправдоподобные и нереальные, следовали одна за другой вдоль снежного хребта за светящимися облаками, которые медленно двигались по изломанным пикам. Чуть выше этих пиков неподвижно и ярко застыли три звезды пояса Ориона. Я долго, не отрываясь смотрела на это чудо, и мне не хотелось думать об атмосферном электричестве, которым в это время года насыщены Восточные Гималаи. Мне не хотелось развенчивать самую прекрасную из сказок, которую в эту ночь подарил мне Ташидинг.

6. ТРИ ЛАМЫ И НЕБЕСНЫЕ КОРОЛИ

— Нет, — сказал он. — Так не пойдет. Не пойдет.

Он стоял передо мной на каменистой тропинке около монастыря

Бог Канченджанга

Пемаянцзе, коренастый и низкорослый. Узкие глаза под припухшими веками смотрели на меня не мигая и настойчиво.

— Вся ваша информация о Сиккиме без того места, куда я вас сейчас поведу, ничего не стоит. Вам следует увидеть это собственными глазами. Вы должны подышать тем воздухом, ощутить, если хотите, дух ушедших. Вы почувствуете запах крови, предательски выпущенной из вен благородного короля, а возможно, услышите стоны его вероломной и тщеславной сестры, задушенной шелковым шарфом.

«Боже мой, — подумала я. — За что? За что? Я, наверное, этого не перенесу». Но выбора не оставалось. Мистер Суба, член индийского парламента от Сиккима, с которым я познакомилась утром, отрезал мне все пути к отступлению. Наверно, я могла бы пробиться через него с боем. Но драка с членом парламента, хоть и украсила бы мое пребывание в Сиккиме, могла быть неправильно понята в

правительственных кругах гостеприимной страны. И я подчинилась. С трудом переставляя уставшие после очередного перехода ноги, я двинулась за мистером Субой. Его широкая спина маячила передо мной, и я испытывала непреодолимое желание напасть предательски сзади на члена парламента и тем самым прекратить свои физические и моральные страдания. Но приходилось идти в это таинственное и страшное прошлое. Тропинка, петляя среди огромных темных кедров и тонких осин, стала расширяться, а потом превратилась в мощеную, поросшую

травой дорогу.

— Королевская дорога, — сказал мистер Суба. — Очень старинная. В теперешнем Сиккиме о ней почти никто не знает. Всего несколько веков тому назад здесь на конях ездили короли Сиккима в сопровождении своей свиты. Представьте себе, никаких «джипов», никаких «мерседесов». Только цокот копыт и развеваемые ветром шерстяные плащи. Теперь все поросло травой забвения.

Дорога поползла куда-то вверх. Вверх полз и темный густой лес, наступавший на эту дорогу, но не сумевший окончательно поглотить ее. Стволы и ветви деревьев были покрыты древними глухими мхами, и от этого лес становился еще темнее. Это был Берендеев лес. Наконец дорога уперлась в обширную площадку на вершине горы. Здесь тоже росли деревья, но не так густо, как в лесу. По краям площадки тянулась полуразрушенная стена, сложенная из грубо обработанных камней.

— Рабденцзе, — сказал мистер Суба.

Слово было незнакомым и походило на заклинание. Я подумала, что сейчас начнется все, что обещал мне мистер Суба. Но над площадкой

стояла тишина. Никто не проливал кровь, и никто не стонал. И только черная птица с большими крыльями бесшумно поднялась откуда-то из-за стены, уселась на обрушенный ее край и с любопытством уставилась на нас круглыми, немигающими глазами.

— Кыш! — махнул рукой мистер Суба. — Летают тут всякие...

Птица лениво поднялась в воздух, сделала круг над площадкой и исчезла за горой, которая в отдалении возвышалась над развалинами. На горе, в лучах закатного солнца, сверкала и плавилась желтая изогнутая крыша монастыря Пемаянцзе.

Рабденцзе — это таинственное слово было названием старинной столицы Сиккима, куда и привел меня настойчивый мистер Суба. Вся площадка на вершине горы была покрыта руинами, сквозь которые проросли кедры и какие-то неизвестные мне лиственные деревья. Среди них гулял предзакатный ветерок, и руины прозрачно и легко розовели в последних лучах уходящего солнца. И казалось, что среди темнеющих кедров стоял призрачный город с зыбкими розовыми стенами. Через некоторое время я поняла, что это был не город в том смысле слова, в котором мы привыкли понимать, а огромный замок с королевским дворцом, площадью для торжеств, со святилищами, жилищами для знати и слуг и тесными караульными помещениями.

Столица была невелика, как и невелико было королевство Сикким, спрятанное в Гималаях среди снежных вершин и густых заповедных лесов. Через руины массивных и мощных замковых стен мы вышли на площадь, аккуратно вымощенную каменными плитами. Сквозь их трещины пробивалась трава и кустарник с небольшими жесткими листьями. На площади стояла беломраморная стела, на которой были вырезаны Будда и несколько тантрических богов. Около стелы находился каменный трон. На нем когда-то в дни торжеств и церемоний восседал король. Отсюда, с королевского места, просматривалась вся площадка. Замковая стена исчезала там, где площадка круто обрывалась вниз лесными трупцобами и каменными завалами. Кое-где среди руин были разбросаны обветшавшие квадратные ступы. Мы сели на королевский трон. Его камень еще не успел остыть, нагретый лучами дневного солнца. На землю спускались сумерки. По небу ползли темно-серые дождевые тучи. Стал накрапывать дождь. От сумерек и дождя деревья и руины потемнели, потеряли свои краски, и казалось, что теперь над ними воцарилась осень.

— Какое печальное место, — сказала я.

— Да, вы правы, — отозвался мистер Суба. — Но когда-то здесь кипела жизнь. Для нас с вами она стала прошлым. Я люблю бывать здесь, особенно в сумерки. Тишина и одиночество способствуют ясности размышлений. А эти руины наводят на многие мысли. Я думаю о трех Великих ламах, стоявших у истоков нашего королевства, о скоротечности человеческой жизни. И о том, что только память потомков способна продлить жизнь предков.

Развалины Рабденце — древней столицы Сиккима

Рабденцзе как столица королевства Сикким обозначилась в последней четверти XVII века. Тогда, по-видимому, здесь, рядом с Пемаянцзе, и был сооружен этот замок с мощными стенами, королевским дворцом, службами, жилищами и святилищами. Все это случилось при короле Тенсинге Намгияле, при котором настало относительно спокойное время. Он был вторым по счету королем «небесной» династии, у истоков которой стояли все те же таинственные Великие ламы. Тенсинг беззаботно гарцевал на своем белом коне по лесной королевской дороге, участвовал во всех праздниках и церемониях, на которые стекались его немногочисленные подданные, и пытался справедливо управлять этими подданными. При нем Рабденцзе превратилась в грозный форт, предоставлявший королевским подданным защиту, если они нуждались в ней.

После смерти Тенсинга в 1700 году наступили времена раздоров в королевской семье, феодальных усобиц и тревожных известий, которые ползли от границ Сиккима со стороны Тибета, Непала и Бутана. Раздор в королевской семье начался сразу, как только воцарился сын покойного короля Чакдор Намгиял.

У Чакдора была старшая сестра Педи Вангмо, женщина властная и честолюбивая, рожденная от бутанской жены предыдущего короля. Она хотела царствовать в Сиккиме, сидеть единолично на мраморном троне, который стоял на замковой площади в Рабденцзе, и пыталась уговорить Чакдора отречься в ее пользу. Но уговорить его не удалось, так как он ссылался на волю покойного отца. Педи Вангмо послала гонца с письмом к королю Бутана, с которым по материнской линии состояла в родстве. Гонец на рассвете тайно покинул Рабденцзе, и копыта его коня процокали по королевской дороге. Их звук спугнул черных птиц, сидящих на придорожных деревьях. Они поднялись в воздух и долго кружили над королевской дорогой. Гонец благополучно прибыл ко двору короля Бутана. В письме, которое он привез, Педи Вангмо просила о помощи.

Король собрал все свое королевское войско, приказал ему идти в Рабденцзе и возвести Педи на престол. С песнями и барабанным боем войско вторглось в Сикким и, лихо одолев горные перевалы, появилось в зеленой уютной долине, где на лесистой горе стоял королевский замок. Прихватив свою свиту и всю королевскую рать, Чакдор бежал в Тибет. Но честолюбивая и коварная Педи Вангмо недолго наслаждалась своей властью. Король Бутана, оставшись без войска, затребовал через несколько месяцев его обратно. Бутанская армия, пропылив по королевской дороге, отбыла восвояси. Почти в тот же момент с другой стороны долины показалась сиккимская королевская армия. Впереди на белом коне и в шелковом развевающемся плаще ехал законный король Чакдор. Возмущенная Педи Вангмо удалилась в свои апартаменты и велела слугам не пускать к ней короля. Король после нескольких неудачных попыток проникнуть к сестре прекратил свои старания и

воцарился на своем троне.

Однако Педи не унялась и привлекла на свою сторону личного королевского лекаря. Лекарь стоил всей рати бутанского короля. И когда король занемог, тот решил ему сделать небольшое кровопускание. Он вскрыл королевскую вену, из которой струей потекла теплая кровь. Это и была как раз та кровь, о которой мне говорил мистер Суба, член парламента от Сиккима. Кровь текла и текла, пока вся не вытекла. Вместе с ней из королевского тела ушла и жизнь. Через некоторое время лекарь признался, что он выпустил кровь из короля по велению самой принцессы. Королевский совет вынес решение задушить Педи Вангмо шелковым шарфом. На трон взошел младший сын короля Чакдора. После него трон занимали один за другим его наследники.

При короле Тенсинге Намгияле для Сиккима и Рабденце начались беспокойные времена. Конец XVIII века был бурным для всего региона, куда входили Гималаи. Там столкнулись интересы крупных и мелких государств. В 1788 году под стенами Рабденце появились воинственные гуркхи из Непала. Они штурмом взяли замок, ворвались в монастырь Пемаянцзе, разграбили его и уничтожили исторические хроники сиккимских королей, которые хранились в монастырской библиотеке. В Сиккиме в это время начался сезон дождей. Над королевством бушевали грозы, и от Канченджанги дули черные безумные ветры. Непальские солдаты затыкали королевскими хрониками дыры в своих прохудившихся жилищах. Потом были китайцы и тибетцы и снова непальцы. Король покинул полуразрушенную столицу и бежал в Лхасу, под сомнительное покровительство Далай-ламы. Там, в изгнании, он умер, так и не увидев больше Сиккима и мощных стен Рабденце.

В 1814 году новый король покинул свою столицу с полуразрушенным замком, с обветшавшим королевским дворцом, с покосившимися ступами и захламленной площадью. Вслед за королем Рабденце покинули все, кто там обитал. И только монастырь Пемаянцзе по-прежнему возвышался на горе над умершей и разрушенной столицей. Дремучий кедровый лес, отступивший за несколько веков от вершины горы, где стоял королевский замок, вновь пошел на приступ, придвинулся вплотную к королевской дороге, зашагал между руинами, скрыв их от солнечных лучей. Лес становился все гуще и гуще. В его чащобах бродили тигры и гималайские медведи. Преданный забвению, Рабденце постепенно превращался в легенду.

Потом столицей королевства стал Гангток, единственная из всех столиц, которая пережила остальные и превратилась в тот современный город, который я увидела, когда впервые приехала в Сикким.

Самая интересная и таинственная легенда королевства повествует о трех Великих ламах, которые положили начало красношапочным монастырям: Дубди, Сангачелингу, Пемаянцзе и Ташидингу. Все трое появились в Сиккиме тогда, когда престол в Лхасе занимал Великий Далай-лама V. Перед этим они встретились около озера Юksam, у под-

ножия священной Канченджанги. Юксам значит «Трое Высших». Встреча эта, как утверждают в Сиккиме, была предсказана за несколько веков. О предсказании узнали из тех же таинственных терм, которые находили в пещерах и скалах предгорий священной Канченджанги. В пророчествах упоминалось также о Тибете и Тайной долине около Канченджанги. Из трех ворот этой долины и должны были выйти три ламы, когда в Тибете начнутся тяжелые и беспокойные времена. И то и другое пришлось на вторую четверть XVII века. Таким образом, вольно или невольно, единая нить связала во Времени и Пространстве Великого Далай-ламу V, Тайную долину и трех Великих лам, придав этим взаимоотношениям характер неясный, таинственный, а временами просто противоречивый.

Однако эта противоречивость, являвшаяся таковой при поверхностном подходе к случившемуся, возможно, и не существовала в действительности. Есть также сведения, что Великие ламы появились у озера Юксам с трех разных направлений. С севера от Канченджанги, с запада от Непала и с юга от Индии. Того, кто пришел с севера, звали Лхатсун Ченбо. Он был главным среди трех и считается не только основателем монастыря Пемаянцзе, но и создателем Сиккимского королевства. В отличие от двух других Лхатсун Ченбо имеет биографию. Известен даже год его рождения — 1595-й, или год Огненного петуха по шестидесятилетнему тибетскому циклу. Место рождения — Тибет, Конгбу, нижняя долина Цангбо. О нем также известно, что он провел много лет в монастырях Тибета. Несколько лет спустя, после того как был коронован первый «небесный» король Сиккима, он появился в Лхасе, имел долгие беседы с Великим Далай-ламой и привлек его своей высокой ученостью.

На пути к Юксаму он прошел перевал Кангла и достиг пещеры Кампа Кабрук. В пещере он никого не обнаружил, кто бы мог ему указать дальнейший путь. К тому же и самого дальнейшего пути не было. Однако это не остановило Великого ламу. Говорят, он поднялся над горами, над облаками, перелетел в Кабру и оттуда спустился к бирюзовому озеру Юксам. Нечто подобное было изображено и на картине Рериха. Картина входила в его знаменитую сиккимскую серию «Его страна» и называлась «Выше, чем вершины». В голубовато-молочном море облаков и тумана плыли три темных пика. По характерным очертаниям можно было определить, что пики принадлежат священной Канченджанге. И если бы можно было подняться над ней на самолете, они бы, вероятно, выглядели именно так. Над пиками, среди легких предрассветных облаков, летел лама, простерший в голубеющее небо руки-крылья. Он летел каким-то непостижимым, но в то же время и естественным образом, похожий на странную огромную птицу и в то же время оставаясь человеком со всеми присущими ему особенностями. Тогда, в Сиккиме, я все более и более склонялась к тому, что Рерих отразил в своих картинах не только яркий и фантастический мир легенд, но и ту неожиданную реальность, которая за этим миром стояла.

Основатель монастыря Ташидинг Нгадак Сем Пан Чен-по

*Танка «Основатели монастырей Сиккима»
(из королевской коллекции)*

Необычная внешность Лхатсуна Ченбо поражала меня, когда я рассматривала фрески Ташидинга и когда внимательно изучала танки в королевском дворце в Гангтоке. Наряду с каноническими чертами, приближавшими его к тантрическим божествам, в нем были и конкретные человеческие черты. Лхатсун Ченбо сидел на шкуре леопарда, и жест правой руки свидетельствовал о том, что он учил и был Учителем. Прямой разрез глаз, усы и эспаньолка напоминали портреты рыцарей со старинных картин французских или испанских художников. Видение «Башни Шамбалы», так подробно описанное в старинной рукописи, возникло именно у него.

Сведения о двух других ламах много скупее. Известно, что Нгадак Сем Пан Чен-по, основатель Ташидинга, пришел в Юксам с запада. Однако путь его был извилист. Так же, как и Лхатсун Ченбо, он подошел к Сиккиму с севера, со стороны перевала Кангла. Та пещера, которая оказалась пустой, когда ее обследовал Лхатсун Ченбо, на этот раз была обитаемой. В ней сидел отшельник, который, не вдаваясь особенно в подробности и объяснения, передал приказ для Сем Пан Чен-по повернуть на запад, к Непалу, и оттуда войти в Сикким. Сем Пан Чен-по повиновался.

Третий Великий — Ригзен Ченбо появился с юга, со стороны Дарджилинга. История и легенды умалчивают о том, с какими препятствиями столкнулся третий лама и почему он избрал путь через Дарджилинг. Так или иначе, все трое оказались у бирюзового озера Юксам в назначенный предсказанием срок. И тогда Лхатсун Ченбо сказал буквально следующее:

«В пророчестве Гуру Римпоче (Падмасамбхавы. — *Л.Ш.*) написано, что четыре благородных брата встретятся в Сиккиме и создадут его правительство. Мы являемся тремя и пришли с севера, юга и запада. Было сказано, что в это время будет жить на востоке человек по имени Пунцок, потомок храбрых предков Кама восточного Тибета. Поэтому, согласно пророчеству Гуру Римпоче, мы должны пригласить его присоединиться к нам».

От Юксама на восток были посланы гонцы. Они искали человека по имени Пунцок по приметам, которые им дали три Великих ламы. Наконец Пунцок был обнаружен. Он сидел у своего жилища и сбивал масло. Гонец велел ему немедленно собираться в путь. Пунцок не стал задерживаться, сел на коня и вместе с гонцом прибыл к озеру Юксам. Там три Великих ламы короновали его. Это случилось в 1642 году. Так началась тибетская династия Намгиялов, или «небесных королей», которая продолжалась до тех пор, пока Сикким не стал одним из штатов независимой Индии. Титул «чогиял», который пожаловали ламы Пунцоку в Юксаме, значил «небесный король».

С последним «небесным» королем Миванг Чогиял Палден Тхондуп Намгиялом я сидела в королевском саду перед королевским дворцом. На столике, стоявшем перед нами, лежала королевская корона, очень

почему-то похожая на шапку Мономаха. Она была оторочена соболем, расшитый шелком верх венчало дордже из розовых кораллов и бирюзы. Я разглядывала корону, а его величество потягивал из хрустального бокала русскую водку. Водку в качестве сувенира подарила ему я.

В Гангтоке я долго носила с собой письмо Мерилин, которое начиналось простыми словами: «Дорогой мой король!». Среди моих знакомых не было королевских приближенных. Те же, с кем я заводила речь о короле, замолкали и давали мне понять, что вопрос этот неуместен. Современный Гангток не желал иметь дело с бывшим монархом, утратившим свой престол пять лет назад. Мне оставалось надеяться на случай. Он вскоре представился в лице принца Вангчока.

В один прекрасный день мы отправились с Рингу в королевский монастырь, где обитало знакомое Рингу воплощение высокого ламы. Рингу объяснил мне, что серебряный чортен с прахом умершего ламы стоит в одной из комнат монастыря. А над этой комнатой есть другая, где теперь живет его Воплощение. И это Воплощение совсем молодое.

— Интересно, — спросила я Рингу, — как себя чувствует это Воплощение, живя над комнатой с собственным прахом?

— Ну, это не совсем так, — засмеялся Рингу, — хотя что-то в вашем неожиданном взгляде и есть. — И снова засмеялся.

Монастырь стоял на веселой зеленой поляне на горе и смотрел узорчатыми рамами окон и расписными наличниками на город, на королевский дворец, расположенный чуть ниже, и на вечные снега Канченджанги. Резные, ярко крашенные колонки подпирали просторный вход и шли вдоль храмового зала до алтаря. На алтаре горели до блеска начищенные медные светильники, пахло благовониями. В позолоченных коронах Падмасамбхавы, Будды и Белой Тары сверкали, переливались рубины, сапфиры, опалы, бирюза. Скамьи лам были покрыты толстыми тибетскими коврами. Настенные фрески горели яркими красками, и пламя светильников высвечивало на них длинные ряды бодхисаттв и архатов. На полках резных шкафов лежали аккуратно завернутые в цветные шелка старинные книги и рукописи. Храм был ухожен и богат. Пожалуй, я нигде больше не встречала такого количества драгоценных камней, как в королевском монастыре. Сюда стекались богатства со всех концов Сиккима, сюда приносили дорогие подарки купцы и знать королевства. Монастырь действительно был королевский.

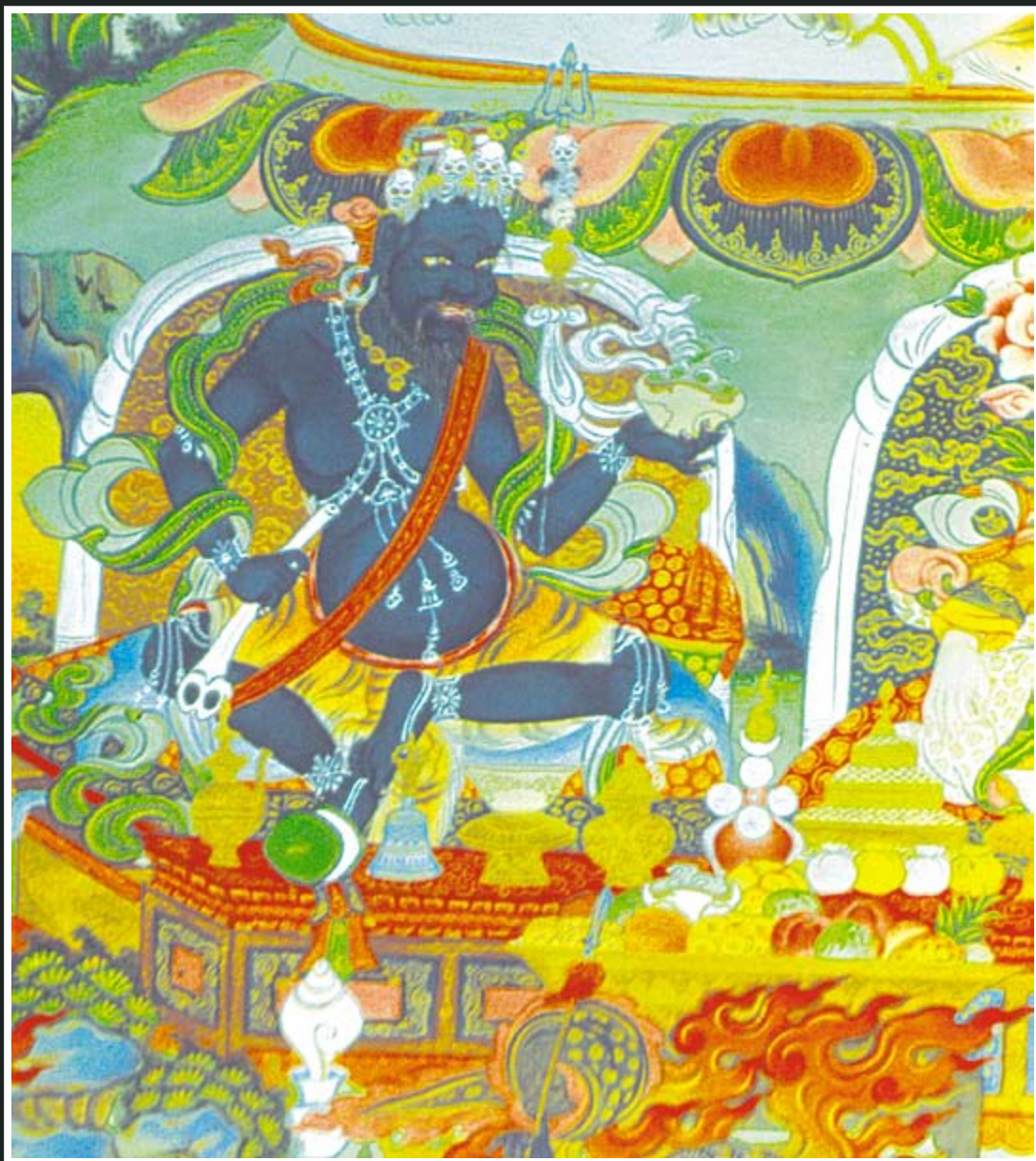
Пришел согнутый седой лама, высохший, как старое дерево с подрубленными корнями, сделал приглашающий жест рукой, и мы последовали за ним к низкой резной дверце, за которой оказался узкий темный коридор, а затем еще одна дверь. Лама открыл эту дверь, и мы оказались в просторной комнате, куда сквозь узорчатые переплеты окон лились лучи яркого горного солнца. Здесь я снова увидела драгоценные камни. Их было еще больше, чем в главном храме. Они горели в лучах

*Танка «Основатели монастырей Сиккима»
(из королевской коллекции)*

Фрагмент танки «Основатели монастырей Сиккима»

Фрагменты танки «Основатели монастырей Сиккима»

весеннего солнца, вставленные в чеканное серебро двух чортонов, стоявших на резном возвышении. Бирюза, кораллы, бриллианты, изумруды, рубины и глухо отливающий сиккимскими туманами жемчуг. Перед большим чортоном лежали две продолговатые таинственные бусы «зи» — небесные пришельцы, исполненные загадочной силы. Тут же стоял букет свежих роз и наполнял комнату тонким ароматом. В чортонах, покрытых драгоценными камнями, хранился пепел высокого ламы — римпоче Джамиянга Кенцзе. Рядом с его гипсовой статуей стояла фотография живого римпоче. С узкого лица на меня смотрели с веселой пронизательностью темные глаза. В этой же солнечной комнате с мягкими китайскими коврами и старинными рукописями в застекленных шкафах я услышала легенду о его жизни.

Высокий лама Джамиянг Кенцзе родился в 1893 году в Тибете. Появление его на свет, как утверждают другие ламы, не было случайным. Джамиянг Кенцзе являлся лишь одним из звеньев в цепи воплощений высоких существ. Его предшественник, живший в XVIII веке, зани-

Картины старого короля

мал высокое положение в красношапочной секте Тибета. Когда Джамианга Кенце посвящали в высокие ламы, в одном из монастырей Кама пошел золотой дождь. Счастливицы, которым удалось попасть под этот дождь, набрали золота и до сих пор его хранят. Лама был мудр, подвижен и охотно делился с другими теми знаниями, которыми обладал. Он много путешествовал по Тибету, считался не только высоким, но и святым и снискал себе большую известность и уважение не только среди приверженцев своей секты. Те, кто знали его, рассказывали о нем много удивительного. В связи с этим стоит упомянуть об одном происшествии, о котором до сих пор помнят и в Тибете, и в Сиккиме.

Когда высокий лама состарился, его ноги потеряли былую силу и ему было трудно передвигаться с места на место. Но люди, почитавшие его, часто просили его участвовать в различного рода торжественных церемониях. Однажды к Джамиангу Кенце пришел гонец и принес весть о том, что в одном из храмов воздвигли новую статую Будды. Люди хотели, чтобы эту статую освятил сам высокий лама. Ответ ламы поверг

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

гонца в недоумение. Джамианг Кенцзе сказал, что на место торжества он прибыть не сможет, но статую освятит. В торжественный день римпоче вышел из своего дома и бросил горсть риса в воздух, как бросают его на новую статую, когда ту освящают. И рис упал на статую, которая находилась за несколько сот километров от дома высокого ламы. Потом он брызнул водой, и она так же, как и рис, попала на статую Будды.

Высокий лама Джамианг Кенцзе умер 26 июня 1959 года. До сих пор живы люди, которые его хорошо помнят. И помнят то, что произошло в этот день. Говорят, что между восемью и девятью часами вечера весь Гангток засветился странными холодными огнями. Перед смертью высокий лама назвал дату рождения, место и особые приметы того, в чьем теле он снова воплотится. Рождение нового воплощения приходилось на 1960 год. В нижней комнате легенда кончалась, в верхней только начиналась. Воплощение именовалось Цонгзар Джамианг Кенцзе. Свою прошлую жизнь, как я потом выяснила, Воплощение не помнило. Оно знало пока только настоящую. И, конечно, помнило

Король Сиккима

Кенце — воплощение высокого ламы

во всех подробностях событие, когда в колледже в Дера-Дуне, где он учился, появились неизвестные ламы и забрали его прямо со стадиона, где он увлеченно играл в крикет.

Когда мы с Рингу вошли в верхнюю комнату, Воплощение, явно смущенное нашим вторжением, поднялось нам навстречу. На нем была студенческая спортивная куртка и красная тога ламы. Новый Джаминг Кенцзе оказался человеком общительным и разговорчивым. Но не проявлял пока особого интереса к своему предшественнику, чей прах покоился в нижней комнате в чортенах, украшенных драгоценными камнями. Он был увлечен настоящей жизнью, а та, прошлая, ничем пока его не трогала. В настоящей его жизни были богато обставленная комната; прислуживавшие ему друзья-сверстники, имевшие свободный доступ к Воплощению; любимые сладости, к которым Воплощение имело сильную склонность; наконец, ореол высокого ламы, чья жизнь уже стала легендой. Когда мы прощались, в узких глазах Кенцзе на какое-то мгновение мелькнула уже знакомая мне веселая пронизательность, сделавшая его узкое лицо значительным и неожиданно похожим на того, чья фотография стояла в нижней комнате у серебряных чортонов. Но это мгновение было кратким, как зарница. Возможно, оно предвещало начало новой легенды, которая будет принадлежать только этому мальчику-ламе с именем, пришедшим к нему из глубины Времени, где поворачивалось колесо бесконечности, меняющее наши жизни.

Принц Вангчок появился в монастыре неожиданно. Об этом громким взволнованным шепотом сообщила тибетка-служанка, когда мы пили крепкий тибетский чай с дзампой в келье у старого ламы. Старый лама поднялся и растерянно затоптался на месте. Все куда-то побежали. Монастырем овладела легкая паника.

— А нам что делать? — спросила я Рингу.

— Ничего, — улыбнулся он. — Можем допить чай, а если хотите, отдайте принцу письмо, которое вы так долго носите с собой. В любом случае оно попадет прямо к королю.

Я нашла принца Вангчока, старшего сына короля, в комнате высокого ламы, там, где стояли серебряные чортены. Он поднялся мне навстречу из-за низкого резного столика, на котором лежала продолговатая тибетская книга. Принц был гибок, высок, с тонкого интеллигентного лица на меня смотрели вопрошающие серьезные темные глаза. Джинсы и свитер делали его похожим на многих сверстников. Но в его поведении и осанке было нечто, что отличало его от них. Возможно, это была традиционная изысканная вежливость или гордое, не утратившее еще своей силы сознание принадлежности к королевской семье. Или то и другое вместе. Принц стоя выслушал меня, не перебивая и ни о чем не спрашивая. Так же молча взял письмо и только после этого заговорил на безупречном английском языке:

— Я все сделаю, как нужно, и позвоню вам в отель в семь часов вечера сегодня.

Телефонный звонок раздался у меня в номере ровно в семь. Ни минутой раньше, ни минутой позже. Я вспомнила пословицу — Точность — вежливость королей.

Король, сообщил принц, будет ждать меня на следующий день в своем дворце ровно в двенадцать утра. Вангчок на всякий случай осведомился, удобно ли мне это время. Мне было удобно. И вот теперь мы сидели с королем за легким резным столиком в королевском саду перед королевским дворцом и пили каждый свое. Третьим в нашей компании был льстивый царедворец Денсапа. Высокий, сухощавый, с жиденькой китайской косичкой, уложенной вокруг лысеющей головы, в длинном тибетском халате, перехваченном шелковым поясом, Денсапа пил душистый чай из тонкой фарфоровой чашечки. Когда он ставил чашечку на блюдце, оно позванивало нежно и мелодично. Денсапа приходилось это делать часто, потому что, когда к нему поворачивался или обращался король, он вставал и отвешивал поклон. На его благообразном лице появлялась улыбка удовольствия, которую я оценивала как льстивую и подхалимскую, а узкие глазки начинали светиться восторгом. Денсапа знал Рерихов и помнил, как они, завершив Центрально-Азиатскую экспедицию, появились в Гангтоке.

Самое большое впечатление на него произвели Юрий Николаевич Рерих, который свободно говорил по-тибетски, и верблюды, которых Денсапа видел тогда в первый и последний раз в своей жизни. Два верблюда, выжившие в тяжелой экспедиции, были облезлые, истощенные, но гордые и с большим чувством собственного достоинства. Они почему-то не подпустили к себе Денсапа. Он также помнил, что Рерихи жили на окраине Гангтока, в доме английского резидента мистера Бейли, там, где сейчас обитает губернатор индийского штата Сикким. Уезжая в Дарджилинг, Рерихи оставили верблюдов в Гангтоке. Что случилось с ними потом, Денсапа не знал и очень об этом сожалел. Я несколько раз пыталась увести его от темы о верблюдах, но это мне никак не удавалось. Помог мне сам король, сказав, что он лично знал Юрия Николаевича и считает его большим ученым. При этих словах король выразительно посмотрел на Денсапа. Тот в очередной раз поставил чашечку на блюдце, встал и поклонился.

— Конечно, Юрий Николаевич — большой ученый, и я хорошо его знал, — сказал Денсапа. — «Голубые анналы»? Да, это великая книга, которую перевел Юрий Николаевич. Только он мог это сделать.

— А вот ты не сделал, — подначил его король.

Денсапа снова встал и поклонился:

— Теперь я тоже мог бы такое сделать.

— А вот не сделал.

Денсапа все кланялся и не садился. На его морщинистом лице

блуждала растерянная улыбка. Мне стало жалко старика.

— А вы, дорогой король, — осторожно спросила я, — что-нибудь подобное сделали?

— Нет, — простодушно ответил он. — Сначала я царствовал, а вот теперь пью, — и невесело усмехнулся.

Я повернулась к Денсапа, но его уже не было. Как будто сквозь землю провалился.

— Да вот он, — подсказал король.

Я увидела кланяющуюся фигуру, которая медленно удалялась, не смея повернуться спиной к королю.

— Верный царедворец называется, — снова невесело усмехнулся король. — Как только острая ситуация, так сразу в кусты. Вы зря за него заступаетесь.

И, отодвинув локтем корону «небесных королей», потянулся снова к стакану.

Когда же с королем случилось это «не все в порядке», как выразилась Мерилин? То ли когда умерла его жена, мать трех принцев? То ли когда он, последний «небесный король», двенадцатый по счету, перестал быть королем? То ли когда в автомобильной катастрофе погиб кронпринц Тенсинг? Тот, который должен был стать тринадцатым «небесным», но никогда им так и не стал. А может быть, во всем была повинна Хоуп Кук, та дерзкая и красивая американка, которая, увидев его в Дарджилинге, возмечтала стать королевой Сиккима? Она добилась своего. Король переспорил лам и заставил астрологов найти добрые знаки для Хоуп. Астрологи постарались, и Хоуп стала королевой.

Американка, дочь богатых родителей, взбалмошная и склонная к авантюризму, она демонстрировала, как и многие ее сверстники, свою любовь к Востоку. Она рассуждала о Будде, о карме, о перевоплощениях. И ему казалось, что лучшей королевы для Сиккима не найти. Любовь к Востоку и к нему кончилась в те дни, когда король перестал быть королем, а корону завернули в шелковую тряпицу и положили в сундук, стоявший в его рабочем кабинете. Экс-королева отбыла за океан вместе с маленькой принцессой, которая перестала быть принцессой. Хоуп Кук великодушно разрешила королю навещать ее там, в Америке, где она, бывшая королева Сиккима, продолжает еще вызывать острый, но неустойчивый интерес в богатых салонах своего круга.

Когда король допил последний стакан, он поднялся, сделал мне приглашающий жест и двинулся неверной походкой ко дворцу, забыв на столике, где стояли пустые бутылки, корону «небесных королей». Белое двухэтажное здание дворца с Колесом Времени на крыше и красно-белым королевским штандартом выглядело вполне прилично, его еще не коснулась неумолимая рука упадка и разрушения. Король позвал слуг, но никто не откликнулся на

его зов. Потом приоткрылась одна из дверей, и из нее выглянул принц Вангчок. Он вежливо поздоровался со мной и спросил отца, чем он может ему помочь.

— Я хочу мадам Людмиле, — язык, как и слуги, не слушался короля, — показать картины твоего деда.

— Хорошо, папа, — серьезно сказал принц. — Я сейчас приду.

Дедом принца Вангчока был предыдущий «небесный король» Чогиял Таши Намгиял. Я видела его только на фотографиях. Сухонький старичок, тонкогубый и сосредоточенный. Черные очки прикрывали подслеповатые глаза. Таши Намгиял был не только королем, но и художником. Такое сочетание не так часто встречается, и поэтому я не колеблясь приняла предложение короля посмотреть картины его отца.

В просторном холле на полу лежали толстые тибетские ковры. На коврах стояли низкие резные столики. Старинные танки украшали стены. Из холла куда-то в глубь дворца вел узкий коридор, из которого мы попали в королевский кабинет — просторную светлую комнату. Я увидела снова ковры, мягкую мебель, множество бронзовых статуэток. По стенам, с пола до потолка, тянулись застекленные шкафы, в которых стояли книги, плотно прижатые друг к другу. Между шкафами, там, где на стенах образовалось свободное пространство, висели картины. Я остановилась, пораженная. Я не могла понять, каким образом сиккимская традиция могла породить такое искусство. Король стоял рядом и, прищурив узкие глаза, тоже рассматривал картины, как будто видел их впервые. Мы молчали. Каждый по-своему. Потом король куда-то ушел, и я осталась одна. Лицом к лицу с чем-то непостижимым и невозможным.

Когда первое потрясение прошло и я успокоилась, у меня возникло ощущение, что передо мной как бы картины-двойники. Двойники рериховских картин. Те же горы, та же композиция, та же контрастность цвета. Но ни сверкающие снежные вершины, ни закатные и рассветные краски не могли скрыть отсутствия гармонии и величавого спокойствия рериховского горного мира. Горный мир старого короля был иным. В нем как бы все разладилось, сдвинулось. Горы были тревожно-неустойчивыми. Как будто глухие подземные толчки зарождались в их недрах, предвещая катастрофы и катаклизмы. Черные скалы, резкие, но в то же время какие-то призрачные, как зловещие предвестники, нарушали белизну горных снегов. Солнце, стоявшее над ними, было черным, и лишь розовый ореол, странный и неестественный, напоминал о поглощенных тьмою лучах. Весь этот мир был безрадостным, обреченным и ненадежным. Две темные параллельные черты,

которыми, как знаком беды, старый король помечал синеву гималайских небес, усиливали это ощущение. И тогда я поняла, что в этих картинах и в этих горах отразился мир старого короля, неустойчивый, ненадежный, наполненный тягостным предчувствием неминуемой гибели королевства и неизбежного конца «небесных королей». Предчувствия, как мы знаем, сбылись. Королевские картины также запечатлели присутствие в Сиккиме великого художника, чьи полотна произвели на старого короля глубокое впечатление и у которого он всю жизнь учился, но так ничему и не научился. Ибо не понял главного: горы поднимают на высоту не только тело человека, но и его дух.

И если бы Денсапа ничего не помнил о Рерихах, а Николай Константинович ничего бы не написал о Сиккиме в своих экспедиционных дневниках, я бы все равно по этим картинам поняла, что великий русский художник был здесь. Был, когда на престоле в Гангтоке пребывал предпоследний «небесный король», томимый мрачными предчувствиями и мучимый неудержимой страстью к искусству...

7. ГОРА ПЯТИ СОКРОВИЩ

На рассвете протрубила труба, и кто-то внизу сказал: «Канченджанга видна». Я выглянула в окно и замерла. На темном полотне предрассветного неба ярко-розовой краской был нарисован зубчатый хребет священной горы. Он занимал половину неба, а там, где соприкасались с этим полотном его острые пики, мерцали и переливались красно-розовые отблески. Зрелище было таким неправдоподобным, что я не удивилась бы, если бы над розовыми снежными пиками по темному небу промчался сам грозный бог Канченджанга на снежном барсе. Я даже была уверена, что протрубил в трубу именно он. Однако эта уверенность исчезла, когда я увидела солдат, маршировавших вдоль каменной изгороди. Впереди отряда шел трубач, и время от времени он подносил трубу к губам. Небо стало светлеть, где-то разгоралось солнце, и взбодренные его лучами туманы стряхнули последние остатки сна и устремились вверх, унося с собой только что начавшуюся сказку.

Канченджанга на рассвете, Канченджанга на закате, Канченджанга в ярких лучах дневного солнца, Канченджанга в призрачном свете холодных звезд... Снежный гигант, таинственный и непостижимый, вечный и каждый раз новый. Гора-миф, гора-бог, царствующая над маленьким королевством, прикрывающая его от невзгод, защищающая от всевозможных бед. Гора, заставившая себе поклоняться, молиться и страшиться. Миллионы лет протекли сквозь ее снега и пики и оста-

вили на них свои зарубки, свои следы, свои легенды. Канченджанга неприступная и почти не покоренная.

«Канченджанга побила нас. Мы обшарили каждый уголок гор между Ротангским ледником и подходами к ней. Нигде не было ни трещины в латах гиганта, нигде не было пути... Другие, скептически относящиеся к нашим доказательствам истины, могут пойти по нашим следам, но их ждет та же неудача. Так же, как и мы, они будут потом просыпаться по ночам и будут дрожать, как дрожит земля от грохота огромных ледяных обвалов, несущих им гибель. Их надежды и оптимизм будут безжалостно сокрушены у ледяного подножия Канченджанги»⁶⁸.

Так писал в 1930 году один из известных альпинистов мира А. Хант. История покорения Канченджанги — одна из самых драматических страниц мирового альпинизма. Канченджанга не сдавалась в течение долгих лет. Ее начали штурмовать англичане еще в конце XIX века. До вершины в 1955 году дошел только Чарльз Эванс. Была ли победа полной — трудно сказать. Сиккимский король Таши Намгиял взял с англичан обещание, что они не поставят ногу на священный пик, там, где была условная отметка 8585 метров. Было ли сдержано обещание? Кто может проверить? Восемнадцать раз подходили к вершине на разных высотах, но взять смогли только на девятнадцатый. Англия, Швейцария, Италия посылали своих альпинистов к подножию священной горы. Пять раз это сделала Германия, из них трижды — гитлеровская Германия. Почему ее так влекла Канченджанга? Когда-нибудь мы об этом узнаем... Но Канченджангу они не смогли одолеть.

Впервые я увидела Канченджангу на полотнах Рериха. Ее хребет, «похожий на хребет ящера», как писал сам Николай Константинович, возникал на многочисленных его картинах. Сколько раз он изображал священную гору? Сказать трудно. Он писал ее от Дарджилинга и с Тигровой горы, из Фалюта и Сандакпу, от Пемаянцзе и Ташидинга. Его полотна были точны, и в то же время в них присутствовал тот непостижимый дух Канченджанги, который больше ощущаешь, чем видишь. Это были не только снега и горы, но и еще что-то, что стояло за всем этим и свивалось в прозрачный и сверкающий мираж легенд, сказаний и мифов. Это была не только Канченджанга, но и гора Пяти Сокровищ.

Старинную книгу «Описание Сиккима» переводил мне с тибетского языка Рингу Тулку.

«В восточной части Канченджанги, — медленно, стараясь быть

точным, читал он, — есть сокровище соли. Это белая скала около двадцати фантомов⁶⁹ высоты и семи фантомов ширины. Кроме одного слоя сверху — остальное соль. В будущем вы сможете брать соль оттуда и использовать. За этой белой скалой находится Вторая снежная гора. Там скрыто сокровище золота и бирюзы. В Третьей же снежной горе находится сокровище сокровищ».

— Как это понимать — «сокровище сокровищ»? — поинтересовалась я.

— Это самое драгоценное, что мы имеем в этом мире. Знания, заключенные в книгах и рукописях.

«В Четвертой снежной горе, — продолжал Рингу, — находится сокровищница оружия. В Пятой снежной горе хранится сокровищница разных семян и лекарств. Остальные горы заключают тоже много полезного».

Рингу закрыл книгу и аккуратно положил ее рядом с собой.

Так я узнала о пяти сокровищах Канченджанги. Рассказ о них был похож на сказку, за которой, как в цветном тумане, выступали какие-то очертания неведомой мне реальности.

О Канченджанге и удивительных событиях, происходивших около нее, повествовали легенды местных лепча, которые в древности называли себя народом ронг.

Вот одно из таких преданий.

Вначале была только вода. Очень большая вода от горизонта до горизонта. Не было ни земли, ни людей. Единственным живым существом являлся древний бог Ташидинг, создатель и родоначальник народа ронг. Ташидинг создал сначала землю, которая плавала по безбрежной поверхности первозданного океана. Затем сотворил горы Ланг-ук Лунг-Дал, впоследствии известные под именем Гималаи. У их подножия бог посадил бамбук. И только потом сделал первых мужчину и женщину — Фудунгтинга и Назонгньи. Говорят, что он сотворил их из вечного льда Канченджанги. От этих двух пошли люди, которые рассеялись по всему миру. Но жизнь у них была очень странной. Они не знали ни рождения, ни смерти.

То, что не было смерти, еще можно понять. Но вот как увязать отсутствие рождения со множеством людей, пошедших от прародителей, неясно. Старый сказитель, который пришел в монастырь Пемаянцзе по каким-то своим неотложным делам, утверждал, что здесь и понимать нечего.

— Тогда люди могли появляться и без рождения, — твердо сказал он и решительно дернул себя за седую редкую бородку. — Тогда все было по-другому.

Первые мужчины и женщины научили своих многочисленных детей возделывать землю и дали им семена тех культур, которые до сих пор выращивают лепча. Но поскольку люди не умирали да к тому

же размножались неизвестным способом, который был, возможно, легче и результативнее принятого теперь, то их оказалось так много на земле, что не осталось даже свободного клочка. И тогда Парил-лю, могущественный король нагов, перегородил все реки своим огромным извивающимся телом, и реки все разом разлились. Сначала вода затопила предгорья, затем дошла до низких гор, потом до средних, а за ними — до высоких. И только вершина гигантской Канченджанги стояла нетронутой. Она подпирала небеса, вблизи которых бушевала разъяренная водная стихия. Все люди устремились к спасительной вершине. Но многие из них утонули по дороге, пропали в густых зарослях и замерзли в холодных снегах и льдах. И только двое из них спаслись, благополучно достигнув вершины Канченджанги. Место, где они поселились, сейчас называется Майял-Кьонг.

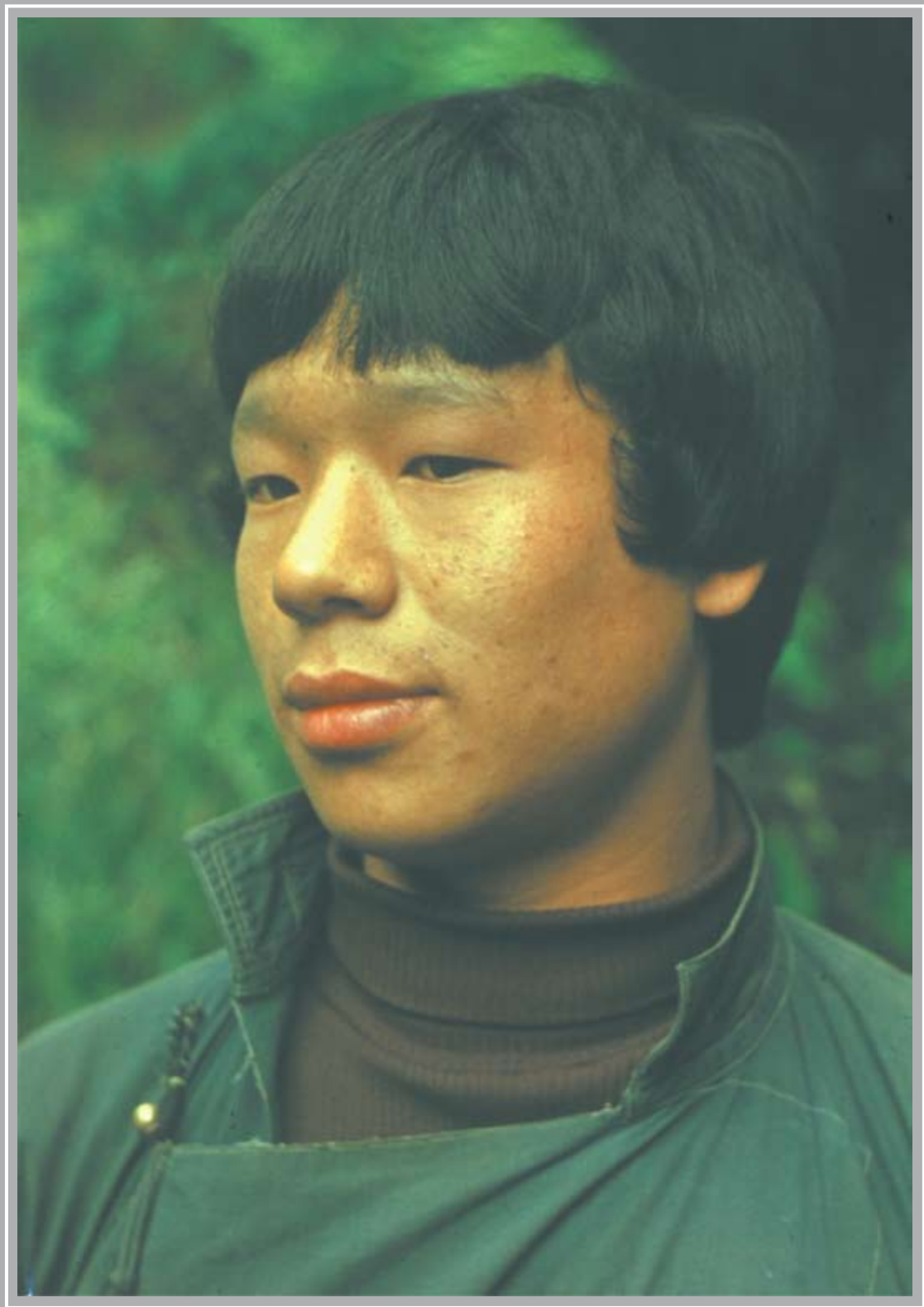
Бог Ташидинг решил помочь беде. Он послал на землю бесстрашного героя Йонг-ли-поно с приказом убить короля нагов, который перегородил реки и не желал внимать никаким увещаниям. Герой сделал свое дело. Он рассек мечом на части змеиного короля и освободил реки. Вода стала сходить и опускалась все ниже и ниже. Остатки убитого нага окаменели и превратились в синий хребет, который можно увидеть из долины Ронгпо-Чу. Земля же высохла и превратилась в плодородные долины. В эти долины с вершины Канченджанги и сошли те двое, которые спаслись. Женщина и мужчина. Никонг-гнал и Тикунг-тек. Они стали Бабушкой и Дедушкой народа ронг. Почему именно дедушкой и бабушкой, а не отцом и матерью, объяснить никто не может. Все тот же старый сказитель, поначалу удивившись моему вопросу, резонно заметил:

— Потому, что дедушка и бабушка бывают раньше, чем отец и мать. Эти двое, сошедшие с вершины Канченджанги, были такие старые и древние, что годились нам только в дедушки и бабушки.

С тех пор священная гора Канченджанга считается местом, откуда расселились все народы Гималаев. Но расселились они тоже не просто и не по своей воле. Людям однажды пришла в голову великолепная идея. Соорудить башню, которая поднимется не только до вершины Канченджанги, но и до самого неба. Необходимость такого строительства диктовалась возможностью прямого попадания в прекрасную страну Рум, которая, по ряду сведений, находилась то ли на вершине Канченджанги, то ли на небесах. В качестве основного строительного материала были выбраны глиняные горшки. Сколь высока была башня к моменту того трагического события, о котором повествуют легенды, сказать трудно. Да, впрочем, это и неважно, потому что башня все равно никогда не была построена. Более существен другой вопрос: почему она разрушилась и что случилось потом? На этот счет у народа ронг нет единой точки зрения. Я вообще давно заметила, что народ ронг, как, впрочем, и любой другой народ, не склонен придерживаться

Портрет девушки тибетки

Юноша лепча

единого мнения по части своего далекого прошлого.

Существуют две версии относительно случившегося в глубокой древности. Говорят, что строители поссорились между собой, поэтому стройка рухнула. Другая версия связана с богом Ташидингом, которого возмутила дерзкая мечта людей достигнуть небесного царства напрямую. И бог сделал так, чтобы те, которые были внизу, перестали понимать тех, кто оказался наверху. Стройка, естественно, не продержалась и дня и к вечеру рухнула. Все строители, вместе с семьями, со страху побежали куда глаза глядят и обратно дорогу найти не смогли. Каждый остался на том месте, куда успел добежать. С тех пор они живут только в своих долинах и Канченджангу видят лишь издали. А глиняные горшки, из которых строили башню, тоже разлетелись в разные стороны, и люди иногда их находят. Говорят, что они отличаются от обычных горшков и называются «далон партан». Что же касается легенды о башне, то она напоминает библейское сказание о Вавилонской башне, которая тоже рухнула при сходных обстоятельствах. Полагаю, что эта легенда так же, как и предание о потопе, имеет свои истоки в Гималаях и является органичной частью гималайского фольклора.

Народ ронг сохранил еще одну интересную легенду. Когда-то, очень давно, гласит она, на Земле было два солнца. Одно из них светило днем, другое — ночью. Поэтому было очень жарко и отсутствовала темнота. И все люди страдали от жары и бессонницы. Они долго думали, как сделать, чтобы на Земле были сносные условия существования. И тогда самый мудрый из них сказал, что все дело во втором — ночном солнце. Если убить это второе солнце, то не будет так жарко, ночами станет темно, и люди смогут спокойно спать. Так и порешили. Сделали большую стрелу, выстрелили в ночное солнце, старшего брата дневного, и убили его. Младший брат в печали закрылся большой черной тучей. И в мире стало темно и днем, и ночью. И только искорки маленьких светлячков время от времени вспыхивали в этой кромешной темноте. Но что можно увидеть в таком свете? Поэтому половину людей съели тигры и укусили ядовитые змеи. Остальных ждала та же участь.

Тогда на помощь людям пришла летучая мышь. Она взяла лук и один его конец зажала ступнями, а другой сунула себе в нос. И от этого голос мыши стал гнусавым. Она подлетела к солнцу и прогундосила: «Если ты еще будешь укрываться, то весь мир погибнет от холода». Услышав этот гнусавый голосок, солнце удивилось и от любопытства приоткрыло черную тучу. И когда оно увидело мышь, то ему стало так смешно, что оно громко рассмеялось. От этого солнечного смеха черная туча рассеялась и стало так жарко, что мышь не выдержала и потеряла равновесие. Она свалилась на землю и переломала себе все кости. Поэтому у всех летучих мышей с тех пор такой странный вид. Они спят, повиснув вниз головой, потому что боятся повредить поло-

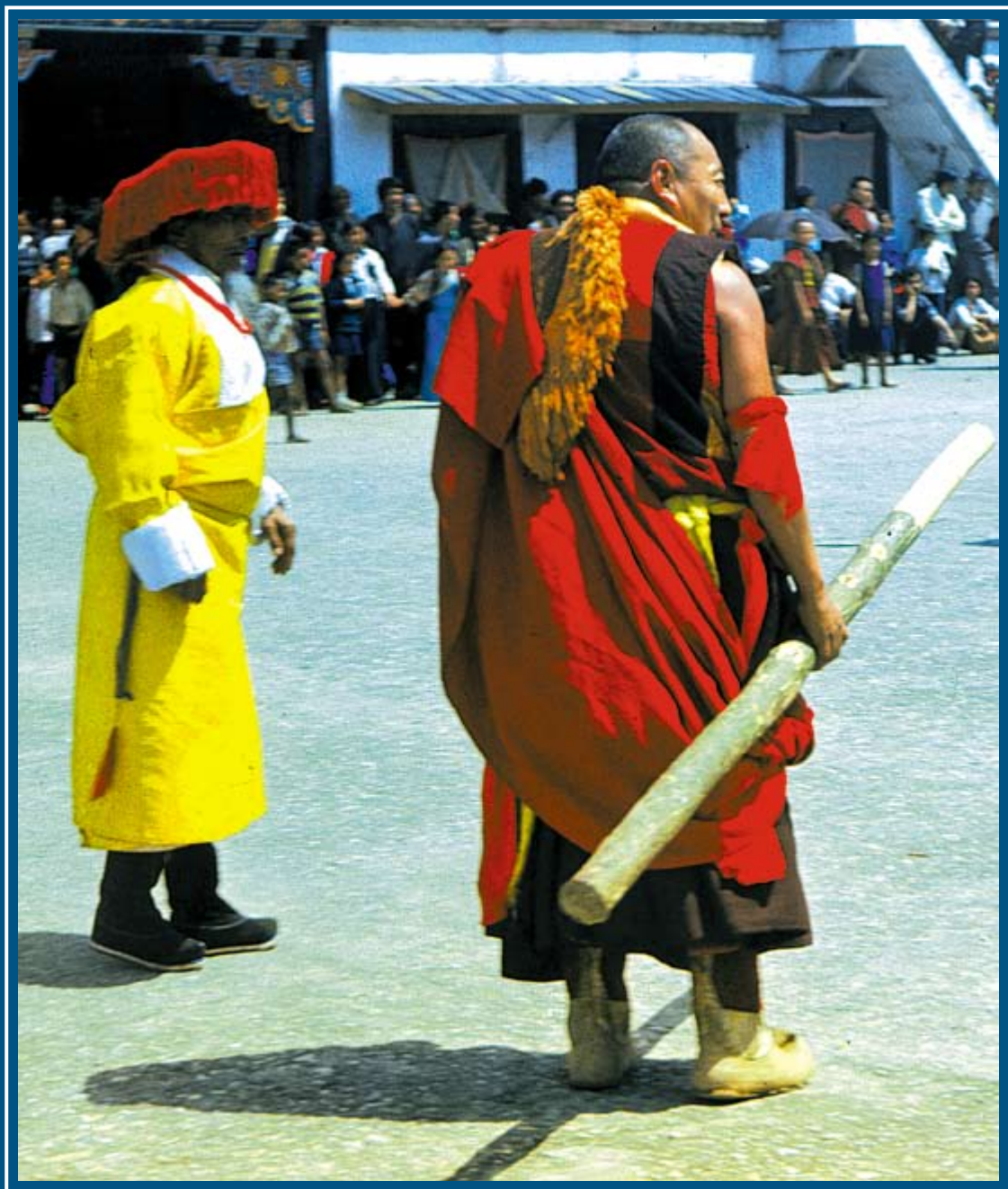
манные кости. Солнце же исправно светит каждый день. А мертвое солнце теперь называется Луной.

Море, бушующее среди гор, два солнца, таинственный наг, застывший голубым хребтом. И над всем этим снежный массив Канченджанги, священной и легендарной горы. Канченджанга — гора, Канченджанга — бог, Канченджанга — сокровище, Канченджанга — таинственная страна Рум. Культ священной горы тянется из немыслимой глубины веков, проходит через всю историю Сиккима и до сих пор звучит барабанами и медными трубами на монастырских праздниках. Древнейшие мегалитические святилища в предгорьях Канченджанги — это дань ей. Храмовые праздники красношапочников тоже дань священной горе. Мегалитические святилища складывал народ ронг, монастыри строили тибетцы. Но для тех и других неизменным оставалось поклонение священной Канченджанге. Ее снежный массив как бы символизирует собой нечто вечное, неизменное, не зависящее ни от людей, ни от обстоятельств. Время Канченджанги — это Большое время. Время одного поколения людей — Малое время. Но Большое и Малое время тесно связаны между собой, ибо Большое складывается из Малого. Большое время порождает культ, а Малое — лишь его ритуал.

Последний ритуал родился сравнительно недавно, при короле Чадоре Намгияле, который правил горным королевством в конце XVII — начале XVIII века. Король видел странные сны, которые потом воплотил в праздничную явь «Панг Лабсола» — «Моления снежному хребту». Сейчас трудно сказать, что действительно пригрезилось королю, но праздник получился красочным и шумным, как любой монастырский праздник, где участвуют танцоры в масках, музыканты с барабанами и трубами. Праздник катится от монастыря к монастырю. И от монастыря к монастырю весело и шумно путешествует празднично разодетая, яркая толпа прихожан, собравшаяся из всех концов королевства.

Преимущество отдается королевскому монастырю. С него и начинается этот необычный праздник. На зеленой лужайке перед монастырем, откуда в августовские и сентябрьские дни прекрасно видна Канченджанга, разыгрывается действие. Гремят барабаны, и трубят трубы. И под эти звуки движутся танцоры в масках, взмахивая рукавами-крыльями. Собравшиеся, затаив дыхание, ждут появления главного героя действия. Это бог Канченджанга. И бог появляется. Но пока не бог, а демон. Ибо у Канченджанги две ипостаси: демон и бог. Демон грозен, воинствен и непримирим. Его поступки непредсказуемы, и от него можно ожидать чего угодно.

Канченджанга-демон пришел из далекой древности, когда люди еще не отличали богов от демонов, а изначальные божества были теми и другими, являя собой нечто целостное, еще не разделенное. Они были злыми и добрыми, разрушителями и хранителями, воинственными и

Монастырь Румтек. Танцы в масках. Блюстители порядка

мирными. Великий волшебник Падмасамбхава был первым, кто начал «чистку» древних божеств перед тем, как найти им достойное место в ламаистском пантеоне. Волшебник смело вступил в сражение с ними и одного за другим победил. Самой трудной его победой была победа над Канченджангой.

Много дней грохотали лавины и обвалы на священной горе. Ее вершина то затягивалась грозowymi тучами, то швыряла снежными зарядами в великого волшебника. Канченджанга вела неравный бой с Падмасамбхавой. Тот же неся на снежном барсе, выставив вперед крепкое, не знавшее поражений копьё, и разноцветные флаги развевались над его головой. Вся священная гора сотрясалась от подножия до вершины. Люди, понимая, что идет великая битва, боялись даже приблизиться к горе. Но наступил день, когда поднявшееся солнце озарило снега Канченджанги и люди увидели ее сверкающую вершину. В этот день Падмасамбхава бросил на колени ее божество и поднял меч над его головой. Но что-то помешало великому волшебнику опустить меч на эту упрямую голову. Он понимал, что народ ронг не простит ему убийства такого важного божества. Демона надо было укротить и превратить в бога. В знак своей победы великий волшебник отрубил Канченджанге уши и взял с него обещание перестать быть демоном. Обещание свое Канченджанга немедленно выполнил. Но отсутствие ушей явно портило внешность нового бога, и в таком виде его нельзя было помещать в ламаистский пантеон. Тогда Падмасамбхава сорвал на альпийском лугу два синих цветочка и приставил Канченджанге вместо ушей.

В монастыре Ташидинг висят две маски. Одна — прежнего Канченджанги, другая — теперешнего. У прежнего — плотоядный оскал зубов-клыков, неистовость в широко раскрытых глазах, грозный взлет золотых бровей, человеческие черепа на шапке. У теперешнего — пухлые губы мягко очерченного рта, умиротворенное выражение глаз, аккуратно расчесанные золотые усы и спокойные брови. У одного уши настоящие, у другого — цветочки. И хотя красношапочные ламы завладели неистовым богом Канченджангой, тот до сих пор имеет своих служителей. Это жрецы и жрицы народа ронг. И несмотря на то что данный народ считает себя приверженцем буддизма и исправно посещает буддийские храмы, тем не менее в его недрах остается нечто такое, что не позволяет считать победу основателя красношапочной секты Падмасамбхавы над богом Канченджангой окончательной. Жрецы и жрицы принадлежат древнейшей религии этого региона — религии бон, остатки которой до сих пор сохранились в северном Сиккиме, в непосредственной близости от снежного хребта Канченджанги. Монастырей в этом районе нет, а есть то, что мы называем мегалитическими святилищами. Они — одни из самых древних на Земле.

*Монастырь Румтек. Ламы-музыканты
Бог Канченджанга (справа)*

Монастырь Румтек. Танцы в масках

Монастырь Румтек. Танцы в масках

Мегалитические памятники были открыты рериховской экспедицией на территории Тибета в Трансгималаях. Их подробно описал Юрий Николаевич Рерих и высказал ряд своих предположений. Николай Константинович изобразил одно из них на картине «Меч Гесэра». Датский ученый Халфдан Зингер из Национального музея в Копенгагене, увидевший мегалитические святилища северного Сиккима в 1949 году, отметил их явное сходство с рериховским изображением. О самих же святилищах он написал следующее:

«На первый взгляд кажется, что камни хаотично разбросаны, но их порядок стал ясным, когда мне сказали, что они представляют горные вершины. Мой информатор, местный лепча, смог дать мне названия нескольких самых больших камней, представлявших самые известные пики. Камни были уложены в две группы, в каждой из которых больший камень был центральным. Один из таких камней (около метра высотой) и несколько меньших, окружавших его, представляли Канченджангу и меньшие вершины, которые именовались его приближенными или солдатами. Другой центральный камень был женой Канченджанги, и меньшие камни, окружавшие его, представляли ее приближенных. Стало очевидным, что святилище являлось имитацией горной панорамы и что касается самого пика (Канченджанги. — *Л.Ш.*), то он являлся рукотворным отражением божественного и духовного места»⁷⁰.

К этому святилищу раз в год приходит народ ронг из района Джонгу. Люди идут целой процессией и ведут яка, который предназначен для жертвоприношения в честь Канченджанги и окрестных духов — «мунг». Процессию возглавляет жрец, тот, чей род идет от сотворения мира. Накануне жрец молится и читает заклинания в честь грозного бога. Он просит Канченджангу уберечь народ ронг от болезней и напастей. На следующий день он гонит обреченного яка, а сзади грохочут барабаны, звенят колокольчики и танцоры в праздничных одеждах начинают ритуальный танец в честь бога Канченджанги. Сам жрец время от времени высоким голосом затягивает древний гимн. Он поет о древних, забытых богах, о сотворении мира из большой воды, о создании плодородных земель, о чудесном появлении риса, кукурузы, овощей и всего того, чем жив человек. Процессия движется через горы и, как большая река, вбирает в себя ручейки тех, кто выходит ей навстречу. И наконец к вечеру третьего дня достигает места, где у подножия священной Канченджанги стоит древнее святилище — лхато.

Лхато — жилище богов, сложенное из древних, как и этот мир, камней. Солнце уходит за лилово-синюю зубчатую стену гор, снега Канченджанги становятся розовыми, потом гаснут, и на пологие ночного неба вспыхивают одна за другой цветные колкие звезды. Утром, когда лучи солнца озарят самую прекрасную из гор, полуобнаженный

жрец выйдет с копьём к древнему святилищу, смажет маслом самый большой камень и вознесет молитву грозному богу, который скачет где-то в снегах на снежном барсе. У древних камней жреца будет ждать другой человек, тоже полуобнаженный, с сильными, мускулистыми руками. В полной тишине он возьмет священное копьё, резко им взмахнет и безошибочно попадет в сердце жертвенного яка. Животное вскрикнет, рухнет на передние ноги, а затем неловко завалится на бок, устремив глаза, наполненные смертной тоской, к недостигаемым снегам священной Канченджанги. И тогда снова загрохочут барабаны, зазвенят колокольчики, и наиболее искусные мужчины народа ронг бросятся к поверженному яку, чтобы снять с него, еще не остывшего, шкуру, покрытую густой длинной шерстью. Потом начнут делить мясо и шкуру между богом, духами и людьми. Канченджанге достанутся самые лакомые куски. Приняв эту жертву, бог будет защищать народ ронг от бедствий и духов «мунг» до следующего такого праздника.

От поселка Сандакпу до Канченджанги всего пятьдесят километров. Увидеть священную гору оттуда удастся не всякому. Еще в Дарджилинге меня стали отговаривать от этой поездки. Был конец апреля, и над Сиккимом бушевали грозы, шли проливные дожди, на окрестности и ближние горы наплывали жемчужные туманы. Канченджанга скрывала за ними свой сверкающий лик, и все реже и реже ее громада, увенчанная снегами и ледниками, появлялась на предгрозовом небе. Временами возникало ощущение, что священной горы вовсе нет и никогда не было, а остались лишь слухи да легенды о ней.

В тот день пришел заказанный мною «джип», и коренастый приветливый шофер-непалец помог уложить мой нехитрый багаж, состоящий в основном из фотоаппаратов и фотопленок. С утра над Дарджилингом и его окрестностями стоял густой туман, который к полудню еще более сгустился, и поэтому мы двигались в нем, как в молоке. Туман скрывал даже обочину дороги, и казалось, что дорога, размытая по краям, становится призрачной и течет куда-то в странное и туманное никуда. От Дарджилинга до Сандакпу было всего пятьдесят восемь километров. Асфальтированная дорога кончилась где-то в самом начале пути, потом пошла вполне сносная грунтовая. Но то, что началось после нее, дорогой назвать было нельзя. Рывки и ухабы чередовались с участками, покрытыми крупными острыми камнями. «Джип» подскакивал на этих камнях, потом нырял в рывину, долго боролся с ней, выползал и снова резко подпрыгивал вверх. Я вцепилась в фотоаппараты, боясь, что после такой езды от них останется лишь смутное воспоминание. Стрелка спидометра, как приклеенная, замерла на цифре пять. Пять километров в час. Не больше и не меньше.

Туман все сгущался, и только по каким-то ощущениям и усилившейся тряске я поняла, что дорога ползет куда-то вверх. Потом все как-то странно изменилось. Туман стал клубиться, свиваясь

Ритуал заключительной церемонии танцев в Румтеке

в беспорядочные волны, и казалось, что дорога пролетает по дну какого-то древнего моря. Из этих странных, неправдоподобных волн призраками возникали черные, причудливо изогнутые ветви деревьев. Мхи, похожие на водоросли, свешивались с их ветвей, которые то угрожающе надвигались на нас, то вновь уходили в туманные волны. Время от времени красными призраками кораллов вспыхивали фантастически пышные цветы рододендронов. Потом черные деревья и рододендроны уходили куда-то в глубину, где все было спутано — и Время и пространство, и земля и вода, и настоящее и прошлое. Из каких-то неведомых бездн и провалов возникали обросшие мшистыми водорослями неведомые погребения, разрушенные ступени лестниц,

ведущих как будто в никуда, руины стен, сложенных из крупных блоков, грубо обработанных камней. Бесшумно выплыла белая пирамида ступы, и на ней мерцали продолговатые глаза Учителя. Волны лениво шевелили молитвенные флаги, скользили по башням скал и теребили зеленую накипь водорослей на зубцах обрушившихся крепостных стен. Казалось, мы пробирались сквозь затонувшую страну, неожиданно возникшую у подножия Канченджанги.

На нас давила толща тумана, но там, где-то наверху, завывал и рвался ветер. Призрачное море сопротивлялось и не хотело впускать его порывы в свои сокровенные глубины, где на каменистом неровном дне спало его прошлое. И только тогда, когда мы поднялись очень высоко, ветер настиг нас, «джип» жалобно застонал под его напором и наконец остановился. Я с трудом открыла дверцу и увидела совсем близко от себя табличку, прибитую к покосившемуся столбу: «Сандакпу. 3618 м над уровнем моря». Где-то, чуть в стороне, неверно и боязливо мигал огонек.

Мы направились в его сторону и наткнулись на деревянный домик. Я открыла дверь, и мне показалось, что косматая волна тумана устремилась вслед за мной в это прибежище. Сторож, диковатого вида молодой парнишка, но предельно вежливый и отменно корректный, сбросил вязанку дров у камина и сразу же принес откуда-то стаканы с горячим чаем. Дрова долго не хотели разгораться. Ветер и туман глушили огонь. Но наконец они вспыхнули, победно затрещали и загудели ровным пламенем. Я смотрела на это пламя, грела озябшие руки о стакан с горячим чаем, и блаженное ощущение покоя и тепла разливалось по всему телу. Я могла бы просидеть так еще долго, наблюдая бесконечную пляску живого огня, но усталость взяла свое. Ветер бесновался всю ночь, и под его порывами дрожали и скрипели тонкие деревянные стенки домика. В эту ночь ветра и туманов мне приснился сон. Я видела Канченджангу, яростную и светлую, вздымавшую свои сверкающие снега к пронзительно-синему небу.

Утром меня разбудила тишина, и сон превратился в явь. Сначала я увидела зеленый островок плоской вершины, на котором стояло несколько таких же деревянных домиков, как и тот, в котором я ночевала. От островка куда-то вниз уходила дорога на Фалют, а дальше на многие километры тянулись лесистые хребты, похожие на застывшие волны. И над ними, ясно и прочно, заслоня полнеба, стоял массив священной Канченджанги с красно-розовыми снегами. На северо-западе от нее вонзался в рассветное небо розовый треугольник далекого Эвереста. Между этим треугольником и горой Пяти Сокровищ тянулись бесконечные снежные хребты непальских Гималаев. Они уходили в голубую бесконечность, мерцая снегами, которых еще не коснулись солнечные лучи. Где-то на востоке, скрытно и невидимо, совершалось великое таинство. Лиловые тени поползли по снегам, потом они на

мгновение вспыхнули пурпуром, растекшимся затем ровным розовым цветом. А вершина Канченджанги уже горела расплавленным золотом, предвестником солнечной голубизны снегов. Я смотрела на все это, не смея пошевелиться, не смея даже дышать. И в тот миг мне показалось, что я понимаю тех, кто стремится поклониться горе Пяти Сокровищ и вознести молитвенную хвалу всей этой красоте...

8. ПРОЩАЙТЕ, ГИМАЛАИ!

Два ламы шли по дороге и трубили в длинные медные трубы. За ламами торжественно и не спеша шествовал грузный настоятель монастыря в красной высокой тиаре, расшитой синим кантом. Позади настоятеля бритоголовый служка на вытянутых руках нес позолоченную статуэтку Будды. А за всеми ними следовала вереница детей. Каждый из них нес длинную книгу, завернутую в цветной шелк. Самые большие и тяжелые книги дети несли на головах. Рядом с дорогой сверкала свежепобеленная ступа, и теплый ветер играл новенькими, еще не выцветшими молитвенными флагами. Шофер остановил машину, пропуская процессию. Грузный настоятель поравнялся с нами, и я окликнула его. Он остановился и сложил пухлые руки в приветственном жесте.

— Римпоче, — спросила я, — что здесь происходит? Какой в монастыре праздник?

— День рождения Великого учителя Будды, — улыбнулся римпоче, жестом останавливая процессию.

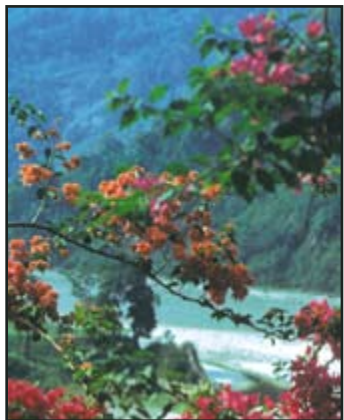
Я поблагодарила, и процессия двинулась дальше. Было тридцатое апреля 1980 года. Я никогда не видела таких процессий. Дети несли книги бережно и осторожно, как самую дорогую реликвию. Пожалуй, ни одного философа или религиозного учителя, кроме Будды, не чтили процессией с книгами.

Видавший виды расхлябанный «хиндустан» вез меня из Дарджилинга в Калимпонг. Дорога, стиснутая с обеих сторон горными склонами и скалами, вышла к руслу мутноватой Тисты и, кружа вдоль реки, то поднимаясь, то опускаясь, устремилась куда-то в лес. Лес был сказочный. Цвели деревья, цвели кусты, цвела сама трава. Сиреневые, желтые, лиловые, красные, синие цветы обступали дорогу и превращали лес в какую-то театральную декорацию, написанную художником-волшебником. Над деревьями и кустами порхали крупные, всех мыслимых и немыслимых оттенков бабочки, и от этого все окружающее: и сам лес, и река, и придорожные скалы — все мерцало призрачно и фантастично, как будто между стволами, ветвями и камнями, бродили цветные легкие туманы. Лес то карабкался на крутые каменистые склоны, то срывался оттуда и тек вниз цветным потоком рододендронов, папоротников, панданусов и банановых деревьев. Зелеными струями текли узкие и резные листья, водопадом бушевали красные и белые цветы рододендронов. Темные скалы уходили

к облакам, и оттуда, сверху, с туманных вершин, с шумом неслись потоки серебристой воды, бурлили на камнях и, пенясь, вливались в медленную Тисту.

Вдоль водопадов, прорубленные в темных сырых камнях, тянулись к облакам старинные лестницы, неизвестно кем и когда сделанные. Мы прорвались через это буйство цветов, деревьев, водопадов, скал и облаков к слиянию Тисты с Рангитом, прогрохотали по мосту и устремились куда-то вверх по крутому серпантину, терявшемуся между синими склонами гор. Дорога то поднимала нас кверху, то снова сбрасывала вниз и наконец медленно и спокойно поползла по зеленому склону. На склоне, утопая в рощах, парках и садах, возникли

черепичные крыши и белые стены аккуратных домиков. Где-то в центре этого скопления, свободные от земли и деревьев, громоздились друг на друга обшарпанные дома, а над ними вознесся церковный шпиль. Мы въехали в Калимпонг, небольшой курортный городишко, выстроенный англичанами где-то на рубеже двух веков, предшествующего и нынешнего. Проехали по узким зеленым улочкам, свернули направо, а потом налево, поползли вверх и неожиданно уперлись в каменную стену с невысокими воротами, на которых было написано крупными буквами: «Гималайский отель».

Я прошла мимо сосен, толкнула легкую калитку и оказалась в парке, через который шла прямая, как стрела, мощеная аллея. Она упиралась в приземистое старинное здание. Потом появилась миссис Вильямс, пожилая грузная индианка, приветливо заулыбалась, протянула мне руку и спросила, как поживает Святослав Николаевич. Мы прошли с ней в номер с просторными полутемными комнатами и сели в старинные кресла.

— Вот здесь, — сказала она, — жили после смерти самого Рериха Хелен и Джордж. Джорджу не сразу удалось найти подходящий дом. Хелен хотела уединения и простора. Несколько месяцев ушло на поиски, пока не подвернулся «Крукерти», принадлежавший местному английскому плантатору. Хелен была очень образованной женщиной, и в ней было что-то необычное, непохожее на других. Говорят, она много писала, но я не читала ее трудов. Потом я ухаживала за ее могилой на холме Турпиндара. Прекрасное место, вот вы сами увидите. В погожие дни оттуда видна Канченджанга во всем своем блеске и красе. Теперь мои ноги не ходят, и я попросила миссис Хэмилтон посмотреть за могилой. Она очень славная и достойная женщина.

Уютный домик миссис Хэмилтон я обнаружила на склоне, стоявшем почти на самой окраине городка.

— О, как приятно! Как приятно! — засуетилась она.

Ее полная подвижная фигура каким-то непостижимым образом сразу оказывалась в нескольких местах небольшой светлой гостиной.

— Значит, вы их соотечественница? И это удивительно приятно! Как поживают в Швеции? Это такая прекрасная страна! Когда я вышла замуж за своего Хэмилтона, то мы хотели туда съездить. Но нам что-то помешало. Господи, что же нам помешало? Никак не могу вспомнить. Но что-то определенно помешало.

— При чем тут Швеция? — ошарашенно спросила я.

— Как при чем? — искренне удивилась миссис Хэмилтон. — Ведь Рерихи из Швеции, и фамилия у них шведская.

— Рерихи — русская фамилия, — возразила я, — и жили они в России.

На меня уставились широко раскрытые голубые глаза.

— Как? — шепотом произнесла миссис Хэмилтон. — Как? Разве они не шведы? Вы в этом уверены? Но, по крайней мере, какие-нибудь скандинавы? Нет? О Боже праведный, — застонала она. — Так ошибиться! Я часто ошибаюсь, но чтобы так! Боже праведный! Хэмилтон! Хэмилтон! — закричала она неожиданно тонким и высоким голосом. — Иди скорей сюда! Посмотри, что я натворила!

В гостиную откуда-то из боковой двери протиснулся сам Хэмилтон.

— Что еще случилось, дорогая? Говори сразу, — и подозрительно посмотрел на меня. Но, узнав, что полицию вызывать не надо, разочарованно махнул рукой и удалился.

По дороге в «Крукерти» миссис Хэмилтон пришла в себя, и я получила богатую информацию о ее детстве и юности в Канаде, о Хэмилтоне, об английском плантаторе — бывшем владельце «Крукерти», и о частном банке — его теперешнем владельце. Минут через двадцать я увидела лесистый склон горы, площадку, врезанную в этот склон, и одноэтажный дом, стоявший на ней среди деревьев и цветочных клумб. Отсюда открывался вид на окрестные, поросшие лесом горы, а за ними, у горизонта, среди облаков, призрачно и невесомо плыла громада Канченджанги. Пахло хвоей, от цветов исходил тонкий и странный аромат. Стояла тишина, и только где-то на высокой сосне вежливо и несмело попискивала какая-то птица. Здесь были тишина и простор, о которых говорила миссис Вильямс из гималайского отеля. Никто не вышел нам навстречу, не хлопнула ни одна дверь.

— Я же говорила, — сказала миссис Хэмилтон, подходя к входной двери, — здесь никого нет, — и в доказательство подергала запертую дверь. — Этот частный банк устроил здесь гостиницу, но в ней живут только две недели в году.

«Крукерти» напоминал английский деревенский дом, но без обычных для такого дома служб. Остроконечная его крыша была покрыта

По дороге в Калимпонг

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

красной черепицей, высокие трубы мертво застыли на ней. Темные стены домика были густо увиты плющом. Поблескивали зеркальные стекла широких окон. Я заглянула внутрь и увидела пустые просторные комнаты. От прежнего «Крукерти» сохранились лишь стены да какая-то необычная атмосфера тишины, спокойствия и простора, которая царила над площадкой, врезанной в лесистый склон. Здесь Елена Ивановна гуляла, дышала ароматом хвойного воздуха, отсюда в предвечерние часы видела розовые закатные снега священной Канченджанги. Здесь, возможно, вспоминала далекую Родину. Нам не дано знать — мучили ли ее эти воспоминания или несли лишь

светлую печаль, похожую на легкие облака, плывущие по снегам Канченджанги...

Здесь же, в 1955 году, ее не стало. «При уходе никто не присутствовал», — писал Святослав Николаевич.

Холм Турпиндара оказался лесистой горой, господствующей над городом. На самой ее вершине стояла белая ступа. Такие ступы воздвигают над погребениями высоких лам, буддийских святых и Учителей. Здесь же ею отметили место кремации Елены Ивановны Рерих. Ступу окружала низкая каменная ограда, в которой рос куст шиповника, а в зеленой траве пестрели маргаритки. На угловых камнях были вырезаны знаки горящего сердца и чаши с пламенем.

Со стороны тибетского монастыря, стоявшего неподалеку, наплывал колокольный звон и слышались низкие голоса поющих лам. Там шла служба в честь дня рождения Будды, в честь того дня, который оказался и днем его смерти.

Откуда-то снизу ползли волны тумана. Ветер гнал их в сторону монастыря, и мне казалось, что поет и серебряно звенит сам туман. Призрачные волны то сгущались, то рассеивались, и в их разрывах вспыхивали солнечные лучи. А у горизонта, вторя им, то возникала, то исчезала гора Пяти Сокровищ. Здесь, у белой ступы, я вспомнила другую гору — двуглавый снежный Гепанг, который возвышался над камнем на месте кремации Николая Константиновича Рериха. Камень лежал в Кулу, в Западных Гималаях, ступа стояла в Калимпонге, в Восточных Гималаях. Был ли в этом свой, скрытый до времени смысл? И камень, и ступа принадлежали двум русским, прочно связанным между собою всю жизнь. Там, на Севере, за гималайскими снегами, лежала страна, откуда они пришли. Запад, Восток, Север, как углы гигантского таинственного треугольника, основание которого покоилось, опираясь на Западные и Восточные Гималаи, а вершина уходила за снежные пики на Север...

И снова машина поползла по горной дороге, снова потянулись разноцветные леса и скалы, и офицер-пограничник у пропускного пункта, стоявшего у моста через Тисту, шлепнул последнюю печать в мой паспорт. Потом козырнул и, ослепительно улыбнувшись, сказал:

— Все. Кончено.

Кончились семь месяцев моего маршрута по Гималаям. Над сухой выжженной равниной дрожала жаркая золотистая дымка. Горы отодвинулись куда-то за горизонт, и серая пелена пыли, вставшая над дорогой, окончательно поглотила их.

Прощайте, Гималаи! Мой путь лежал на Север...

Лесная дорога

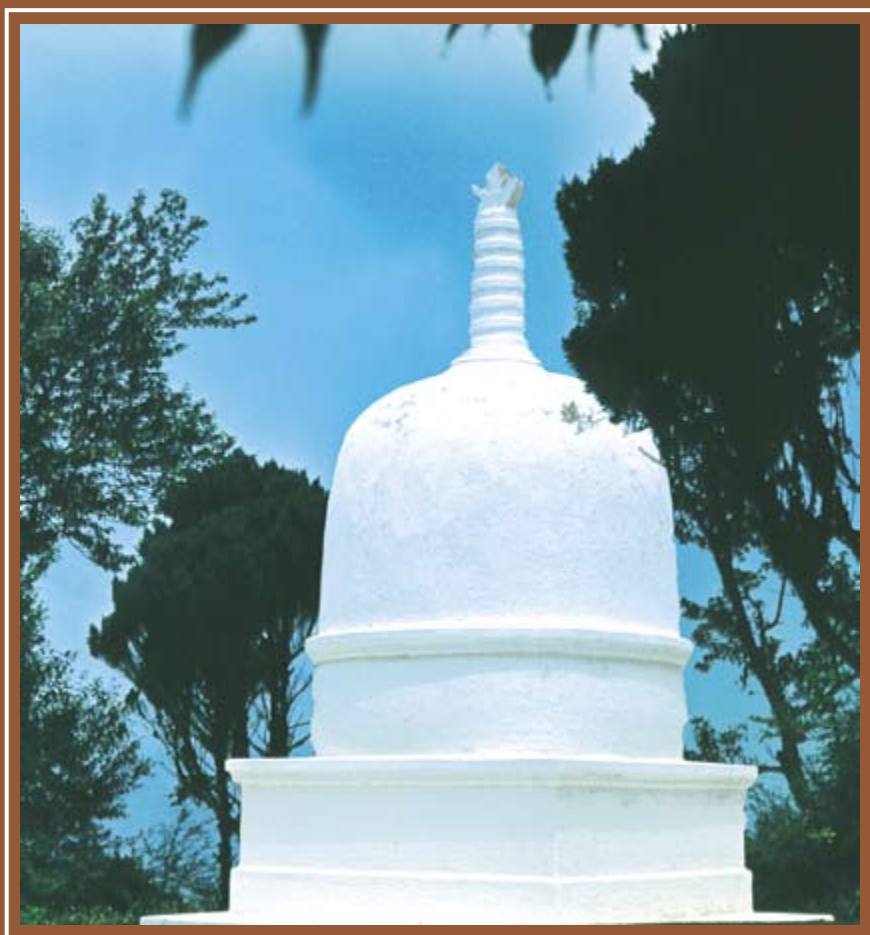

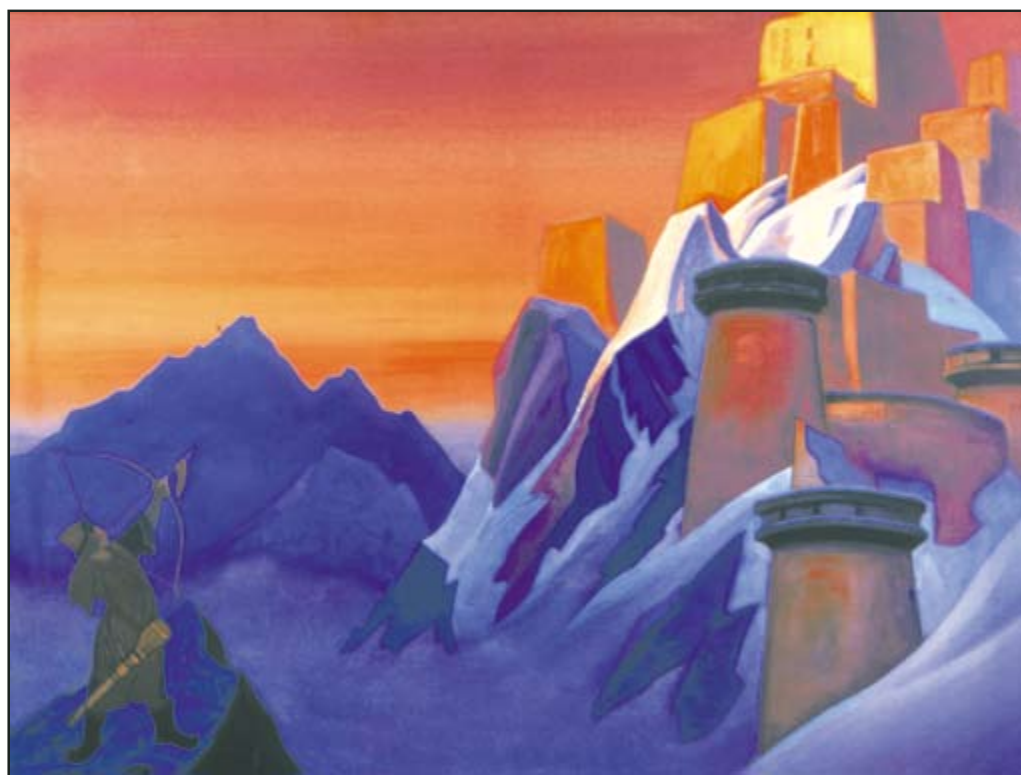
Пещерное святилище

Ступа на месте кремации Е.И.Рерих

Буддийский монастырь рядом со ступой

Н.К.Рерих. Весть Шамбалы

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

- ¹ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.57.
- ² *Ved Kumari.* The Nilamatpurana. Srinagar-Jammu, 1968. Vol.2. P.36—38.
- ³ Бируни. Избранные произведения. Ташкент, 1963. Т.2. С.97.
- ⁴ *Wadia D.N.* Geology of India. London, 1953. P.379.
- ⁵ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.60.
- ⁶ *Рерих Н.К.* Собрание сочинений. М., 1914. Кн.1. С.136.
- ⁷ Там же. С.152.
- ⁸ Там же. С. 147
- ⁹ Так называется и созвездие Большой Медведицы.
- ¹⁰ *Stein M.A.* Memoir on maps illustrating the Ancient Geography of Kasmir. New-Delhi, 1977. P.123.
- ¹¹ Abu-l-Fazl Allami. The Ain-i Akbari. Calcutta, 1891. Vol.2. P.361.
- ¹² Там же. P.363.
- ¹³ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.69.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С.60—61.
- ¹⁶ *Vogel J.P.* Indian serpent-lore or the Nagas in Hindu legends and art. London, 1926. P.241.
- ¹⁷ *Fergusson J.* Tree and serpent worship. Delhi, 1974. P.47.
- ¹⁸ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.64.

- ¹⁹ *Рерих Н.К.* Избранное. М., 1979. С.107.
- ²⁰ *Ved Kumari.* The Nilamatpurana. Srinagar-Jammu, 1968. Vol.1. P.46.
- ²¹ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М., 1974. С.56.
- ²² Там же. С.57—58.
- ²³ *Mitra D.* Pandrethan, Avantipur and Martand. N-Delhi, 1977. P.5.
- ²⁴ *Рерих Н.К.* Алтай—Гималаи. М.,1974. С.59.
- ²⁵ Introduction to the History and Culture of the Dogras. Jammu, б/д. P.279.
- ²⁶ *Ganhar J.N.* Jammu. Shrines and pilgrimages. Jammu, б/д. P.73.

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

- ²⁷ *Geotz H.* The early wooden Temples of Chamba. Leiden, 1955. P.1.
- ²⁸ Там же. P.48.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Рерих Н.К.* Сердце Азии. США, 1929. С.24.
- ³¹ Там же.
- ³² *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982. С.220.
- ³³ *Рерих Н.К.* Сердце Азии. США, 1929. С.24.
- ³⁴ Там же. С.71.
- ³⁵ *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982. С.217—218.
- ³⁶ *Рерих Ю.Н.* По тропам Срединной

ПРИМЕЧАНИЯ

- Азии. Хабаровск, 1982. С.218.
- 37 **Рерих Н.К.** Из литературного наследия. М., 1974. С.122.
- 38 **Рерих Н.К.** Держава Света. Нью-Йорк, 1931. С.137.
- 39 «Вокруг света». 1973. № 10. С.25.
- 40 **Рерих Н.К.** Держава Света. Нью-Йорк, 1931. С.138.
- 41 **Vogel J.P.** Indian serpent-lore or the Nagas in Hindu legends and art. London, 1926. P.257.
- 42 **Roerich N.** Shambhala. N-York, 1930. P.266.
- 43 **Рерих Н.К.** Твердыня пламенная. Нью-Йорк, 1932. С.249.
- 44 **Roerich N.** Shambhala. N-York, 1930. P.270.
- 45 Из архива П.Ф. Беликова.
- 46 Воспоминания В.А. Шибяева// Архив П.Ф. Беликова.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 **Roerich N.** Shambhala. N-York, 1930. P.261—262.
- 53 Из интервью, взятого автором у Индиры Ганди.
- 54 **Рерих Н.К.** Урусвати. М., 1993. С.77.
- Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ
- 55 **Рерих Н.К.** Алтай—Гималаи. М., 1974. С.23.
- 56 **Duka T.** Life and works of Alexander Csoma de Kőrös. N-Delhi, 1972. P.18.
- 57 См. Bengal Asiatic Society's Journal, б/д. Vol.II.
- 58 Там же.
- 59 **Duka T.** Life and works of Alexander Csoma de Kőrös. N-Delhi, 1972. P.144.
- 60 Там же. P.25.
- 61 **Рерих Н.К.** Алтай—Гималаи. М., 1974. С.43.
- 62 Bulletin of Tibetology. Gangtok. Sikkim. 1972. Vol.IX. P.38.
- 63 **Рерих Н.К.** Алтай—Гималаи. М., 1974. С.48.
- 64 **Рерих Н.К.** Пути Благословения. Нью-Йорк, 1924. С.127.
- 65 **Рерих Н.К.** Алтай—Гималаи. М., 1974. С.44.
- 66 **Рерих Н.К.** Избранное. М., 1979. С.185.
- 67 **Рерих Н.К.** Алтай—Гималаи. М., 1974. С.44—45.
- 68 **Chopra P.N.** Sikkim. N-Delhi. 1979. P.4.
- 69 Фантом — 1,5 м.
- 70 International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Vienna, 1952. Actes. Vienna, 1955.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ИМЕН И ПОНЯТИЙ

Акбар — индийский император из династии Великих Моголов (1556—1605).

Брамин — представитель жреческой касты.

Брахцефалы (антроп.) — короткоголовые.

Веды — букв. «знание». Священные книги древней Индии.

Девадаси — букв. «отдающаяся богу».

Джахангир — индийский император из династии Великих Моголов (1605—1627), сын Акбара.

Догры — народность Кашмира, в основном принадлежащая к военной касте раджпутов.

Долихоцефалы (антроп.) — длинноголовые.

Каннеты — коренное население долины Кулу (Индия).

Линга — фаллический символ бога Шивы.

Лхаба — пророчица.

Мантра — особая молитва в индуизме.

Махариши — великий мудрец.

Мудра — различные положения ладони и пальцев, имеющие определенные смысловые значения.

Нараяна — одна из ипостасей бога Вишну.

Патина — налет на камне или металле.

Пандит — ученый-брамин.

Пуджа — молитва.

Пураны — древние сказания Индии, повествующие о сотворении мира, жизни богов, мудрецов и первых царей.

Пуруша — Дух. Первая форма бога Вишну.

Раджпуты — военная аристократическая каста Раджастхана (Индия).

Рани — жена раджи.

Римпоче (тибет.) — настоятель монастыря.

Саймун — поселок.

Сахиб (урду, хинди) — господин.

Сен-Жермен — граф, сыгравший значительную роль в европейской политике XVIII в.

Тантра — религиозное учение Индии, основу которого составляет поклонение женскому началу и женской энергии — Шакти. Тантра, проникшая в Тибет, явилась главным принципом эзотерического буддизма.

Терраи — субтропические леса Гималайских предгорий.

Чела — жрец при храме нагов.

Чортен (ступа) — погребальное или культовое сооружение.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвертая. ЗЕМЛЯ РИШИ

1. Сад утреннего ветра	9
2. Откуда пошла эта земля.....	21
3. И снова наги	44
4. Долина Синего нага	73
5. Лес шести архатов	81
6. «Превратились в развеянный прах и разнесшуюся молву»	90
7. Перевал Банихол	106
8. Весна в Джамму	113
9. Знамя Нага	137
10. Да здравствует богиня!	160

Часть пятая. ЗЕМЛЯ БОГОВ

1. Сказочное королевство	176
2. Маска нага	202
3. Связь времен.....	218
4. Карта Шамбалы	231
5. Древняя Кулута	275
6. Боги, наги и мудрецы Серебряной долины.....	300
7. Махариши Рерих.....	343

Часть шестая. СТРАНА НЕБЕСНЫХ СТУПЕНЕЙ

1. На подступах	367
2. Его страна	376
3. Жизнь и смерть Чома де Кереша	394
4. Помни Рингу!.....	414
5. Башня Шамбалы	457
6. Три ламы и небесные короли	475
7. Гора пяти сокровищ	500
8. Прощайте, Гималаи!	526

*Людмила Васильевна
Шапошникова*

ВЕЛИКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Книга вторая
ПО МАРШРУТУ МАСТЕРА
II

Художник макета
Л.В. Шапошникова

Цветные фотографии
Л.В. Шапошниковой

Зав. публикаторским отделом
С.А. Аникин

Главный редактор
Т.О. Книжник

Редакторы
П.Ф. Волков, М.В. Забродина, М.С. Винниченко

Компьютерное сканирование, верстка
Д.А. Демагин

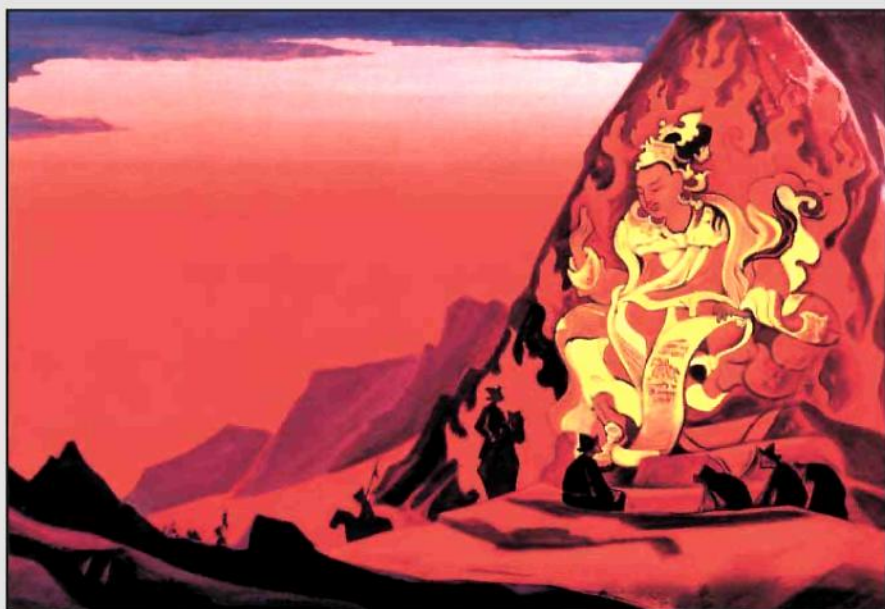
Технический редактор
Л.П. Богатова

Формат 70x100/16. Печать офсетная. Бумага мелованная имп. 115 г.

Гарнитура школьная. Печ. л. 34,0. Усл. печ. л. 32,50. Заказ 4258

Международный Центр Рерихов
121019, Москва, Малый Знаменский пер., 3/5

Отпечатано с готовых пленок в ОАО "Типография "Новости"
107005, Москва, ул.Фр.Энгельса, д.46

“В эту кашмирскую трудную зиму слово «наги» было слишком часто у меня на слуху. Оно выплывало из туманов, скрывавших горы и озера, возникало из снегопадов, звучало на замерзших дорогах. Наги, наги, наги. Боги, духи, хранители стран света, короли, люди, змеи. Культурные герои, маги, волшебники, воины, мудрецы, хранители знаний и сокровищ, реально существовавшие царские династии. Слово было похоже на заклинание, на какой-то древний символ, на загадочный рисунок на скале. И я вновь и вновь возвращалась к этой таинственной вехе, оставленной Рерихом. Вглядывалась в его картины, с которых вставали мифические наги, вчитывалась в скупые, сказанные им слова...”